

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей
ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Москва
1999

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Подписано в печать 29.11.1999 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 15,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 402

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»

103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

Научное издание

Ближний Восток и современность.

Сборник статей (выпуск восьмой)

М., 1999, 252 стр.

Ответственные редакторы

Исаев В.А., Филоник А.О.

Сборник статей составлен из работ, представленных российскими учеными, исследующими крупные проблемы современного развития Ближнего и Среднего Востока. Тематика сборника охватывает обширный блок вопросов, в том числе касающийся экономических, политических, социальных, общественных аспектов функционирования обществ в арабском мире и в сопредельных с ним странах. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, а также на представителей общественности, испытывающих интерес к событиям в Западной Азии и близких к ней географических зонах.

ISBN 5–89394–036–9

ISBN 5–89394–036–9

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

**ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ (1905-1911 и 1978-1979)
И ШИИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО**

*Выступление на международной конференции
«Исламская революция: прошлое, настоящее, будущее»
Москва, 1999 г.*

XX-й век сделал Иран страной двух полномасштабных революций – 1905-1911 и 1978-1979 гг. Обе революции произошли в стране, где ислам шиитского толка был и остался идеологией, безраздельно господствующей в общественном сознании народных масс. Обе революции штурмовали монархии, которые были привержены исламу, исповедовали ислам. Поэтому и в первом, и во втором случае штурмующие монархию были свободны от необходимости защищать ислам от монархии. Однако имелись отличия между самими монархиями как объектами штурма.

В революции 1905-1911 гг. объектом штурма была деспотическая монархия, не знавшая и по форме, и по содержанию конституционного строя с его демократическими институтами. Это была монархия, превратившая себя и во внешнеполитических, и во внешнеэкономических связях в безвольный объект воздействия политики английского империализма и русского царизма. В революции 1978-1979 гг. объектом штурма оказалась монархия, формально опирающаяся на конституцию, принятую в результате первой революции, конституцию, отвечавшую принципам ислама. Фактически же это была монархия, на деле придушившая конституционный режим и установившая неограниченную политическую диктатуру, а своей внешнеполитической опорой сделавшая американский империализм, абсолютно лояльный к исламу как к религии, покорным и горячим исповедником которой был сам монарх.

Между тем, почему-то первую революцию называют *конституционной*, а вторую, которая была антишахской, народной, антиимпериалистической, – *исламской*. С этим я не согласен.

Меня часто спрашивают, почему я революцию 1978-1979 гг. не называю исламской. Да, действительно, эту революцию, завершившуюся падением шахского режима, я назвал и называю Иранской революцией, народной, антиимпериалистической, антимонархической, но при этом считаю ее гегемоном именно духовенство. Это немаловажный момент. Однако недостаточный, чтобы называть ее исламской.

Во-первых, она происходила в исламской стране и не стояла перед необходимостью защищать ислам от какой-либо другой религии.

Во-вторых, движущими силами ее были не просто широкие народные массы. Это были народные массы, в которых уже успел сплотиться, зародиться многочисленный рабочий класс с таким передовым его отрядом как нефтяники. Это было многочисленное чиновничество, занятое как в государственном, так и в частном секторе. В стране имелась достаточно многочисленная интеллигенция, наделенная высоким интеллектуальным потенциалом. При этом большая часть перечисленных общественных слоев выступала против деспотической личной власти шаха, подмывавшей под себя Конституцию и лишившей народ демократических свобод. Именно это обстоятельство в первую очередь возмущало перечисленные слои.

В-третьих, свою немаловажную роль сыграло то, что в середине 70-х годов в стране стали ухудшаться материальные условия трудящихся вследствие быстро нараставшей инфляции, причиной которой были недобудуманные действия шаха, отмеченные гигантоманией в экономическом строительстве в результате головокружения от резкого роста доходов от нефти.

Да, массы в ходе революции выступали под лозунгом «Аллах акбар», т.е. лозунгом, который даже в исламской стране не содержит какую-либо программу ее исламского переустройства.

Взятый из Корана термин «тагут» должен был стать обобщающей характеристикой злодеяний шаха. Однако обратим внимание на три обстоятельства. Первое, пусть иранцы вспомнят, каким злодеем показал себя в первой революции шах-мусульманин Мухаммед-Али, совершивший государственный антиконституционный переворот, подвергший бомбардировке меджлис и повесивший целую плеяду выдающихся шиитских богословов – борцов за конституцию. Думаю, что он куда в большей степени заслуживал бы быть названным «тагутом». Второе, шах Мохаммед Реза Пехлеви, названный «тагутом», если подойти с позиций корпоративных интересов шиитских богословов и духовенства в целом, был человеком, который оказал этому духовенству величайшую услугу. Он десятилетиями вел упорную, жесткую, беспощадную борьбу с коммунистической идеологией, представленной в Иране Народной партией Ирана «Туде». Эта борьба была столь суровой, что еще до революции именно усилиями шаха «Туде» была изгнана из страны. Присутствуя она в 1978 г. в Иране, действуя она в стране, сумело бы духовенство стать гегемоном революции? Советую подумать об этом. Третье, в истории революции 1978-1979 гг. имеются, с моей точки зрения, две знаменательные даты – 26 октября и 19 ноября 1978 г.

Первая дата – это день, когда генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев направил шаху Мухаммеду Реза Пехлеви поздравительную телеграмму по случаю «национального праздника страны» – Дня рождения шаха. Политический смысл этого жеста – заверение в «нейтралитете» по отношению к событиям, происходящим в стране. Вторая дата – день, когда тот же Л.И. Брежнев заявил: «Советский Союз против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под

любым предложением». Вряд ли есть необходимость доказывать, что эти слова были адресованы в первую очередь, если не единственно, США.

Заметим, что в это время аятолла Хомейни уже почти полтора месяца как находился в Нёфль-лэ-Шато (Франция). После этого заявления ближайшее окружение аятоллы Хомейни становится объектом благосклонного внимания американских функционеров.

Если исходить хотя бы только из трех изложенных выше пунктов, то я не так уж не прав, не называя иранскую революцию 1978-1979 гг. исламской.

Далее. Рухолла Хомейни вернулся в страну 1 февраля 1979 г. 10 февраля началась схватка вооруженных сторонников и противников шаха на базе Душан-тепе. Схватка, которая по мере вовлечения в нее горожан, переросла в вооруженное восстание, заметим, весьма встревожившее как богословов во главе с Хомейни, так и находившихся в стране американских официальных лиц. Это восстание привело к падению последнего шахского кабинета Шапура Бахтияра. Очевидцам этих событий стоит вспомнить, а другим, интересующимся историей этой революции, стоит полистать газеты тех дней, чтобы узнать, что Рухолла Хомейни, ставший к этому времени имамом Хомейни, именно с этого времени, т.е. после победы восстания, стал выступать с настойчивым требованием называть это восстание не иначе как «исламской революцией» и не пользоваться такими определениями как «народная», «демократическая» и т.п. При этом он указывал, что свержение шахского режима – не конец, а только начало исламской революции.

Заметим, что как раз в указанные дни произошел первый захват соратниками Хомейни сотрудников американского посольства, которые, однако, по указанию самого Хомейни, с извинениями были возвращены посольству США.

Теперь перехожу к самому главному. Хочу обратить внимание на огромной значимости деяние Хомейни. Оно было совершено уже после революции 1978-1979 гг. в рамках созданного им исламского режима.

Я имею в виду тот революционный переворот, да именно *революционный* переворот, который Хомейни совершил в самом шиизме, сокровенная суть которого – махдизм, персонифицированно представленный двенадцатым, сокрытым имамом Махди, или иначе имамом Времени. Сказанное выше полностью подтверждается самыми официальными документами – это тексты Конституции 1906-1907 гг. и Конституции 1979 г. А также разработанная аятоллой Хомейни теория «веляят-э факих».

Статья 1-я Дополнений к Основному закону, принятых 7 октября 1907 г., гласит: «Официальной религией Ирана является ислам истинного джафаритского толка, признающего 12 имамов». Статья 2-я констатирует, что меджлис создан при содействии и благоволении имама Времени, и что эта статья не может быть изменена до его пришествия.

Конституция 1979 г. Исламской Республики Иран. Статья вторая, пункт 6, подпункт «а» гласит: «Исламская республика – это система правления, основанная на вере в непрерывное исполнение законов шариата

на основе Писания и сунны Четырнадцать непорочных». Принципиально важно заметить, что под «четырнадцатью непорочными» понимаются сам Мухаммед, Фатима и двенадцать имамов, под последним из которых, как известно, имеется в виду как раз 12-й имам, т.е. находящийся в сокрытии имам Махди.

Таким образом, в Конституции 1979 г. имам Махди как бы растворился в общей массе как 12 имамов, так и «четырнадцать непорочных». Между тем как в Конституции 1906-1907 гг. именно он, Махди, был религиозной основой, исламской основой Конституции.

Было бы неверным сказать, что имам Махди как персона не фигурирует в Конституции ИРИ. В ст. 5-й говорится: «Во время отсутствия “вали-е аср” в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламской умме возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха, который принимает эти обязанности согласно статье 107-й». В ст. 107-й в качестве такового назван аятолла ерозма оль-озма имам Хомейни. Вроде бы, как говорится, приличия соблюдены и имам Махди в Конституции фигурирует, но дело в том, что в преамбуле Конституции, в параграфе «Исламское правление» говорится, что «это правление осуществляется на основе принципа “веляят-э факих”, выдвинутого имамом Хомейни».

Есть основания сказать, что в отличие от Баба, Хомейни не стал называть себя Махди. Используя свою многолетнюю разработку принципа «веляят-э факих», этим принципом он богословско-юридически заменил Махди. Вот это можно назвать весьма изящно совершенной революцией в самом шиизме, осуществленной в исламской стране после создания в ней вместо исламской монархии исламского конституционного режима, покоящегося на абсолютном полновластии шиитских богословов.

– В эти дни исламский режим в Иране отмечает свое 20-летие. Вижу ли я основания поздравить его с юбилеем? Да! Почему? Потому что, во-первых, он сумел сохранить территориальную целостность страны. Во-вторых, – он нашел в себе достаточно мудрости, чтобы, преодолев многие политические и экономические крайности начального периода своего существования, вновь вернуть иранское общество на столбовую дорожку, ведущую к мировому экономическому сообществу развитых стран, по которой шел дореволюционный Иран. И в-третьих, – при всех экономических трудностях, которые переживает страна, исламское правление умудряется и создавать новые производительные силы, и одновременно старается проводить социально направленную политику в отношении широких народных масс, положение которых, во всяком случае сейчас, лишь немногим лучше положения широких народных масс в нынешней России. Могут спросить: с чем я могу поздравить иранский народ? Думаю, что это надо предоставить самому иранскому народу, который я полюбил с тех пор, как узнал его огромное трудолюбие, душевную чистоту, ум. Думаю, он сам должен поздравить себя с тем, с чем он считает нужным.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ И США

В результате вооруженного восстания 27 апреля 1978 г. к власти в Афганистане пришла Народно-демократическая партия (НДПА), провозгласившая своей целью построение социалистического общества на базе марксизма-ленинизма.

1. После Апрельской революции

Сразу же после победы Апрельской революции в западной печати появилось множество статей о «кровавом перевороте», совершившемся под руководством «руки Москвы». Однако вскоре весьма информированные американские политики и политологи уже опровергали утверждения о причастности Советского Союза к апрельским событиям, признавая отсутствие каких-либо существенных доказательств, подтверждающих, что СССР планировал и направлял переворот или участвовал в нем. Некоторые весьма влиятельные американские газеты, например «Вашингтон Пост», также признавали, что американские спецслужбы «не обнаружили отпечатков пальцев русских на афганской революции»¹.

У американской правящей элиты первое время не было единой и четкой позиции по Афганистану. Так, помощник госсекретаря Г.Сандерс уже 30 апреля 1978 г. в меморандуме на имя своего шефа С.Вэнса настаивал на том, что США, принимая во внимание «смесь национализма и коммунизма» в новом афганском руководстве, не следует делать поспешных выводов. Поэтому в госдепартаменте сочли целесообразным на некоторое время избрать выжидательную тактику.

Посольство же США в Кабуле высказывало опасения, что затягивание диалога с Афганистаном при отсутствии у его правительства выбора экономических партнеров может привести к тому, что афганский режим станет ориентироваться исключительно на Советский Союз и другие социалистические страны².

Затем США и их союзники сочли необходимым более активно использовать третьи страны. Афганские события были обсуждены на майской (1978 г.) сессии НАТО и американскими союзниками – Ираном, Пакистаном и Турцией. Вашингтон стремился привлечь к своим афганским планам также Индию, КНР и Саудовскую Аравию. Кабул, считали американские политики, дорожа своими позициями в движении неприсоединения, а также среди мусульманских стран, не пойдет на слишком явное

сближение с Москвой³. В непосредственных отношениях с Кабулом администрация президента Дж. Картера первое время воздерживалась от действий, которые могли бы послужить поводом для осложнения двусторонних отношений.

Когда же от программных заявлений в области внутренней и внешней политики новое афганское руководство приступило к их реализации США реагировали крайне негативно. Используя расширявшееся недовольство населения правлением НДПА, соответствующие американские ведомства стали не только широко финансировать, но и консультировать лидеров оппозиции. В Вашингтоне преднамеренно действовали с расчетом на то, чтобы развитие событий в Афганистане привело к началу поворота исламского движения на всем Ближнем и Среднем Востоке от антиамериканизма к антисоветизму. Летом 1979 г. в одном из официальных американских документов, без каких-либо оговорок, прямо выражалось стремление, чтобы свержение нового режима в Афганистане показало всем странам, особенно «третьего мира», что советское представление о социалистическом пути развития истории как о неизбежном неверно.

Утрата американцами Ирана – своего форпоста в этом регионе – в результате ухода с политической арены их верного союзника шаха Мохаммеда Реза-Пехлеви и победы исламской революции в феврале 1979 г. во многом обусловили активизацию американской помощи афганской оппозиции.

Все большее внимание в стратегии Вашингтона уделялось Пакистану, Саудовской Аравии и КНР. Оказывая разностороннюю помощь афганской оппозиции, американские политики, особенно в госдепартаменте, продолжали линию на сохранение определенного уровня отношений с Кабулом. Это во многом было связано с тем, что в Вашингтоне не исключали вероятности перерождения режима и прихода к власти сил, заинтересованных в расширении связей с США. Тем более, что вскоре после устранения Н.М.Тараки осенью 1979 г. в действиях афганского руководства, и прежде всего Х.Амина, стали отмечаться явные подвиги в сторону сближения с Пакистаном, КНР и непосредственно с США. В Вашингтоне, видимо, не без оснований, полагали, что подобная линия Х. Амина свидетельствовала о его попытке с американской помощью, с одной стороны, ослабить движение оппозиции, а с другой, «избежать сжимающей советской хватки». Заинтересованность США в сохранении контактов с Кабулом во многом определялась в тот период их мнением, что оппозиция не сможет стать реальной альтернативой НДПА.

На этом фоне непосредственно афганская политика Вашингтона вызвала все более серьезную озабоченность СССР. Рассматривая сложившуюся обстановку в Афганистане и вокруг него в комплексе, в США прогнозировали возможные варианты реакции Москвы на ход ее развития. В Вашингтоне зрело понимание, что расширение действий сил оппозиции (не без американской помощи) приведет к активизации советских усилий в поддержку режима в Кабуле. В США отдавали отчет и в том, что в соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между

СССР и Афганистаном от 5 декабря 1978 г. Советский Союз (хотя Афганистан и не входил в Организацию Варшавского договора) при определенной ситуации имеет договорно-правовую основу для оказания военной помощи Афганистану, причем ввод советских войск однозначно оценивался в США как ловушка для СССР. Кроме того, высказывалось мнение, оправдавшееся впоследствии, что присутствие советских войск в стране не будет содействовать нормализации военно-политической обстановки в Афганистане и регионе. Напротив, оппозиционное движение получит в данной ситуации дополнительный стимул.

Рассмотрение доступных нам материалов дает основание полагать, что многие влиятельные американские политики и политологи к концу 1979 г. не видели для СССР реальной альтернативы решению ввести войска. При этом они, в определенной мере небезосновательно, полагали, что высшее советское руководство в соответствии с «доктриной Брежнева» в контексте противоборства двух систем заинтересовано продемонстрировать мировому сообществу, США и «третьему миру» свою готовность поддержать кабульский режим, придерживающийся социалистической ориентации. Есть основания считать, что были правы и те американские политики, которые полагали, что СССР может пойти на ввод войск главным образом в целях обеспечения безопасности своих южных границ. Дальнейшие события подтверждают эти прогнозы.

Определенные круги США преднамеренно шли на дальнейшее обострение ситуации, в том числе преследуя цель спровоцировать Советский Союз на прямое военное участие в афганских событиях. Уже к концу 1979 г. высокопоставленные сотрудники различных ведомств, включая ЦРУ, считали не только весьма вероятными, но практически неизбежными ввод в страну советских войск и известное развитие событий в Афганистане и вокруг него. При этом они не скрывали, что интересам Вашингтона соответствовало бы возможно более интенсивное участие СССР в афганских делах со всеми вытекающими негативными для него последствиями внутри- и внешнеполитического характера.

27 декабря 1979 г. ограниченный контингент советских войск (ОКСВ) пересек границу и вступил на территорию Афганистана. В США прямо называли ввод войск «непростительной ошибкой Советов, в полной мере отвечающей интересам США», которую необходимо использовать как можно шире. Каковы бы ни были причины, побудившие Москву предпринять этот шаг, его результаты в конечном счете не отвечали национальным интересам ни СССР, ни Афганистана. Кроме того, причины, побудившие СССР ввести войска, их подача и интерпретация Западом, прежде всего США, умелое использование ими ошибок советского руководства, не сумевшего не только достаточно полно обосновать эту акцию, но и использовать все необходимые политические возможности урегулирования, нанесли весьма значительный ущерб интересам СССР и серьезно обострили обстановку прежде всего в регионе. Все это в значительной мере использовали США.

Многие политики, рассматривая события того времени, небезосновательно проводят также мысль, что американская администрация не пожелала понять советские первоочередные задачи, и это «привело к политике чрезмерной реакции на советское вторжение в Афганистан». Эта «чрезмерная реакция», каковы бы ни были причины ее вызвавшие, вылилась (даже по оценкам американских политологов и политиков) в навязанную Советскому Союзу Соединенными Штатами, тщательно продуманную ими чрезвычайно дорогую войну⁴. При этом американские стратеги сочли для себя весьма выгодным активно содействовать более глубокому погружению советской политики в решение многопланового комплекса сложных вопросов, связанных с положением в Афганистане и вокруг него. Применяя разнообразные, прежде всего силовые методы давления на СССР и изоляцию Афганистана на международной арене, США стремились использовать афганский вопрос в качестве одного из важных факторов своей внешней политики не только на региональном, но и на глобальном уровне. При этом значительное внимание уделялось политико-пропагандистскому обеспечению достижения названных целей. США весьма активно действовали на международной арене – в ООН, Движении неприсоединения, Организации Исламская конференция, по дипломатическим и спецканалам, достаточно широко использовали средства массовой информации, а также афганские эмигрантские организации и общества.

В то время как в США рассматривали ввод советских войск в Афганистан сквозь призму военного противоборства с СССР, западноевропейские страны (за исключением Великобритании) занимали более сдержанную позицию, считая, что в росте международной напряженности виноват не только Кремль, но и Вашингтон. Особенно четко такой позиции придерживалась Франция.

Вместе с тем на многосторонних встречах в рамках НАТО, ЕЭС, Европарламента резко осуждалась акция СССР, звучали требования безоговорочного вывода ОКСВ из Афганистана, западноевропейские СМИ активно включались в антисоветскую пропаганду. Однако, кроме Великобритании, поддержавшей американский курс, другие великие державы Запада, хотя и обещали не подрывать санкций США против Советского Союза, сами на подобные меры не пошли, а согласились лишь не восполнять для СССР утрату американского зерна и сложной технологии, а также подняли процентную ставку предоставленных кредитов. В области торговли даже в Лондоне не шла речь, чтобы англичане покинули советский рынок, который незамедлительно могли бы перехватить, к примеру, ФРГ или Франция. В Комитете по международным делам палаты общин при обсуждении данного вопроса было заявлено, что Лондон не имеет никаких доказательств, что вторжение в Афганистан является частью большой стратегии СССР, а ФРГ, осудив советские акции и бойкотирова XXII Олимпийские игры в Москве, одновременно увеличила экспорт в СССР в первые девять месяцев 1980 г. на 31%. Тем не менее, Вашингтон небезуспешно подталкивал их к оказанию политико-пропагандистской поддержки и экономической помощи силам афганской оппозиции, а так-

же к расширению разноплановых (прежде всего экономических) отношений с «прифронтовым» Пакистаном. В самих США вопрос о выделении средств не был предметом дебатов в конгрессе. Речь шла не о том, помогать ли оппозиционерам, а как это делать. Более того, конгрессмены подчас добивались выделения больших сумм, чем предлагала администрация⁵.

Одновременно высокие должностные лица США продолжали проводить консультации с партнерами по НАТО, КНР, Пакистаном и Саудовской Аравией, с другими мусульманскими государствами о возможных переговорах с Москвой. Однако, как показала практика, приоритетной целью таких консультаций служило отнюдь не прекращение кровопролития, а максимальный политический и экономический урон СССР.

2. Женевские переговоры

В феврале 1981 г. генеральный секретарь ООН К.Вальдхайм предпринял шаги, направленные на подготовку переговоров о политическом решении афганской проблемы. Установив контакты с представителями Пакистана, Ирана и Афганистана, а также с некоторыми странами – членами ОИК и ДН, он назначил Х.Переса де Куэльяра своим личным представителем по политическому урегулированию афганского вопроса.

После избрания Х.Переса де Куэльяра генеральным секретарем ООН его личным представителем стал Диего Кордовес, который в апреле 1982 г. посетил Афганистан, Пакистан и Иран. Именно тогда были заложены основы для последующего ведения переговоров в Женеве. С афганским и пакистанским руководством была согласована программа политического урегулирования, в которую вошли все основные предложения, сделанные в 1980 и 1981 гг. афганским правительством: вывод иностранных войск, обеспечение невмешательства во внутренние дела, гарантии такого невмешательства, возвращение на родину беженцев.

Иран от участия в таких переговорах отказался.

Что касается Вашингтона, то Белый дом, продолжая интенсивно поддерживать афганскую оппозицию и развивать военно-политическое сотрудничество с Пакистаном, отдавал предпочтение силовым методам. Естественно, что это оказывало негативное влияние на ход подготовки непрямого афгано-пакистанских переговоров. Заметим, что в этих условиях президент Пакистана Зия-уль-Хак счел уместным подчеркнуть, что Исламабад принял решение оказывать поддержку миссии Д.Кордовеса вопреки «советам очень близких друзей».

Переговоры начались в июне 1982 г. Женевский процесс высветил ряд узловых моментов в линии и планах США по афганской проблеме в целом. Война в Афганистане по-прежнему рассматривалась американской администрацией прежде всего как мощный рычаг давления на СССР в двусторонних отношениях и на международной арене и удобный повод для вмешательства в дела региона.

Формально одобрив посреднические услуги ООН, Вашингтон, мягко говоря, проявлял мало энтузиазма в отношении переговоров. Д.Кордовес ха-

рактиковал отношения с американцами более сложными и натянутыми, чем те, которые он установил с пакистанцами, русскими и афганцами. Видимо, стремление американцев, практически отменявших конструктивные подходы к переговорам, позволило министру иностранных дел Якуб-Хану, представившему в Женеве пакистанскую сторону, не без сарказма спросить у заместителя госсекретаря США Иглбергера не сводится ли американская политика к тому, чтобы заставить русских остаться в Афганистане. Как показал дальнейший ход событий, администрация Р.Рейгана практически шла если не на срыв, то на значительное осложнение женевского процесса.

Не внесло никаких корректив в позицию США по афганской проблеме известие о том, что Ю.В.Андропов, возглавивший СССР после смерти Л.И.Брежнев, в конце 1982 г. высказался о намерении СССР быстро уйти из Афганистана, если Пакистан прекратит оказывать помощь оппозиции. В ответ США вновь увеличили поставки оружия оппозиции и Пакистану.

Накануне апрельского (1983 г.) раунда переговоров Ю.В.Андропов сообщил П.де Куэльяру и Д.Кордовесу, что СССР готов сделать решительный шаг, но сомневается, что США и Пакистан поддерживают усилия ООН. Даже средства массовой информации Запада, отмечая серьезность намерений СССР в разблокировании конфликта, подчеркивали, что советский лидер в начале 1983 г. расчистил путь для принятия решений по Афганистану. Как показала практика, сомнения Ю.В.Андропова были обоснованными. Вскоре стало ясно, что американскую администрацию отнюдь не устраивало, что урегулирование может приобрести конкретные формы уже на предстоящем в апреле 1983 г. раунде переговоров. Их тревога усилилась в связи с оптимизмом Д.Кордовеса в отношении дальнейшего хода переговоров особенно после его заявления, что текст соглашения готов на 95%⁶.

Как бы в ответ, накануне второго раунда Женевских переговоров (в июне 1983 г.) во время пребывания в США министра иностранных дел Пакистана Якуб-Хана Вашингтон организовал утечку информации о новых военных поставках.

Д.Кордовес небезосновательно оценил этот шаг как продуманную акцию сторонников «кровопускания», предпринятую с целью «подрезать» переговоры. Тем не менее Якуб-Хан информировал госсекретаря Дж.Шульца и вице-президента Дж. Буша, что СССР, по его мнению, действительно намеревается вывести войска, но нуждается в содействии покровителей оппозиции. Однако в ответ ему было заявлено, что «США не заинтересованы в обеспечении Советам элегантного ухода». Тогда же, в мае 1983 г., сотрудник ЦРУ, ответственный за тайные операции в Юго-Западной Азии, отмечал, что Пакистан не заключит соглашений ни в июне, ни когда-либо еще, а Зия-уль-Хак и генерал Рахман полностью согласны с точкой зрения США, что безопасность Пакистана лучше всего обеспечивается тем, что русские связаны в Афганистане. Заявления Якуб-Хана, что у Пакистана нет ни малейших намерений играть роль «кровопийцы», обескровливающего советские войска в Афганистане, не нашла подтверждения. Влияние Вашингтона было достаточно эффективным. США практически затормозили позитивное развитие диалога в

Женеве. Якуб-Хан отказался от прежней позиции и объявил, что вопрос о заключении соглашений «широко открыт». По мнению компетентных политологов в конце 1983 г. США стремились дать понять, что они не одобряют ключевых положений соглашений в Женеве, даже если спорные вопросы удастся решить. В этой связи уместно напомнить, что именно в это время обострились советско-американские отношения в целом.

Сторонники жесткой линии в конгрессе, следуя призыву З.Бжезинского «пускать русским кровь», усиленно и небезуспешно требовали увеличения военной помощи оппозиции.

С таким багажом США подошли к рубежу, когда советское руководство поставило на повестку дня мировой политики проблемы внедрения в практику новых подходов к вопросам международной безопасности. Суть предпринимавшихся СССР усилий в афганском вопросе заключалась в стремлении убедить американскую и пакистанскую администрации, что вывод советских войск должен быть связан с отказом от военного нажима на кабульский режим и прекращением поощрения афганской оппозиции.

16 марта 1986 г. в послании президента конгрессу, а затем в заявлениях ряда политиков была изложена совокупность идей, известная затем как «доктрина Рейгана», элементы которой высказывались и ранее. В послании уже открыто объявлялось о курсе на дальнейшую конфронтацию с СССР и его союзниками, на эскалацию конфликтов. В отношении афганской проблемы этот курс осуществлялся, кроме всего прочего, путем разнопланового содействия силам оппозиции, делегация которой была приглашена в США и летом 1986 г. принята в Белом доме. На встрече в Вашингтоне ставился вопрос о создании правительства в изгнании.

Советская же сторона пыталась всячески содействовать продвижению не прямых афгано-пакистанских переговоров в Женеве. Так, в ходе десятого раунда в марте 1987 г. пакистанской стороне было заявлено о возможности сокращения сроков вывода ОКСВ. Однако и Кабул, и Москва сохраняли обоснованную озабоченность, что после вывода советских войск силы оппозиции, опираясь на усиливавшуюся военную поддержку извне, прежде всего на США и Пакистан, могут еще более дестабилизировать обстановку в стране, не исключая организацию кровавой резни. Поэтому в качестве условия вывода было выдвинуто предложение сформировать правительство национального примирения. В ответ 29 апреля 1987 г. заместитель госсекретаря М.Армакост дал ясно понять, что, по мнению Вашингтона, вопрос о том, кто сформирует и возглавит временное правительство, следует решать афганской оппозиции. На этом же настаивал и Пакистан.

В июле 1987 г. Д.Кордовес высказал предложение организовать при содействии США встречу прямых участников конфликта, на которой можно было бы выработать промежуточные меры на широкой основе. Участники женевских переговоров в принципе согласились с этим предложением. Однако Вашингтон и Исламабад, поддерживав эту идею, требовали, чтобы вывод советских войск предшествовал созданию временного правительства. За такой постановкой вопроса скрывалась убежденность, что вскоре

после вывода ОКСВ режим НДПА будет свергнут военным путем и необходимость в политических компромиссах отпадет. Многие американские политологи утверждали, что сторонники жесткого курса в Вашингтоне, а также пакистанские военные круги и разведка больше заинтересованы в продолжении войны, чем в ее окончании, тем более, что вскоре США вновь увеличили военные поставки. Американские политики отмечали, что «если бы американцы, пакистанцы, арабы и китайцы вложили бы столько же энергии в переговоры, сколько они вкладывают в разжигание этой войны, мы могли бы иметь мирное урегулирование уже завтра»⁷.

В этой связи уместно напомнить, что в дополнение к военно-политической поддержке оппозиции и официальной пропаганде, созданию организаций типа «Независимые средства информации афганского народа» (на нее США выделили 500 тыс. долл.), проведению «Дней поработенных народов», «Дней Афганистана», семинаров, коллоквиумов по афганской проблематике и т.п. в США и других западных странах активизировались различные комитеты, фонды и общества, за их спиной, как правило, стояли спецслужбы, некоторые видные в прошлом политики высокого ранга. Все они собирали средства, вели активную устную, печатную и радиопропаганду. Ее адресатами были общественность стран Западной и Восточной Европы, развивающихся государств, прежде всего мусульманских, а также Афганистана и СССР (особенно регионов традиционного распространения ислама). В данном случае в пропаганде широко учитывался «исламский фактор». Некоторые организации поддерживали тесные контакты с различными ведомствами США и даже имели свои бюро в Вашингтоне. Они готовили и представляли рекомендации, нередко использовавшиеся в практической деятельности.

Подобные рекомендации получали весьма позитивный резонанс и в администрации, и в конгрессе, где сторонники жесткого курса, недвусмысленно называемые в американской прессе «кровопускателями» (в отличие от «умеренных») были более многочисленны, активны и настойчивы. Именно под их непосредственным воздействием создавались прямые или косвенные препятствия на протяжении всех лет переговоров в Женеве.

Важными политическими акциями, вынудившими США и Пакистан перевести женевский процесс в плоскость практических решений, были заявления лидеров Москвы и Кабула от 8 февраля 1988 г. о выводе советских войск. Известие об этом вызвало такую реакцию в США, что создавалось впечатление, что Белый дом почти разочарован утратой Р.Рейганом повода для осуждения советской политики.

Учет объективных реальностей в воплощении курса на политическое решение проблемы позволил завершить женевский процесс подписанием 14 апреля 1988 г. соответствующих документов: двух двусторонних соглашений между Пакистаном и Афганистаном – «О принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и отказе от интервенции», «О добровольном возвращении беженцев», а также «Советско-американской декларации о международных гарантиях» и «Соглашения о взаимосвязи

для урегулирования положения, относящегося к Афганистану», к которому прилагался «Меморандум понимания».

В ходе переговоров, когда уже практически решался весь комплекс вопросов, срок вывода советских войск из Афганистана по решению Москвы был сокращен с 18 до 9 месяцев. В соответствующем документе также говорилось, что в случае, если Советский Союз предпримет шаги по оказанию военной помощи Кабулу, Соединенные Штаты, в соответствии со своими собственными обязательствами, сохранят за собой право эффективно оказывать подобную помощь оппозиции. Однако на пресс-конференции, состоявшейся после подписания соглашений в Женеве, госсекретарь Дж.Щульц, по мнению Д.Кордовеса, дал понять, что США готовы отвечать сдержанностью на сдержанность, сбалансированность которой необходима. И все же единого мнения по этому вопросу в США не было.

Для обоснования продолжения предоставления оппозиции оружия и боеприпасов в США на самом высоком уровне ставилось под сомнение само решение советской стороны о выводе войск из Афганистана к 15 февраля 1989 г. и его выполнение. Выступая в апреле 1988 г. в Спрингфилде, президент Р.Рейган придерживался прежних взглядов в отношении целей Москвы в Юго-Западной Азии и, в частности, ее стремления создать угрозу для соседнего Пакистана⁸.

Тем не менее, подписание соглашений было событием, несомненно имеющим международное значение. Был совершен важный прорыв в разблокировании одного из сложных региональных конфликтов в Азии.

Женевские соглашения еще раз продемонстрировали добрую волю СССР, его способность идти на компромиссы ради мирного решения узловых международных проблем! Они стали международно-правовой базой, позволившей на основании принятых договоренностей освободиться от тяжелого бремени присутствия советских войск в Афганистане со всеми вытекающими отсюда последствиями, дали возможность показать всему миру, что причиной кровопролития являются и внутренние факторы и вмешательство извне, которые и сегодня, спустя более 10 лет, представляют собой главные препятствия на пути политического урегулирования афганской проблемы.

3. После Женевы

Соглашения в Женеве, будучи международным документом по политическому урегулированию конфликта, получили признание и поддержку со стороны мирового сообщества. Его члены подошли с должной серьезностью и пониманием к необходимости утверждения неконфронтационного подхода к международным проблемам, поиску взаимоприемлемых компромиссных решений, в том числе в разблокировании региональных конфликтов.

В резолюции 43-й сессии ГА ООН, принятой в ноябре 1988 г., а затем в резолюциях 44-й сессии ГА ООН и IX конференции глав государств Движения неприсоединения содержался призыв к строгому уважению и добросовестному выполнению женевских соглашений всеми вовлеченными

сторонами, которые должны полностью придерживаться их духа и буквы, к тому, чтобы добиваться безотлагательного достижения всеобъемлющего политического решения и создания необходимых условий мира и нормализации обстановки в Афганистане.

Однако многочисленные сторонники жесткого курса в конгрессе и администрации США, упоминая об обязательствах Вашингтона как гаранта соглашений, а также о мнении главы госдепартамента Дж.Шульца о том, что следует отвечать сдержанностью на сдержанность, выступали с призывами «отбросить все подобные обещания Кремлю»⁹. Аналогичную позицию заняла и новая американская администрация. В этой связи уместно напомнить, что в Женевских соглашениях не содержится положений о прекращении военной помощи противоборствующим сторонам. Однако, если бы соглашения в целом и, в частности, ст. II двустороннего соглашения соблюдались Пакистаном, то оказание военной помощи оппозиции стало бы практически невозможным. Этого не произошло.

Последующее развитие событий известно. Вопреки прогнозам Вашингтона, президент Афганистана Наджибулла продолжал борьбу с оппозицией и после вывода ОКСВ в феврале 1989 г. сохранял свой пост. Однако в сложившейся к апрелю 1992 г. обстановке, прислушавшись к советам представителя ООН Б.Севана, он сложил с себя полномочия президента.

После прихода к власти исламского правительства моджахедов и создания Исламского Государства Афганистан кровопролитная война не прекратилась. Мир и спокойствие не пришли на афганскую землю. Различные группы оппозиции продолжали борьбу за власть. Несомненную роль в продолжении и усилении этой борьбы играли острые противоречия на этнической почве между пуштунами, с одной стороны, и таджиками, узбеками, хезарейцами, туркменами – с другой.

Вашингтон все более убеждался в неспособности моджахедов сформировать правительство, которое смогло бы установить управляемую им дееспособную власть в стране, положить конец распрям, чреватым, кроме всего прочего, и нестабильностью в сопредельных Афганистану республиках на постсоветском пространстве в Средней Азии, к которой США проявляли и проявляют далеко не академический интерес, преследуя политические и экономические цели.

Выход из сложившейся ситуации в Вашингтоне видели в необходимости появления на афганской политической арене новой силы. Этой силой стало Движение талибан (ДТ), которое было создано в Пакистане при активном участии и весьма значительной разноплановой помощи ЦРУ, а также пакистанской межведомственной разведки, МВД Пакистана, правой исламской партии «Джамаате ислами», Саудовской Аравии и других стран. Подготовка талибов* к военным действиям велась исподволь в те-

* Талиб – дословно учащийся, ищущий знаний, студент. Талибы по этнической принадлежности почти исключительно пуштуны, исповедующие ислам суннитского толка.

чение нескольких лет. Их отряды сначала формировались из местных учащихся и выпускников религиозных учебных заведений, к которым затем примкнули как пуштунские беженцы, так и население Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, а также пуштуны. ЦРУ закупало оружие в США, Великобритании, Египте и других странах, которое затем переправлялось в Пакистан и распределялось среди пуштунских боевиков. Талибы проходили военную подготовку, оснащались и вооружались на пакистанской территории. К середине 90-х годов они, располагая стрелковым и тяжелым оружием, авиацией, уже были готовы к началу военных действий и, перейдя афганскую границу, осенью 1994 г. овладели старой столицей Кандагаром. Затем захватили южные и юго-восточные области, а затем и Герат. Не случайно в феврале 1995 г. «Уоллстрит Джорнал» писала, что «талибы – это, возможно, лучшее, что есть в Афганистане». К концу 1995 г. они установили контроль над 14 из 30 провинций страны, а в сентябре 1996 г. захватили Кабул. К 1998 г. талибы практически контролировали 90 % афганской территории.

Однако и здесь, как ранее с моджахедами, американцев вскоре ждало серьезное разочарование. И дело не только в том, что талибам не удалось подавить упорное военное сопротивление моджахедских группировок севера страны во главе с Б.Раббани и Ахмад-шахом Масудом. Куда важнее то, что руководство Движения талибан оказалось еще менее управляемым, чем лидеры моджахедов, и проводит внутри- и внешнеполитический курс в соответствии со своими задачами государственной власти и методами управления, основанными на собственном, крайне правом толковании исламских норм.

Пуштунский национализм талибов затронул многие этносы (а их в Афганистане более 15). Практика попрания международных норм прав человека, в том числе запрет женщинам (подчас единственным оставшимся в живых кормилицам семьи) работать, физическое уничтожение или его угроза лицам в той или иной мере связанным не только с режимом НДПА, но и правлением Б.Раббани, вызвали крайне негативную реакцию мировой общественности. С резкой критикой подобной деятельности, как ныне широко известно, выступили Европарламент, Совет Европы, ОБСЕ, ряд организаций по защите прав человека и, наконец, члены Совета Безопасности ООН.

Естественно, все это не могло не повлиять на позицию США в отношении талибов. Причиной крутого изменения отношения Вашингтона к талибам в сторону ужесточения также, несомненно, стало превращение афганской территории в новый крупнейший мировой центр выращивания наркосодержащих культур, производства и контрабанды наркотиков не только в сопредельные страны, но и в Европу и США, угроза распространения исламского экстремизма и многое другое, что противоречило интересам Вашингтона. А после предоставления талибами убежища участвовавшему в исламском «джихаде» саудовскому миллионеру Бен Ладену (подозреваемому в совершении терактов против американских посольств

в Кении и Танзании, где погибли более 200 человек) США пошли на конкретные шаги – в августе 1998 г. они нанесли ракетные удары по опорным пунктам Бен Ладена на территории Афганистана, а в начале июля 1999 г. ввели торгово-экономические санкции против талибов.

Делая ставку на силу и угрозу силой в отношении Движения талибан, США не прекращают и политического давления на талибов, добиваясь в первую очередь экстрадиции Бен Ладена. что для них сейчас является важнейшей задачей. Если это им удастся, то нельзя исключить, что жесткая линия Вашингтона может смениться на более умеренную, особенно если ДТ сумеет добиться крупных военных успехов в противоборстве с северной коалицией.

Говоря о нынешней позиции США следует особо подчеркнуть, что ими приняты разработанные ООН пути разблокирования афганского конфликта отраженные в последних резолюциях ГА и СБ ООН, а также зафиксированные в «Декларации об основных принципах в Афганистане», выдвинутой в июле 1999 г. на заседании «группы соседей и друзей Афганистана» (6+2) в Ташкенте. Это – бесперспективность военного решения проблемы, необходимость прекращения военных действий и возобновление политических переговоров между противоборствующими афганскими группировками в целях создания широкопредставительного, многоэтнического правительства. Вопросы относительно будущего государственного устройства Афганистана должны решаться самими афганцами в ходе переговорного процесса без какого бы то ни было вмешательства извне, при строгом уважении суверенитета, независимости, территориальной целостности и национального единства этой страны.

¹ Washington Post. 15.05.1980.

² Аснаде ланэ-йи джасуси (Документы шпионского гнезда). Афганистан, Т. 1. Тегеран, [б. г.], с. 76-78 (далее – Документы).

³ Brzesinski Z. Power and Principles. Wash., 1985, с. 247, 447; Galster S. Rivarly and Reconciliation in Afghanistan. Third World Quarterly. Oct., 1988, с. 1512-1519.

⁴ Galster S. Rivarly and Reconciliation in Afghanistan, с. 1524.

⁵ Bradsher H. Afghanistan and the Soviet Union. Durham, 1985, с. 318.

⁶ Kaushin D. Soviet Union and the Afghan Question. Geneva. Accord and after. New Delhi, 1988, с. 99.

⁷ Far Eastern Economic Review. 18.04.1986.

⁸ Правда. 23.04.1988.

⁹ U.S. News and World Report. 23.05.1988.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОБИЗНЕСОМ В ИРАНЕ

За последние десятилетия в мире значительно возросли посевные площади наркосодержащих культур, производство, контрабанда и потребление наркотиков, ставших ныне чумой для миллионов людей. То, что в мире растет производство синтетических наркотиков, не приводит к снижению спроса международного криминального рынка на натуральные опиаты.

Важнейшее следствие распространения наркотиков – криминогенная ситуация, рост преступности, что в целом ряде стран на 70% связано с наркоманией. Острая и болезненная проблема наркотиков глубоко затрагивает социальные, экономические и политические интересы многих государств, представляет угрозу их национальной безопасности, здоровью нации.

Как известно, история противодействия этому злу насчитывает не один десяток лет. В последние три десятилетия его рост обоснованно привлек особое внимание мирового сообщества. Еще в 1973 г. в ООН Фонд по борьбе со злоупотреблениями наркотиками разработал специальную программу по постепенному вытеснению наркосодержащих растительных культур другими альтернативными культурами¹. Ныне в рамках ООН функционирует комитет, который разработал специальную международную программу по контролю за наркотиками (UNDCP). Во главе его стоит исполнительный директор Пино Арлаччи, являющийся одновременно и заместителем Генерального секретаря ООН. Члены комитета разработали как общую международную программу по борьбе с наркотиками, их распространением и потреблением, так и программы для отдельных стран и регионов. Это во многом было вызвано тем, что кроме известных центров выращивания наркосодержащих культур, производства наркотиков и их контрабанды (в Латинской Америке, регионе Юго-Восточной Азии – так называемый золотой треугольник) возникли новые центры в Юго-Западной Азии. Так например, после начала нынешнего этапа гражданской войны в Афганистане он стал одним из главных производителей наркотического сырья и наркотиков в мире². Если по официальным данным там в 1989 г. было произведено 650 т опиума-сырца, то вскоре после прихода талибов в контролируемых ими районах посевы наркосодержащих культур настолько возросли, что производство опиума достигло не менее 2400 т³. В этих условиях руководство движения «Талибан» было вынуждено признать гигантские масштабы полулегальных (есть основания полагать уже легализованных) плантаций наркосодержащих культур. С доходов от их выращивания и производства талибы установили десятипроцентный налог⁴. Лидер движе-

ния Мухаммад Омар в 1998 г. заявлял, что талибы своими силами не смогут справиться с проблемой наркотиков и поэтому, по его мнению, необходима действенная помощь ООН в уничтожении маковых плантаций⁵. Верится с трудом, что руководство талибов намерено серьезно бороться с наркотиками. Тем более, что по данным компетентных источников площади посевов наркосодержащих культур в последние годы не только не уменьшились, но и значительно возросли. На конец 1997 – начало 1998 гг., по оценочным данным, в Афганистане они увеличились более, чем на 40%. Поскольку выручка крестьянина от сбыта одного килограмма опиумного мака в 10-15 раз превышает сумму от продажи сельскохозяйственных культур, включая овощи и фрукты, афганские крестьяне все чаще пропахивают огороды, выкорчевывают ягодные кусты, фруктовые деревья и сажают неприхотливые мак и коноплю, которые дают по два урожая в год. К началу 1999 г. в Афганистане ежегодно производилось до 6 тыс. т опиума-сырца в год, что составило около 60% производства. К тому же с санкции самого М.Омара новые лаборатории по его переработке были открыты в непосредственной близости от его ставки⁶. О росте производства наркотиков в Афганистане можно судить и по данным, приведенным в заявлении начальника Генштаба Вооруженных сил России генерала А.Квашнина от 14 января 1998 г. Он, в частности, сообщил, что по данным спецслужб на начало 1998 г. в Афганистане только в приграничной СНГ зоне было сконцентрировано около 1800 т опиума-сырца и 2 т героина⁷.

Крупнейший производитель наркотиков – Пакистан. Причем в пакистанской печати нередко публикуются материалы о наркобизнесе и участии в нем представителей высших эшелонов власти⁸. Совсем недавно сообщались, например, данные о том, что Зардари, супруг бывшего премьер-министра Б.Бхутто, получал огромные доходы от сбыта героина. О наркобизнесе писали и пакистанский политолог Икрам-уль Хак в книге «Пакистан: от гашиша к героину», а также ряд отечественных исследователей. Огромное влияние пакистанских наркобаронов, как сообщала И.В.Жмуйда, признавал и экс-президент Фарук Ахмд Легари, заявлявший, что наркомафия в Пакистане сильнее, чем власть⁹.

С такими «наркосодержащими» странами как Афганистан и Пакистан граничит Иран, территорию которого наркодельцы широко использовали и продолжают использовать как транзитный путь на рынки некоторых стран Азии, Восточной и Западной Европы.

Руководство Ирана уделяет серьезное внимание проблеме наркотиков¹⁰. Под их контролем силы правопорядка проводят огромную и весьма результативную работу по борьбе с наркотиками, их контрабандой в страну и за ее пределы. Для координации действий по выполнению названных задач в Тегеране был создан специальный штаб, деятельность которого контролирует сам президент. В число его членов входят силовые министры и генеральный прокурор страны. Штаб располагает компьютерной системой, банком данных, где, кроме всего прочего, содержатся сведения о наркодельцах, их деятельности не только в стране, но и на региональном уровне.

Использование этих сведений наряду с другими ценными материалами, в том числе и спецслужб, позволяет разрабатывать стратегию борьбы с контрабандой и распространением наркотиков. Полученная информация классифицируется по отдельным рубрикам, а затем поступает в хранилища, где содержатся данные, на основе которых всесторонне анализируется деятельность наркодельцов на региональном уровне и разрабатываются пути и методы противодействия им. Под контролем штаба в рамках сил правопорядка (внутренних войск) функционирует Главное управление по борьбе с наркотиками с центром в Тегеране. Его сотрудники проходят специальную подготовку и действуют в провинциях в рамках вооруженных сил командующих округами. Они осуществляют широкий спектр работ по противодействию контрабанде и распространению наркотиков, задерживают наркодельцов и наркокурьеров, изымают наркотики, выявляют места их хранения, а также расследуют преступные действия лиц, связанных с наркотиками в самом Иране.

По данным компетентных источников, поток наркотиков идет по всему периметру границ Ирана с Афганистаном и Пакистаном. Однако основные районы этого потока – южные провинции. Еще один район перевозки наркотиков находится на северо-востоке страны, недалеко от приграничного туркменского города Серахс. Из Пакистана контрабандисты переправляют наркотики также морским и воздушным путями в аэропорты и иранские порты на побережье Персидского залива.

По сухопутным маршрутам наркокурьеры везут свои грузы на вьючных животных, грузовиках, рефрижераторах, мотоциклах, а иногда прячут их на собственном теле, в одежде или заглатывают наркотики в целлофановых пакетах. Примечательно, что в последнее время в качестве наркокурьеров все чаще используют женщин¹¹.

Комплекс работ по недопущению контрабанды наркотиков в 1994-1997 г. во многом осуществлялся в Иране и Пакистане в соответствии с пограничным проектом ООН, предусматривающим повышение правоохранительного потенциала в пограничных районах. 25 сентября 1997 г. по просьбе Ирана и Пакистана был продлен срок действия проекта на шесть месяцев. Это было связано с расширением круга задач. Во-первых, имелось в виду закрепить достигнутое (в 1997 г. поток наркотиков из Пакистана в Иран несколько сократился) и, во-вторых, предполагалось разработать программу финансовой помощи ООН для осуществления проекта.

В отмеченный период и ныне важным направлением работы иранской стороны по борьбе с контрабандой наркотиков является охрана границ, в том числе и возведение заградительных сооружений на ирано-афганской и ирано-пакистанской границах. На начало 1998 г. на более уязвимых их участках было сооружено 205 наблюдательных башен, 212 передовых постов, 78 км натяжений колючей проволоки, блокировано барьерами из бетонных плит 22 прохода через границу, вырыто 165 км глубоких и широких рвов, сделаны земляные насыпи и многое другое¹². В целях безопасности жители некоторых приграничных деревень были переселены во вновь построенные деревни.

Все это, естественно, требовало от Ирана огромных затрат. По данным на начало 90-х годов на строительство защитных сооружений на границах уходило не менее 1,5 млрд. ир. риалов¹³. Впоследствии в связи с увеличением контрабанды эта сумма резко возросла. При этом все ассигнования отчислялись и отчисляются из государственного бюджета. Кроме помощи международной программы ООН по борьбе с наркотиками Иран никаких вложений не получает, хотя, препятствуя контрабанде и транзиту наркотиков, иранские силы правопорядка стоят на страже интересов многих стран. Это отмечают и высокие должностные лица, включая президента ИРИ, подчеркнувшего это обстоятельство в одном из официальных выступлений. Заместитель же секретаря Штаба по борьбе с наркотиками в интервью корреспонденту газеты «Вашингтон Пост» прямо заявил, что «98% усилий ИРИ в борьбе с контрабандой наркотиков фактически предпринимаются ради европейских стран: наша активность в этой сфере приводит к уменьшению потока наркотиков в Европу»¹⁴.

Проведение операций по захвату наркокурьеров весьма часто сопровождается вооруженными столкновениями, в которых уже погибло почти 2,5 тыс. иранских граждан – солдат и офицеров. Среди погибших следует назвать бригадного генерала Ходжи Хода Карама, командовавшего Систанским военным округом и сыгравшего весьма значительную роль в осуществлении совместного с ООН проекта по борьбе с наркотиками в качестве его регионального директора в Иране¹⁵. Силы правопорядка Ирана только в 1997 г. изъяли у контрабандистов около 195 т наркотиков, из них 162 т опия, 19 т гашиша, 2 т кокаина и несколько мелких партий других наркотических средств¹⁶. Однако, несмотря на все усилия, наркотики продолжают поступать. Большая их часть распространяется в стране или переправляется за ее пределы наземным, морским или воздушным путем в Турцию и другие страны, в том числе в сопредельные государства СНГ. Видимо, именно поэтому между Ираном, с одной стороны, и Грузией, Арменией, с другой, подписаны соответствующие документы об объединении усилий в борьбе с контрабандой и наркобизнесом. Однако полностью перекрыть пути контрабандистов пока не удается, что признают иранские власти¹⁷. Вместе с тем, нельзя не отметить, что только в 1997 г. были пойманы с поличным и задержаны 1547 иностранных граждан – контрабандистов. В последнее время возросла эффективность борьбы с контрабандой. Только с января по июнь 1999 г. на территории Ирана конфисковано около 170 т наркотических веществ (из них 110 т в южных провинциях) и арестовано около 6 тыс. наркокурьеров – граждан из Афганистана, Пакистана, Турции и других стран, в том числе африканских¹⁸.

Задержание наркокурьеров и изъятие у них наркотиков не единственная, хотя и очень важная часть работы сил правопорядка и руководящих и контролирующих их деятельность штаба и Главного управления по борьбе с наркотиками. Весьма важным аспектом их работы является осуществление комплекса мер внутри Ирана, направленных на предотвращение роста наркомании. Серьезность этого направления диктуется многочисленными фактами распространения и употребления наркотиков в самом Иране.

Сведения, фиксирующие количество изъятых в 1979-1997 гг. наркотиков в 27 городах и провинциях страны, позволяют считать, что необходимость усиления активности в данной области весьма велика¹⁹. Учитывая это, руководство ИРИ пошло на создание медицинских лечебных и реабилитационных центров, где больные проходят курсы лечения. Особое внимание уделяется молодежи, студентам. Для них проводятся беседы и лекции о вреде и пагубных последствиях употребления наркотиков, открываются спортивные комплексы, устраиваются соответствующие выставки, демонстрируются фильмы, распространяется медицинская литература, проводятся различные акции, подобные церемонии, посвященной Международному дню борьбы с наркотиками 26 июня 1997 г. В этот день при стечении многих тысяч зрителей, в том числе членов правительства, других высоких должностных лиц, представителей посольств и дипломатических миссий иностранных государств состоялась торжественная церемония, запоминающим моментом которой было сожжение 50 т наркотических средств. Аналогичные церемонии состоялись также в некоторых других крупных городах Ирана²⁰.

Учитывая, что увеличение производства, распространения и контрабанды наркотиков чревато обострением криминогенной обстановки, иранские власти значительно усилили меры уголовных наказаний за преступление, связанные с производством, реализацией и транспортировкой наркотических веществ.

Рассматривая проблемы борьбы соответствующие соответствующие Ирана с наркотиками, необходимо особо отметить активную позицию иранского руководства, внешнеполитического ведомства страны по этому вопросу на международной арене – в ООН, Организации Исламская конференция, Организации Экономического сотрудничества, где Иран неизменно проводит линию на объединение усилий многих государств в борьбе с наркотиками и наркобизнесом во всех его проявлениях. Эта линия четко прослеживается и в двусторонних отношениях ИРИ, прежде всего со странами макрорегиона. Соответствующие международно-правовые документы, в том числе меморандумы взаимопонимания, подписаны с рядом приграничных государств и государств макрорегиона Центральной, Юго-Западной и Южной Азии – Турцией, Пакистаном, Бангладеш, Индией, Туркменистаном, Азербайджаном, Грузией и Арменией.

Говоря о стремлении Ирана к сотрудничеству с другими странами и привлечении их к борьбе с наркотиками, их производством, контрабандой и распространением, нельзя обойти вниманием участие иранских представителей в различных международных форумах и встречах. Весьма велика, например, была роль Ирана в созыве и проведении межрегионального совещания Интерпола, состоявшегося в конце сентября 1997 г. в Исфахане, в котором приняли участие генеральный секретарь Интерпола Р.Е.Кэндолл, министр внутренних дел Ирана Абдулла Нури, представители 33 стран. Приветствие этому форуму прислал президент ИРИ. Многие

проблемы, обсуждавшиеся на совещании, напрямую затрагивали интересы Ирана, свидетельствуя при этом о его лидирующей роли в борьбе против распространения наркотиков в макрорегионе Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока²¹. Кроме всего прочего на совещании ставились вопросы о выполнении (или точнее далеко не полном выполнении) Пакистаном взятых на себя обязательств по предотвращению роста производства и контрабанды наркотиков, а также рассматривалась все более четко выражающаяся тенденция превращения территории Турции в продолжение транзитного пути контрабанды афганских и пакистанских наркотиков в сопредельные страны, особенно на Балканы,

Важнейшую роль ИРИ в борьбе с наркотиками имеет выполнение пограничного проекта Международной программы ООН по борьбе с наркотиками, их производством, контрабандой и распространением. В соответствии с планом упоминавшегося выше проекта в Иран приезжали заместитель Генерального секретаря ООН, глава Международной программы борьбы с наркотиками П.Арлаччи и эксперт по правоохрнительным вопросам Д.Тодд. Они высоко оценили усилия Ирана в борьбе с наркотиками и выразили сожаление, что его успехи и опыт не являются в должной мере достоянием мировой общественности. При этом был высказан ряд предложений и замечаний. Выезжая на границы и подробно ознакомившись с ситуацией в центре и на местах, эксперт Д.Тодд с сожалением отметил, что хотя силы правопорядка, учитывая широкое распространение наркомании в Иране, задерживают значительную часть контрабанды, пока еще не все правоохрнительные органы одинаково активно участвуют в борьбе с наркотиками. Так Министерство информации, Корпус стражей исламской революции и таможня только эпизодически перехватывают отдельные партии наркотиков, а дальнейшее расследование передают во внутренние войска²². Эксперт обратил также внимание на необходимость замены техники на более современную, в частности средства связи, такие, как локационные сканеры, работающие на различных частотах, наземные радары и т.п. Для повышения эффективности усилий в борьбе с контрабандой силам правопорядка было предложено использовать более мощные приборы ночного видения. Руководство Международной программы ООН по борьбе с наркотиками продумало и положительно решило вопрос об оказании Ирану соответствующей помощи. В конце июня 1999 г. заместитель Генерального секретаря ООН П.Арлаччи подписал в Тегеране программу по оказанию Ирану международного содействия в борьбе с наркотиками на 13 млн. долл. Эту сумму предполагается использовать на укрепление потенциала правоохрнительных органов, профилактику и лечение наркомании, а также на оказание юридической помощи в совершенствовании национального законодательства по вопросам, связанным с проблемами распространения, употребления и контрабанды наркотиков. Имеется также в виду значительное усиление контроля за незаконным оборотом наркотиков на границах, прежде всего с Афганистаном и Турцией. При этом огромное внимание будет уделено мерам по ужесточению

контроля в портовых городах и аэропортах. Основные доноры UNDCP – страны Запада поддерживают идею оказания помощи Ирану в борьбе с наркотиками. О своей готовности участвовать в реализации названной программы заявили, в частности, Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды и Норвегия. Летом 1999 г. в Тегеране при участии иранского руководства и П.Арлаччи состоялась торжественная церемония открытия представительства UNDCP в Иране.

Изучение опыта Ирана, оценка его деятельности и, конечно же, расширение сотрудничества с Международной программой ООН и другими странами послужит делу дальнейшего повышения эффективности борьбы с этим страшным бедствием человечества.

¹ См.: *Ионесян С.* Страны «золотого треугольника»: политика контроля за производством и распространением опиатов. – Восток и современность. 1996, № 1(62), с. 55-56.

² См.: *Захаров А.* Афганистан в системе мирового наркобизнеса. – Восток и современность. 1996, № 1(62), с. 21-26.

³ *Колесников А.* Наркомания в России. – Безопасность. Сб. Фонда национальной и международной безопасности. 1998, № 11-12, , с. 33.

⁴ Там же, с. 29; см. также *Арунова М.* Вовлечение Афганистана в международный наркобизнес – угроза интересам России. Восток и Россия на рубеже XXI в. М. 1998, с. 196-204.

⁵ *Колесников А.*, Наркомания в России, ук. соч., с. 29.

⁶ *Арунова М.* Афганистан в международном наркобизнесе. Безопасность. Сб. Фонда национальной и международной безопасности. 1998, № 1-2, с. 128.

⁷ *Колесников А.* Наркомания в России, ук. соч. с. 29.

⁸ См.: *Жмуйда И.* Развитие теневой экономики в Пакистане. –Восток и современность, 1996, № 1(62), с.12-20.

⁹ См.: там же, с. 14.

¹⁰ The visit of UNDCP mission, headed by Mr. Pino Arlacchi. From DR of Iran, Tehran, 1998,с. 2-3.

¹¹ Anti-Drug Efforts of I.R. Iran in 1997. Tehran, 1998, с. 12.

¹² The visit of UNDCP mission, headed by Mr. Pino Arlacchi, с. 8-18.

¹³ «Третий взгляд». Издание пресс-центра посольства ИРИ в РФ. 1993, №12, с. 20 и др.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Anti-Drug, Efforts of I.R.Iran in 1997, с. 59-60.

¹⁶ Там же, с. 7.

¹⁷ Там же, с. 18-19.

¹⁸ Там же.

¹⁹ I.R. of Iran. Statistical Report on Drug Control. Tehran, 1998, с. 7-8 и сл.

²⁰ Anti-Drug Efforts of I.R.Iran in 1997, с. 61-62.

²¹ Подробнее см.: там же, с. 51-60.

²² Третий взгляд. 1998, № 62, с. 40.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(российско-сирийские связи)**

Визит в Россию президента Сирии Х.Асада 5-6 июля 1999 г. стал не только сам по себе заметным событием международной жизни, но и высветил весь комплекс проблем нынешнего этапа российско-арабских отношений, роли и места РФ на Ближнем Востоке – регионе, который до недавнего времени было принято считать «мягким подбрюшьем Советского Союза». С распадом СССР данный постулат не только не утратил свою верность, но и приобрел новую значимость для России. Речь идет об образовании на юге нашей страны новых геополитических реалий, суть которых состоит в расширении рамок региона Ближнего Востока непосредственно до границ России в результате образования независимых государств Закавказья и Средней Азии. В этой связи ближневосточный регион приобретает особо важное значение для реализации российских интересов в южной зоне постсоветского пространства. В то же время складывающаяся сегодня в регионе Ближнего Востока ситуация является для России весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без ее участия и должного учета ее интересов.

В последние годы своего существования Советский Союз встал перед необходимостью кардинального переосмысления политики в арабском мире, приведения ее в соответствие с задачами формирования многополюсной системы международных отношений, идущей на смену bipolarному конфронтационному миру. Решение этой задачи, унаследованной Россией, заключается, как можно полагать, не просто в восстановлении прежней структуры политических и экономических связей с арабами, а в построении на их основе новой практики взаимного сотрудничества, иного понимания российского национального интереса.

Поскольку Ближний Восток – это зона опасных международных конфликтов, перспектива скорейшего и всеобъемлющего урегулирования которых остается достаточно проблематичной, происходящие там события непосредственным образом затрагивают национально-государственные интересы России, прежде всего на Кавказе. Образование трех самостоятельных закавказских государств, заметный рост политической экономической активности и национального самосознания народов, населяющих Кавказ, где сосредоточена немалая часть мировых стратегических запасов нефти и пролегают международные пути ее транспортировки,

превратили этот традиционно конфликтообразующий регион в чрезвычайно важный аспект российской региональной политики.

Поскольку события на Северном Кавказе, грузино-абхазский, армяно-азербайджанский конфликты, как представляется, имеют устойчивую тенденцию к дальнейшей интернационализации, они могут в перспективе оказать самое негативное влияние на процессы политического и экономического развития стран, расположенных в непосредственной близости кавказской зоны нестабильности, а также ближневосточного региона в целом. Выход северокавказских республик из федерального договора приведет к ослаблению роли России на Ближнем Востоке и дальнейшему изменению баланса сил в этом регионе в пользу традиционных геополитических соперников арабов – Израиля и Турции. В этой связи обеспечение прочного мира и безопасности в регионе – основной императив российской политики на Ближнем Востоке. Поскольку снижение уровня конфликтности там будет способствовать нейтрализации аналогичных или схожих деструктивных процессов на территории России и в границах постсоветского геополитического пространства.

Приобретение Россией статуса правопреемницы СССР в международных делах и доставшийся ей таким образом «титул» коспонсора ближневосточного мирного процесса налагает серьезные обязательства, а соответствие этой роли требуется подтверждать активными и достаточно результативными действиями. К сожалению, вплоть до последних нескольких лет уходящего десятилетия Россия не имела четких ориентиров проведения самостоятельной политики на Ближнем Востоке. Ее политические инициативы выглядели спонтанными и плохо просчитанными, усиливающееся расхождение в оценках ситуации в ближневосточном регионе и выборе приоритетов в самой России дезориентировали ее соседей и ослабляли российские позиции на Ближнем Востоке.

Вместе с тем, несмотря на все политические и экономические сложности, в настоящее время у России для активной политики на Ближнем Востоке имеется значительный стратегический простор, а накопленные за последние десятилетия потенциал и традиции в отношениях с арабами в сочетании со всеми необходимыми компонентами для великой державы, в том числе военной мощью, создают достаточно весомые предпосылки для укрепления роли России в регионе в качестве значимой экономической и политической силы.

* * *

В данном контексте визит в Россию президента САР и его встречи с высшим российским политическим и военным руководством приобретают особое звучание. И дело здесь не только в том, что сирийский лидер впервые посетил нашу страну в качестве независимой и суверенной России, которую сам Х.Асад склонен скорее отождествлять по потенциальной роли и влиянию в регионе и мире в целом с СССР, где он когда-то учился в молодые годы, сколько в связывающих наши страны долгих десятилетиях дружбы, взаимного доверия и сотрудничества, а также совпадении интересов по самым актуальным региональным и международным вопросам. Сегодня без преувели-

чения можно сказать, что Сирия – одна из ключевых фигур в затянувшемся арабо-израильском противостоянии, в других важных событиях непредсказуемо изменяющих политический облик региона. О Сирии справедливо говорят, что без нее можно начать войну, но добиться мира нельзя. Данная, хотя и парадоксальная оценка – это своеобразное признание особой роли Сирии в регионе, ее возможностей влиять на ход событий на Ближнем Востоке, проводить самостоятельный курс на межарабской арене, активно участвовать в делах мирового сообщества. Статус региональной державы, имеющей эффективные рычаги воздействия на общий ход мирного ближневосточного процесса на ситуацию в регионе в целом и особенно в Ливане, палестинскую проблему, репутация Дамаска как опытного посредника, поддерживающего доверительные контакты с лидерами ряда государств мира и имеющего особые отношения с Тегераном, вынуждает зарубежных политиков, в том числе американских, считаться с позицией Сирии в ближневосточных делах, учитывать ее мнение по основным региональным проблемам.

Такое международное положение Сирии в значительной мере обусловлено беспрецедентным по политическим меркам региона почти 30-летним правлением Х.Асада, в период которого страна практически не знала политических потрясений и, несмотря на многочисленные проблемы, связанные в первую очередь с отвлечением огромных ресурсов на нужды обороны и безопасности, смогла добиться серьезных успехов в экономике, во всяком случае оградив себя на наиболее уязвимом направлении – продовольственном. Приход к власти Х.Асада и начало провозглашенного им «исправительного движения» ознаменовали новый этап во внутренней и внешней политике страны. Широкую поддержку новый политический курс получил в результате исправления перегибов, допущенных левыми баасистами. Х.Асад подошел к реформаторской деятельности более взвешенно. В области внешней политики он стал проводить более осторожную и сбалансированную линию. Наиболее отчетливо это проявилось после октябрьской войны 1973 г., когда сирийский лидер начал придерживаться тактики уклонения от прямой военной конфронтации с Израилем и перевода основного фронта противоборства с израильтянами на юг Ливана.

Тезис об арабском единстве в те годы для Х. Асада был наполнен конкретным содержанием – восстановления антиизраильского фронта арабов при доминирующей роли Сирии. Положение Сирии как страны, непосредственно противостоящей Израилю, вплоть до конца 60-х годов обеспечивало режиму поступления материальных средств от арабского мира, позволяло получать советское оружие на льготных условиях, поднимало его престиж и авторитет на международной арене и внутри страны, расширяло рамки для политического маневрирования. Сегодня можно однозначно утверждать, что сирийский лидер сделал выбор в пользу диалога с израильтянами и руководствуется в повседневной политической деятельности прагматическими соображениями национальных интересов своей страны.

Именно при нынешнем президенте САР наши двусторонние отношения достигли своего пика, и он не забыл того позитива, который имел Да-

маск от особых отношений с Москвой. В Дамаске в целом позитивно воспринимает активизацию российской внешней политики на Ближнем Востоке. Будучи объективно заинтересованы в присутствии сильной России в регионе, в Сирии с пониманием относятся к наличию у России естественных, в том числе и специфических интересов на Ближнем Востоке. В то же время сирийцы настороженно воспринимают стремление США обеспечить себе абсолютное доминирование в регионе. В Дамаске считают, что без России вряд ли возможно добиться действительно всеобъемлющего, прочного и длительного мира на Ближнем Востоке. Как свидетельствует ближневосточная практика, варианты сепаратных соглашений формируют предпосылки к новым конфликтам поскольку не учитывают в полной мере интересы сторон и достигаются, как правило, на основе «компромиссов» с позиции силы и под мощным давлением извне.

Подобные соглашения не решают окончательно ключевые проблемы, затрагивающие основы арабо-израильского конфликта, а могут лишь привести и временному затуханию конфронтации с перспективой нового еще более мощного противостояния в регионе в результате действия долгоиграющих факторов. Стратегические интересы России по обеспечению полосы стабильности на подступах к своим южным рубежам, естественные ее геополитическому положению приоритеты в развитии всестороннего сотрудничества со странами региона диктуют необходимость сконцентрировать усилия России как коспонсора ближневосточного урегулирования (БВУ) на активизации контактов с участниками конфликта, чтобы энергично способствовать выведению мирного процесса из нынешнего критического положения. А без урегулирования на ключевом сирийско-израильском направлении практически невозможно добиться прочного мира и безопасности на Ближнем Востоке. Роль России в качестве коспонсора была бы значительно весомее, если бы Москва задействовала в полной мере потенциал конструктивного сотрудничества с Сирией. Проявление Дамаском конструктивного подхода к переговорному процессу по БВУ, вопросам борьбы с международным терроризмом, контрабандой наркотиков и другими проблемами мировой политики создает благоприятные политические предпосылки к восстановлению взаимовыгодных двусторонних связей с Сирией, что в свою очередь способствовало бы удержанию Дамаска на неконфронтационных позициях в регионе.

В качестве важного «катализатора» сирийско-российских связей в Дамаске рассматривают возможность закупки в России современных видов вооружений. Российско-сирийское сотрудничество в военно-технической области основывается на положениях Договора о дружбе и сотрудничестве между нашими странами, заключенного в 1980 г. по инициативе сирийской стороны, хотя своими корнями уходит в далекие 50-е годы. Военно-технические связи с Сирией складывались на весьма специфическом историческом фоне, когда СССР был для Сирии и других стран региона примером в борьбе за экономическую и политическую независимость, надежным историческим источником политической, экономической и во-

енно-технической помощи. Экономическая щедрость и подлинный интернационализм, особенно ярко проявившиеся на уровне общения советских специалистов, работавших на многочисленных гражданских и военных объектах, с местным населением, признанная историческая роль СССР как пионера в создании условий политической и экономической независимости, что особенно импонировало политически активным сирийским массам, разработки механизмов государственного регулирования экономики, системы гарантий социальной защищенности обеспечивали ему потенциально ведущую роль надежного партнера, а в критических ситуациях и третейского судьи, мнение которого не должно игнорировать.

Постепенно военно-техническое сотрудничество (ВТС) с Сирией становилось самостоятельным сектором экономических и военно-политических отношений, одним из важных инструментов в обеспечении внешнеполитического курса СССР и было умело встроено в конкретные государственные программы оказания технического содействия в создании национальной промышленности и подготовки национальных кадров.

До 1991 г. ВТС с Сирией носило крупномасштабный характер. За этот период Сирии, по некоторым оценкам, было поставлено специмущества на общую сумму около 30 млрд. долл. Наряду с поставками специмущества осуществлялись командирование наших советников и специалистов, подготовка национальных военных кадров, техническое содействие в создании объектов военного назначения, организация лицензионного производства вооружений и военной техники и т.д.

Однако негативное влияние на состояние и перспективы развития российско-сирийских военных связей оказали как изменения в политических отношениях между нашими странами, так и неурегулированность по вопросам о погашении сирийской задолженности по спецкредитам бывшего СССР. Следствием этого явилось отсутствие прогресса в поиске взаимоприемлемых условий расчетов за военные поставки, а также полномасштабной реализации соглашений и протоколов о сотрудничестве, подписанных сторонами в середине 90-х годов. Новый импульс отношениям в этой области был придан в ходе июльского (1999 г.) визита в Россию президента САР Х.Асада во главе высокопоставленной сирийской делегации. В ходе визита удалось решить ряд спорных вопросов, а часть других вывести за скобки переговорного процесса. Следует констатировать, что определенные перспективы, для расширения военных связей с САР все же имеются. К тому же ВТС России и Сирии – один из немногих примеров, когда возобновление полномасштабного сотрудничества не нуждается в предварительных «смотринах», не требует обязательного тестирования на прочность партнерских отношений. Долговременность интересов Дамаск по-прежнему рассматривает Россию в качестве основного партнера по ВТС, не отказываясь в то же время от поиска других источников приобретения вооружений, прежде всего, в КНДР, КНР, в странах СНГ.

В перспективе, при условии достижения конкретных положительных результатов на переговорах с Израилем (а ряд позитивных признаков обозначи-

лись уже сегодня) наряду с определенными финансовыми трудностями, а также проблемой неконфронтационного решения вопроса преемственности власти в Сирии, политическое руководство САР неизбежно столкнется с необходимостью существенной перестройки национальных вооруженных сил – их модернизацией и качественным обновлением, сокращением численности личного состава (по некоторым данным на 80-100 тыс. человек), с соответствующими изменениями в их организационно-штатной структуре. Учитывая, что в настоящее время вооруженные силы САР более, чем на 80% оснащены военной техникой российского (советского) производства, только Россия способна обеспечить предстоящую большую работу по дефектации имеющегося парка российского вооружения и военной техники, оценке возможности продления их ресурсов, проведение ремонта и модификации, технологическую преемственность и техническую совместимость. Для России расширение ВТС с Сирией имеет тем более важное значение, поскольку за последние годы значительно ослабили российские позиции на ближневосточном рынке вооружений. Активизация сотрудничества с Сирией в военной области помимо прямой экономической выгоды* могла бы способствовать возрождению на принципиально новой основе т.н. «офсетных (компенсационных) программ по оказанию технического содействия в создании национальной промышленности и подготовке национальных кадров, которые в прежние годы в большей или меньшей степени традиционно являлись составной, зачастую «бесплатной» частью советского военного экспорта, что в свою очередь помогло бы активизировать двусторонние экономические связи.

Оказание технического содействия предполагает, как правило, что участвующие в нем стороны объединены большим числом комплексных взаимных обязательств и в отличие от ограниченных по времени отношений типа «покупатель – продавец» вынуждены выстраивать свои взаимоотношения на многолетний период, привлекая многочисленных специалистов, а также большое число государственных и коммерческих организаций.

Необходимо подчеркнуть, что российско-сирийское ВТС не изменяет баланса сил на Ближнем Востоке и не создает угроз для соседей Сирии, так как речь идет об удовлетворении оборонных потребностей Дамаска, ориентированных на оказание сдерживающего влияния на потенциально-агрессора. Более того, ВТС России и Сирии может внести свой вклад в обеспечение стабильности в регионе и мире, повышение авторитета ООН, борьбу с международным терроризмом и т.д. Восстановление в полном объеме двустороннего ВТС с Сирией могло бы также принести России геополитические дивиденды в форме стабилизации российского присутствия на Ближнем Востоке, позволило бы наполнять дополнительным конкретным содержанием провозглашенный курс на сохранение за Россией статуса великой морской державы, тем более, что средиземноморский

* Сирийцы заинтересованы в закупках специмущества в России на сумму в 2 млрд. долл. до 2004 г., что, по некоторым данным, составляет около 25% имеющихся у компании «Росвооружение» заказов, рассчитанных на указанный срок.

интеграционный процесс в различных его формах и преломлениях развивается пока без видимого участия России.

Кажущиеся абстрактными в сегодняшних условиях вопросы свободы прохода через Проливы, гарантированный выход наших судов в Мировой океан через Средиземное море могут легко перейти в практическую плоскость при изменении конъюнктуры или «правил игры» в регионе. Тем более, когда миротворческие операции с участием сил НАТО «прошли обкатку» в том числе на территории бывшей Югославии, а ближневосточный регион с его проблемами явно «вписывается» в круг «нового поколения» озабоченностей руководителей блока. Ставшая ныне реальностью перспектива расширения блока НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы, активизировавшиеся в настоящее время попытки подключения арабских стран Средиземноморья к взаимодействию с натовскими структурами по отдельным вопросам безопасности, в частности по совместной борьбе с международным терроризмом, планы распространения зоны ответственности НАТО в юго-восточном направлении непосредственно затрагивают жизненно важные военно-стратегические интересы России. Приближение инфраструктуры НАТО к нашим границам, в том числе и с южного направления при неурегулированности острых международных конфликтов (Балканы, Кипрская проблема, арабо-израильский), а также в условиях перспективы расширения зоны нестабильности в южной и юго-восточной части Средиземноморья под влиянием «исламского фактора» объективно выводит на первый план для России проблему создания условий по предотвращению попыток отстранить ее от активного участия в качестве мировой державы в создании сбалансированной системы региональной безопасности в Средиземном море. В этих условиях особую значимость для России приобретает тот факт, что сирийский порт Тартус – единственный в Средиземном море пункт базирования ВМС России на безвалютной основе.

Не абсолютизируя «сирийский фактор» в ближневосточной политике России, необходимо отметить, что совпадение интересов двух стран по целому ряду вопросов региональной политики объективно открывает возможности совместных действий или активности «на параллельных курсах». Наличие в Сирии относительно большой северокавказской диаспоры, представители которой в своем большинстве выступают с умеренных и в целом выгодных интересам России на Кавказе позиций, настороженное отношение сирийцев к экспансионистским устремлениям Турции, предпринимаемые меры по локализации проявлений исламского экстремизма и ряд других факторов указывают на целесообразность реального повышения внимания России к Сирии.

С учетом того, что в России доминантой становится прагматический подход к вопросам внешней политики было бы наивным считать, что какая-то из великих держав будет добровольно уступать Москве в обеспечении своих экономических, политических и военных интересов на Ближнем Востоке, где политический вакуум заполняется очень быстро или же вовсе отсутствует.

НОВЫЙ КОРОЛЬ ИОРДАНИИ АБДАЛЛА И ИОРДАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Личность покойного короля Хусейна поначалу затмевала фигуру его сына и наследника, нынешнего короля Иордании Абдаллу. Поэтому и были обоснованы опасения на Западе и на Ближнем Востоке, в частности в Израиле – станет ли нынешний король идейным преемником своего отца и проводником его внешней и внутренней политики. Израильский профессор из Бар-Иланского университета Джеральд Стейнберг писал: «Более сорока лет Израиль имел политические связи не с Иорданией, а лишь с одним человеком»¹.

Иордания – краеугольный камень стабильности на Ближнем Востоке. Ее роль как стратегической зоны представляет собой базисную аксиому всех израильских стратегических планов. Более половины населения Иордании состоит из палестинцев, поколения которых на протяжении многих лет росли ущемленными в правах и лишенными сильных позиций в королевстве. И возможность их выхода на уличные демонстрации всегда была чревата тем, что эти волнения могли перекинуться и на территорию Западного берега р. Иордан.

Когда Хусейн в 18-летнем возрасте стал королем, он сразу столкнулся с большими опасностями. Но их оказалось не меньше и впереди – заговоры, покушения, столкновения с палестинцами... Не было отношений с Израилем, не было поддержки США... Хусейн умело балансировал между сложными отношениями с Сирией, Ираком, Израилем, Западом. И он прошел через это, распахав благодатную борозду на песке и камне, совершив в своей жизни то, что израильский государственный деятель Шимон Перес назвал «умением делать мир».

Сын Хусейна Абдалла занял трон уже в зрелом возрасте и при иных, гораздо более благоприятных для него обстоятельствах. Он получил от отца не только королевство, но и славу его имени, отблеск которого ко многому обязал нового монарха, хотя и мешал разглядеть его подлинное лицо и истинные намерения.

Еще до смерти Хусейна, а затем и после его кончины в феврале 1999 г., «иорданская тема» стала главной в средствах массовой информации во многих странах мира. Вот что говорит по этому поводу Ш.Перес: «Пожалуй, мне было бы трудно назвать какую-либо страну величиной с Иорданию, которая смогла бы привлечь такое поразительное собрание наиболее выдающихся лидеров нашего времени... Хусейн добился превращения королевства, на котором лежала тень сомнения, в королевство, вызывающее к себе уважение». Ш.Перес отметил новое, ставшее знаковым на Ближнем

Востоке обстоятельство, которое увидели многие. «Нам, израильтянам, это событие (похороны короля, – Л.Б.) казалось миражем. Не только потому, что Асад стоял так близко, хотя все еще так далеко – как олицетворение разногласий и громадной дистанции, нас разделяющей... Рядом стояли многие арабские лидеры, одетые в дорогие, украшенные золотом одежды и куфии, и все это совместное присутствие как бы утвердило тот новый менталитет, который был создан королем Хусейном»².

Присутствие большой израильской делегации на похоронах короля Хусейна показало, что политика дружественных отношений и сотрудничества с Иорданией не ограничена только одной, стоявшей у власти, израильской партией и распространяется на самый широкий социальный и политический спектр страны.

У истоков возникновения этих новых общественно-политических отношений на Ближнем Востоке, в частности между Израилем и Иорданией, стояли король Хусейн и погибший в 1995 г. от рук израильского террориста тогдашний премьер-министр Ицхак Рабин. В интервью, которое Хусейн дал в 1996 г. в Лондоне специалисту по ближневосточным делам д-ру Ави Шлейму, король вспоминал, как И.Рабин сказал ему: «Когда соглашение о мире (между Израилем и Иорданией в 1994 г. – Л.Б.) прошло в кнессете, это случилось по воле значительного большинства. Это не было соглашение только с Рабочей партией, это был мир со всем Израилем»³.

Абдалла ясно дал понять, что он продолжит политику своего отца в отношении Израиля и будет всячески содействовать развитию мирного процесса на Ближнем Востоке. Израильский генерал Оded Гранот назвал Абдаллу «ближневосточным лидером нового типа, подобного которому мы не видели ни в одном арабском государстве»⁴. И все же от того, в какой степени сможет новый король соответствовать уровню своего отца, зависит, в частности, и то, продолжит ли Иордания играть ведущую роль в стратегии Ближнего Востока или она будет отодвинута Египтом или Сирией.

Одним из ключевых блоков израильской политики стало развитие взаимодействия с Иорданией по вопросам безопасности и стабильности в регионе. Основы такого взаимодействия уже были заложены в Осло и Уай-Плантейшн. Актуальность этих соглашений, равно как и отношения с Иорданией, особенно очевидны на фоне «холодного» мира с Египтом, выжидательной политики сирийского президента Х.Асада и обострившейся проблемы палестинцев, пребывающих в перманентной готовности перейти от отдельных террористических актов к войне с Израилем.

Энтони Кордесман, специалист по Ближнему Востоку из Вашингтона, считает, что переходный период в Иордании – первый шаг в долгом процессе, который будет длиться в течение следующего десятилетия и окажет влияние на мир и стабильность в регионе⁵. По мнению Рона Синовича, если вначале Абдаллу и будут поддерживать в Иордании, то в дальнейшем именно израильско-палестинские переговоры сделаются фактором давления на него внутри страны⁶.

Однако у нового короля оказалось и без того немало трудностей, среди которых две основные: первая – это стоящая на грани катастрофы экономика Иордании; вторая – государственная безопасность страны. В свое время король Хусейн был вынужден сотрудничать с исламской оппозицией, раздавать привилегии проживающим в его стране этническим и религиозным меньшинствам, привлекать на свою сторону непокорные восточноиорданские племена, подкупать их и дарить им свою благосклонность.

Безопасность и стабильность Иордании во многом зависит и от того, сможет ли новый король Иордании, с присущим Хусейну умением, продолжать лавировать между арабскими режимами. Первые же месяцы правления Абдаллы показали, что в этом плане он многое унаследовал от отца. При дворе и за его пределами о нем говорили разное: он хороший военный специалист, но не политик; он лучше говорит по-английски, нежели по-арабски; «он не король Хусейн, который мог видеть вещи далеко за горизонтом...»

Незадолго до кончины короля Хусейна кронпринц Хасан вызвал к себе во дворец начальника Генерального штаба генерала Мари Каабне и приказал ему подготовиться к передаче наследования власти в Иордании. Он сказал ему: «Оповестите ваших генералов, что король пребывает в тяжелом состоянии, и поэтому они должны быть готовы к любому возможному развитию событий в будущем»⁷. Генерал М.Каабне, которого король Хусейн лично назначил на эту должность, был неприятно поражен приказом Хасана, полагая, что его причастность к этому делу означает государственную измену. В то же время в королевском дворце шла «война жен» – принцесса Сарват, супруга кронпринца Хасана, интриговала против королевы Нур и ее детей, распуская слухи, что Нур – еврейка, и даже родственница покойного израильского премьер-министра И.Рабина. Между тем Хасан, как и ныне Абдалла, должен был, по воле короля Хусейна, выполнить роль «временного» монарха, а затем передать трон принцу Хамзе, 19-летнему сыну Хусейна и королевы Нур. В сущности Хасан, пользуясь тяжелой болезнью брата-монарха, решился на «дворцовый переворот». Узнав об этом, Абдалла вылетел к отцу в США, где тот лечился, и сообщил ему о сложившихся обстоятельствах. Вовремя прибывший в Иорданию Хусейн отменил принятое им ранее решение передать трон Хасану. Когда вскоре после этого король умер, его смерть не вызвала политические осложнения в стране, и в этом большая заслуга Абдаллы.

Дальнейшие шаги короля также показали, что он несомненно обладает политическим чутьем. За короткое время ему удалось установить тесные дружеские отношения со многими главными лицами, играющими важную роль в региональной и международной политике. Приоритетным направлением его внешней политики сделались Сирия и Кувейт.

Уже в апреле 1999 г., через два месяца после того, как он стал королем, Абдалла прибыл в Сирию для переговоров с Х.Асадам. Иорданский министр информации Нафа ал-Лози отметил, что этот визит короля в Сирию – часть его большого арабского турне, охватывающего страны Персидского залива, Ливию и весь регион, для установления экономических и политических отношений. По сообщению агентства Рейтер, сам король

считает, что визит в Сирию – шаг, открывающий новую главу в иордано-сирийских отношениях⁸.

Дело в том, что Х.Асад отдалился от Иордании после того как она заключила договор с Израилем в 1994 г. Иордания же обвинила Сирию в том, что она старается подорвать ее стабильность. Израильский специалист по Ближнему Востоку М.Маоз считает, что Х.Асад пытается выяснить, пойдет ли Абдалла на охлаждение отношений с Израилем, если он пообещает ему взамен свою поддержку, в то же время Х.Асад хочет знать, какую «массу сирийского давления» может выдержать новый король. При этом сирийский лидер, похоже, не собирается мешать развитию мирного процесса в регионе, стараясь лишь усилить значение своей страны⁹.

В Иордании полагали, что возобновление дружеских иордано-сирийских отношений не отразится на ее отношениях с Израилем. Тарауна, бывший тогда премьер-министром, четко заявил, что если бы даже Х.Асад и выставил такое условие, то Иордания попросту бы проигнорировала его.

Связи Иордании с Израилем – наиболее существенная часть внешнеполитической ориентации Абдаллы, выстроенной по отношению к западным странам. Согласно хорошо информированным источникам, король понимает, что именно Израиль – его единственно реальный сосед, выступающий гарантом против любых возможных процессов дестабилизации в его стране. В то же время Абдалла буквально со дня своего восшествия на трон последовательно проводит политику своей причастности к важным политическим процессам в регионе.

В конце марта 1999 г. Иордания и Египет заявили о своей поддержке Палестинской автономии и ее праве на создание государства, что означало, что иорданский король официально объявил о своем непосредственном участии в наиболее важном на Ближнем Востоке политическом процессе. Это произошло после окончания встречи министра иностранных дел Иордании Абдула Илаха Катибя, его египетского коллеги Амра Мусы и секретаря исполкома ООП Махмуда Аббаса (Абу Мазена). Иордания и Египет подчеркнули, что стратегическая позиция в урегулировании ближневосточного кризиса требует неукоснительного выполнения резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. В то же время, в марте Абдалла провел ряд переговоров с лидерами арабских стран о расширении и укреплении политических, экономических и культурных связей между их странами и Иорданией.

В Израиле понимают, что внешнеполитические планы иорданского короля и его шаги в этом направлении не вызваны стремлением ущемить интересы Израиля, а продиктованы лишь острой необходимостью «угнездить» себя и арабском общественно-культурном пространстве. Специалист по Иордании из Хайфского университета Дан Шефтем отмечает: «Израиль настолько заинтересован в добрых отношениях с Иорданией, что если бы даже Абдалла и сосредоточился какое-то время только на арабских проблемах, то это ни в коей мере не могло бы отразиться на израильско-иорданских отношениях»¹⁰. И действительно, став королем, Абдалла, как бы стараясь подчеркнуть свою арабскую сущность, «приглу-

шил» открытые связи с Израилем, В связи с этим израильские обозреватели считают крайне важным, чтобы израильские лидеры не оказывали на Абдаллу давления. Ибо его страна представляет собой часть арабского мира, и нельзя заставлять ее правительство в ее сотрудничестве с Израилем идти дальше, чем иорданские руководители считают реальным.

Иордания серьезно озабочена результатом израильско-палестинских переговоров по окончательному урегулированию.

Профессор Джеральд Стейнберг считает, что во время переговоров в Осло большой ошибкой сторон стало то, что не только не пригласили короля Хусейна, но даже не сообщили ему об этом. Соглашение в Осло стало полной неожиданностью для Хусейна и, как отмечает Дж.Стейнберг, король тогда понял, может быть больше, чем И.Рабин и Ш.Перес, что основы для создания палестинского государства уже заложены. Именно поэтому, по мнению ученого, Хусейн для восстановления равновесия поспешил заключить мирный договор с Израилем и активнее включился в реализацию пунктов израильско-палестинской декларации. Перед смертью же Хусейн успел перехватить инициативу у Египта, который хотел играть ключевую роль на Ближнем Востоке и быть главным представителем арабских стран в диалоге с Вашингтоном.

Многие израильские аналитики считают, что если даже нынешнему иорданскому королю не хватит опыта прямо вмешаться в эти переговоры, тем не менее крайне важно, чтобы израильские лидеры уделили внимание равновесию интереса между палестинцами, Израилем и Иорданией.

4 марта 1999 г. король Абдалла позвонил тогдашнему главе израильского правительства премьер-министру Б.Нетаньягу и сообщил ему, что премьер-министром страны назначен Абдель-Рауф ар-Равабда.

Это решение иорданского короля заменить прежнего главу правительства новым стало его первым важным шагом во внутренней политике страны. Абдалла сменил также прежних министров, верных его дяде, кронпринцу Хасану, среди которых были сам Тарауна, а также зять Хасана, бывший министр информации.

Сразу после того, как А.-Р.Равабда и члены его кабинета приняли присягу, король послал премьер-министру многостраничное письмо, которое должно было стать программой действий правительства, «Мир – стратегический выбор для Иордании», – подчеркнул Абдалла. В своем письме король призвал новое правительство заботиться о региональной безопасности, укреплять связи с палестинцами и Израилем, а также с Сирией и Ливаном, с арабскими странами Персидского залива.

А.Равабда в 1983-1986 гг. был мэром Аммана и членом парламента. Он много сделал тогда для укрепления связей своего правительства со странами Залива. В 1995 г. А.-Р.Равабда заблокировал предложение в парламенте об упразднении соглашения с Международным валютным фондом и Банком, наблюдавшим с 1989 г. за ходом экономических реформ в Иордании.

Король также назначил главой Иорданского королевского двора Абдель-Карима Кабарити, бывшего в 1995-1996 гг. премьер-министром.

Профессор Ашер Сассер, специалист по Иордании из Тель-Авивского университета, характеризует А.-К.Кабарити как сильную личность и одного из наиболее ярких глав правительств Иордании. Как отмечает А.Сассер, А.-К.Кабарити пользуется гораздо большим общественным признанием, нежели А.-Р.Равабда, высший предыдущий пост которого был помощник министра. По мнению Сассера, назначение премьер-министром человека, стоящего по должности ниже Кабарити, свидетельствует о том, что король дал понять: – центр управления страной находится во дворце¹¹.

А.-К.Кабарити во время пребывания у власти был сторонником отношений с Израилем, поддерживал мирный процесс и вообще играл значительную роль во внешней политике Иордании. Вместе с Баттыхи, нынешним главой иорданской разведки, А.-К.Кабарити приобрел известность человека, стремящегося изменить внешнюю политику страны и возобновить ее отношения с Сирией и Кувейтом. Поэтому Абдалла, тотчас же после своего вступления на трон, призвал к себе А.-К.Кабарита, обязав его преодолеть мешающие обстоятельства для налаживания отношений с Х.Асадом.

В начале марта, в Кувейте побывал министр иностранных дел Иордании. Он передал Шейху Джаберу аль-Сабаху пожелание короля Абдаллы восстановить отношения с его страной. Во время этого визита в Кувейте открылось посольство Иордании.

Газета «Джордан Таймс» писала в те дни, что отныне, после восстановления иордано-кувейтских отношений, иорданцы ежедневно выстаивают в очереди у кувейтского посольства в Аммане за получением разрешения на работу в эмирате. По сведениям страны Залива обещали обеспечить работой тысячи квалифицированных специалистов. У многих в Аммане появились даже опасения, что иммиграция иорданцев приведет к утечке мозгов и нанесет ущерб капиталовложениям в разоренную экономику страны. Но в то же время некоторые экономисты признают, что работа иорданцев за границей – это пока что наиболее вероятный путь, который поможет снижению безработицы в стране, где, как отмечает газета, существует один из самых высоких уровней безработицы в мире (по официальным данным – 14%, согласно независимым обзорам – 27%). Газета отмечает далее, что «отход» рабочих и служащих из Иордании в страны Залива облегчит бремя государственной безработицы, и вместе с тем благотворно отразится на отношениях Иордании со странами Залива¹². (Такие отношения уже существовали в недавнем прошлом, когда тысячи иорданцев, работавших в странах Залива, посылали своим семьям деньги. После войны в Заливе все они были выдворены из Кувейта за проиракскую позицию короля Хусейна, в результате чего Кувейт разорвал дипломатические отношения с Иорданией. Тогда же возвратилась и семья нынешней королевы Рании, супруги Абдаллы, отец которой работал в Кувейте педиатром.)

Абдалла подтвердил приоритеты внешней политики своей страны в интервью, которое он дал корреспонденту CNN Кристиану Аманпуру:

«Вопрос. Вызвало ли укрепление отношений с арабскими странами опасения со стороны Израиля?

Ответ. Я не вижу оснований для опасения. Я пытаюсь делать то, чего хотел мой отец. Не думаю, что мирные отношения с одним государством (договор 1994 г. между Иорданией и Израилем, – Л.Б.) должны приноситься в жертву дружественным отношениям с другой страной. У нас с Израилем достигнут «теплый мир» и мы будем поддерживать его и впредь. Палестинцы расстроены тем, что со времени соглашения в Уай дело не тронулось. Но я преклоняюсь пред Арафатом за принятое им решение приостановить провозглашение Палестинского государства.

Вопрос. Разрешит ли Иордания использовать свою территорию в качестве базы для иракской оппозиции?

Ответ. Иордания не даст себя вовлечь во внутреннюю политику другой страны.

Вопрос. Безработица в Иордании составляет 27%. Таким образом треть населения живет в бедности?

Ответ. Да, экономическое положение очень серьезное. Поэтому я просил правительство осуществить реконструкцию и поощрять инвестиции»¹³.

Иордания обеспокоена тем, чтобы ее не вытеснили из круга участников обсуждения переговоров по окончательному урегулированию. Она официально заявляет: «У нас имеются общие интересы в решении этих проблем и мы, в соответствии с подписанными многосторонними соглашениями должны внести свой вклад»¹⁴.

В конце мая король Абдалла прибыл в Газу для встречи с Я.Арафатом. Это был первый визит короля в Газу, целью которого было показать, что Амман сотрудничает с палестинцами накануне окончательных, переговоров, поскольку у него имеется блок своих интересов, связанных с такими вопросами как границы, беженцы, статус Иерусалима и др.¹⁵

Одним из источников разногласий между Израилем и Иорданией было присутствие организации «Хамас» и его активная деятельность на территории Иордании. «Хамас» – исламское движение сопротивления появился как подпольное вооруженное крыло движения «Братьев-мусульман» в полосе Газы в период возникновения интифады в декабре 1987 г.

С помощью «Хамас» «Братья-мусульмане» надеялись играть решающую роль в политической жизни не только палестинцев, но и Иордании в целом, что непосредственно было связано с государственной безопасностью. Для привлечения широкого круга сторонников (среди учащихся школ, молодежи и остального населения) «Хамас» должен был утвердить себя не только как религиозную, но и как национальную альтернативу светскому руководству ООП. Подобно другим националистическим движениям, «Хамас» провозгласил лозунг – «освобождение Палестины от израильской оккупации». «Хамас», как исламское движение борется за создание исламского государства, которое, согласно идеологам движения, должно управляться по исламским законам. Первый лидер и создатель «Хамас» шейх Ахмад Ясин видел в таком государстве начальный этап, который должен привести в буду-

щем к появлению наднационального исламского государства, Между тем, движения египетских и сирийских «Братьев-мусульман» оправдывали свой местный патриотизм, ссылаясь на центральную роль, которую их государства играли в исламской истории¹⁶. Однако «Хамас» не мог следовать этой модели, поскольку Палестина в своих нынешних границах никогда не существовала как единая политическая или административная единица в составе различных мусульманских империй, и никогда не была ведущим политическим центром.

Политизация ислама сопутствовала рождению Иордании как государства и считалась его естественной и органической составной. Со дня основания Трансиорданского эмирата дедом Хусейна Абдаллой, ислам служил одной из несущих опор легитимации режима и возрождения нации. Этому, конечно же, изначально благоприятствовало происхождение Хашимитов от пророка Мохаммеда (тот же фактор оказался важным и для легитимации правления Хашимитов в Сирии, Ираке, Иордании). Израильский специалист по Ближнему Востоку Ш.Бар отмечает, что «идеология Великой арабской революции» была не менее исламской, нежели национальной, а контроль над Иерусалимом после 1948 г. толковался иорданским режимом не только как арабская, но и исламская ответственность¹⁷. В то же время политическая роль ислама неоднократно подчеркивалась деятелями страны. «Монархия и религия – краеугольный камень безопасности Иордании», – сказал министр внутренних дел этой страны послу США в 1954 г.¹⁸

Организация «Братья-мусульмане» – наиболее ранний и сильный представитель исламской традиции в Иордании. Иорданский режим в 50-е годы способствовал этому движению и, в отличие от запрета на другие политические партии, предоставил ему широкий ряд религиозных, политических и экономических свобод. Это было сделано для того, чтобы противопоставить движение другим нелегальным политическим партиям, отрицавшим саму легитимность «иорданской сущности», – коммунистическим, различным группировкам насеровского толка, просирийским и проиракским партиям «Баас», а позже и палестинским федаинским организациям. Однако терпимое, и даже сочувственное отношение иорданского режима к «Братьям-мусульманам» исчезло, как только в начале 50-х годов политическая обстановка в Иордании дестабилизировалась. Изменения же в политическом климате страны произошли по ряду причин: аннексия Западного берега р. Иордан с многочисленным палестинским населением; убийство короля Абдаллы; отношение к молодому Хусейну как к неопытному правителю, когда многие были уверены что его дни в качестве монарха сочтены. Свою роль в этом общественном брожении сыграл и возбуждающий эффект пограничных столкновений с Израилем в 1953 и 1954 гг. Начали возникать разные идеологизированные партии, усилившие нестабильность страны.

В начале 60-х годов призывы за независимость палестинского народа стали сущим проклятием для иорданского режима и воспринимались как прямая угроза территориальной целостности королевства. Западный

берег превратился в центр палестинской организации, с которой взаимодействовали оппозиции левых партий и арабских националистов.

Режим пошел на применение суровых мер, и в сентябре 1970 г окончательно изгнал палестинские организации из Иордании, вместе с которыми были изгнаны и все марксистские группы и группировки. Случившаяся же в это время смерть египетского президента Г.А.Насера символизировала окончательную кончину насеризма, захватившего воображение арабских масс в 50-е – начале 60-х годов.

В своем интервью с королем Хусейном д-р Ави Шлейм спросил его: «Какова была позиция Израиля в кризисе “черного сентября” 1970 г. ?» Хусейн ответил: «Мы начали борьбу, ставшую поворотным пунктом в жизни Иордании. Мы делали все, чтобы предотвратить ее, но дальше уже нельзя было терпеть. Палестинское движение усиливалось и перекидывалось из деревень в города. Были десятки терактов, под взрывами бомб гибли и иорданские солдаты. Появилась опасность, что положение выйдет из-под контроля, и палестинская проблема приведет к расколу армии. Но этого не произошло. Израильская помощь выразилась в том, что Израиль не использовал в своих интересах положение в Иордании»¹⁹.

Восприимчивые к социальному фону «Братья-мусульмане» начали широкую критику правительственной политики. Основными причинами радикализации этой организации стали два события: египетско-израильский мирный договор, а затем исламская революция в Иране. Проиранские симпатии «Братьев-мусульман» стали более очевидными после иракского вторжения в Иран в сентябре 1980 г. После волнений же в апреле 1989 г. и последующими парламентскими выборами в ноябре того же года деятельность движения в Иордании привлекла к себе международное внимание. Эти события, свидетельствующие о политической раздробленности в стране, явились для Запада призраком исламской революции в Иордании, призраком, который мог постепенно (а то и внезапно) наполниться плотью, заправившись горячим материалом радикальных исламских движений в Египте или Алжире.

30 августа 1999 г. иорданские власти произвели неожиданные облавы и обыски в офисах «Хамас» и арестовали несколько членов этой организации²⁰. Агентство новостей из Аммана сообщило, что аресты деятелей «Хамас» в Иордании будут продолжаться, а все их офисы, которые, якобы принадлежат подрядчикам, будут закрыты. Один из офисов – трехэтажная вилла в престижном районе Аммана Ар-Рабийе принадлежала лидеру этой организации Халиду Машалю и использовалась для политической деятельности членов «Хамас». Сам Х.Машаль и двое других наиболее известных деятелей Абу Марзук и Ибрагим Гоше находились в то время в Иране, куда они направились после того, как иорданской разведке стало известно об их связи с вооруженным крылом организации «Аззадин Касем»²¹.

Акция против «Хамас», получившая широкую огласку, была осуществлена благодаря тесному сотрудничеству сил иорданской безопасности с палестинскими властями и Израилем.

Руководство Палестинской автономии (ПА), крайне заинтересованное в устранении любых помех на пути к переговорам по окончательному урегулированию, еще до этого пыталось вести переговоры с лидерами «Хамас» и убедить их прекратить теракты против Израиля. 24 августа палестинская полиция арестовала в Бейт-Лехеме 12 активистов «Хамас» и «Исламского джихада», а в общей сложности полиция ПА в течение последнего времени арестовала 50 активистов этих организаций.

Ранее Иордания отрицала, что «Хамас» существует в стране легально, а его деятельность связывала с актами за пределами страны. Как писала иорданская пресса, израильские официальные лица, желавшие остаться анонимными, указывали: «Мы пытались доказать в прошлом, что присутствие этих офисов в Иордании не способствует мирному процессу между нашими странами, поскольку эти офисы являются организаторами террора. Для правительства Нетаньягу, которое не сомневалось в причастности лидеров “Хамас” ко взрывам бомб в Израиле, имелся веский повод организовать попытку убийства Машаля. Но этот инцидент вызвал кризис в отношениях между двумя странами»²².

Профессор Шимон Шамир, бывший в 1995-1997 гг. первым послом Израиля в Иордании, подчеркнул, что он расценивает акцию против «Хамас» как наиболее важный шаг, сделанный нынешним королем Иордании со времени его восшествия на трон²³. «Начиная переговоры по окончательному урегулированию, Иордании очень важно иметь гармоничные отношения с США, Израилем и ПА, поскольку она сможет участвовать в обсуждениях по проблемам, которые касаются ее жизненных интересов», – отметил Ш.Шамир²⁴.

Активисты «Хамас» болезненно отреагировали на неожиданные для них события и признали, что это стало ударом по лидерам и политическим деятелям их организации. Лидер «Хамас» в Рамалле Хасан Юсеф заявил: «Нет оправдания этому решению Иордании. “Хамас” не вмешивается во внутренние дела Иордании. Закрытие офисов не пойдет на пользу интересам арабской нации»²⁵. Исламский активист из Бейт-Лехема шейх Хуссейн Сулейман заявил: – «Иорданские власти думают, что численность “Хамаса” сократится в результате этих мер, но на самом деле получается обратное. Эти меры придали “Хамас” больше смелости, помогая им перешагнуть через дозволенное». При этом он не пояснил, где проходит эта черта дозволенности, но дал понять, что “Хамас” не пойдет ни на какие уступки. Он отметил, что существование офисов в Аммане имело определенный «сдерживающий эффект на исламское движение»²⁶.

12 сентября 1999 г. премьер А.-Р.Равабда в беседе с иностранными журналистами в Аммане заявил, что его правительство будет преследовать руководителей «Хамас» после их возвращения в Амман из Ирана, и обвинил их в том, что их деятельность подвергает опасности отношения Иордании с палестинскими властями. Отныне официальное сообщение о том, что иорданские власти начнут жестокие гонения на «Хамас», вызвало беспокойство среди деятелей этой организации и ее сторонников. Многие аналитики в Аммане выражали сомнение в том, что изгнание лидеров организации из страны поможет

решить проблему. Однако они полагали, что власти путем давления заставят их отказаться от своих деклараций, которые воспринимаются как направленные к подрыву израильско-палестинских переговоров. Лидер «Хамас» в полосе Газы, Махмуд Захар заявил: «Если даже Иордания и предпримет какие-либо шаги против “Хамаса” в Аммане, это не сильно повлияет на движение».

Решительное выступление иорданских властей против радикальных исламских организаций, нашедших убежище в Иордании, произвело сильное впечатление на иорданское общество и породило противоречивые толки. Абдалла решил смягчить силу этого нанесенного радикалам удара и напомнить своим подданным, что он, их король, в принятии тех или иных решений, исходит исключительно из общеарабских и исламских интересов. В интервью с израильской газетой «Едиот Ахронот», которое было опубликовано в иорданской газете «Аль-Асвак», Абдалла призвал израильское правительство проявить решительность в продвижении мирного процесса. Он сказал, что если в течение ближайших месяцев в этом направлении ничего не изменится, то в таком случае, по его убеждению, разочарование в регионе будет гораздо более сильным, нежели в период правления Б.Нетаньягу²⁷. Спустя неделю его премьер-министр А.-Р.Равабда заявил, что Иордания будет защищать права палестинцев иорданского происхождения, включая их право на возвращение. Он отметил, что Иордания не изменила своего взгляда на проблему Иерусалима и она по-прежнему будет опекать святыне ислама в Иерусалиме, защищая их от Министерства религии Израиля до тех пор, пока палестинцы не возьмут их под свое покровительство²⁸.

22 сентября 1999 г. в Амманском аэропорту были арестованы прилетевшие из Тегерана трое лидеров «Хамас» – Абу Марзук, Халед Машаль и Ибрагим Гоше. Глава Отдела безопасности на Западном берегу Джibrиль Раджуб подчеркнул, что не удивлен тому, что эти трое оказались в Иране, поскольку эта страна в течение многих лет финансировала их. Председатель организации «Братья-мусульмане» Джамиль Абу Бакир признал, что аресты лидеров «Хамас» произошли вопреки посредничеству и усилиям его организации²⁹. В заявлении, направленном в агентство Рейтер в Аммане и Дамаске, представители «Хамас» назвали этот арест новой эскалацией кризиса на Ближнем Востоке и возложили на Иорданию ответственность за любые последствия ее репрессивных действий. Премьер-министр Иордании А.-Р.Равабда официально обвинил организацию «Хамас» в том, что она наносит вред национальной безопасности страны, складируя оружие и используя территории Иордании как базы для тренировочных лагерей. Дело в том, что уже были прецеденты, когда обученные в этих лагерях члены организации принимали участие в войнах далеко за пределами Иордании. Шейх Абдалла Аззам в 1980 г. отправился на войну в Афганистан, где вскоре и был убит³⁰. Как известно, иорданец Хаттаб, который вместе с террористом Басаевым занимается похищением людей на Северном Кавказе, успел до этого убить многих грузин во время грузино-абхазского конфликта. По слухам, за чеченскими, а ныне и за дагестанскими делами внимательно следит палестинец по матери, известный террорист Осам Бин Ладен. «Хамас» неожиданно придал Иорда-

нии масштаб сопричастности к международному терроризму. Поэтому открытая борьба иорданских властей против этой организации стала огромным содействием мирному процессу на Ближнем Востоке.

В этом сыграло свою роль и израильско-иорданское сотрудничество в области разведки. В частности, в Аммане вновь открыт отдел Мосада, закрытый в связи с покушением на Х.Машаля.

Немаловажное значение имеют и личные отношения иорданского короля с президентом Сирии и, в частности, с его сыном Башаром. По сведениям с ссылкой на надежный источник, именно Башар содействовал тому, что Сирия также решила ограничить активность палестинских экстремистов, базирующихся в Дамаске. Израильский аналитик Барри Рубин полагает, что все эти меры – часть новой политики короля Абдаллы³¹.

¹ The Jerusalem Post. 12.2.1999.

² Там же.

³ Едиот Ахронот. 06.04.1999 (еженед. прил.).

⁴ Маарив. 18.05.1999.

⁵ Times. 08.02.1999.

⁶ Радио «Свобода». Прага, 05.02.1999.

⁷ The Sunday Times. 31.01.1999.

⁸ Jordan Times. Amman, 20.04.1999.

⁹ The Jerusalem Post. 12.02.1999.

¹⁰ The Jerusalem Post. 15.04.1999.

¹¹ Jordan News Agency, Petra 05.03.1999 (далее JNA, (Petra); The Jerusalem Post. 05.03.1999.

¹² Jordan Times. 23.03.1999.

¹³ Jordan Times. 04.05.1999.

¹⁴ JNA, Petra. 13.07.1999.

¹⁵ Там же, с. 15.

¹⁶ *Gershoni I., Jankowski J.P.* Redefining the Egyptian Nation, 1930-1945. [Cambridge, 1995], с. 80.

¹⁷ Bar Sh. The Muslim Brotherhood in Jordan. Tel-Aviv University. June 1998, с. 14.

¹⁸ Там же, с. 15.

¹⁹ Едиот Ахронот, 06.04.1999 (еженед. прил.).

²⁰ Jerusalem Post. 31.08.1999.

²¹ JNA, Petra. 01.09.1999; Jerusalem Post. 02.09.1999.

²² JNA, Petra. 03.09.1999.

²³ Jerusalem Post. 02.09.1999.

²⁴ Там же.

²⁵ JNA, Petra. 02.09.1999.

²⁶ Там же; Jerusalem Post. 03.09.1999.

²⁷ См.: Sana. NA. 04.09.1999.

²⁸ JNA, Petra. 12.09.1999.

²⁹ Jerusalem Post. 23.09.1999.

³⁰ *Bar Sh.* The Muslim Brotherhood in Jordan, c. 32.

³¹ Jerusalem Post. 23.09.1999.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЕГИПТА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Сейчас, когда в ряде государств происходит трансформация централизованной экономики в рыночную, особый интерес представляет опыт в этом отношении крупнейшей страны арабского мира – Египта.

Осуществлявшиеся в Объединенной Арабской Республике в 60-е годы мероприятия антикапиталистической направленности привели к появлению мощного госсектора, охватывавшего промышленность, транспорт, финансовую сферу, внешнюю торговлю. К началу 70-х годов этатистская экономическая система исчерпала, однако, возможности своего развития, и переход президента Египта Анвара Садата к ее реформированию был обусловлен объективными причинами. С 1974 г. в Египте начала проводиться политика «открытых дверей», целью которой было обеспечить экономический рост, предоставив свободу действий частному сектору¹. При этом, однако, мероприятия по приватизации крупных и средних промышленных предприятий практически не проводились.

Шаги А.Садата во многом шли в том же русле, что и предпринимавшиеся в 1952-1955 гг. премьер-министром Египта Гамаль Абдель-Насером попытки привлечь к развитию реальной экономики национальный капитал, дав ему финансово-налоговые льготы². В обоих случаях результаты оказались аналогичными: не располагавшая достаточными средствами египетская буржуазия предпочла вкладывать деньги в те сферы, где был возможен быстрый оборот капитала – торговлю, сервис, подряды и т.п. В 70-е годы дело осложнялось к тому же тем, что господствующие позиции в промышленности занимал госсектор и частные производители были связаны с государственными предприятиями, производственные возможности которых (а не требования рынка) и предопределяли объемы выпускаемой продукции. Свою роль сыграл, как представляется, и морально-психологический фактор. Дело в том, что в 60-е годы в ОАР сформировалась так называемая паразитическая буржуазия, сколотившая состояние на спекуляциях, воровстве, взяточничестве. Теперь, приобретя возможность действовать легально, она предпочитала идти «проторенными путями», а не рисковать своими капиталами, инвестируя их в производственную сферу. Кроме того, либерализация внешней торговли привела к тому, что в страну хлынул из-за рубежа поток потребительских товаров. Это нанесло существенный урон местной легкой промышленности и повлекло за собой образование (в связи со значительным увеличением импорта) отрицательного внешнеторгового сальдо.

Довольно быстро страна оказалась в ситуации финансового кризиса. Дефицит платежного баланса возрос с 68 млн. долл. в 1970 г. до 1360 млн. долл. — в 1975 г.³ Бюджетный дефицит достиг в 1976 г. 2840 млн. долл.⁴ Попытки правительства стабилизировать ситуацию, повысив собираемость налогов, результатов не принесли. Так, в 1975 г. оборот капитала в сфере подрядов составил 600 млн. ег. ф., из которых в виде отчислений в казну поступило лишь 600 тыс. ег. ф.⁵ Египетское руководство тогда стало искать выход на путях сокращения государственного субсидирования цен на продукты питания и другие товары первой необходимости, на что действительно расходовались значительные средства — только дотации на поддержание цен на сахар «съедали» всю выручку от экспорта хлопка⁶. Подобный шаг был, однако, чреват тем, что значительная часть населения осталась бы без средств к существованию. В этих условиях заявление А.Садата в январе 1977 г. о намерении отменить субсидирование вызвало массовые стихийные выступления в Каире и других городах, вынудившие президента отменить свое решение.

В обществе начала быстрыми темпами нарастать социальная дифференциация. В 1975 г. в Египте насчитывалось 500 миллионов, в то время как до революции 1952 г. их было всего четыре⁷. Вместе с тем 90% населения оказалось за чертой бедности⁸. Выпускники вузов получали зарплату всего 30 ег. ф. в месяц, а крупные чиновники — 70-80 ег. ф.⁹

В результате резко обострилась внутривнутриполитическая ситуация. Начала нарастать активность подпольных фундаменталистских группировок. По стране прокатилась волна организованных исламистами террористических акций и даже открытых вооруженных выступлений. Попытки режима силой подавить оппозицию успеха не принесли, и в октябре 1981 г. А.Садат был убит боевиками экстремистской группировки «Джихад».

Ставший после его гибели президентом АРЕ Хосни Мубарак понимал, что возврат к изжившей себя практике «арабского социализма» Г.А.Насера невозможен, но и следование политике «открытых дверей» в ее прежнем варианте также невозможно, поскольку заводит страну в экономический, социальный и политический тупик. Но при этом сразу же проявилась одна из характерных черт политического стиля Х.Мубарака — не бросаться с ходу исправлять недочеты, принимая меры косметического или в лучшем случае тактического характера, а провести тщательный анализ сложившейся ситуации и на его основе выработать долгосрочную стратегию.

В результате была разработана программа структурных реформ. В течение первых четырех-пяти лет упор был сделан на развитие инфраструктуры (электроэнергетики, дорог, портов, средств связи, сервиса), что сформировало благоприятствующую капиталовложениям «окружающую среду»¹⁰. Это, а также государственная поддержка предпринимательства позволили вовлечь в производственную сферу частный капитал, и в течение последующих 10 лет в стране были построены сотни небольших, но хорошо оборудованных предприятий, с избытком обеспечивающих население почти всеми необходимыми и к тому же дешевыми товарами

народного потребления¹¹. Это, в свою очередь, создало необходимый для дальнейшего наращивания производства оборот средств.

Во второй половине 80-х годов в качестве стратегической была выдвинута задача добиться превышения роста производства над приростом населения¹². Но для этого было необходимо повысить эффективность ведущих отраслей промышленности, что не представлялось возможным без их приватизации. Однако и здесь египетское правительство действовало крайне осторожно, тщательно просчитывая каждый свой шаг и детально анализируя его последствия прежде, чем двигаться дальше. Темпы денационализации нарастали постепенно. С 1994 по первый квартал 1998 г. было продано в частные руки 113 государственных компаний с активами 30,8 млрд. ег. ф., где работало 258 тыс. человек¹³. Пик приватизации, как ожидалось, должен был прийти на 1999 г., когда планировалось продать 97 госкомпаний с активами 30,8 млрд. ег. ф. (257 тыс. работников). Процесс перехода средств производства в частные руки предполагается в основном завершить в 2000 г., когда будет денационализировано еще 40 госкомпаний с активами в 8 млрд. ег. ф. (90 тыс. работников)¹⁴. При этом, однако, не будут приватизироваться Всеобщая компания Суэцкого канала и государственная нефтяная корпорация «Иджипшн ДженераЛ Петролеум», имеющие стратегическое значение для экономики, военные заводы, гостелевидение и радио, а также больницы и школы. Кроме того, за государством останется контрольный пакет акций мукомольных и фармацевтических предприятий (продукция которых субсидируется) с целью сохранить низкие цены на хлебобулочные изделия и лекарства. В целом, в результате осуществления программы денационализации доля госсектора в промышленном производстве должна понизиться до 13% и в валовом внутреннем продукте до 3%¹⁵.

Уже в течение года после приватизации 90% компаний, перешедших в частную собственность, добивались внушительного увеличения прибылей. Кроме того, продажа государственной собственности позволила обеспечить существенные финансовые поступления в госбюджет – 16,9 млрд. ег. ф. до 1 июля 1998 г.

Весьма осторожно проводилось и реформирование банковской системы, где сначала были модернизированы структуры контроля и лишь затем осуществлена либерализация. Это стало одной из причин того, что Египет сумел избежать финансово-экономического кризиса, охватившего в 1998 г. ряд регионов мира.

Улучшение общей экономической ситуации, а также систематическое корректирование «Закона об иностранных инвестициях и свободных экономических зонах» с целью его адаптации к изменяющимся условиям повлекли за собой усиление притока капитала из-за рубежа. По состоянию на середину 1998 г. в рамках этого закона в стране действовали более 2 тыс. предприятий с капиталом 39, 9 млрд. ег. ф. и капиталовложениями 65,8 млрд. ег. ф., из которых 48% приходилось на долю промышленности, 18% – финансов и 9% – строительства.

Результаты, которых удалось добиться, впечатляют. В 90-х годах экономическое развитие Египта приобрело устойчивый характер. Рост ВВП увеличился с 1,9% в 1990 г. до 5,7% в 1998 г.¹⁶ В 1999 г. рост ВВП должен составить, как ожидается, 6,2%. Таким образом, увеличение ВВП существенно обогнало прирост населения, составляющий 1 млн. человек (или 1,6%) в год¹⁷. Особенно важно, что в 90-х годах темпы увеличения сельскохозяйственного производства превысили темпы роста населения, достигнув в среднем 3,2% в год¹⁸. Во многом это было обеспечено за счет роста урожайности: с 1982 по 1997 г. сбор с 1 феддана пшеницы вырос с 15 до 24 ц, кукурузы – с 17 до 30 ц, риса – с 24 до 35 ц¹⁹.

Стабилизировалось и финансовое положение. Правда, сохраняется дефицит бюджета (2,6 млрд. ег. ф. в 1997 г.), но его отношение к ВВП, составляющее в настоящее время около 1%, постоянно сокращается²⁰. В то же время платежный баланс является положительным²¹. Значительно выросли валютные резервы – с 1,5 млрд. долл. в дореформенный период до 20 млрд. долл. в 1998 г.²² Не менее важно существенное снижение инфляции – с 24% в год в середине 70-х годов до 4,6% в 1998 г.²³

Вместе с тем, ряд серьезных проблем пока не нашел решения. Продолжается рост отрицательного сальдо такой важной отрасли, как торговля – 6,7 млрд. долл. в 1993 г., 12,5 млрд. долл. в 1998 г.²⁴ Национальный доход на душу населения составляет менее 1 тыс. долл. в год, что предопределяет затрудняющую ускорение темпов роста производства относительно узость внутреннего рынка²⁵. В феврале 1997 г. произошел крах фондовый биржи, глобальный индекс которой до сих пор в 2 раза ниже, чем в январе 1997 г. Однако все эти трудности не порождают в экономике (по крайней мере, на данный момент) явлений кризисного характера.

Важные изменения произошли и в социальной структуре. Если в 1965 г. 55% самостоятельного населения было занято в сельском хозяйстве, то в 1991 г. 44 – в сфере услуг, 34 – в сельхозпроизводстве и 22% – в промышленности²⁶. Налицо, таким образом, тенденция к постепенному приобретению египетским обществом черт, характерных не для развивающихся, а для развитых стран.

Еще большее значение имеет рост численности среднего класса. В настоящее время около 3 млн. египтян получают доход 15 тыс. долл. ежегодно. Если в 1994 г. в стране было продано 40 тыс. новых автомобилей, то в 1998 г. – уже 60 тыс.²⁷ Разрастание среднего класса ведет, в том числе, и к сужению социально-политической базы фундаменталистских движений: вряд ли его представители будут готовы жертвовать своим благосостоянием и своими жизнями ради очередной эгалитаристской утопии – возврата к обществу, существовавшему в VII в. во времена «праведных халифов», к чему призывают мусульманские «возрожденцы».

Продолжается – хотя и медленно – рост доходов населения в целом. Если в 1970 г. ВВП на одного человека составлял 234 долл., то в 1990 г. – уже 971 долл.²⁸ Важно и то, что экономическая ситуация является стабильной и люди могут не опасаться за завтрашний день, что при проведе-

нии реформ учитывается социальный фактор (85% жителей страны имеют возможность приобретать по карточкам, т.е. по фиксированным ценам, хлебоулочные изделия, масло и сахар)²⁹.

Курс египетского руководства на социальную поддержку малоимущих продиктован, помимо всего прочего, пониманием того, что если исламистские оппозиционные группировки возглавляют выходцы из интеллигенции и среднего класса, то их ядро составляют беднейшие и маргинальные слои, в наибольшей степени страдающие от экономической либерализации. При этом в качестве приоритетного географического направления социальных программ избран Верхний Египет, всегда бывший главным оплотом религиозных экстремистов. Так, из 1,6 млрд. ег. ф., израсходованных в 1991-1996 гг. Фондом социального развития Арабской Республики Египет на создание рабочих мест для молодежи и вовлечение в процесс оздоровления экономики неправительственных структур, основная часть вложений пришлось на верхнеегипетские провинции³⁰.

В политическом плане правительство АРЕ проводит в отношении исламистов линию на подавление экстремистов, ограничение деятельности умеренных оппозиционных организаций и предоставление относительной свободы действий консервативному крылу, выразителем интересов которого является партия «Умма». Большое значение придается сохранению «мусульманского имиджа» режима, фактически носящего секулярный характер, и обеспечению поддержки его политики официальными религиозными институтами, в первую очередь «Аль-Азхаром». Одновременно предпринимаются энергичные шаги по перекрытию внешних каналов подпитки экстремистских организаций.

Подобные комплексные мероприятия позволили существенно ослабить позиции фундаменталистов и добиться значительного снижения их активности. В 1997 г. экстремисты провели лишь несколько изолированных (хотя и получивших широкий международный резонанс) террористических акций против иностранных туристов в Каире и Луксоре. В 1998 г. им не удалось организовать ни одного теракта в городах. В 1999 г. крупнейшая подпольная организация «Аль-Гамаа аль-исламийя» объявила, что прекращает вооруженную борьбу, в связи с чем египетское правительство приняло решение об освобождении из тюрьмы свыше 1 тыс. ее членов. В то же время две другие экстремистские группировки – «Джихад» и «Аль-Каида» аналогичного решения пока не приняли.

Стабилизации внутривнутриполитической обстановки способствует и курс египетского руководства на «дозированную» демократизацию общества, обеспечивающий пропрезидентским политическим силам доминирующую роль в сочетании с элементами либерализации. Успешное проведение такого рода линии во многом зависит от способности режима контролировать выборы в органы законодательной власти. После того, как в 1987 г. блок умеренных исламистских организаций (Ассоциация «Братьев-мусульман», Социалистическая партия труда и Либерально-социалистическая партия) получил 60 мест в Народном собрании, став там наиболее крупной оппози-

ционной группой, парламент в октябре 1990 г. был досрочно распущен и принят новый закон о выборах³¹. В соответствии с ним было снят «порог» в 8% голосов избирателей, необходимых для получения какой-либо партией мест в Народном собрании, с одновременной отменой ограничений на выдвижение «независимых» кандидатов³². При этом было сохранено положение об организации и проведении выборов «под наблюдением» Министерства внутренних дел. В результате на состоявшихся в ноябре-декабре 1990 г. выборах проправительственная Национально-демократическая партия (НДП), председателем которой является Х.Мубарак, получила 348 мест, Национально-прогрессивная (левая) партия стала единственной оппозиционной организацией, проведшей своих кандидатов в Народное собрание (на восемь мест), а 83 мандата досталось «независимым», в своем большинстве лояльно настроенным по отношению к режиму³³. На следующих выборах в ноябре-декабре 1995 г. НДП получила 417 мандатов из 454. Этой партии принадлежит подавляющее большинство и в Консультативном совете, где ее представители имеют 84 голоса из 90.

Подобная система позволяет «правлящему классу» сохранять за собой всю полноту как законодательной, так и исполнительной власти и при этом не допускать «перегрева» внутривластной ситуации, предоставляя легальной оппозиции трибуну для публичного выражения своей точки зрения и (что не менее важно) создавая у нее иллюзию возможности прихода к власти законным путем.

Наиболее серьезной проблемой, с которой сталкивается и будет сталкиваться Египет в обозримом будущем, остается численность населения. За последние 100 лет она возросла с 6,5 млн. до 60 млн. человек³⁴, т.е. в 10 раз³⁵. Как и в прошлом столетии 98% египтян проживает в дельте и долине Нила, площадь которых составляет 4% территории страны³⁶. При этом перспектива снижения темпов роста населения не просматривается в силу как существующих традиций, так и влияния религии (против ограничения рождаемости выступают не только исламские неправительственные организации, но и «Аль-Азхар»). Выход, следовательно, состоит в превышении темпов роста производства над увеличением численности населения. В настоящее время эта проблема решена, но и в будущем Египту предстоит поддерживать рост ВВП на уровне, как минимум в 3 раза превышающем прирост населения, т.е. 4,5% в год³⁷. Кроме того, увеличение числа жителей неизбежно вызовет дальнейший рост ввоза продовольствия, на которое в 1998 г. приходилось уже 22% импорта и на его закупку было затрачено 4 млрд. долл. Это превысило все доходы от экспорта, объем которого составил лишь 3 млрд. долл. Далее, скученность населения, влекущая за собою концентрацию промышленных предприятий, создает серьезные экологические проблемы. В настоящее время Каир, число жителей которого достигло 15 млн. человек, – один из наиболее загрязненных городов мира.

Нормальное функционирование египетской экономики во многом зависит и будет зависеть от притока валюты из-за рубежа. Главный ее ис-

точник – денежные переводы работающих за границей египтян (3,3 млрд. долл. в 1998 г.), туризм (2,9 млрд. долл.), доходы от Суэцкого канала (1,7 млрд. долл.). Кроме того, Египет получает иностранную финансовую помощь порядка 2,5-3 млрд. долл. ежегодно³⁸. Что касается поступлений от экспорта, то основная их часть – около 50% – приходится на продажу нефти³⁹. На стабильность валютных поступлений оказывают воздействие различного рода политические и экономические факторы. Так, осуществление боевиками «Аль-Гамаа аль-исламийя» в ноябре 1997 г. теракта в Луксоре, в результате которого были убиты 58 иностранных туристов, повлекло за собой падение доходов от туризма на 600 млн. долл. В связи со снижением цен на нефть египетскому правительству придется в 1999 г. пойти на некоторое сокращение бюджетных расходов (так по крайней мере намечалось), чтобы сохранить дефицит бюджета на уровне 1% ВВП.

С учетом всего этого нельзя исключать возможность ухудшения в будущем экономической ситуации в Египте вследствие продолжающегося осложнения демографической ситуации, сокращения валютных поступлений или просчетов в политике руководства либо под воздействием всех этих факторов вместе взятых. Неизбежное в подобном случае обострение социальных проблем, скорее всего, повлечет за собой активизацию фундаменталистских движений, способных (в отличие от легальных оппозиционных партий) заручиться достаточно широкой поддержкой, особенно со стороны малоимущих слоев, по которым в первую очередь и ударит экономический кризис. В случае дальнейшего нарастания негативных явлений в экономике и сползания страны к хаосу приход исламистов к власти вполне может стать реальностью. При этом им вряд ли удастся решить экономические и социальные проблемы Египта. Напротив, стремление мусульманских «возрожденцев» претворить в жизнь свои утопические идеи, скорее всего, приведет лишь к дальнейшему обострению этих проблем. Вместе с тем, Египет почти неизбежно станет эпицентром агрессивного исламизма, что повлечет за собой непредсказуемые последствия для арабского мира и Среднего Востока, а также мусульманских республик СНГ.

Тем не менее, развитие событий по подобному «катастрофическому сценарию» не является неизбежным. Египетское руководство отдает себе отчет в характере тех «стратегических вызовов», с которыми сталкивается страна, и уже осуществляет в этой связи соответствующие мероприятия долгосрочного характера.

Демографическую проблему предполагается решить путем начавшейся в 1996 г. реализации двух грандиозных проектов – освоения земель в Новой долине и на Синае. Первым из них предусматривается орошение сначала 1 млн. федд., а в последующем 7 млн. федд. в Западной пустыне⁴⁰. Таким образом, площадь обрабатываемых земель, составляющая сейчас 7,2 млн. федд., удвоится⁴¹. Проект рассчитан на 20 лет, его стоимость оценивается в 30 млрд. долл., 20% из которых должно выделить государство, а 80% – частные инвесторы⁴². Воду предполагается

перебросить из Асуанского водохранилища, для этого будет построен канал протяженностью в 500 км. Запланировано создание и нового крупного водохранилища емкостью в 120 млрд.куб.м (Асуанское водохранилище – 140 млрд. куб. м воды)⁴³. Что касается второго проекта, то им предусматривается орошение 450 тыс. федд., для чего на Синайский полуостров через четыре тоннеля под Суэцким каналом будет направлена нильская вода⁴⁴.

Валютные поступления предполагается увеличить за счет экспорта газа, запасы которого превышают 100 млрд. куб. м. Уже в этом году планируется начать его поставки в Иорданию, Израиль и в Палестинскую автономию⁴⁵.

Другим перспективным направлением считается экспорт электроэнергии. Разработаны проекты объединения энергосистем Египта, Иордании, Сирии и Турции (стоимость 348 млн. долл.), а также Египта, Ливии, Алжира и Марокко с выходом через Гибралтарский пролив на Испанию⁴⁶. Кроме того, намечено объединение электросетей Египта и Конго, что позволит начать переброску энергии, вырабатываемой плотиной Инга⁴⁷. Египтяне рассчитывают, что к 2017 г. энергетический экспорт достигнет 40 млрд. кВт•час.

Параллельно принимаются энергичные меры к наращиванию вывоза товаров. Поставлена задача обеспечить прирост экспорта ежегодно на 20% при таком же уменьшении импорта. Государство будет в этой связи оказывать поддержку товаропроизводителям и экспортерам, в том числе путем предоставления различного рода льгот.

Чтобы сохранить и в будущем стабильный экономический рост, должное внимание уделяется инвестициям, на что расходуются около 20% госбюджета⁴⁸. В 1998 г. в дополнение к имеющимся 24 тыс. промышленных предприятий была введена в строй еще 1 тыс., а 2 тыс. строились⁴⁹. Объемы капиталовложений предполагается существенно увеличить, прежде всего за счет привлечения средств из-за рубежа. Особые надежды возлагают в Каире на инвестиции арабских государств Персидского залива и других регионов, объем которых составляет в настоящее время всего 1,2 млрд. долл.⁵⁰ На решение этой задачи нацелена в настоящее время, в том числе, и египетская дипломатия. Притоку средств должно способствовать и уже введенное освобождение от налогов на 20 лет капиталовложений в Новую долину и ряд оазисов, на 10 лет – в мелиорацию и земледелие и на 5 лет – в индустриальные проекты⁵¹.

Сохранение высоких темпов экономического развития обеспечит дальнейшее увеличение численности среднего класса и, следовательно, изменение конфигурации стратификационной структуры общества от пирамидальной к ромбовидной. Это, в свою очередь, должно повлечь за собой возникновение более благоприятной среды для распространения соответствующих современным реалиям идеологических воззрений и сужение сферы воздействия идей религиозного возрожденчества. Потенциал исламистских концепций, правда, вряд ли будет быстро исчерпан, но

можно ожидать, что фундаменталистская идеология будет в нарастающей степени вытесняться идеологией реформаторской, ориентирующей мусульманскую религию на содействие модернизации. Возможности для этого заложены в самом исламе, который, по мнению, в частности, такого известного ориенталиста, как М.Робинсон, реалистичен в своей основе и способен поощрять экономическую инициативу⁵². Одновременно будет, видимо, расти популярность секуляристских воззрений, в соответствии с которыми богу должно быть отдано богово, а кесарево оставлено раису.

Естественно, происходящие процессы повлекут за собой требования дальнейшей политической либерализации, повышения роли легальных оппозиционных партий, отхода от нынешней системы «дозированной демократии». Насколько гладко будет проходить этот процесс, во многом будет зависеть от способности египетского «правлящего класса» осознать его неизбежность. В то же время дальнейшая демократизация будет в конечном счете отвечать и интересам самого режима, который по мере продвижения по пути реформ и снижения степени государственного вмешательства в экономику будет все больше терять способность утверждать свою легитимность в глазах населения через патронирование системы распределения, что поставит на повестку дня вопрос об изменении «общественного договора» через ассоциирование реформ с демократизацией и подмену экономических обязательств государства обязательствами политическими.

Такого рода сценарий развития Египта представляется более вероятным, чем «катастрофический вариант», что позволяет с достаточным оптимизмом смотреть на будущее этой страны.

¹ См.: IV всесоюзная конференция африканистов Африка в 80-е годы: итоги и перспективы развития (Москва, 3-5 октября 1984 гг.). Тезисы докладов и научных сообщений. Вып. IV, ч. I. М., 1984, с. 12.

² См.: Мыср фи аср Ас-Садат. Каир-Бейрут, 1986, с. 126-127.

³ The Middle East and North Africa. 1977-1978. L., 1977, с. 311.

⁴ Там же, с. 306.

⁵ Рамадан А.А. Мыср фи аср Ас-Садат, с. 144.

⁶ Аль-Ахрам. 22.08.1980.

⁷ Рамадан А.А. Мыср фи аср Ас-Садат, с. 145.

⁸ Там же, с. 150.

⁹ Там же. с. 240-241.

¹⁰ См.: A Land of Opportunity. Cairo, б. г., с. 3.

¹¹ См.: Беляков В. Египет. Каир, б. г., с. 9.

¹² Ад-Диблумаси. февраль 1999, с. 31, 33.

¹³ A New Business Environment for a Great Country. Cairo, б.г., с. 18.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ A New Business Environment for a Great Country; Независимая газета. 19.03.1999.

- ¹⁷ Ближний Восток и современность. Вып. 6. М., 1999, с.25-26.
- ¹⁸ Коринф. 1999, № 1, с. 16.
- ¹⁹ A Land of Opportunity, с. 11.
- ²⁰ Коринф. 1999, № 1, с. 17.
- ²¹ Независимая газета. 19.03.1999.
- ²² A New Business Environment for a Great Country, с. 9.
- ²³ The Middle East and North Africa. 1977-1978, с. 297; Независимая газета. 19.03.1999.
- ²⁴ The Europe World Year Book. 1995. Vol. I. L., 1995, с. 1062; Коринф, 1999, № 1, с. 17.
- ²⁵ *Беляков В.* Египет, с. 9.
- ²⁶ A Land of Opportunity, с. 31.
- ²⁷ Независимая газета. 19.03.1999.
- ²⁸ Ближний Восток и современность. Вып. 6, с. 19.
- ²⁹ The Future Role of the State in the Middle East and North Africa. Munich-Gütersloh, 1998, с. 106.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: The Europa World Year Book. 1995, vol. I, с. 1059, 1070.
- ³² Там же, с. 1059.
- ³³ Там же, с. 1070.
- ³⁴ Без учета 3 млн. египтян, работающих за рубежом.
- ³⁵ Ближний Восток и современность. Вып. 6, с. 25-26.
- ³⁶ *Беляков В.* Египет, с. 6.
- ³⁷ A Land of Opportunity, с. 3.
- ³⁸ Коринф, 1999, № 1, с. 17.
- ³⁹ A Land of Opportunity, с. 15.
- ⁴⁰ Там же, с. 29.
- ⁴¹ Независимая газета. 02.09.1997.
- ⁴² Азия и Африка сегодня. 1997, № 10, с. 11.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Независимая газета. 02.09.1997.
- ⁴⁵ A Land of Opportunity, с. 17.
- ⁴⁶ Там же, с. 23.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Коринф. 1999, №7, с. 17.
- ⁴⁹ Независимая газета. 19.03.1999.
- ⁵⁰ Ад-Диблумаси. Февраль 1999, с. 33.
- ⁵¹ A New Business Environment for a Great Country, с. 28.
- ⁵² См.: *Старостин Б.С.* Освободившиеся страны. Общество и личность. М., 1984, с.173.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА

12-17 мая 1997 г. в марокканском городе Марракеш состоялась I конференция Средиземноморского форума по проблемам развития (СФР). Главным предметом обсуждения на конференции стали знания и умение решать проблемы развития в век информатизации. Конференция была организована и спонсирована региональными исследовательскими центрами и учебными заведениями, а также Институтом экономического развития (ИЭР) Всемирного банка.

Наряду с ИЭР в организации СФР приняли участие: Ассоциация арабских экономистов; Арабский институт планирования; Экономический исследовательский форум по арабским странам, Ираку и Турции; Египетский центр экономических исследований; Ливанский центр политических исследований; Экономический саммит Ближнего Востока и Северной Африки; Королевское научное общество; Сирийское консультационное бюро развития и инвестиций; Турецкий фонд социально-экономических исследований.

В конференции приняли участие более 650 специалистов и экспертов по проблемам развития, главным образом из стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). На рассмотрение участников конференции СФР было предложено 13 главных тем, жизненно важных для региона, начиная от водоснабжения до просвещения, управления малыми предприятиями, их финансирования, до проблем частной инфраструктуры и многих других.

Главные результаты работы I конференции СФР были опубликованы отдельным изданием, составившем целый том. В нем нашли свое отражение как общие социально-экономические проблемы, рассмотренные применительно ко всему региону, так и на примерах отдельных входящих в него стран, субрегионов и населенных пунктов.

Особое место в этом издании как по глубине социально-экономического анализа, так и по широте подхода к теме занимают несколько представленных докладов. В их числе работа Вилема ван Егена и Кунасси Сомана «Бедность на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Соавторы сразу оговариваются, что исследуемый регион выгодно отличается по уровню бедности от других частей развивающегося мира, будь-то уровень доходов или душевое потребление. Более того, страны региона обладают таким потенциалом, который при условии разработки и реализации оптимальной стратегии развития может обеспечить еще более высокие результаты.

В соответствии с общепринятыми международными дефинициями чертой бедности считается 1 долл. США на душу в день (с некоторой кор-

ректировкой на покупательную способность в ценах 1985 г.). В некоторых случаях за черту бедности берутся 2 долл. на душу в день, а в других – минимальный объем потребляемых калорий. Эксперты ООН предпочитают в таких случаях комбинированные показатели, включающие доступность образования и здравоохранения.

Если же брать указанный общепринятый показатель в 1 долл. в день, то тогда, по данным соавторов доклада, в 1994 г. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА – MENA в английском сокращении) бедных насчитывалось около 11 млн. человек, или 5,6% от общей численности населения. По сравнению с 1985 г. или за 10 лет численность бедных в регионе БВСА возросла на 735 тыс. человек.

А если за черту бедности брать 50 долл. в месяц (в ценах 1985 г.) – показатель, используемый многими правительствами стран БВСА, то тогда бедных в 1994 г. насчитывалось 40 млн. человек (около 20% населения). Если же учитывать охват населения школьным обучением и медицинским обслуживанием, то тогда регион БВСА отстает от остальной части развивающегося мира. Кроме того, разница в охвате школьным обучением и медицинскими услугами мальчиков и девочек – одна из самых больших в мире. Эти различия ведут, например, к тому, что грамотных среди женщин региона на 28% меньше чем среди мужчин.

Кто же является бедным в регионе? Прежде всего, они проживают в сельской местности. В Марокко, например, 72% – это сельские жители. Соавторы доклада предлагают свои пути сокращения численности бедных в регионе. Они, в частности, ссылаются при этом на международный опыт, который подтверждает, что быстрый и устойчивый экономический рост – главный инструмент сокращения бедности.

Широтой постановки проблемы выделяется доклад Исхака Дивана «Глобальные изменения и что они означают для стратегий развития стран Ближнего Востока и Северной Африки». Автор отмечает, что мировая экономика переживает революционные времена. Охват рыночной стратегией развития многих развивающихся стран и стран с централизованной плановой экономикой, открытие международных и региональных рынков, большие достижения в облегчении потоков товаров, капиталов и идей по миру, а также окончание холодной войны создают новые возможности для многих миллионов людей. Но являются ли эти изменения благоприятными с точки зрения Ближнего Востока и Северной Африки? Некоторые элементы ответа на этот вопрос могут быть найдены, по мнению автора, в следующих четырех важных измерениях: 1) в глобализации рынков и возрастании роли Всемирной торговой организации (ВТО); 2) в возрастающей мобильности частного капитала с сопутствующими ей рисками; 3) в Европейско-Средиземноморской инициативе (ЕСИ), которая набирает обороты в регионе; 4) во все большем числе субрегиональных торговых соглашений, которые рассматриваются с возрастающей серьезностью. Каждое из этих измерений имеет важное воздействие на экономику региона БВСА. И каждое призывает к равновеликим изменениям в философии и стратегии развития.

И.Диван подчеркивает важную роль внешней помощи для стран БВСА, особенно в прошлом. По его данным, в истекшие две декады нетто-приток капитала извне, в особенности из государственных источников, составлял ежегодно в среднем 15% ВНП Машрика и Израиля, что является международным рекордом. Этот приток имел огромное значение для эволюции экономик стран региона, в особенности для роста государственного сектора. Он сыграл также большую роль в накоплении частных сбережений за рубежом, в результате чего приток капитала в госсектор извне сопровождался оттоком частного капитала из региона в поисках лучшей комбинации риска и возврата. Эти прошлые накопления в настоящее время находятся в безопасности за пределами региона БВСА. Их общая сумма оценивается в 100% ВВП всех входящих в него стран вместе взятых. Это больше, чем в каком-либо другом регионе мира.

Автор отводит определенное место в своем докладе Европейско-Средиземноморской инициативе (ЕСИ), которая представляет собой попытку более глубокой и многосторонней региональной интеграции между двумя берегами Средиземного моря и быстро развивается. Так, Тунис и Марокко подписали соглашения о свободной торговле с Европейским союзом (ЕС). Израиль углубил свои соглашения о свободной торговле, а Турция присоединилась недавно к Европейскому таможенному союзу. В дополнение к этому, Египет, Иордания, Ливан, Сирия и Палестинская автономия ведут переговоры о своих соглашениях ЕСИ.

В рамках рассмотрения субрегиональных соглашений автор дает оценки новым попыткам создания Арабского Общего рынка. Он пишет, что по международным стандартам регион БВСА хорошо интегрирован, причем не только с позиций рынка труда, но и с позиций торговых связей. Хотя объем внутрирегиональной торговли составляет всего 7% всего объема товарооборота стран БВСА, тем не менее это не так мало, если учитывать, что экономика региона составляет лишь небольшую часть мировой, а его торговля – только 5% общемирового объема. Мал прежде всего объем экспорта. Если взять экспорт всех арабских стран, за исключением экспорта нефти, то его объем будет меньше объема экспорта Финляндии – страны с населением 5 млн. человек. От себя добавим, что население только арабского мира в 1994 г., согласно статистике ООН, данными которого оперирует докладчик, превысило 240 млн. человек.

Тему доклада И.Дивана как бы развивает Джон Пэйдж в своем докладе, озаглавленном «Стоимость и выгоды европейско-средиземноморских отношений». По его данным, выгоды от экономической интеграции составляют около 3% ВВП. Поэтому интеграция между странами северного Средиземноморья и БВСА в случае ее осуществления даст мощный импульс развитию экономики последних. Это может произойти по трем каналам: 1) это конкуренция, которая вызывает снижение стоимости производства, его обновление и рост производительности; 2) передача новых технологий, которые будут способствовать гармонизации стандартов; 3) прямые иностранные капиталовложения. Поэтому сфера первоочередных

интересов, на которых министры торговли стран БВСА фокусируют свое внимание при заключении торговых соглашений, – это рост инвестиций, новые технологии, рост конкуренции и, следовательно, рост производительности.

Значительный интерес представляет последний доклад вводного тома на тему «Управляя потоками капитала: наблюдения с линии фронта», автором которого является Н.Саиди. Он считает, что регион БВСА нуждается в значительных инвестициях для: 1) финансирования процессов приватизации государственной собственности в ее разных формах; 2) проведения масштабных экономических реформ и программ либерализации, которые необходимы в ряде стран региона; 3) финансирования перехода от экономических режимов командного типа и социалистических экономических структур.

Несмотря на стратегическую важность и острую необходимость этих требований регион получал сравнительно небольшие объемы иностранного капитала. Так, согласно приводимым автором данным международной финансовой статистики, в 1996 г. регион БВСА получил 6,9 млрд. долл., 2,83% от общей суммы в 243,8 млрд. долл., поступившей по разным каналам во все развивающиеся страны, что свидетельствует о малой привлекательности региона БВСА для иностранных инвесторов.

Чтобы привлечь иностранных инвесторов, необходимы, по мнению Н.Саиди, следующие меры: 1) последовательное проведение такой макроэкономической политики, которая создала бы базу для стабильности как во внутренней экономике и финансах, так и в международных потоках капитала; такая политика должна включать прежде всего контроль за инфляцией, стабилизацию, строгое соблюдение финансовой дисциплины, удержание в определенных рамках дефицита государственного бюджета; 2) развитие эффективных ликвидных финансовых рынков и регулирующих институтов, руководствующихся общепринятыми международными критериями и стандартами.

II конференция СФР состоялась в том же Марракеше с 3 по 6 сентября 1998 г. Результаты ее работы были более плодотворны и нашли свое отражение в четырех томах, специализированных по следующим темам:

- 1) «Партнерство государственного и частного секторов»;
- 2) «Экономическое развитие и сокращение бедности»;
- 3) «Управление»;
- 4) «Выгоды от глобализации, финансы, торговля».

Название первого тома произошло от названия одной из секций II конференции СФР, – «Партнерство государственного и частного секторов в регионе БВСА». В том содержатся следующие четыре крупные работы: 1) «Трудности приватизации. Случай Турции», автор – О.Эртуна; 2) «Деловая среда в Тунисе», автор – Л.М.Хеди; 3) «Деловая среда в Египте: сложности в развитии частного сектора», автор – С.Фавзи; 4) «Трудности приватизации (на опыте Египта)», автор – М.Хаттаб. Проблема объединяющая все четыре работы – поиск оптимального соотношения в экономике между частным и государственным секторами. Пути решения этой про-

блемы рассмотрены на примерах Египта, Туниса и Турции, причем авторы по-разному углубляются в конкретику каждой из названных стран, стремясь найти собственное решение указанной проблемы.

Общие для всех работ теоретические предпосылки и условия постановки вопроса о предмете исследований лучше всего рассмотрены, на наш взгляд, в докладе О.Эртуны. Автор, в частности, отмечает, что на протяжении двух последних десятилетий такое явление как приватизация привлекает к себе внимание как развитых, так и развивающихся стран в качестве средства повышения эффективности компаний госсектора.

Приватизация как движение началась в 1974 г. в Чили как средство достижения экономического роста в условиях военной диктатуры генерала А.Пиночета, а свою популярность приобрело в Великобритании, когда она внедрялась там правительством М.Тэтчер. Позже, после крушения советского блока массовая приватизация помогла странам с социалистической экономикой организовать становление структур частной собственности и свободного рынка.

Турция была одной из стран, приступивших к реализации программ приватизации в 1986 г. с целью интеграции своих экономик в мировые рынки. Хотя Турция, по словам автора, сделала много для интеграции своей экономики в мировые, глобальные рынки, что нельзя сказать об ее приватизации.

Не так давно глобализация стала принятой стратегией для улучшения ситуации в мировой экономике. В 1994 г. было подписано генеральное соглашение о тарифах и торговле. А Всемирная торговая организация будет оказывать содействие в либерализации мировой торговли, базирующейся на конкуренции. В этих условиях приватизация удачно дополняет широко признанную стратегию либерализации и глобализации. При этом О.Эртуна глубоко убежден, что приватизация должна быть использована в качестве стратегии для достижения специфических целей этой страны, где она осуществляется. Цели могут варьировать от страны к стране. Но стратегия приватизации послужит любой использующей ее стране по крайней мере по трем причинам: 1) повышение эффективности хозяйствования; 2) улучшение технического управления; 3) повышение конкурентоспособности компаний.

В дальнейшем автор переходит к рассмотрению применения указанных теоретических положений в Турции и анализу развития ее экономики с 1924 г., уже после провозглашения Турецкой Республики. На турецком опыте приватизации, начавшейся в 1986 г., он пришел к выводу, что приватизация представляет собой намного более сложный процесс, чем просто распродажа государственной собственности. Программа приватизации должна быть поддержана другими программами, в частности направленными на создание новых рабочих мест. На всех стадиях приватизации ее цели должны постоянно разъясняться обществу. Программа приватизации должна иметь реалистическое временное расписание. Параллельно должна осуществляться программа реформирования госсектора.

Турецкий опыт, по мнению автора, поможет другим странам учесть не только его позитивные моменты, но и ошибки.

Другой пример решения проблемы поиска оптимального соотношения между частным и государственным сектором приведен в докладе Л.М.Хеди «Деловая среда в Тунисе». Его автор отмечает, что, заключив соглашение о свободной торговле с ЕС, Тунис на протяжении 10 лет после этого должен будет устранить все торговые барьеры на пути своего импорта и широко открыть свой рынок для конкуренции с европейскими поставщиками. Благодаря либерализационным реформам, начатым в 1987 г., частный сектор тунисской экономики стал основным в системе производства.

Государственная политика в отношении частного сектора в Тунисе радикальным образом изменилась по сравнению с началом 60-х годов. В 60-е годы централизованное планирование, по мнению автора, доминировало над экономическим управлением, им определялись подавляющая роль госсектора и создание кооперативов в сельском хозяйстве. В дальнейшем несмотря на декларации о поощрении частного сектора наряду с развитием государственного и кооперативного секторов упор делался на последние в противовес первому. С тех пор политика в отношении частного сектора изменилась принципиально. Вместе с тем необходимо наладить больше доверия и сотрудничество между государственным и частным секторами.

В 1995 г. Тунис заключил, как отмечалось, соглашение о свободной торговле с ЕС, ставящее условием постепенное устранение всех барьеров торговли промышленными товарами к 2010 г. В современный период это соглашение представляет собой самый большой вызов, брошенный всей экономике Туниса, и частным тунисским компаниям в частности.

Практика показала, что реформы в Тунисе пошли в правильном направлении. Вместе с тем, как свидетельствуют данные доклада, развитие эффективно функционирующего частного сектора все еще встречает серьезные трудности. Тем не менее доля частного сектора в производстве ВВП медленно, но неуклонно возрастает. Если в 1983-1986 гг. она составляла в среднем 57,7%, то в дальнейшем, в 1992-1995 гг., возросла до 64,6%.

Наиболее объемным стал второй том, посвященный проблемам экономического развития и сокращения бедности. Его авторы ведут анализ как на материалах всего региона БВСА, так и на примерах отдельных стран, даже не относящихся к Средиземноморью, как, например, Йемена.

Наибольший интерес среди работ, опубликованных в этом томе, вызывает, на наш взгляд, доклад Фахми Бишея «Сельское развитие и бедность в регионе БВСА: где мы находимся?» Автор доклада отмечает, что подавляющее большинство (более 70%) бедняков в странах БВСА живет в сельской местности. Их существование зависит от сельского хозяйства и другой не-сельскохозяйственной деятельности. Сельские бедняки обычно живут в тех районах, где плодородная земля встречается редко, продуктивность сельско-

хозяйственного производства – очень низка, часты наводнения и засухи, где широкое распространение получила деградация естественных ресурсов. Доступ таких бедняков к начальному образованию и здравоохранению, к питьевой воде и питательной пище весьма ограничен. Сельским беднякам присуща низкая продолжительность жизни, высокая детская смертность, высокий уровень безграмотности, особенно среди женщин. Поэтому, подчеркивает Ф.Бишея, бедняки фактически исключены из процесса любого экономического прогресса, которого добились их страны.

Что же касается препятствий на пути развития сельскохозяйственного производства в регионе БВСА, то главное из них – нехватка воды. По всему региону широко распространены аридные и семи-аридные территории. Если в 1996 г. в среднем по региону на душу населения приходилось 854 куб. м воды, то в его отдельных странах этот показатель был намного меньше. Так, в Египте он составлял 47 куб. м, в Иордании – 158, в Ливии – 156, в Мавритании – 171, в Сирии – 483, в Тунисе – 385, в Йемене – 260, и только в Алжире приближался к среднему уровню – 843 куб. м. Во многих странах БВСА перерасход грунтовых вод уже привел к засолению значительных территорий.

Если в сельских местностях сконцентрирована основная масса бедных, то в городах региона бедность находится в процессе роста. В города прежде всего эмигрируют сельские бедняки, не имеющие возможности найти заработка в деревнях, увеличивая тем самым долю городских бедных. В городах бедность преобладает прежде всего среди не полностью занятых, главный источник существования которых – мелкая розничная торговля. Очаги бедности распространены среди женщин, ведущих домашнее хозяйство, среди инвалидов и стариков. При этом одна из наиболее важных характеристик бедных – отсутствие образования.

По мнению Ф.Бишея, главные симптомы бедности – недостаточность доходов и потребления, а ее истоки коренятся в ограниченных возможностях бедных разделить надежды, вызовы и достижения того общества, в котором они живут. Бедность – это «исключение» из процесса развития. Искоренение бедности может быть достигнуто, если бедные будут «включены» в основное русло программ развития и достижений своих стран.

Самым прямым образом с расширением масштабов распространения бедности связана высокая рождаемость, которая тяжелым бременем ложится на экономику стран БВСА, быстро увеличивая долю неработающего населения и сокращения долю накоплений. Это ведет к сокращению ресурсов, необходимых для инвестиций в социально-экономическое развитие, и, в частности, к дальнейшему ухудшению положения сельских бедняков. В 1980-1996 гг. в среднем по региону БВСА ежегодный рост населения составлял 2,9%, что было наивысшим показателем среди всех остальных регионов мира. В отдельных же странах БВСА он был в этот период даже выше и составлял в ОАЭ 5,5% в Саудовской Аравии – 4,6; в Йемене – 3,8; в Сирии – 3,2; в Иордании – 4,3%. В крупных же стра-

нах региона он был ниже среднего уровня и составлял: в Турции – 2,1%; в Египте – 2,3; в Марокко – 2,1; в Судане – 2,4; в Алжире – 2,7%.

В нескольких докладах второго тома указанные проблемы подробно рассмотрены на примерах Турции, Египта, Иордании, Туниса, Западного берега р. Иордан и сектора Газа, а также некоторых других главным образом арабских стран.

Ряд авторов справедливо, на наш взгляд, отмечает, что одна из главных причин распространения бедности в регионе БВСА – огромные расходы на оборону, закупку вооружений и ведение региональных войн. Так, Джордж Ф.Коссайфи в докладе «Бедность в арабском мире: критический подход» приводит малоизвестные данные о военных расходах некоторых арабских стран за последние десятилетия.

1) Ирано-иракская война. В 1981-1988 гг. военные расходы Ирака составили более 190 млрд. долл. США, или в 4 раза больше, чем ежегодный национальный доход этой страны в среднем за годы войны. Для сравнения: за тот же период Ирак получил от экспорта нефти около 80 млрд. долл. (ссылка на газеты «Аль-Хайят» от 14.02.1996 г. и иорданскую газету «Аль-Асвак» от 31.01.1996 г.).

2) Вторая война в Заливе (Ирак). Оценки потерь для экономики стоимости восстановления инфраструктуры, разрушенной во время войны в Ираке варьируют. Объединенный Арабский экономический доклад за 1992 г. оценивает эти данные в суммарном выражении почти в 232 млрд. долл., что составляет 260% от национального дохода Ирака в 1979 г., когда он составил 64 млрд. (ссылка на те же газеты).

3) Вторая война в Заливе (все арабские страны). Упомянутый выше Объединенный Арабский экономический доклад оценивает потери арабских стран по состоянию на 1991/92 г. в 679 млрд. долл. как прямых последствий второй войны в Заливе.

4) Война в Йемене в мае-июле 1994 г. Ведущие экономические институты и ведомства оценили стоимость войны в Йемене за май-июль 1994 г. от 11 млрд. до 13 млрд. долл. США (ссылка на газету «Аль-Хайят» от 11.11.1996 г.).

5) Война в Ливане. С 1975 по 1991 г. экономика серьезно пострадала, уровни производства и жизни значительно снизились. Наиболее важные последствия этой войны:

а) финансово-экономические потери, по оценкам различных источников, – более 25 млрд. долл.;

б) потери в людях – примерно 65 тыс. убитых и 84 тыс. раненых;

в) эмиграция – примерно одна треть населения Ливана.

Общие потери от названных войн в финансовом выражении достигли 904 млрд. долл., из которых на Ирак пришлось 422 млрд. долл.

Третий том II конференции СФР посвящен проблемам управления на всех уровнях и в разных отраслях ряда арабских странах региона БВСА, в частности в Ливане, Египте, Марокко и Тунисе.

В числе этих проблем, например, такие как децентрализация органов управления и, в частности, фискальная, финансовые реформы муниципалитетов, перестройка муниципальных органов управления и ряд других проблем. Впереди других стран в проведении подобных реформ находятся Марокко и Тунис, которые стали осуществлять их с 1992 г.

Доклад, который как бы подводит итог всем остальным, опубликованным в этом томе, и обобщает их выводы – на наш взгляд, это доклад Роберта Эбеля «Логика либерализации и всемирное обозрение». Автор отмечает, в частности, что из 75 развивающихся государств и стран переходного типа с населением каждой более 5 млн. человек все, кроме 12, приступили к той или иной форме перевода фискальной власти от центральных правительств к муниципальным. Это происходит даже в таких «наследственно» централизованных странах как Иорданское Хашимитское Королевство и Королевство Марокко, а также в государствах, находившихся в сфере советского влияния.

Проблемы, с которыми сталкивается каждая страна, осуществляющая децентрализацию, одновременно очень сложны и схожи. Разница между ними заключается в различиях экономических и демографических структур, институтов, традиций, в различном географическом положении и в доступе к новым технологиям. Так, например, разрабатывая системы налогов на муниципальную собственность политики стран БВСА часто должны принимать во внимание комплекс комбинаций колониальных и местных племенных законов. Однако концепция рынков как основ для оценки стоимости земли при этом – весьма проста.

В противоположность этому в некоторых странах переходного типа права на собственность четко отрегулированы. Свидетельство этому – та быстрота, с которой многие страны оказались в состоянии организовать процесс реституции собственности. Вместе с тем рыночная концепция все еще требует дальнейшего утверждения и внедрения, чтобы она могла служить в качестве главного критерия широкого применения взимания налогов в соответствии со стоимостью.

В заключительном, четвертом томе II конференции СФР «Выгоды от глобализации, финансы, торговля» основное место занимают доклады, посвященные анализу опыта осуществления реформ финансов и торговли в отдельных арабских странах, в частности в Египте и Тунисе. Один из докладов (автор – Субидей Тоган) содержит сравнительный анализ торговых соглашений Турции, Туниса и Израиля с ЕС. Этот доклад тем самым является своеобразным переходным мостиком от исследований проблем Южного и Восточного Средиземноморья к исследованию проблем всего Средиземноморья, т.е. отвечающим самой идее СФР.

Вместе с тем практически единственный доклад из нескольких десятков содержащихся во всех пяти томах I и II конференций СФР, который действительно анализирует проблемы применительно ко всему Средиземноморью, – это доклад Халиса Акдера «Торговля

сельскохозяйственной продукцией вокруг Средиземноморья». Наряду с разделами, содержащими анализ данных непосредственно по теме доклада, автор приводит в нем и общие положения о взаимоотношениях между всеми странами Средиземноморья, прежде всего торгово-экономических.

Х.Акдер отмечает, что вокруг Средиземного моря расположены 18 стран, включая островные государства и одно автономное образование. Две из этих стран – Албания и Ливия – никогда не включались, по мнению автора, в так называемые Евро-Средиземноморские соглашения. Еще одна страна, не относящаяся непосредственно к Средиземному морю, – Португалия рассматривалась как средиземноморская задолго до того как стала полноправным членом ЕС.

Первоначально полноправными членами ЕС были только Франция и Италия. Вступление в ЕС Греции, Испании и Португалии интегрировало почти полностью северное побережье Средиземного моря. Бывшая Югославия вступила в ЕС позже других, однако после ее распада она вышла из системы евро-средиземноморского сотрудничества. Если взглянуть на перспективы ЕС, то евро-средиземноморские отношения будут выглядеть как двусторонние партнерские соглашения между 15 полноправными членами и 11 средиземноморскими странами и одним автономным образованием (Алжир, Марокко, Тунис, Египет, Иордания, Сирия, Израиль, Кипр, Мальта, Турция, Палестина).

Интенсивность экономических отношений между каждой из средиземноморских стран и ЕС не одинакова. В целом «Глобальная средиземноморская политика» или «Евро-Средиземноморские соглашения» ЕС остаются двусторонними. Мальта и Кипр приняты в качестве кандидатов на вступление в ЕС (однако Мальта отозвала свою заявку). Турция заключила с ЕС таможенный союз, который распространяется только на промышленные изделия, и подала заявку на полное членство. Израиль в 1995 г., Тунис в 1995 г., Марокко в 1996 г., Палестина в 1997 г. и Иордания в 1998 г. обновили соглашения о партнерстве. Египет, Ливан и Алжир имеют аналогичные договоренности. Сирия в мае 1998 г. начала переговоры о вступлении в ЕС в качестве ассоциированного члена.

Стратегическая цель всех этих соглашений – установление зоны свободной торговли вокруг Средиземного моря. На момент проведения II конференции СФР число средиземноморских стран в рамках евро-средиземноморского партнерства сокращалось. Дело в том, что направление ресурсов в этот регион ограничивается из-за конкуренции расширения ЕС на восток, а движение к экономической интеграции происходит не в изоляции от других интеграционных усилий. Соглашения о двусторонней торговле с ЕС являются практически внутрирегиональной торговлей. Недавнее соглашение об арабской свободной торговле было заключено именно для того, чтобы стать противовесом этой возможности.

В 1997 г. 18 арабских государств одобрили исполнительную программу по установлению Арабской зоны свободной торговли (АЗСТ), кото-

рая вступила в силу 1 января 1998 г. Новое соглашение предусматривает устранение импортных пошлин и других препятствий торговле товарами арабского происхождения на десятилетний период. Турция начала аналогичное региональное интеграционное движение вокруг Черного моря и подписала соглашения о льготной торговле с Израилем и несколькими странами Центральной и Восточной Европы.

Средиземноморские страны, не являющиеся членами ЕС, обеспечивают ему значительный внешний рынок, а ЕС является главным рынком сбыта для многих из них (см. табл.), и почти 20% импорта энергии ЕС поступают из региона Средиземноморья.

Таблица

**Торговля между ЕС
и странами Средиземноморского бассейна в 1995 г.**

Страна	Доля стран Средиземноморья		Страна	Доля ЕС	
	импорт	экспорт		импорт	экспорт
ЕС	5,7	8,2	Алжир	56,0	63,5
Бельгия/Люксембург	6,1	12,4	Марокко	53,1	61,3
Дания	1,4	3,2	Тунис	69,1	79,0
Германия	4,8	5,5	Египет	38,9	45,8
Греция	10,2	24,8	Иордания	31,1	5,0
Испания	7,6	12,3	Ливан	43,6	15,8
Франция	9,4	11,8	Сирия	31,7	56,7
Ирландия	1,5	4,7	Израиль	52,4	32,3
Италия	9,2	11,5	Палестина		
Нидерланды	4,0	6,9	Кипр	51,7	34,7
Португалия	8,0	8,0	Мальта	72,8	71,4
Великобритания	2,6	5,8	Турция	47,2	51,2

Сопоставление левой и правой частей таблицы отчетливо свидетельствует, на наш взгляд, о малой значимости стран Средиземноморья для внешней торговли стран ЕС, составляющей в целом по ЕС 5,7% импорта и 8,2% экспорта. В то же время на страны ЕС приходится основная доля внешней торговли стран Средиземноморья. В наибольшей степени это проявляется на примерах Мальты и Туниса.

Автор доклада Х.Акдер отмечает, что необходимость особой евро-средиземноморской политики вытекает из огромных различий между севером и югом Средиземноморья. Проблемы Юга в той или иной степени распространяются на Европу. Это нелегальная миграция, торговля наркотиками, угроза беспорядков в Алжире для импорта нефти. Аналогичным образом напряженность между Израилем и арабскими странами негативно отражается на ЕС. Все эти проблемы могут сохраниться в будущем, и этим продиктована необходимость евро-средиземноморского партнерства.

* * *

Таким образом, проведенный анализ объемного пятитомника дает основания сделать несколько общих выводов. Главный из них состоит в том, что Средиземноморский Форум по проблемам развития сумел привлечь к своей работе ведущих экономистов, социологов, финансистов и специалистов по другим вопросам. Эти специалисты в своих докладах, представленных на двух конференциях, дали всеобъемлющую картину современного состояния региона БВСА, его социально-экономического положения. Поэтому данный пятитомник можно считать, на наш взгляд, исключительно ценным собранием аналитических материалов практически по всем проблемам развития.

В дальнейшем ценность этого собрания будет зависеть от того, насколько его данные, положения, цифры и выводы будут использованы правительствами и другими органами исполнительной власти стран БВСА. Особенно это важно подчеркнуть, поскольку большинство докладов содержит констатирующие положения и практически не дает каких-либо рекомендаций. Авторы докладов, по всей видимости, принимают как должное, что читатели сами сделают свои выводы и в дальнейшем применят их на практике при решении проблем развития.

Принципиальным недостатком пятитомника считаю несоблюдение географии бассейна Средиземноморья. Анализу подвергнуты проблемы в большинстве случаев Южного и частично Восточного Средиземноморья и совсем нет анализа проблем развития стран Северного Средиземноморья.

Другой пример нарушения принципа соблюдения географии региона – включение в пятитомник докладов по странам, не относящимся к бассейну Средиземноморья, например, по Йемену.

Наконец, весьма небольшое число докладов пятитомника, которые были названы в тексте данного обзора, полностью соответствует непосредственной теме обеих конференций СФР о различных видах сотрудничества между странами южных, восточных и северных берегов Средиземноморья.

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1999 г. В ТУРЦИИ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

18 апреля 1999 г. состоялись выборы в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) – однопалатный представительный орган, состоящий из 550 членов и избираемый на пять лет. Выборы принесли следующие результаты для шести наиболее влиятельных в Турции политических партий. Демократическая левая партия (ДЛП) получила 22,3% голосов и 136 мест в парламенте, Партия националистического движения (ПНД) – соответственно 18,1% и 129 мест, Партия добродетели (ПД) – 15,5% и 111 мест, Партия отечества (ПО) – 13,3% и 86 мест, Партия верного пути (ПВП) – 12,1% и 85 мест, Народно-республиканская партия (НРП) – 8,9% голосов и, не преодолев десятипроцентный барьер, депутатских мандатов не получила¹.

Очевидно, что продуктивный анализ таких результатов возможен на базе сравнения с результатами предыдущих парламентских выборов. При этом целесообразно взять период с 1983г., когда были проведены первые после военного переворота 12 сентября 1980 г. выборы в ВНСТ (см. табл.).

Дело в том, что военная хунта в лице Совета национальной безопасности (СНБ), взявшая после переворота власть в свои руки, разогнав парламент и запретив все политические партии и почти все общественные организации, фактически разрушила сложившуюся политическую систему. По инициативе и под руководством СНБ была создана новая законодательная база политической системы страны (Конституция, принятая в 1982 г., и ряд основных законов). На этой основе СНБ разрешил в 1983 г. создание новых партий и проведение парламентских выборов. Их рассмотрение позволит не только сделать сравнительный анализ выборов 1999 г., но и сформулировать некоторые предварительные выводы относительно функционирования ряда институтов политической системы страны за последние полтора десятка лет.

Таблица

Итоги парламентских выборов в 1983 – 1995 гг.*

Политические партии	Даты выборов							
	ноябрь 1983 г.		ноябрь 1987 г.		октябрь 1991 г.		декабрь 1995 г.	
	% голо- ло- сов	чис- ло мест	% голо- ло- сов	чис- ло мест	% голо- ло- сов	чис- ло мест	% голо- ло- сов	чис- ло мест
Партия отечества (ПО)	45,15	212	36,3	292	24	115	19,7	135
Народническая партия (НП) ^а	30,46	117	–	–	–	–	–	–
Национал-демократическая партия (НДП) ^б	23,27	71	–	–	–	–	–	–
Социал-демократическая народническая партия (СДНП)	–	–	24,8	99	20,5	88	–	–
Партия верного пути (ПВП) ^в	–	–	19,1	59	27,3	178	19,2	135
Демократическая левая партия (ДЛП) ^г	–	–	8,5	0	11	7	14,7	76
Партия благополучия (ПД) ^д	–	–	7,2	0	16,8	62	21,3	158
Партия националистической деятельности (ПНДе) ^е	–	–	2,9	0	–	–	8,2	0
Народно-республиканская партия (НРП) ^ж	–	–	–	–	–	–	10,7	49

Составлено по: Turkey 1966. Almanac; Milletvekili genel seçimi sonuçları. Ankara, 1988; Milliyet, 21.11.1991; Internet <http://www.medeabn.com/en/index060.htm>.

^а Народническая партия – создана в мае 1983г., а в ноябре 1986 г. она объединилась с Социал-демократической партией, не допущенной генералами к участию в выборах 1983 г. Объединенная партия стала называться – Социал-демократическая народническая партия (СДНП).

^б Национал-демократическая партия – создана в мае 1983 г. по инициативе военной хунты и должна была стать, по замыслу генералов, идеальной партией для «всей турецкой нации». Однако НДП не смогла составить свою социальную базу и в мае 1986 г. объявила о самороспуске.

^в Партия верного пути – создана в июне 1983 г., но в этот год генералы не допустили ее к участию в выборах.

^г Демократическая левая партия – создана в ноябре 1985 г.

^д Партия благополучия – создана в июле 1983 г., но в этот год генералы не допустили ее к участию в выборах.

^е В июле 1983 г. националистическое политическое движение в стране создало свою партию. Она получила название Консервативной, но в 1985 г. переименована в Партию националистической деятельности. С отменой введенных военной хунтой ограничений вернулась к своему прежнему названию в 70-х годах – Партия националистического движения.

^ж Народно-республиканская партия возникла в результате слияния в феврале 1995 г. СДНП и Народно-республиканской партии, созданной в 1992 г. вышедшей из состава СДНП группой депутатов парламента.

Итак, при сравнении результатов выборов бросается в глаза резкое, прямо-таки скандальное падение влияния в 1999 г. двух правоцентристских партий – ПО и ПВП, являвшихся в 80-90-е годы главными политическими силами страны. ПО единолично находилась у власти в 1983-1991 гг., а ПВП правила страной в коалиции с социал-демократами в 1991-1995 гг.

Причины следует искать как внутри этих партий, в их программных установках и практической деятельности, так и вне их – в новых факторах политической жизни Турции, к которым мы обратимся ниже.

Что касается программных установок ПО, то они характеризовали партию как консервативную, основывающуюся на экономике свободного рынка. Главная функция государства – обеспечение предпринимательской деятельности частного капитала, государственные же предприятия должны быть приватизированы. Фактически речь шла об отказе от культивировавшегося до сих пор в Турции кемалистского принципа этатизма, смешанной экономики, об отказе также от «догматического централизованного планирования»².

Все эти установки были воплощены в программе правительства ПО и его деятельности. Выражалась полная приверженность «программе экономической стабилизации» от 24 января 1980 г., составленной по рекомендации МВФ и МБРР и предусматривавшей сведение к минимуму предпринимательской деятельности государства, приватизацию и акционирование государственных экономических предприятий, поощрение экспортных отраслей производства, обеспечение всеми мерами погашения внешней задолженности.

С аналогичными установками либерализации экономики выступила и программа ПВП, которая предусматривала сужение рамок этатизма, курс на развитие «свободного рынка и конкуренции», сокращение планирования, курс на экспорториентирование экономики³.

И ПО, и ПВП (в составе коалиции) добились определенных успехов в развитии экономики, особенно в макроэкономических показателях. Но к середине 90-х годов стали выявляться и некоторые отрицательные стороны их политики либерализации экономики. Так, власти, удовлетворяя требования МВФ и МБРР, исправно рассчитывались по внешним долгам, но «забывали» индексировать зарплату огромной массы бюджетников – рабочих и служащих. А между тем инфляция съедала значительную часть этой зарплаты. Так, в 1994 г. инфляция составила 149,6% , цены на потребительские товары выросли на 125%, а зарплата бюджетников – всего лишь на 30%⁴.

В 1994 г. коалиционное правительство во главе с лидером ПВП Т.Чиллер предложило «пакет мер по экономической стабилизации», вызвавший возмущение в широких слоях общества, ибо предусматривал замораживание зарплаты, повышение цен, увольнение десятков тысяч рабочих госсектора⁵. Кстати, приватизация, инициаторами которой выступили именно правоцентристские партии, и связанное с этим сокращение социально-экономических функций государства, вызвали большую насто-

рожденность в обществе, требующем осмотрительности и гласности в этом вопросе⁶.

Отметим еще один фактор. Деятельность правоцентристов, особенно коалиционного правительства Т.Чиллер сопровождалась непрерывной чередой скандалов, связанных с коррупцией и злоупотреблением властью, и соответствующими парламентскими расследованиями. Многие из последних были связаны лично с Т.Чиллер и ее супругом. Понятно, что это не могло произвести благоприятного впечатления на электорат.

Теперь о ситуации в турецкой социал-демократии. Представленные здесь две партии – НРП (в недавнем прошлом СДНП) и ДЛП придется рассматривать отдельно, ибо на сегодня здесь больше факторов их разъединяющих, нежели объединяющих. Как видим из таблицы, социал-демократы лишь в 1983 г. добились ощутимого успеха, собрав около трети голосов. В дальнейшем влияние СДНП уменьшалось с каждым выбором и дело дошло до того, что в 1999 г. они получили всего 8,9% голосов и не попали в ВНСТ. Пожалуй, впервые за три десятилетия социал-демократы потерпели такое фиаско.

Это – результат бесконечных разъединений и объединений, внутрипартийных распрей и интриг, неэффективного руководства. Авторитет СДНП был подорван ее участием в коалиции с правыми, хотя она и пыталась там бороться за демократизацию и как поборница принципа этатизма противодействовать приватизации.

Другое дело ДЛП во главе с Бюлентом Эджевитом. После переворота он сразу отмежевался от социал-демократических кругов 70-х годов, заявив, что они «не имели своего лица». Б.Эджевит поставил задачу создания новой социал-демократической партии, которая должна «подняться из гущи народной, а не возникнуть из известной элитарной интеллигентской верхушки»⁷. В программе ДЛП отчетливо прозвучали идеи связи национализма и независимости страны («независимость базируется на национальном суверенитете»). Национализм трактовался как главное условие «единения всех граждан страны как равноправных членов турецкой нации», достижения уровня современной цивилизации с учетом турецкого исторического и культурного достояния, «независимого развития Турции в условиях единства и свободы»⁸.

Б.Эджевит оказался дальновидным политиком, ибо в обстановке 90-х годов такие формулировки приобрели особое значение. Дело в том, что национализм, будучи одним из основных принципов кемализма, в начале века был выдвинут как способ национального выживания, создания нового турецкого государства на обломках Османской империи. В дальнейшем процесс интеграции Турции в европейский союз и в широком плане – в новый мировой порядок стал предусматривать отказ от национализма, ценностей национального суверенного государства. Западники-правоцентристы и социал-демократы (СДНП), продолжая на словах признавать принцип национализма, де-факто молча отбрасывали его как ставший ненужным. Это вызвало болезненную реакцию значительной части обще-

ства. Здесь то и пришлось кстати трактовки национализма партией Б.Эджевита. Они даже дали основание некоторым авторам называть ДЛП «социал-националистической» партией⁹.

Взрыв курдского национализма в 80-90-е годы, подогреваемого действиями курдских сепаратистов и террористов, с одной стороны, и решительный отказ Европейского союза признать Турцию своим полноправным членом, – с другой, способствовали усилению турецкого национализма. И здесь националистические мотивы ДЛП были восприняты благоприятно.

Немаловажное значение имеет и моральный облик лидера ДЛП Б.Эджевита. В отличие от других крупных политиков он не замешан в скандалах, связанных с коррупцией или какими-либо другими неблагоприятными делами. В Турции он известен как бессеребрянник, не скопивший состояние, хотя многие годы находится в первом ряду политических деятелей и неоднократно занимал пост премьер-министра.

В результате неуклонно возрастало влияние ДЛП, число ее депутатов возросло с семи после выборов в 1991 г. до 136 – в 1999 г.

Турецкий национализм – это то общее, что связывает три партии – ДЛП, ПНД и Фазилет, получивших в 1999 г. наибольшее число голосов, хотя он присутствует в установках этих партий в разной степени и в разных трактовках.

В наибольшей мере он свойственен ультранационалистической ПНД. Вся программа этой партии пронизана темой турецкого национализма, который объявлен созидательной силой и основной философией Турецкой Республики, ее официальной идеологией. Цель партии – «служить великой турецкой нации и ее государству», сделать турецкую нацию процветающей, а государство – сильным. Главный же источник силы – единство и солидарность нации. ПНД признает лишь ту демократию, которая «соответствует национальному характеру». Интересна экономическая позиция партии, выступившей против следования западной модели сверхрыночной либеральной экономической системы», которая «индивидуальные интересы ставит выше национальных, делает богатого богаче, а бедного беднее»¹⁰.

Все национальное образование, указывала программа, должно быть проникнуто духом национализма и решительно ограждено от «подрывных и сепаратистских идей». Нельзя, говорилось в программе, использовать религию в политических целях, но нельзя также использовать в тех же целях и лаицизм. Политическое давление на религию и верующих недопустимо, указывала ПНД, и здесь ее позиция совпадала с позицией происламской партии Рефах¹¹.

ПНД и ее одноименная предшественница 70-х годов знала разные времена. В конце 70-х годов ПНД, создавая боевые молодежные организации и формируя свою базу в офицерском корпусе, готовилась к самым решительным действиям против «прогнившей демократии». После военного переворота 1980 г. руководители партии, в том числе ее лидер Альпарслан Тюркеш (ныне покойный), подверглись репрессиям.

В 90-е годы партия активно себя не проявляла и не имела представительства в парламенте. Но зато в 1999 г. получила сразу 129 депутатских мандатов и более того – 13 министерских портфелей в коалиционном правительстве, столько же, сколько и ее партнер – ДЛП (третий участник коалиции – ПО – получила девять портфелей).

Решающим в неожиданном и крупной успехе ПНД стало, как мы полагаем, то что обстановка в Турции и вокруг нее созрела для восприятия националистических установок партии значительной частью электората. Как говорилось, резкая активизация курдского движения сделала реальностью расчленение государства, что привело к всплеску турецкого национализма и поддержке установок ПНД на «единство и неделимость». Неоднократно в прошлом гонимый и критикуемый, даже проклинаемый национализм ПНД, наконец, оказался востребованным.

Как уже ясно, две партии – ПНД и ПД, помимо национализма, сближает еще и исламизм, ставший важным элементом общественно-политической жизни страны. Корни исламского ренессанса в секулярной Турции следует искать в том, как осуществлялись кемалистские реформы в 20-30-е годы XX в. Тогда желание радикал-реформистов как можно скорее westernизировать республику во всех отношениях привело к одномоментному слоому всей основанной на шариате законодательной базы и всего уклада жизни общества. Кемалисты добились огромных успехов в политическом, экономическом и культурном строительстве, но категорический отказ от духовного, культурного наследия прошлого, толкование частью реформистов принципа лаицизма как атеизма, даже запрет традиционной одежды – все это болезненно воспринималось и интеллигентом, и рядовым турком, не переставшим быть правоверным мусульманином.

Впервые исламисты политически оформились в рамках многопартийной системы в январе 1970 г., создав Партию национального порядка (ПНП), которая была запрещена Конституционным судом в мае 1971 г. по обвинению в нарушении принципа лаицизма. В октябре 1972 г. происламское движение создало Партию национального спасения (ПНС), которая после переворота была в числе всех других партий распущена. В июле 1983 г. была организована Партия благополучия (ПБ), ставшая политической наследницей ПНС. В феврале 1998 г. Конституционный суд принял решение о закрытии ПБ «за действия, несовместимые со светским характером государства», партия немедленно возродилась под именем Партии добродетели (ПД). Таковы основные вехи происламского движения.

Партия благополучия выступила за толкование лаицизма как средства охраны свободы совести. Национализм понимался партией как соответствие исторически сложившимся, объединяющим духовным и национальным ценностям, как основа духовного единства. Ислам и национализм признавались как главные источники силы нации. Такого же толкования придерживалась и ПНД, правда, на первое место она ставила национализм. ПБ выступила против расточительства и ростовщичества, за «следование в экономике национальным путем, а не рецептам междуна-

родного финансового капитала», за расширение подготовки религиозных кадров¹². Особое раздражение сторонников вестернизации вызвали попытки Н.Эрбакана в бытность его премьер-министром переориентировать Турцию с западного мира на исламский, его заявления о необходимости создания исламского общего рынка и т.п.

Программа Партии добродетели восприняла основные положения программы Партии, благополучия хотя здесь исламские мотивы звучат в весьма приглушенном виде, исчезло упоминание о религиозном образовании, демонстрируется уважение к основам светского государства¹³.

Несмотря на жесткую политику властей, исламистам удалось создать солидную социальную базу. Она включила в себя массу анатолийских мелких и средних предпринимателей. Быстрая урбанизация привела к росту на окраинах больших городов целых районов геджеконду (примитивных жилищ). Если к концу 60-х годов их насчитывалось 400 тыс., то к 1999 г. — около 2 млн.¹⁴ Население этих трущоб (в основном, выходцы из деревень) тянулось и тянется к лозунгам исламистов, равно как и националистов из ПНД¹⁵.

В 90-е годы в турецком обществе получил хождение термин «турецко-исламский синтез», который мы понимаем как синтез исламизма и национализма. Весьма интересные рассуждения по этому поводу приводит один американский исследователь. Турция, отмечает он, давно имеет две потенциально дестабилизирующие проблемы. Одна из них — тяга народа к исламу и его обычаям в государстве, сохраняющем секулярный статус. Другая — настойчивость курдов в стремлении создать свое моноэтническое государство. Уже в 70-е годы симпатии к исламу стали возрастать не только среди крестьян, но и среди правых интеллектуалов и тех, кто занимал важные государственные посты. Эти люди стали убеждаться, что исламисты стремятся поддержать территориальную целостность Турецкой Республики. Более того, даже армия в ходе переворота 1980 г. как бы одобрила то, что было названо турецко-исламским синтезом¹⁶.

Такие рассуждения, на наш взгляд, помогают понять результаты последних парламентских выборов. Более половины избирателей (55,9%) отвернулись от коррумпированных консерваторов — правоцентристов и раздираемых противоречиями социал-демократов в лице НРП и отдали свои голоса трем партиям — ДЛП, ПНД и ПД, поднявшим на щит национализм и исламизм как средства консолидации нации и государства.

Уже итоги парламентских выборов в 1995 г. показали наличие тенденции к ослаблению имевшего место в прошлом основного разделения голосов турецкого электората между правоцентристами и социал-демократами. Избиратель имел перед собой главную дилемму: проголосовать за правоцентристов и получить поменьше политической свободы и побольше либеральной экономики, либо проголосовать за социал-демократов и, наоборот, получить побольше политической свободы и поменьше либеральной экономики. Выборы 1995 г. показали, что эта западноевропейская модель уступает свое место турецкой специфике, что вырази-

лось в победе происламской Партии благополучия. Последние выборы продемонстрировали закрепление этой тенденции, усиление турецкой специфики, выражающейся именно в «турецко-исламском синтезе».

Разработанная под руководством военной хунты новая законодательная база турецкой политической системы обеспечивала в 80-е годы более или менее стабильное ее функционирование. События после 1995 г. показали, что начинаются серьезные сбои, вызревают элементы нового, очередного, системного кризиса.

Видные турецкие экономисты, ведущие бизнесмены твердят, что сегодня прежде всего нужна политическая стабильность как непременное условие экономической стабилизации¹⁷. Будущее, однако, судя по всему, такой стабильности не обещает.

¹ Internet <http://www.agora.it/elections/election/turkey.htm>.

² Anavatan partisi programı. Ankara, 1983.

³ Doğru yol partisi tüzük ve programı. Ankara, 1983.

⁴ Hürriyet. 07.12.1995; Türkiye, 06.11.1995.

⁵ Azadi. 10-16.04.1994.

⁶ 2000. İkibine doğru. 22.12.1991; Ekonomik forum. 1994, № 7.

⁷ См.: Yankı, 24.02-02.03.1986, № 778; 12-18.05.1986, № 789.

⁸ См. Demokratik sol parti. Program ve tüzük özeti. Ankara, 1985.

⁹ См. Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. М., 1999, с.93.

¹⁰ Milliyetçi çalışma partisi programı. Ankara, 1986.

¹¹ Там же.

¹² Refah partisi programı. Ankara, 1983.

¹³ Fazilet partisi. Demokrasi, insan hak ve özgürlükleri, barış, adalet ve öncü bir Türkiye için kalkınma programı. – Internet www.fp.org.tr.

¹⁴ İstanbul ticaret. 02.05.1999.

¹⁵ Nilufer Narli. The Rise of the Islamist Movement in Turkey –Middle East Review of International Affairs. Vol. 3, N 3 (September 1999).

¹⁶ Derk Kinnane-Roelofsma. Islam, the Kurds, and Turkey's Problems at Home and with the Neighbors. Eurasia News. November 29, 1998.

¹⁷ См., например: İstanbul ticaret. 14.05.1999.

ТРАЙБАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИОРДАНИИ

Иорданское общество переживает в настоящее время процесс трансформации от традиционного уклада к современному. Одной из особенностей данного этапа является то, что общество одновременно несет в себе черты обоих укладов. По мнению специалистов, подобная ситуация помимо позитива имеет и такие негативные стороны, как возникновение «дублирования норм, определяющих роль и жизненную позицию индивидуумов»¹, появление у людей чувства неопределенности, тревоги и переживания. Ощущая уязвимость перед лицом все глубже укореняющихся норм современной жизни, иорданское общество ищет защиту в традиционных устоях.

Одной из наиважнейших черт традиционного арабского общества, играющей ведущую роль в социальной организации и ориентации современной Иордании, продолжает оставаться трайбализм – кланово-родовые и племенные взаимоотношения. Несмотря на все шире распространяющуюся урбанизацию, представляющую собой основной фактор размывания традиционных устоев, кланово-племенные отношения как и прежде служат главным регулятором многих сфер общественно-политической жизни Иорданского Хашимитского Королевства.

По словам короля Хусейна, «иорданские кланы и племена всегда пользовались максимальным доверием Дворца, служили предметом гордости и объектом внимания монарха»². В связи с этим, королевский двор чутко реагирует на запросы родо-племенного сообщества, старается их максимально удовлетворять, получая взамен полную лояльность и поддержку. Немаловажный фактор внутренней стабильности в стране является именно разветвленное трайбалистское представительство в органах государственной власти, а также поддержание баланса между кланами в их участии в государственных структурах.

Король имеет специального советника по вопросам племен (по-арабски эта должность звучит как «советник по делам племен»). Последние годы правления короля Хусейна на этом посту был генерал-лейтенант Хмейди аль-Фаиз. Со 2 июля 1998 г. данную должность занимает двоюродный брат короля Абдаллы II принц Гази Бен Мухаммед. Функции советника, как их определил еще король Хусейн, – «укреплять мосты взаимодействия и диалога с племенами, находится в постоянном контакте со всеми кланами и изучать их нужды и потребности, условия жизни и проблемы в свете трансформации общества, помогать обеспечивать им достойное существование, чтобы у них укреплялось чувство национальной принадлежности и чтобы они вносили больший вклад в развитие и процветание Иордании»³.

Широко практикуются приемы в королевском дворце шейхов племен и кланов, во время которых они информируют монарха как в их районах обеспечивается здравоохранение, образование, какова степень участия их кланов в органах государственного управления, в вооруженных силах и спецслужбах. Шейхи на таких мероприятиях высказывают пожелания относительно привлечения новых клановых представителей в правительственные и армейские структуры, содействия государства в решении проблем землевладения, сельского хозяйства, транспорта и связи⁴.

В Иордании создана и успешно существует система трайбалистских судов, в ведении которых находится разрешение межплеменных споров и противоречий, что нередко возникают вокруг вопросов землевладения, использования колодцев, площадей для откормки скота и в связи с различными административными и уголовными правонарушениями, самые распространенные из которых неумышленные убийства. В этих случаях вопрос обычно выносится в трайбалистский суд, который посредничая между кланами помогает урегулировать возникшую проблему или конфликт. В рамках трайбалистских судов разрабатываются и вводятся в действие новые племенные обычаи и законы, появление которых диктуется трансформацией общества, развитием правовой системы иорданского государства⁵.

Членами трайбалистских судов обычно назначаются одни из авторитетнейших шейхов, знатоки племенных обычаев и законов. Первыми двумя председателями таких судов стали после их создания в 30-х годах XX в. шериф Шакер Бен Зейд и младший сын эмира Абдаллы принц Наиф.

Иорданские племена и кланы до создания эмирата Трансиордания

Иорданские кланы и племена считают себя коренными жителями страны, создавшими вместе с хашимитским шерифом Абдаллой Бен Хусейном нынешнее государство.

С социальной точки зрения, территория современной Иордании на протяжении длительного времени вплоть до начала XX в. представляла собой, по выражению одного из исследователей, «стагнирующее болото, редко соприкасавшееся с турбулентным потоком событий, происходивших к западу от реки Иордан»⁶. Турецкая администрация, а Заиорданье находилось в составе Османской империи с 1517 г., не вмешивалась в дела местных племен, за исключением небольшого района с оседлым населением в северо-западной части страны. Здесь сельскохозяйственные кланы были полностью в руках турецких чиновников, тем более, что бедуины для них представляли еще большую опасность: жизнь фалляхинов (оседлых земледельцев) для свирепых обитателей пустыни не значила вообще ничего, в отличие от турок, нуждавшихся в известном благополучии своих налогоплательщиков. Также подчинялись эмиссарам из Стамбула и жители немногочисленных городов и поселений, таких как Керак (в 1872 г. — 8 тыс. жителей, к 1895 г. уменьшилось до 2 тыс.)⁷, Мадаба, Салт, Акаба, Амман, Ядуда.

Бедуины Трансиордании считались одними из самых диких и неуправляемых. Из-за постоянной и быстрой смены ими своего местонахож-

дения турки даже силой оружия не имели возможности обложить их налогами или привлечь к воинской службе. По этой причине заиорданское племенное сообщество оставалось практически полностью независимым и не знало иного подчинения и кроме как своим шейхам лояльности к ним.

Не обращая особого внимания на представителей стамбульских властей, кочевники традиционно вели междоусобные войны, а также любили нападать на города и сельскохозяйственные поселения. Турки мало чем могли помочь своим подопечным. Редкие карательные экспедиции практически не имели никакого успеха (как, например, экспедиция против влиятельного племени Бени Сахр в 1869 г.). Почти весь XIX в. племя Бени Сахр воевало с другим крупным племенем Адван, которое в итоге было оттеснено в Восточный Гор (восточная часть долины р. Иордан между Мертвым морем и р. Ярмук). На юге страны особенно кровопролитные бои развернулись в районе Петры в 1891-1895 гг., что абсолютно парализовало там коммуникации и, как следствие, подвинуло Стамбул на мысль о сооружении железной дороги через Амман и Ма'ан в Хиджаз.

Иорданские племена и кланы приняли достаточно активное участие в Великой арабской революции – антитурецком восстании, поднятым шерифом Мекки Хусейном Бен Али. Армия шерифа под командованием его сына Фейсала и при наставничестве небезызвестного английского майора Томаса Лоуренса 5 июля 1917 г. взяла Акабу и вышла на оперативный простор Трансиордании. В 1918 г., окончательно очистив от турок территорию своей страны, солдаты из иорданских кланов приняли участие и в освобождении Сирии.

Иорданское кланово-племенное сообщество и создание централизованного государства

Стремление к оформлению своего нового независимого статуса де-юре проявилось у иорданских кланов сразу же после изгнания турок. Известно, что многие крупные шейхи (например, верховный шейх племени Ховеятат Ауда Абу Тая) поддерживали ликвидацию турецкого господства имея в виду самим стать полноправными хозяевами своих территорий, а, если удастся, то и подчинить себе соседей.

Поскольку никакого единого знаменателя, объединяющего племена, проживавшие на территории современной Иордании практически не было попытки государственного строительства носили узко локальный племенной характер.

Такое развитие событий было абсолютно естественным, так как Трансиордания (Билляд шарк аль-Урдун) даже для собственно ее обитателей была таким же общим географическим понятием, как «восток» или «запад». Города считались не общенациональным достоянием (насколько в этом контексте вообще можно употребить этот термин), а контролировались отдельными племенами и кланами и потому не были признанными центрами для всей страны, как, скажем, Каир для Египта, Дамаск для Сирии или Багдад для Ирака. Нынешняя столица Иордании – Амман в те времена была ничем иным, как небольшим черкесским поселением.

Североиорданские племена в своей массе относили себя скорее к исторической Сирии (Биляд аш-Шам) и связывали свою судьбу именно с ней. Ряд южных племен и кланов рассматривали себя в рамках племенного сообщества Хиджаза (историческая область на западе современной Саудовской Аравии), который в те годы включал в себя и Маан, и Акабу⁹. Жители Западной Иордании почти полностью отождествляли себя с историко-географическим понятием Палестина.

В 1920 г. независимое государство на землях своего племени со столицей в Умм аль-Амаде (ныне поселок в 10 км восточнее Мадабы) провозгласил верховный шейх (шейх аль-машаих) Бени Сахр¹⁰ Мискаль аль-Фаиз. Он даже создал правительство и ввел пост премьер-министра, на который пригласил иерусалимского журналиста Кямеля аль-Будейри. Аналогичные трайбалистские государства формально были созданы и на территориях, административно относившихся к городам Керак и Салт.

Приблизительно в это же время в Трансиордании параллельно разворачивались иные события, завершившиеся провозглашением на ее территории независимого эмирата.

Как известно, после окончания первой мировой войны Великобритания не стала выполнять своих обязательств перед шерифом Мекки Хусейном Бен Али по признанию полной независимости арабов и содействию этому хашимитскому правителю Хиджаза в создании общеарабского королевства¹¹, а наоборот, в соответствии с тайным соглашением Сайкс-Пико (1916 г.) вместе с Францией взяла курс на раздел азиатской части Османской империи, т. е. практически Ближнего Востока. Вступившие в Дамаск французы, которые согласно договору в Сан-Ремо (Италия) от 25 апреля 1920 г. получили право на управление Сирией, изгнали оттуда сына Хусейна Фейсала, создавшего в 1918 г. (после изгнания турок) независимое Сирийское королевство с прицелом на его дальнейшее объединение с королевством Хиджаз, провозглашенным самим шерифом 2 ноября 1916 г. Себе Великобритания выделила, оформив это уже упоминавшимся договором в Сан-Ремо, Палестину с Трансиорданием и Ирак.

Предчувствуя катастрофу, другой сын Хусейна эмир Абдалла спешно выдвинулся в Трансиорданию во главе вооруженного отряда из 1200 человек с намерением, дополнительно мобилизовав местные племена, вернуть арабам контроль над Сирией.

В ноябре 1920 г. Абдалла вступил в Маан, а 1 марта 1921 г. – в Амман. В этот момент англичане приняли решение договориться с эмиром, чтобы оградить себя от возможных осложнений с Францией в случае вторжения сил Абдаллы в Сирию. В конце марта 1921 г. в Иерусалиме состоялась встреча Абдаллы с У. Черчиллем, занимавшим тогда пост министра по делам колоний. На ней эмиру было предложено закрепиться в Трансиордании и создать там так называемую арабскую администрацию. Практически одновременно с этим, в марте 1921 г., в Каире прошла конференция британских представителей на Ближнем Востоке, постановивших разделить Палестину и Трансиорданию на две самостоятельные подмандатные территории с образованием в последней эмирата во главе с Абдаллой Ибн Хусейном¹².

Последними о принятых решениях узнали шейхи местных племен, которых официально уведомил о произошедшем только назначенный британский верховный комиссар в Палестине Герберт Самюэль в ходе своего визита в Амман в апреле 1921 г.

С воцарением эмира Абдаллы в Аммане одним из первоочередных вопросов стала проблема признания его власти всеми племенами и кланами, проживающими в границах новосозданного государства, и их дальнейшей лояльности. Далеко не все в этом отношении складывалось гладко: крупные племена (например, Адван) учиняли волнения и нередко затевали междоусобицы как в «добрые османские времена» своей полной неподконтрольностью.

Для обуздания племен в 1921 г. были созданы регулярные вооруженные силы, получившие название Арабский легион. Первоначально это был всего лишь отряд, насчитывающий менее 1 тыс. человек во главе с английским капитаном Ф. Пиком. Однако во время военных операций ему помогала английская авиация, базировавшаяся в Аммане. Благодаря этому рейды Арабского легиона против бунтовавших трансйорданских племен были эффективными, и уже к концу 20-х годов в стране был установлен довольно прочный порядок. Помимо оружия Абдалла использовал и дипломатию. Он старательно объезжал племена и, разговаривая с ними на уровне доступных трайбалистских понятий о взаимоотношениях между сюзереном и клиентами, интересовался их пожеланиями, запросами и требованиями, разъяснял суть сложившейся ситуации.

Эмир Абдалла с первых же дней своего правления старался активно вовлекать представителей кланово-племенного сообщества в управление государством. При этом на первых порах предпочтение отдавалось оседлому населению, которое в 20-х годах составляло чуть более трети всех жителей¹³. Одной из главных опор трона стали также черкесы и чеченцы, расселившиеся в Трансиордании после бегства с Северного Кавказа (их насчитывалось несколько тысяч человек).

Так, в 1929 г., при составлении структуры первого Законодательного совета (этакого сплава квази-парламента с правительством) эмир из 16 избираемых законодателей выделил девять мест арабам-мусульманам (оседлым), три – арабам-христианам, два – черкесам и только два – кочевникам-бедуинам¹⁴. При этом кочевники (почти треть страны) не получили права голосовать, а двое их представителей определялись комиссиями из шейхов племен. В состав же министерской части совета длительное время включались лица вообще не трансйорданского происхождения – сирийцы Рашид Талиа, Мизхер Раслан и Хасан Абу аль-Худа, палестинцы¹⁵ – Ибрагим Хашем, Тауфик Абу аль-Худа, Самир ар-Рифаи и Джамиль Тутунджи, а также хиджазец Абдалла Серадж. Активно на государственную службу привлекались северокавказцы – черкесы, чеченцы, кабардинцы и др., которые отличались повышенной лояльностью и преданностью новому режиму, рассматривая его как своего единственного покровителя и защитника от доминирующего кланово-трайбалистского сообщества.

Таким образом, начальные этапы становления иорданской государственности характеризовались преобладающей взаимной настороженностью и даже в известной степени недоверием между эмиром Абдаллой и трансиорданскими кланами. Тем не менее, эмир старался не дистанцироваться от своего нового народа и всячески привлекал клановых деятелей на службу, задабривал, предоставлял льготы. Коренной перелом в ситуации произошел тогда, когда в результате арабо-израильского конфликта практически половину населения страны стали составлять палестинцы, как беженцы, так и жители Западного берега р. Иордан, вошедшего в состав Иорданского Хашимитского Королевства.

Национальный фактор во внутренней политике

С момента провозглашения в декабре 1948 г. объединенного государства Трансиордании и Палестины под короной Абдаллы – Иорданского Хашимитского Королевства серьезное влияние на жизнь населения страны стал оказывать национальный фактор. Водораздел прошел не только по кланово-племенной принадлежности, но и этническо-географической. Часть подданных короля Абдаллы стали осознавать себя коренными трансиорданцами, своего рода белой костью страны, другая часть называла себя палестинцами и в своей массе считала вхождение в состав королевства временной мерой, связанной с необходимостью перегруппировать силы перед решающей битвой с Израилем за «оккупированные им палестинские территории».

Как известно, всю свою жизнь Абдалла был твердым приверженцем панарабской идеи, поэтому никогда не заботился о становлении иорданского самосознания или того, что по-английски называется *national identity*. Потому для него стало в известной степени шоком раскручивание палестинцами идеи независимого палестинского государства и начало формирования палестинских политических организаций. Убийство короля Абдаллы 20 июля 1951 г. палестинцем – сторонником иерусалимского муфтия Хадж Амина аль-Хусейни прозвучало серьезным сигналом иорданской хашимитской династии относительно лояльности этих новых подданных королевства.

Радикализация палестинцев, находившихся на более высоком уровне политического и социального развития, вылилась в 1954-59 гг. в серьезную борьбу между оппозиционными (в основном насеристскими и баасистскими) группами и прорежимными силами, в которую оказались вовлечены и вооруженные силы страны. Если внимательнее посмотреть, какие группы населения кого поддерживали, то станет ясно, что король опирался преимущественно на традиционно консервативные трансиорданские кланы и племена, в то время как «демократическая» общественность была представлена в основном выходцами из Палестины.

Разгром оппозиции в 1957-1959 гг. во многом способствовал тому, что, несмотря на видимое равенство в правах и возможностях, граждане Иордании палестинского происхождения оказались лишенными доверия дворца и фактически отлученными от ключевых государственных и армейских по-

стов. Тем не менее, как показала практика, король Хусейн осознавал лучшую подготовленность палестинцев как специалистов и достаточно широко пользовался их услугами, стараясь одновременно не афишировать фактического раздела населения страны на людей двух сортов.

Тем не менее, показательно, что 16 апреля 1957 г., в разгар разгрома военного мятежа генерала Али Абу Нувара, 200 бедуинских шейхов публично принесли королю клятву в абсолютной лояльности¹⁶. Офицеры из бедуинских племен и крупных трансйорданских кланов, верные до конца и непримиримые к оппозиционерам, своей самоотверженностью спасли дворец. С этого момента король всегда проводил в отношении армии четкую линию на поддержание такого баланса роялистских трайбалистских сил среди офицерского корпуса, который никогда бы не позволил вооруженным силам колебаться – на чьей стороне выступать в случае внутренних волнений.

Проведение подобной политики неоднократно спасало трон. Особенно наглядно это проявилось в ходе событий «черного сентября» 1970 г. и окончательного разгрома отрядов палестинских федаинов в январе-июле 1971 г. Как известно, после того, как под нажимом Египта, Сирии, Ирака и Саудовской Аравии был дан зеленый свет созданию самостоятельных (не ориентирующихся на иорданское руководство) палестинских структур и организаций¹⁷, многие палестинцы постепенно перестали считать, что Амман отражает и их интересы. На территории Иордании стали формироваться подразделения палестинских бойцов, не подчиняющихся иорданским военным. Необратимым процесс стал после июньской войны 1967 г., когда Израиль выдал так называемых федаинов (палестинских бойцов) за р. Иордан, а затем заставил их покинуть приграничную часть долины р. Иордан и переместиться в крупные города в центральной части Иордании – Амман, Ирбид, Зарку, Джераш.

В условиях, когда в столице королевства было больше баз ООП, чем иорданской армии, а такие составные части ООП как Демократический фронт освобождения Палестины и Народный фронт освобождения Палестины начали открыто призывать к свержению режима, король был вынужден действовать, чтобы предотвратить окончательное создание в своем королевстве государства ООП. С 16 по 27 сентября 1970 г. верные Хусейну части, состоящие из коренных иорданцев, применяя танки и артиллерию, устроили настоящую бойню палестинских федаинов. Столкновения продолжались и в первой половине 1971 г., и лишь 19 июля премьер-министр В. Телль объявил о полном изгнании всех «партизан» с территории Иордании¹⁸.

Фактическая потеря Иорданией Западного берега сначала в войне с Израилем в 1967 г., а затем в результате межарабских решений в Алжире в 1973 г. и Рабате в 1974 г. окончательно превратили палестинцев в своего рода временных граждан королевства с соответствующим к ним отношением. Конечно ни о репрессиях, ни о преследованиях, ни о кампаниях чисток речь не шла, однако в жизни постоянно реализовывался негласный закон: во властных структурах палестинцев должно быть такое количество, кото-

рое в случае форс-мажора позволило бы избежать дестабилизации ими внутренней ситуации и паралича государственной власти. Основной упор был сделан на доминирование в правительственных органах разветвленных сетей из представителей крупных лояльных иорданских кланов.

Исходя из вышесказанного, король Хусейн традиционно подразделял политических и государственных деятелей на «людей знания и опыта» (ахль ат-таджруба) и «людей лояльности» (ахль ас-сика), умело переставляя их с учетом обстановки. При этом, подчеркивая особые отношения Иордании с палестинцами, он всегда имел под рукой ряд деятелей, которые, появляясь то на одном, то на другом посту, были призваны подчеркивать многонациональный характер иорданского общества.

Для формирования добротной прослойки государственных мужей из числа иорданского кланово-племенного сообщества король Хусейн ввел практику предоставления бесплатных университетских стипендий детям офицерского корпуса, а также создал систему «вербовки» в высшие учебные заведения бедунских детей, получивших самые широкие льготы в сфере образования.

Как утверждают аналитики, своей основной опорой Хусейн всегда считал триумvirат (именно в такой последовательности): 1) сообщество глав силовых структур (армия, военная разведка, Управление общественной безопасности /УОБ/, Управление общей разведки /УОР/); 2) премьер-министр; 3) начальник королевской канцелярии¹⁹. В принципе, сюда следовало бы отнести и главу Сената, а с учетом начавшегося в конце 80-х – начале 90-х годов процесса демократизации иорданского государства еще и спикера Нижней палаты парламента. Без преувеличения можно говорить, что 90% занимавших упомянутые должности людей были исключительно представители коренных иорданских кланов. Так, начиная с 1958 г. из 21 человека, занимавшего пост премьер-министра палестинцем был только Тахер аль-Масри, возглавлявший правительство всего пять месяцев²⁰. Из 17 начальников королевской канцелярии (с 1954 г.) палестинцами были лишь Ахмед Тукан, Аднан Абу Ода и Джавад аль-Анани²¹. Силловые структуры, Сенат и парламент традиционно возглавляли коренные иорданцы (исключением был палестинец Тахер аль-Мосри – бывший с ноября 1993 по ноябрь 1994 г. спикером нижней палаты. Единственными некоренными иорданцами, которые допускались к ключевым постам в армии, УОБ и УОР, были представители черкесско-чеченской диаспоры.

Без преувеличения можно утверждать и то, что в каждом составе кабинета министров за последние 30 лет в среднем было около 20% палестинских деятелей. В парламент палестинцам удавалось избираться лишь по пяти «космополитичным» амманским округам, где влияние кланов уравнивается многочисленностью палестинского населения, или по партийным спискам. С принятием новой версии Закона о выборах, введенной в практику принцип «один человек – один голос», второй вариант остался реальным также практически только в Большом Аммане, поскольку

ку теперь избиратели в глубинке вынуждены следовать исключительно в фарватере кланово-племенной дисциплины.

Кланово-родовые традиции и отношения в общественно-государственной структуре

Как уже неоднократно отмечалось, один из основных принципов функционирования современного иорданского государства – доминирование в общественной и государственной жизни кланово-родовых взаимоотношений и относительный баланс сил внутри истеблишмента между иорданскими кланами. Кланово-родовые отношения, именуемые по-арабски «аль-ашаирийя» или «ан-низам аль-ашаирий», пронизывают все сферы жизнедеятельности общества, начиная от охвата занятостью и до избирательных кампаний.

Поскольку иорданские кланы королевский Дворец справедливо рассматривает как опору режима и залог его стабильности, они имеют львиную долю государственных должностей, особенно ключевых, от которых эта самая стабильность напрямую и зависит. Приходя во власть, трайбалистские деятели, в свою очередь, насаждают традиционную клановую психологию – «один за всех и все за одного».

Кланы очень внимательно следят за наличием своих представителей на государственных постах различных уровней, а также за перемещением выходцев из других кланов. Шейхи родов и племен непосредственно отслеживают схему их представительства в государственных структурах и во время ритуальных поездок короля или наследного принца по провинциям, когда в честь них в стилизованных палатках устраиваются торжества в бедуинском стиле, доводят до них прошения о тех или иных назначениях своих соплеменников. Обычно такие просьбы не остаются без ответа, поскольку это помогает цементировать смычку кланы – Дворец.

Продвигаясь по службе, клановые выдвиженцы тянут за собой других соплеменников, помогают обеспечивать интересы своих кланов (в просторечье феномен «поддержки сверху» именуется «васита», т.е. «заступники», «ходатаи»). При этом внутри госструктур не прекращается скрытая межклановая борьба за места и должности. Периодически один из кланов пытается вырваться вперед, и тогда остальные стараются навалиться на него сообща и оттеснить.

1997-1998 гг. многие иорданцы прозвали периодом «Маджалии», т.е. гегемонии клана Аль-Маджали, действительно существенно расширившим свое представительство во всех ветвях власти.

Нередки случаи, которые можно было бы вполне квалифицировать как злоупотребление служебным положением в клановых интересах. Официальной статистики о таких делах или случаях нет и быть не может, однако информация расходится по каналам конкурирующих кланов, которые, как уже говорилось, пристально следят друг за другом. Известен ряд случаев, когда один из премьер-министров давал своим соплеменникам «наводки» о месте планирования реализации тех или иных крупных государственных проектов, чтобы они успели приобрести эти и прилегающие

территории, поскольку гарантировался спрос и соответственно резкий скачек цен на эту землю.

Непотизм в государственной системе привел, по мнению самих иорданцев, к резкому увеличению штатов. Непомерная раздутость госаппарата стала серьезным препятствием на пути развития страны, поскольку не только оттягивает большие бюджетные средства, но и создает известные бюрократические препоны на пути оперативного принятия и имплементации нужных решений. Сокращение же числа государственных служащих, о чем все настойчивее говорит иорданское руководство, трудно реализуемо именно из-за того, что придется увольнять тех самых кланово-трайбалистских представителей, против чего, естественно, возражают кланы.

Считается, что коренной иорданец отличается от, скажем, палестинцев в Иордании тем, что непременно старается стать каким-нибудь начальником. Подобное наблюдение вовсе не лишено оснований: в последние годы количество различных госучреждений, их подразделений и всяческих отделов и секторов неуклонно росло.

На уровне местных администраций, именуемых здесь «бадядийят», наблюдается аналогичная картина. Их количество давно переросло все разумные пределы, однако о задуманной правительством реформе по их сокращению с нынешних 325 до 50-60 кланы не хотят и слышать. Иорданцы откровенно признают, что быть главой муниципалитета самого захудалого поселка или членом его муниципального совета крайне престижно²². Кроме того, это и неплохой стабильный доход, поскольку все выборные члены местных администраций, включая старост деревень, получают зарплату как госслужащие в рамках бюджета Министерства по делам муниципалитетов и деревень.

Подобная ситуация сложилась прежде всего вследствие продолжающегося доминирования в сознании простых иорданцев такого традиционного принципа как невозможность заниматься «постыдным занятием». Это явление, называемое на арабском «сакафат аль-'иб» (культура «табу») и широко дебатруемое сегодня в стране, в повседневной жизни выражается в том, что живущие в условиях диктата трайбалистских обычаев иорданцы не желают быть строителями на стройках, работниками коммунальных служб (уборка мусора, канализация и т.д.), сельскохозяйственными рабочими, чтобы «не потерять лица». И это в условиях, когда безработица среди граждан Иордании составляет только по официальным данным 14%²³. В одном сельскохозяйственном секторе имеется около 240 тыс. рабочих мест, в то время как 250 тыс. иорданцев ищут работу, предпочитая оставаться безработными, нежели соглашаться на «постыдную работу»²⁴.

Благодаря этому в стране смогли спокойно трудоустроиться более 700 тыс. иностранных рабочих (в основном египтяне, иракцы, палестинцы, сирийцы, суданцы), для которых проблема «табу» не стоит. В последнее время правительству, ведущему широкомасштабную кампанию по преодолению психологии «постыдной работы», удалось переломить ситуа-

цию, однако процесс иорданизации упомянутых профессий пока успешно продвигается лишь в таком мегаполисе как Амман, где у людей есть возможность более или менее надежно спрятаться от неодобрительных глаз соплеменников.

Исход иорданцев в госструктуры многие обозреватели связывают также и с тем, что исторически финансовые возможности у иорданских кланов существенно ниже, чем у пустивших в королевстве корни выходцев из Палестины или Сирии. Поэтому на среднем уровне (среди элиты наблюдается практическое равенство возможностей) крайне затруднены обучение в престижных зарубежных высших учебных заведениях и преуспевание в бизнесе. Достаточно пролистать любую ежедневную арабоязычную газету, чтобы стало ясно, что среди чиновничьего корпуса доминируют такие видные фамилии как аль-Маджали, аль-Батайна, аль-Хасуна, ат-Телль, ат-Тарауна, Шдейфат, Арабийят, аль-Хавальда, аль-Катарна, аль-Мададха, ал-Лози, аль-Адван, аль-Фаез, Аджлуни, аль-Маайта, аль-Момани и др. Читая хронику экономической жизни, наталкиваешься в основном на палестинские имена – Таббаа, Мурад, Манго, Бильбеиси, Набулси, Масри, Сальфити, Баракат.

Повсеместно практикуется внутриклановая взаимопомощь и взаимовыручка. Представители кланов в верхних эшелонах власти активно лоббируют интересы своих родных деревень, округов и провинций. Глубинка отвечает поддержкой инициатив и кампаний, предлагаемых «своими людьми» в Аммане. Есть немало фактов, когда абсолютно необщающиеся между собой люди одной фамилии оказывали друг другу содействие в ходе предвыборных кампаний, зачастую не из сиюминутных корыстных побуждений, а из устойчивого убеждения, что подобная солидарность – это всегда в интересах клана в целом и всех его представителей в частности.

Стихийная солидарность возникает и в случаях межклановых потасовок, особенно частых в студенческой среде. Так, в апреле 1999 г. более 100 человек участвовали в силовом выяснении отношений между студентами из кланов Хамайда и Бени Сахр²⁵. В 1998 г. подобная потасовка произошла между представителями кланов из провинции Балка и черкесской диаспоры²⁶.

Выборы – один из важнейших общественных институтов, где доминирует кланово-племенной фактор. Главные выборы в стране – в Нижнюю палату парламента (80 депутатов) и амманский муниципальный совет (21 депутат). Как отмечают аналитики, ни один кандидат на этих выборах не имеет шансов без предварительного решения кланов, контролирующих территорию того или иного избирательного округа. Отдавая дань избирательному процессу со всеми его атрибутами в виде расклеенных плакатов, выступлений по телевизору, новомодной саморекламе по Интернету и др., кандидаты в действительности все обговаривают с шейхами и влиятельными клановыми лицами. Исключение может составить только ситуация на выборах в парламент от амманских округов, где клановый фактор перебивается неоднородностью и мозаичностью населения, особенно в зажиточном Западном Аммане.

Как работает клановая система в ходе выборов хорошо видно при анализе их результатов. Самыми наглядными в этом плане были выборы 4 ноября 1997 г. В этой связи можно привести отрывок из публикации в иорданской англоязычной газете «Джордан Таймс», рассчитанной, как здесь считается, в основном на иностранцев: «... Племенем, получившем больше всего мест стало Бени Хасан, происходящее из провинции Мафрак. Его депутатами стали Мухаммед Абу Олейм, Абдель Карим ад-Дугми, Мифлех Завахра, Хмуд Халайла, Мифлех Рухейми, Наоман Гвейри и Навваф аль-Хавальда»²⁷. Сам факт, что иорданцы внимательно подсчитывают, кто из какого племени происходит, уже достаточно красноречив.

Корни вновь усилившейся опоры властей на трибализм, как представляется, кроются в том, что процесс демократизации в Иордании при всем его ограниченном и контролируемом характере не мог не сказаться на общественно-политической деятельности масс. Появилась более или менее реальная оппозиция, причем как светская, так и религиозная.

Светская оппозиция крайне немногочисленна и в основном критикует правительство по двум направлениям: за мирный договор с Израилем (после его заключения речь идет об отказе от всякой нормализации отношений вплоть до аннулирования договора и разрыва всех отношений) и за юридическое наступление на права оппозиции, выражающееся прежде всего в принятии «несправедливых» законов «О выборах» и «О печати».

Более многочисленные и организованные клерикалы, оплотом которых являются «Братья-мусульмане» и их политическая организация Фронт исламского действия, к списку претензий обычно добавляют пожелания относительно исламизации различных аспектов жизни страны.

В такой ситуации режим был вынужден искать пути к нейтрализации оппозиции сравнительно легальными методами, чтобы не ставить под угрозу широко разрекламированный курс на демократизацию. Одним из решений стало еще более активное задействование кланово-племенного фактора. Был принят закон «О выборах», закрепивший столь любимый Западом демократический принцип «один человек – один голос». В условиях Иордании это, однако, имело несколько иные резоны. Возможность отдать свой голос только за одного кандидата, создала дилемму: следовать ли клановой дисциплине или, что называется, голосовать сердцем. В традиционном обществе, каким является иорданское, подавляющее большинство выборщиков обычно останавливается на первом варианте. К тому же умелые манипуляции режима поставили такой заслон на пути оппозиционных СМИ, что их воздействие на население оказалось минимальным. К тому же до сих пор не решена проблема демографической равнозначности избирательных округов. От Большого Аммана, где проживает, по некоторым данным, от 1,5 до 2 млн. человек избирается 18 депутатов. От остальной страны (еще 2,5-3 млн.) – 62, т.е. большее число депутатов приходится на глубину, контролируемую кланами.

В этих условиях Дворец и премьер-министр провели массированную обработку лидеров кланово-племенного сообщества и добились требуемого резуль-

тата: 65 депутатов из 80 – это полностью лояльные независимые «центристы», одержавшие победу в провинциях и бедуинских избирательных округах.

Что это означает, помимо того, что режим получил практически карманный парламент? Вывод напрашивается такой: независимо от того, насколько свободно атмосфера и демократично проведение выборов (т.е. никто не стоит рядом с автоматом и не указывает как голосовать), менталитет кланово-племенного общества пока достаточно стоек. Яркая, талантливая и полезная в государственном смысле личность не имеет шансов, если она «не из своих». Всякое начинание под лозунгом «это многое дает стране» сначала пропускается через умы конкретных чиновников или депутатов, озабоченных прежде всего тем, «что это дает нам» (клану, роду, племени).

Все это хорошо понимает вестернизированная иорданская элита, включая ряд членов правящей династии. Голоса против засилья кланово-племенных отношений ширятся с каждым днем. Среди свежих примеров – пламенная речь депутата Абдель Маджида Акташа в Нижней палате парламента 7 апреля 1999 г. В ней он затронул проблему «национального единства» в том аспекте, который касается существующих неписаных норм назначения на правительственные должности и в спецслужбы. По его словам, «нынешняя практика является нечестной и неконституционной»²⁸. Реакция на выступление была самой бурной. Лидеры кланово-племенных институтов депутаты Саад Срур, Абдель Раззак Тбейшат и Мухаммед Азайда демонстративно покинули зал, а спикер Абдель Хади аль-Маджали пошел на беспрецедентный шаг – распорядился полностью изъять речь Акташа из официального протокола заседания и запретил Генеральному секретариату Нижней палаты распространять ее отдельным изданием.

В конце апреля 1999 г. в Аммане состоялся семинар по вопросам развития в Иордании негосударственных гражданских структур, организованный Иорданским центром исследований и информации, на котором активно дебатировалась проблема трайбализма в Иордании. Выводы участников, среди которых были весьма ответственные чиновники, попали на страницы газет. Как отмечалось на семинаре, «трайбализм не побуждает к добровольному или групповому труду в негосударственных гражданских организациях, так как люди не желают заниматься тем, что не приносит прямой пользы племени или клану». «Добровольная общественная деятельность не присуща нашему обществу, поскольку оно основано на трайбализме, – подчеркнул один из выступавших, – Все, что мы делаем, должно быть исключительно в интересах клана». По этой же причине, как утверждалось, пока не имеет успеха и процесс функционирования политических партий. По словам профессора социологии Иорданского университета Сари Насера, партии не играют в Иордании присущей им традиционной роли, так как «даже во время выборов в парламент кандидаты поворачиваются лицом к своим племенам, а не к коллегам по партии»²⁹.

Тем не менее, сложная национально-политическая ситуация в Иордании не позволяет сегодня начать наступление на трайбализм. Многие политики считают, что демонтаж клановой системы в рамках так называе-

мой демократизации общества и попытка создания общества сознательных индивидуалов на западный манер неизбежно приведут к подрыву национальной основы Иордании. В этом случае коренные иорданцы могут быть на законных основаниях оттеснены от власти более богатой и социально активной палестинской частью населения страны.

Полемизируя с израильскими адвокатами идеи о том, что Иордания – есть палестинское государство, в частности, с таким как Б. Натаньяху (см. его книгу «Место под солнцем»), иорданские аналитики утверждают, что пока сильны иорданские кланы и власть в стране принадлежит им, Иордания не будет палестинским государством, как бы много палестинцев в нем ни проживало. Поэтому, как полагают адвокаты идеи «Иордания должна управляться иорданцами», главной задачей всех, кто заинтересован в стабильной процветающей Иордании, должно быть поддержание казалось бы парадоксального явления – демократизации (в виде умеренной вестернизации) с параллельным сохранением иорданского трайбализма как залога стабильности и разумного консерватизма во внешней и внутренней политике.

¹ Jordan Times. 02.11.1998. См. также: Jordan Living Conditions Survey (подготовлен Статистическим департаментом известной норвежской организации FAFO).

² Jordan Times. 04.07.1998.

³ Там же.

⁴ Jordan Times. 04.05.1999.

⁵ Одним из последних решений в этой сфере стало введение новых правил реализации так называемого племенного изгнания – высылки целого клана в другой район с целью предотвращения кровной мести. По новым правилам, одобренным всеми наиболее влиятельными шейхами иорданских кланов и племен, «племенное изгнание» теперь применяется только к ближайшим родственникам совершившего тяжкое преступление (убийство) и только на срок в один год. Мотивом для такого решения называется тот факт, что в условиях современной общественно-экономической системы более не представляется возможным перемещать по стране целые кланы или даже крупные семьи (Jordan Times. 17.11.1998).

⁶ Patai R., The Kingdom of Jordan. Princeton, New Jersey, USA, 1958, с. 27.

⁷ Там же, с. 32.

⁸ Следует оговориться, что границы соопределились при делимитации Великобритании и Францией границ своих подмандатных территорий в 1920 г., а затем формировались в течение нескольких десятилетий в упорной брьбе официального Аммана со своими соседями за каждый квадратный километр.

⁹ Эти населенные пункты включены в состав эмирата Трансиордания на основании соглашения между Трансиорданией и Хиджазом, заключенного при непосредственном участии Великобритании 5 июня 1925 г.

¹⁰ Бени Сахр – крупное племя, происходящее из северного Хиджаза. В самом начале XVIII в. оно подчинило себе Маан, а к середине того же века полностью укрепились в Трансиордании. Постепенно вытесняя другие племена, племя

Бени Сахр обосновалось в зоне между Амманом и Мадабой с севера на юг, и от западной оконечности Моавской возвышенности до Вади Сирхан с запада на восток. Став частично оседлым, племя имело в 20-х годах XX в. более 20 поселков.

¹¹ В 1915 г. в ходе переписки между шерифом Хусейном и британским верховным комиссаром в Египте сэром Генри Мак-Магоном было достигнуто соглашение, по которому арабы под предводительством Хусейна обязывались вступить в войну с Турцией на стороне Антанты взамен на согласие Лондона на создание Хусейном единого независимого арабского королевства на территории всего Ближнего Востока.

¹² Формально эмир Абдалла провозгласил независимость созданного им эмирата 15 мая 1923 г., в тот же день, когда таковой статус нового образования признала Великобритания. Тем не менее, в соответствии с целым рядом иных устных и полуофициальных договоренностей британские власти получали над Трансиорданием достаточно жесткий контроль, окончательно оформленный юридически двусторонним договором от 20 февраля 1928 г.

¹³ При отсутствии точных данных считается, что в середине 20-х годов XX в. население эмирата составляло около 300 тыс. человек.

¹⁴ Patai R. The Kingdom of Jordan, с. 38.

¹⁵ В то время в стране не было какого-либо значительного палестинского присутствия, как после первой арабо-израильской войны.

¹⁶ Patai R. The Kingdom of Jordan, с. 66.

¹⁷ Между 28 мая и 2 июня 1964 г. был создан первый Национальный совет Палестины, который в свою очередь создал Организацию освобождения Палестины (ООП), 1 января 1965 г. свою первую операцию провело Палестинское Движение за освобождение Палестины (ФАТАХ).

¹⁸ Musa S. Braizat. The Jordanian-Palestinian Relationship. British Academic Press. L., 1998, с. 142.

¹⁹ Аль-Васат. 22.03.1999, № 373.

²⁰ Данилов Л. Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве. М., 1998, с. 211.

²¹ Там же, с. 212.

²² Jordan Times. 10.05.1999.

²³ Аш-Шарк аль-Аусат. 24.07.1998.

²⁴ Там же.

²⁵ Jordan Times. 22.04.1999.

²⁶ Jordan Times. 23.05.1999.

²⁷ Jordan Times. 16.10.1997.

²⁸ The Arab Daily. 08.04.1999.

²⁹ Jordan Times. 01.05.1999.

АФГАНИСТАН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Выгодное стратегическое положение Афганистана предопределило его особое место на геополитической карте мира в период новой и новейшей истории. После второй мировой войны он все больше вовлекался в орбиту политических, идеологических, торгово-экономических интересов многих стран, прежде всего СССР и США, превращаясь в арену соперничества и противостояния двух сверхдержав. Их интерес к Афганистану был в первую очередь связан именно с региональным и в конечном счете глобальным советско-американским соперничеством за раздел сфер влияния. Здесь проходили «обкатку» многие экономические, внешнеполитические и военные доктрины периодов «холодной войны» и «разрядки напряженности».

С окончанием «холодной войны», выводом советских войск из Афганистана и последующим распадом СССР конфликт в этой стране утратил характер глобального политического и идеологического противоборства и превратился в рядовой, по существу в межэтнический конфликт, борьбу за власть между группировками победивших моджахедов. К нему потеряли интерес многие ведущие государства мира, зато усилили внимание соседние страны, чьи соперничество и политические амбиции в немалой степени способствовали превращению внутриафганской междоусобицы в опасный региональный конфликт.

Афганская проблема занимает одно из центральных мест в региональной политике соседних с Исламским Государством Афганистан (ИГА) государств. При этом характер и степень их вовлеченности в афганские дела, предлагаемые пути и средства разрешения внутриафганских разногласий во многом зависят от того, какие политические, экономические и другие цели они преследуют.

Наиболее ошутимое воздействие на развитие ситуации в Афганистане оказывает **Пакистан**. Своей стратегической задачей Исламабад считает обеспечение прихода к власти в ИГА дружественного, желательно зависимого от него и восприимчивого к его рекомендациям режима, что должно обеспечить Пакистану своего рода «стратегическую глубину» в непростых взаимоотношениях с Индией.

Контролируемый Афганистан мог бы стать также и своеобразными «воротами» для политической и торгово-экономической экспансии Пакистана в центральноазиатский регион, одновременно повышая и его роль посредника в коммерческих связях арабских стран, государств Юго-Восточной Азии и Японии с этим регионом. Кроме того, через Афганистан проходит кратчайший маршрут транзита нефтегазовых ресурсов Туркменистана, Казахстана и других цен-

тральноазиатских государств к побережью Оманского залива и далее во многие нефтепотребляющие государства мира, что само по себе может принести значительные финансовые дивиденды. Да и сам Афганистан является объемным рынком реализации товаров пакистанского производства.

В достижении этих целей руководство Пакистана, разочаровавшись в моджахедах из-за их непрекращавшейся борьбы за власть, сделало ставку на Движение талибов (ДТ), отводя им роль своего рода «катка» для подавления всех других военно-политических сил и расчистки места для будущего марионеточного режима. Большую роль в этом выборе сыграло и сильное пуштунское лобби в самом Пакистане в лице влиятельных религиозных кругов, крупных торговцев и предпринимателей Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП), военных кругов, которые выступают за восстановление традиционно доминировавшей в жизни афганского общества роли представителей пуштунов.

Первоначальные военные успехи талибов, овладевших в 1996 г. Кабулом и к концу 1998 г. распространивших свой контроль почти на 90% территории Афганистана, казалось бы, оправдывали надежды их пакистанских покровителей. Однако попытки талибов полностью подавить сопротивление антиталибской коалиции в лице Объединенного фронта (ОФ) и особенно ее военного лидера А.Ш.Масуда до сих пор не увенчались успехом. Конфликт в Афганистане приобрел затяжной характер гражданской войны на межэтнической почве, в которой талибам-пуштунам противостоят представители других народностей, в частности таджики – Исламское общество Афганистана (ИОА) Б.Раббани и А.Ш.Масуда, узбеки – Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) А.Достума и хазарейцы-шииты – Партия исламского единства Афганистана (ПИЕА) К.Халили. При всех своих разногласиях и противоречиях они видят в ДТ общего и притом смертельного врага, который, как показывает развитие событий, понимает только язык силы.

Провал планов по военному разгрому сил ОФ, хотя и вызвал у Пакистана некоторое замешательство, однако принципиально не повлиял на проводимую им линию материальной, военно-технической, политико-дипломатической и пропагандистской поддержки ДТ. Исламабад продолжал оказывать всестороннюю интенсивную помощь талибам, развернул на международной арене активную, хотя и безрезультатную кампанию в пользу дипломатического признания администрации ДТ и предоставления ей места Афганистана в ООН, ОИК и других международных организациях. При этом мотивация Пакистана сводилась к тому, что это признание окажет позитивное воздействие на талибов, ослабит их экстремизм, который, мол, имеет преходящий характер, и поможет сделать талибов более предсказуемыми. Однако у мирового сообщества сложилось отчетливое негативное отношение к ДТ (официально его признали только Пакистан, Саудовская Аравия и ОАЭ). Причинами этого были отказ талибов от мирного решения внутриафганских проблем, покровительство международному терроризму, широкое вовлечение в наркобизнес, грубое нарушение прав человека и международных норм гуманитарного права.

Подобная линия поведения ДТ не только серьезно осложняет решение задач «афганской» политики Исламабада, но и ведет к усилению его международной изоляции. Пакистанцы отдают себе отчет и в том, что не встречающее международной поддержки, да и к тому же весьма гипотетическое военное решение афганской проблемы может обернуться для них тяжелым экономическим бременем, если талибы останутся в политическом вакууме. Поэтому Исламабад выступает за сохранение сложившихся механизмов международных усилий по политическому урегулированию в Афганистане, обеспечивающих возможность для дипломатических маневров, хотя зачастую проводит obstructionistскую линию в вопросах разблокирования кризисной ситуации в ИГА.

Прагматически мыслящая часть правящего истеблишмента в лице прежде всего премьер-министра Н.Шарифа* во избежание углубления политической изоляции Пакистана склоняется к поиску политического решения афганской проблемы, однако решающая роль в определении «афганской» политики Исламабада по-прежнему принадлежит военным кругам и прежде всего межведомственной разведке ОРУ.

Однако поддержка и покровительство Пакистана до сих пор не только не сделали талибов послушными исполнителями указаний Исламабада, но и чем дальше, тем больше делают их невосприимчивыми к желаниям пакистанцев. Руководство талибов, например, уклонилось от принятия предложения Пакистана о признании «линии Дюранда» в качестве официальной афгано-пакистанской границы, которая в настоящее время разделяет проживающих в двух странах пуштунов. Нельзя исключать, что в случае окончательного закрепления у власти талибы вообще могут поднять вопрос о провозглашении «великого Пуштунистана».

Кроме того, Исламабад все сильнее стал ощущать негативные последствия своей прямой вовлеченности во внутриафганские дела. Особенно опасным для него может стать набирающий силу процесс «талибанизации» СЗПП, Синда, Белуджистана и ряда других районов. Он проявляется в активном, поддерживаемом пакистанскими исламскими партиями и организациями стремлении талибов явочным порядком при поддержке своих сторонников ввести жесткие, основанные на пуританской трактовке ислама нормы общественно-политической деятельности и повседневной жизни в приграничных с Афганистаном провинциях Пакистана. Нарастает волна террора талибов против находящихся в Пакистане представителей оппозиционных режиму ДТ афганских политических и общественных деятелей, афганской интеллигенции и других кругов, не разделяющих идеологию и практику талибов.

Все более острой становится проблема наркомании. Проводимая определенными кругами пакистанского истеблишмента в целях личного обогащения политика фактического поощрения широкого вовлечения талибов в производство и распространение наркотиков, ставших главным

* Статья написана до свержения премьер-министра и прихода к власти военных.

источником финансирования их экспансионистского курса, привела к тому, что в стране насчитывается уже более 3 млн. наркоманов. Тяжелым бременем на плечи пакистанских властей ложится и содержание около 1,5 млн. афганских беженцев, которые не могут вернуться на родину ввиду продолжающегося там кровопролития.

Пакистан оказался в весьма затруднительном положении и в связи с укрывательством талибами известного международного террориста, саудовского миллиардера У.Бен Ладена, на выдаче которого решительно настаивают США. Исламабад пытается максимально дистанцироваться от этой по сути неразрешимой для него проблемы. С одной стороны, правительство Н.Шарифа не желало дразнить влиятельные силы, выступающие категорически против любых попыток добиться выдачи Бен Ладена, с другой, – пакистанцы вряд ли добьются этого, даже если и попытаются надавить на талибов, но в этом случае сильно рискуют своим влиянием на руководство ДТ в будущем. Поэтому официальные лица в Исламабаде заявляют, что не намерены оказывать давление на талибов, поскольку считают, что вопрос о выдворении Бен Ладена «внутренним делом Афганистана».

Показательно и независимое поведение талибов в вопросе определения иностранных партнеров по строительству газопровода через контролируемую ими территорию. Если пакистанцы склоняли их ориентироваться на американскую компанию «Юнокал», которая впоследствии вышла из проекта ввиду затянувшейся неопределенности со сроками реализации, то талибы явное предпочтение отдавали аргентинской компании «Бридас». Однако сегодня уже всем ясно, что осуществление этого крупного проекта возможно лишь после нормализации военно-политической ситуации в Афганистане. Фактор «трубы» может достаточно серьезно повлиять на определение дальнейшей линии Исламабада в афганской политике, особенно если талибам и в 1999 г. не удастся добиться решающих военных успехов в борьбе с северным альянсом.

Важное место в региональных приоритетах афганской проблеме отводит **Иран**. Объективно иранское руководство заинтересовано в существовании в соседнем Афганистане если не дружественного, то по крайней мере лояльного по отношению к Тегерану режима, не имеющего политических, экономических или пограничных претензий к ИРИ и не бросающего идеологического – «исламского» вызова Тегерану. Почти 900-километровая совместная граница остро ставит вопрос обеспечения национальной безопасности Ирана. Этот вопрос останется открытым в случае закрепления у власти в Афганистане Движения талибов, претендующее не только на абсолютное, монопольное господство в самом ИГА, но и на распространение «истинного, чистого» ислама в собственной интерпретации и в других мусульманских странах. ИРИ, как никому другому, хорошо известна подобная идея, поскольку принцип «экспорта исламской революции» долгое время был ключевым во внешнеполитической практике самого Ирана после свержения шахского режима в 1979 г. и доставил немало беспокойства его соседям.

Нынешний политико-религиозный экстремизм талибов, их упорное нежелание учитывать интересы непугнутых сегментов афганского общества, прежде всего близких к Ирану хазарейцев-шиитов, а также таджиков, делают неприемлемым для Тегерана правление талибов в его нынешнем одиозном проявлении. Вышеуказанные соображения определяют практический курс иранского правительства на военно-политическую и дипломатическую поддержку Партии исламского единства Афганистана и Исламского общества Афганистана, в частности и северного альянса в лице Объединенного фронта в целом.

Поражение в 1998 г. хазарейцев-шиитов, на которых главным образом опирались иранцы, лишило их главного плацдарма своего влияния в ИГА. Сейчас Иран, оказывая помощь продолжающим сопротивление шиитским группировкам, все больше обращает свое внимание на А.Ш.Масуда – единственного лидера «северян», оказывающего реальный отпор талибам. Тегеран не без оснований полагает, что военные успехи А.Ш.Масуда могут вынудить ДТ пойти на поиск политического решения проблемы.

В то же время Иран не заинтересован в эскалации внутриафганской вооруженной борьбы и втягивании в нее, поскольку осознает невозможность победы поддерживаемого им ОФ над талибами и опасность последствий своего прямого вмешательства в афганские дела. В силу этого иранцев больше устраивал бы перевод конфликта в Афганистане из фазы жесткого военного противостояния в менее напряженное состояние, при котором открывались бы возможности склонить талибов к поиску политических решений на основе отказа от претензий на монопольную власть в ИГА. Даже захват талибами Генерального консульства ИРИ в Мазари-Шарифе и убийство группы иранских дипломатов в ходе широкомасштабного наступления на севере Афганистана летом 1998 г. не привели к непосредственному военному столкновению ИРИ с ДТ, хотя Тегеран стянул к ирано-афганской границе и держал там в течение длительного времени значительные армейские силы.

Признавая администрацию президента Афганистана Б.Раббани в качестве единственного законного правительства страны, Иран поддерживает контакты с талибами, понимая, что сегодня они представляют наиболее значительную военно-политическую силу в ИГА. Вместе с тем иранцы считают ДТ креатурой Пакистана, созданной с одобрения и при поддержке США и Саудовской Аравии с целью ослабления позиций ИРИ как региональной державы и создания коридора в Центральную Азию через Афганистан в обход Ирана. Соответственно, в Тегеране полагают, что установление монопольного господства талибов в ИГА грозит потерей позиций Ирана в этой стране, усилением влияния Пакистана, Саудовской Аравии и США в Афганистане, дестабилизацией обстановки в приграничных с ИГА районах Ирана.

Исходя из этого, иранцы с подозрительностью относятся к демонстрируемым пакистанцами усилиям организовать ирано-пакистанское взаимодействие для достижения внутриафганского урегулирования, полагая, что такое взаимодействие может стать ширмой для продвижения собственных планов Пакистана. В Тегеране не видят декларируемого Исла-

мабадом сближения в принципиальных подходах двух стран к решению афганской проблемы. Здесь считают, что предлагаемое Пакистаном включение в состав администрации ДТ отдельных лояльных талибам пуштунских представителей при полной ликвидации нынешних группировок северного альянса является извращением существа идеи о широкопредставительном, многоэтническом правительстве.

Принимая во внимание исторические особенности и реалии развития Афганистана, Тегеран вместе с тем признает значение пуштунского фактора и в этом контексте стремится поддерживать те пуштунские организации и группировки, которые идут на сотрудничество с ним. ИРИ, в частности, считает ошибкой северного альянса снятие в свое время с поста премьер-министра Афганистана Г.Хекматъяра, что привело к отходу от альянса возглавляемой им Исламской партии Афганистана (ИПА), и пытается вновь интегрировать эту партию в ОФ, а Г.Хекматъяра – в государственную политическую структуру северного альянса. Иранцы поддерживают и С.Сайяфа, лидера другой оппозиционной талибам пуштунской организации – Исламского совета освобождения Афганистана.

Выступая за политическое урегулирование внутриафганского конфликта через создание широкопредставительного коалиционного правительства с учетом прав и интересов всех без исключения афганских национальных, конфессиональных и политических сил, Иран видит в этом определенную гарантию обеспечения своих политических и идеологических интересов, а также собственной национальной безопасности, поскольку политическое урегулирование поможет, помимо всего прочего, решить проблему находящихся в ИРИ афганских беженцев, эффективнее бороться с контрабандой наркотиков и оружия.

В то же время прекращение гражданской войны и возвращение мира и стабильности в Афганистан может, как это не парадоксально, нанести урон экономическим интересам Тегерана. Так, в случае реализации планов прокладки через территорию Афганистана магистральных газо- и нефтепроводов из Туркменистана в Пакистан и далее к Оманскому заливу Иран, при нынешней неблагоприятной для него внешнеполитической конъюнктуре, лишится значительных финансовых дивидендов, которые он мог получить, если бы центральноазиатские энергоресурсы проходили через его территорию. Со стабилизацией обстановки в Афганистане обострится и торговая конкуренция Ирана с Пакистаном и другими странами на рынке государств Центральной Азии.

Отношение **Таджикистана** к ситуации в Афганистане во многом определяется этнической близостью таджиков двух стран. При этом развитие внутривнутриполитической обстановки в одной из них оказывает прямое и весьма серьезное воздействие на ход событий в другой. Так, в период гражданской войны в Таджикистане после распада СССР группировки афганских моджахедов, свергнув правительство Наджибуллы и сформировав исламское правительство, стали оказывать помощь и поддержку таджикским исламским группировкам, впоследствии составившим Объединенную

таджикскую оппозицию (ОТО) – Движение исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ).

После прихода к власти в Таджикистане правительства Э.Рахмонова и возникновения Движения талибов, подчинившего своему контролю две трети территории ИГА, включая Кабул, ситуация изменилась. Активные попытки талибов разбить силы северного альянса, распространить свое влияние на северные районы Афганистана и приблизиться к границам среднеазиатских стран СНГ в немалой степени ускорили достижение соглашения о национальном примирении между правительством Таджикистана и ОТО. В создавшихся условиях уже участники антиталибской коалиции, и прежде всего ИОА Б.Раббани – А.Ш.Масуда, стали возлагать растущие надежды на помощь и содействие Таджикистана в противоборстве с талибами.

Рост взаимопонимания между правительством Таджикистана и участниками северного альянса Афганистана, прежде всего ИОА, объективно вполне объясним. Северный альянс – последний буфер на пути экспансии талибов на север. В случае военной победы талибов, придерживающихся экстремистских политико-идеологических взглядов, определяемых ваххабитским течением ислама, угроза дестабилизации обстановки в Таджикистане значительно возрастет. Уже сейчас Душанбе серьезно обеспокоен налаживанием контактов между ДТ и экстремистским крылом ОТО. Этому в значительной степени будут способствовать и такие факторы, как вероятный массовый исход беженцев из ИГА, обострение проблемы наркотрафика.

В этих условиях линия Таджикистана в афганских делах определяется его стремлением укрепить позиции антиталибских сил и прежде всего ИОА перед лицом общей угрозы. В Таджикистане полагают, что если А.Ш.Масуду удастся и дальше сдерживать военную экспансию талибов и наладить координацию действий с другими силами антиталибской коалиции, то это может вынудить ДТ пойти на серьезный внутриафганский диалог. Душанбе активно использует политико-дипломатические рычаги для продвижения идеи мирного урегулирования афганской проблемы на основе учета интересов непугнутых национальностей ИГА, прежде всего афганских таджиков. В этой связи руководство Таджикистана большое значение придает миротворческой деятельности ООН и, в частности, посредническим усилиям специального посланника Генерального секретаря ООН по Афганистану Л.Брахими, активно участвует в работе «Группы соседей и друзей Афганистана» («группы 6 + 2»)*.

Исключительно прагматическим является восприятие развития событий в Афганистане **Узбекистаном**. Узбекское руководство главную угрозу дестабилизации общественно-политической ситуации в своей стране видит в наращивании экспансионистских устремлений талибов, распространении

* Эта группа создана в 1997 г. по инициативе Л.Брахими под эгидой ООН с целью содействия ее посредническим миротворческим усилиям. В состав группы входят Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Россия и США.

«подлинно исламского правления» на северные районы ИГА, где проживает около 1,5 млн. афганских узбеков. Опасность политико-религиозной экспансии ДТ, обострения проблемы узбекских беженцев заставляют Узбекистан принимать соответствующие превентивные меры. Узбекские власти оказывали всестороннюю помощь входившему в Объединенный фронт в основном узбекскому по этническому составу Национальному исламскому движению Афганистана, поддерживая его требования полноправного участия в формировании будущего афганского правительства и получения соответствующей доли власти в послевоенном Афганистане. С самого начала Ташкент сделал ставку на основателя НИДА генерала А.Достума. Поэтому, когда в мае 1997 г. в результате измены одного из своих соратников – генерала А.Малека, перешедшего на некоторые время на сторону талибов, А.Достум вынужден был бежать из Афганистана, узбекская сторона заметно сократила свою помощь НИДА, однако сделала все, чтобы вернуть своего протеже на политическую сцену северного Афганистана. А.Достуму удалось вернуться, но он так и не сумел полностью восстановить свои военно-политические позиции, хотя и вновь возглавил НИДА. Между А.Достумом и А.Малеком, который после кратковременного отъезда снова вернулся в ИГА, сохранялись серьезные разногласия, которые накладывали негативный отпечаток на обстановку в северном альянсе в целом. Ташкент довольно болезненно реагировал на неспособность А.Достума восстановить свой прежний безоговорочный авторитет и влияние в узбекском анклав ИГА и в ОФ в целом. После разгрома талибами основных сил НИДА и захвата ими Мазари-Шарифа и Хайратона летом 1998 г. Узбекистан практически прекратил оказание помощи А.Достуму.

Военное поражение НИДА и выход талибов на афганско-узбекскую границу вынудили Ташкент заметно скорректировать линию своего поведения в отношении ДТ. Она стала более взвешенной и осмотрительной. В интересах обеспечения безопасности в приграничных районах узбекские власти пошли на неофициальные контакты с талибами, согласились на поставку электроэнергии в северные районы Афганистана.

Вместе с тем в Ташкенте все еще сохраняются опасения возможного дестабилизирующего влияния со стороны ДТ. Хотя Узбекистан и вышел из Договора о коллективной безопасности стран СНГ, президент И.Каримов в октябре 1998 г. выступил с инициативой заключения трехсторонней Декларации о сотрудничестве с участием России, Узбекистана и Таджикистана, предусматривающей совместные шаги по противодействию исламскому экстремизму.

Одновременно Узбекистан более благосклонно стал относиться к А.Ш.Масуду, признавая его роль в организации эффективного военного отпора талибам, хотя Ташкент по-прежнему настораживают тесные связи лидера ИОА с Душанбе, с которым у узбекских властей существуют серьезные разногласия.

В последнее время заметно усилилась внешнеполитическая активность Узбекистана по продвижению политического урегулирования афганского конфликта. Главные пункты узбекских предложений по разблокированию кри-

зиса в ИГА – незамедлительное прекращение огня как условие начала прямых межафганских переговоров, прекращение иностранного вмешательства в афганские дела, введение эмбарго на поставки оружия в Афганистан, активизация роли ООН. Узбекское руководство инициировало проведение в Ташкенте 19-20 июля 1999 г. встречи под эгидой ООН «группы соседей и друзей Афганистана» («группа 6 + 2») на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств, на которой была принята Декларация об основных принципах мирного урегулирования конфликта в Афганистане.

Помимо политических целей и вопросов обеспечения безопасности своих южных границ Узбекистан имеет в ИГА и свои экономические интересы. Вплоть до начала 90-х годов в Узбекистан ежегодно экспортировалось около 3 млрд. куб. м природного газа, добывавшегося в районе Шибегана. Ташкент заинтересован в возобновлении поставок афганского природного газа, в том числе из открытых в 1988 г., новых газовых месторождений в провинциях Фариаб и Джузджан. Экономические выгоды Узбекистану может принести и возможное подключение к программам сооружения трубопроводов из Средней Азии через территорию Афганистана, возобновление работы главной транспортной артерии Афганистана – шоссе Мазари-Шариф – Кабул, связывающего Узбекистан со странами Южной Азии.

Отличительная особенность политики **Туркменистана** в отношении Афганистана – ее нейтралитет. Ашхабад стремится соблюдать равноудаленную дистанцию от противоборствующих афганских группировок, иметь ровные, дружественные отношения со всеми странами – соседями Афганистана, независимо от того, на кого они делают ставку во внутриафганском конфликте.

Для такой линии поведения у Туркменистана есть веские причины. Одна из них – общая с талибами граница и необходимость обеспечения ее безопасности. Другая причина уравновешенного поведения Ашхабада в отношении афганского конфликта – практическая невовлеченность в него сравнительно немногочисленной туркменской общины ИГА, насчитывающей около 400 тыс. человек. Поэтому события в Афганистане, где Туркменистан исторически никогда не имел своих собственных интересов и целей, мало волнуют его население.

Возможность серьезных для внутриполитической ситуации в Туркменистане последствий афганских событий весьма невелика, если учесть высокую степень этнической однородности туркменского общества (тигульская нация составляет 72% населения), его низкую политизацию при одновременном высоком уровне централизации управления страной. Ашхабад, правда, проявил определенную озабоченность в связи с репрессиями против представителей туркменских племен на севере Афганистана, убийством духовного авторитета афганских туркмен Абдуллы Манана и усилением в этой связи исхода туркменских беженцев в Пакистан, поскольку талибы перекрыли им пути бегства на север.

Но главная причина стремления Ашхабада к поддержанию корректных отношений с афганскими властями – большая заинтересованность в обес-

печении благоприятных условий для экспорта своих энергоносителей, прежде всего газа, на международные рынки. Одно из центральных мест отводится проекту сооружения газопровода через территорию Афганистана в Пакистан, в страны Индостанского полуострова и на другие рынки. Поэтому объективно Ашхабад, как никто другой, заинтересован в нормализации обстановки в Афганистане, восстановлении там мира и спокойствия.

Вместе с тем понимая, что при нынешнем вялотекущем развитии событий на это могут уйти долгие годы, Ашхабад активно ищет возможности реализации газового проекта в реально складывающейся сегодня в Афганистане ситуации, когда талибы практически контролируют всю территорию, по которой планируется прохождение газопровода (Тургунди – Герат – Кандагар – Кветта).

С учетом этого обстоятельства заметно стала меняться политика Ашхабада в отношении Афганистана. Хотя официально он не признал правительство ДТ, однако открыл консульские учреждения в Герате и Кандагаре, заключил ряд торгово-экономических соглашений на межправительственном уровне, доведя объем приграничной торговли до 100 млн. долл. в год. Туркменистан уклоняется от осуждения попыток талибов силой оружия установить свой контроль над всей территорией Афганистана, покровительства международного терроризма со стороны ДТ и его широкой вовлеченности в наркобизнес, часто закрывает глаза на растущую контрабанду наркотиков через афганско-туркменскую границу, хотя и обеспокоен этим обстоятельством.

В последнее время заметно активизировались посреднические дипломатические усилия Ашхабада по склонению противоборствующих афганских сторон к достижению договоренностей о прекращении огня. При этом туркменская сторона предпочитает сепаратные действия в этом направлении, отказываясь от совместных с другими членами мирового сообщества шагов. Ашхабад, в частности, хотя и принял участие в работе Ташкентской встречи (на экспертном уровне), однако не стал подписывать итоговую Декларацию, в которой содержалось осуждение талибов по нескольким пунктам. При этом Туркменистан начинает брать на вооружение аргументацию в поддержку талибов по целому ряду вопросов, стремится в контактах с центральноазиатскими и другими странами оправдывать поведение талибов, призывает, подобно пакистанцам, к активизации контактов и связей с ДТ. По существу можно говорить о формировании лояльного талибам туркмено-пакистанского тандема на базе совпадения их стратегических и экономических интересов. Подтверждением этого является подписание в Исламабаде весной 1999 г. трехстороннего (с участием Пакистана, Туркменистана и ДТ) межправительственного соглашения об ускорении поиска иностранных инвесторов (вместо вышедшей из консорциума Сентгаз ЮНОКАЛА) для вывода из тупика ситуации с сооружением газопровода.

Два других центральноазиатских государства – **Казахстан и Киргизия** – не проявляют сколько-нибудь заметной активности в афганских делах, хотя несколько лет назад Бишкек и Алма-Ата предложили свои кан-

дидатуры для проведения международной конференции по Афганистану. Однако сложность и неопределенность внутривнутриполитической ситуации в этой стране, отсутствие там своих прямых интересов вынуждает Казахстан и Киргизию отдавать инициативу другим странам – непосредственным соседям Афганистана. Вместе с тем казахская и киргизская стороны серьезно озабочены такими негативными последствиями афганского конфликта, как опасность распространения исламского экстремизма, международного терроризма и наркобизнеса. Поэтому они активно поддерживают усилия ООН и ее механизмов по политическому разблокированию кризиса в Афганистане.

Позиция **Индии** по Афганистану определяется в первую очередь ее взаимоотношениями с Пакистаном. Поэтому не удивительно, что индийцы довольно резко критикуют Исламабад за его вмешательство во внутриафганские дела на стороне ДТ (проводя параллели с активностью Пакистана в Кашмире), осуждают поддерживаемую пакистанцами линию талибов на силовое решение афганской проблемы и вообще использование ДТ в своих узкокорыстных геополитических целях. Дели беспокоит религиозный экстремизм талибов, заявления некоторых их представителей о возможности использования «пакистанской атомной бомбы для защиты мусульманского мира от неверных». Все это побуждает Индию уделять возрастающее внимание афганской проблеме, активнее подключаться к миротворческим усилиям ООН.

Заметную активность в афганских делах стала проявлять **Турция**. Она осуществляет консультации с широким кругом стран региона, обозначая свою озабоченность попытками установления радикального исламского режима ДТ в Афганистане, ростом наркотрафика из этой страны, притеснением там тюркоязычных афганцев.

Китай проводит сбалансированную линию в отношении враждующих афганских группировок, не поддерживая, хотя и признавая, правительство ИГА и уклоняясь от официального признания ДТ. Пекин считает бесперспективным военное противостояние между талибами и северным альянсом, выступает за политическое урегулирование ситуации в Афганистане под эгидой ООН.

Присоединившись к осуждению актов геноцида и насилия со стороны талибов в отношении непутунского населения ИГА, китайцы, однако, сдержанно относятся к идее введения санкций против ДТ. Пекин отмечает отсутствие у него намерений устанавливать официальные связи с талибами, но вместе с тем не отказывается от контактов с ними по «оперативным вопросам» через свое посольство в Исламабаде. Имеются сведения о поездках китайских представителей в Кабул с широким спектром целей – от налаживания торгово-экономических связей до ознакомления с фрагментами блоков наведения американских крылатых ракет, найденных после ударов США по базам Бен Ладена летом 1998 г.

В стратегическом противостоянии с Индией китайское руководство в известной степени заинтересовано в поддержке Пакистана и дозирован-

ном укреплении его позиций в регионе, в том числе через установление в Афганистане пропакистанского режима, который можно было бы использовать как инструмент давления на индийцев. Однако усиление позиций исламских экстремистов в Афганистане в свете их возможной смычки и взаимодействия с сепаратистами Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, где проживает и мусульманское население, не выгодно Пекину.

В целом китайцы внимательно отслеживают все нюансы развития ситуации вокруг Афганистана и, судя по всему, намерены ориентироваться на преобладающее в мировом сообществе мнение в своей афганской политике.

Вместе с тем китайское руководство прорабатывает линию своего поведения при любом варианте развития ситуации в Афганистане.

Продолжающееся обострение ситуации в Афганистане, усиление негативного воздействия таких метастаз внутриафганского вооруженного противоборства, как превращение его территории в базу подготовки международных террористов, производства и незаконного оборота наркотиков, угроза распространения исламского экстремизма в регионе вновь привлекли внимание ведущих держав мира к Афганистану. Этому в значительной степени способствовало и изменение геополитической ситуации в южных регионах постсоветского пространства, в частности в Закавказье и Центральной Азии, повлекшее активизацию политического и экономического проникновения сюда стран Запада, прежде всего США.

Администрация **США** заметно активизировала свою афганскую политику после провала попыток пришедших к власти исламских моджахедов сформировать работоспособное и управляемое правительство. Выходом из положения Вашингтон посчитал образование «новой силы», способной положить конец внутриафганским распрям. Ставка была сделана на Движение талибов, которое должно было поглотить или просто разгромить не подчинившиеся ему военно-политические группировки.

Однако и здесь, как ранее с моджахедами, американцев ждало серьезное разочарование. И дело не только в том, что талибам в течение почти шести лет так и не удалось навести порядок в Афганистане и подавить упорное военное сопротивление моджахедских группировок во главе с Б.Раббани и А.Ш.Масудом. Куда важнее то, что руководство ДТ оказалось еще менее сговорчивым и послушным, чем лидеры моджахедов, и проводит внутри- и внешнеполитический курс в соответствии со своими представлениями о задачах государственной власти и методах ее управления, основанными на пуританском толковании исламских догм. А это резко противоречит декларируемым США приоритетам и ценностям.

Эти обстоятельства стали причиной крутого изменения отношения Вашингтона к талибам в сторону ужесточения. А после предоставления ими убежища участвовавшему в исламском «джихаде» саудовскому миллионеру У.Бен Ладену, подозреваемому в совершении терактов против американских посольств в Кении и Танзании, США в августе 1998 г. нанесли ракетные удары по опорным пунктам У.Бен Ладена на террито-

рии Афганистана. В начале июля 1999 г. США ввели торгово-экономические и финансовые санкции против талибов. Подобная «силовая» линия США в отношении ДТ наряду с другими причинами объясняется и необходимостью для администрации демократов продемонстрировать свою принципиальность и решительность накануне очередных президентских выборов.

Осуществленные и планируемые Вашингтоном новые военные акции против талибов, оправдываемые необходимостью наказания У.Бен Ладена и предотвращения новых террористических акций с его стороны, крайне сомнительны с юридической и международно-правовой точек зрения. Они никак не соотносятся с основополагающими принципами, на которых строится система современных международных отношений, и отражают крепнущее стремление США присвоить себе по праву сильнейшей державы роль мирового судьи и одновременно исполнителя принимаемых решений в обход существующих механизмов разрешения международных коллизий, прежде всего ООН. Своими действиями США не только создают опасные прецеденты, но и ставят под угрозу основы послевоенного мироустройства с непредсказуемыми для всего мира последствиями.

Делая ставку на силовые действия в отношении ДТ, американцы не прекращают и политического давления на талибов, добиваясь в первую очередь экстрадиции У.Бен Ладена. Если это им удастся, то нельзя исключать, что жесткая линия США сменится на умеренную, особенно если ДТ сумеет добиться военных успехов в противоборстве с северной коалицией.

Во многом схожие американским позиции в отношении Афганистана занимают **промышленно развитые страны мира – члены «большой семерки»**. Их, правда, больше беспокоит не столько экспансия исламского экстремизма, сколько обостряющаяся проблема распространения наркотиков из Афганистана через Россию и другие страны СНГ, – в Европу. Резко осуждая политику ДТ в области прав человека, западноевропейцы в то же время оказывают значительную донорскую и гуманитарную помощь населению Афганистана.

Наибольшую активность из всех развитых стран мира, не считая США, в афганских делах проявляет **Япония**. Она не скрывает своей заинтересованности в скорейшем прекращении конфликта и активном участии в послевоенном восстановлении Афганистана, разработке природных ресурсов этой страны, в реализации проектов транспортировки энергоресурсов из Центральной Азии через афганскую территорию. Поэтому японцы, поддерживая контакты как с северным альянсом, так и с ДТ, пытаются вывести их на политический диалог, заявляют о готовности организовать в Токио мирную конференцию, равно как и международный форум по послевоенному восстановлению Афганистана.

При всей несхожести и разновекторности политических, экономических и других интересов разных стран в отношении Афганистана мировое

сообщество все же выработало определенный консенсус относительно путей разблокирования афганского конфликта. Его положения отражены в последних резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, в принятой на недавнем заседании «группы соседей и друзей Афганистана» в Ташкенте Декларации об основных принципах мирного урегулирования конфликта в Афганистане. Это – бесперспективность военного решения афганской проблемы, необходимость прекращения военных действий и возобновления политических переговоров между противоборствующими афганскими группировками в целях создания широкопредставительного, многоэтнического правительства. Решения относительно будущего государственного устройства Афганистана должны приниматься самими афганцами в ходе переговорного процесса без какого бы то ни было вмешательства извне, при строгом уважении суверенитета, независимости, территориальной целостности и национального единства этой страны.

Важнейшее значение для разрешения афганского кризиса имеет политика приграничных государств. Сегодня при всех особенностях и нюансах их подходов к ситуации в Афганистане имеется ряд общих моментов, объединяющих почти всех его соседей и составляющих объективную основу для их сотрудничества в деле политического урегулирования афганской проблемы. Это, в первую очередь, опасения политико-религиозной экспансии талибов, распространение наркотиков, исламского экстремизма и терроризма, угроза политической дестабилизации в соседних странах и регионе в целом.

Для предотвращения наихудшего варианта развития событий в Афганистане и начала переговоров между противоборствующими афганскими группировками, необходимы значительные усилия со стороны всех соседних государств. Им надо будет в значительной степени переосмыслить свои действия и стратегию на афганском направлении, понять и принять геополитические, национальные и другие интересы друг друга в Афганистане, признать и уважать права и интересы соответствующих этнических, конфессиональных, а также основных политических сил афганского общества. Только это могло бы способствовать нахождению общих подходов к решению афганской проблемы.

Взаимное признание зон интересов и влияния, не ущемляющее национального суверенитета и территориальной целостности Афганистана, могло бы, как представляется, сопровождаться конкретными практическими шагами по ограничению военной подпитки конфликтующих сторон, оказанию соседними государствами более решительного нажима на противоборствующие группировки в плане склонения их к мирному диалогу. В таких условиях заметно бы возросла и активизировалась роль ООН в качестве главного и беспристрастного посредника в поиске мирных развязок афганского конфликта, а также интенсифицировались бы усилия международного сообщества по организации донорской помощи Афганистану.

ДЖАБЕР АЛЬ-АХМЕД АЛЬ-ДЖАБЕР АС-САБАХ
(политический портрет эмира Государства Кувейт)

По официальным данным, Джабер ас-Сабах родился в 1928 г. С именем его отца – десятого эмира Кувейта Ахмедом I (правил в 1921-1950 гг.) связывают вступление страны в нефтяную эру. Мать – Биби Салем I – занимала видное (по арабским представлениям) место в политической жизни эмирата и сыграла немалую роль в том, что третий сын Ахмеда I стал впоследствии главой государства.

Начальное образование Джабер ас-Сабах получил в местных школах Аль-Мубаракия и Аль-Ахмадия. В дальнейшем брал уроки по религии, арабскому и английскому языкам, истории и экономике у частных преподавателей¹. В этот период он совершал многочисленные поездки по другим странам, философски осмысливал стиль жизни, нравы и обычаи народов христианского мира.

В 1949 г., за год до смерти отца, шейх Джабер-ас-Сабах получил первое официальное назначение – пост руководителя органов безопасности в г. Аль-Ахмади. Город, основанный эмиром и получивший его имя, уже тогда играл важную роль в становлении нефтяной отрасли страны². Впоследствии он стал символом исторической трансформации эмирата из края ловцов жемчуга и торговых мореплавателей в страну-экспортера нефти. На своем посту молодой шейх получил ценный опыт административной работы, ознакомился с технологией добычи и сбыта нефти. Одновременно рос и его авторитет среди местной политической элиты.

Десятилетняя практическая деятельность у истоков начала нефтяной эры Кувейта стала основой для нового назначения шейха Джабера ас-Сабаха в 1959 г. начальником Департамента финансов, который в 1962 г., после обретения страной независимости, был преобразован в Министерство финансов и нефти. В 1963 г. Джабер ас-Сабах получил пост заместителя премьер-министра с сохранением прежней должности. Он стал ведущим советником эмира, активно выступал за распределение государственных земель между кувейтцами под жилищное строительство с последующим их выкупом, создание финансового рынка, архитектором зарубежной инвестиционной политики государства.

В ноябре 1965 г., после естественной смены эмира, которыми по Конституции могут быть только прямые потомки эмира Мубарака Великого (правил в 1895-1915 гг.) шейху Джаберу ас-Сабаху поручили сформиро-

вать собственное правительство, а еще через полгода он был провозглашен наследным принцем. Через 12 лет, 4 января 1978 г. он становится главой Государства Кувейт – эмиром Джабером III.

Личная жизнь эмира по традиции не афишируется. Кувейтцы, хотя и избегают обсуждать личность главы своего государства, так описывают его: скромн, в эмоциях сдержан, в общении с соотечественниками доброджелателен. Не любит отказывать в просьбах, а если обстоятельства вынуждают к этому, то предпочитает избегать резкостей. Будучи сам крайне пунктуальным, требует и от других четко придерживаться устанавливаемых сроков и протокола; строго контролирует выполнение поручений. Людей оценивает по их делам и нравственным устоям.

Внешне, несмотря на свои годы, эмир производит впечатление человека огромной внутренней силы. Его собеседников нередко поражает взгляд: доброджелательный и одновременно пронизательный, даже пронзительный. Во взоре читается большой ум, заинтересованность и неподдельное внимание к человеку. В беседе почти всегда располагает к себе умением слушать, сам говорит немного, тихим спокойным голосом, задаваемые им вопросы всегда ясны и конкретны. Гостей, удостаивавшихся встреч с Джабером ас-Сабахом, поражает его умение быстро читать и вникать в суть прочитанного, а также цепкая память. Считается самым интеллектуальным монархом Персидского залива.

Публично глава государства выступает редко, а традиционные обращения к народу во время последней декады мусульманского месяца рамадан продолжаются всего несколько минут и, как правило, носят философско-нравственный характер, посвящены идеям сплочения общества на основе «исламского братства» во имя дальнейшего развития и процветания страны.

Правоверный мусульманин, хотя и далек от ревностного фанатизма. Несмотря на большое личное состояние (по некоторым оценкам, достигает 5 млрд. долл.), неодобрительно относится к показной кичливой демонстрации роскоши. Среди увлечений – садоводство, не равнодушен к верховой езде (под его патронажем ежегодно проводятся верблюжьи бега). Спиртное не употребляет. Владеет английским, однако предпочитает говорить на родном языке.

Годы правления Джабера ас-Сабаха пришлось на сложный период в истории Кувейта. Страна прошла через серию жестоких испытаний: мировой энергетический кризис и крах национальной фондовой биржи, всплески активности «фундаменталистов», ирано-иракский конфликт и агрессия со стороны Ирака. Когда внутриполитическая ситуация приближалась к «точке кипения», главе государства приходилось ограничивать демократические свободы, распускать парламент, вводить цензуру, приостанавливать действие некоторых положений Конституции (последний раз в 1986 г.). Такие ша-

ги, однако, воспринимались им как меры, вынужденные чрезвычайными обстоятельствами и не меняющие в целом его личную концепцию развития страны.

Важнейшая составляющая этой концепции – развитие и укрепление конституционной монархии на базе принципов регулируемой демократии, опирающейся на фундаментальные ценности и обычаи ислама. Кувейтцы утверждают, что Джабер ас-Сабах с первых лет своего правления стремился превратить эмират в образец демократии для других арабских стран, считая ее неперенным условием свободы личности и стабильности общества. «Наша общая цель, – не раз заявлял глава государства, – строительство на благородных устоях возвышенного отечества, возмещение возмездием трудом и гарантирующего безопасность».

«Светские» компоненты его концепции – строгое соблюдение законов, свобода выражения мнений, в том числе и через средства массовой информации, уважение личности и достоинства граждан. Демократия и порядок, свобода и ответственность – таковы, по мнению эмира, критерии «цивилизованности» современного общества. Он не устает призывать к укреплению основ социального мира, сотрудничеству и взаимодействию в высших интересах страны всех ее граждан, обеих ветвей власти. Защищая свободу прессы, эмир Джабер ас-Сабах неизменно напоминает, что она не должна служить разгулу страстей и сведению счетов. «Наша родина – один корабль, на борту которого находимся мы все», – этот краткий тезис как нельзя полнее раскрывает философию эмира в делах государственного строительства, его твердый курс на укрепление национального единства.

Реализация этой линии – дело непростое, если учесть, что Кувейт – государство хотя и компактное по размерам, но весьма неоднородное по своему составу. Коренные жители различаются по родоплеменной принадлежности, вероисповеданию (до 30% составляют шииты) и национальному происхождению (прослойка выходцев из южного Ирака и Ирана весьма многочисленна), социальному статусу (помимо полноправных граждан, здесь насчитывается до 120 тыс. апатридов).

В этих условиях эмир стремится придерживаться политики соблюдения баланса интересов основных социальных групп, проводить линию на сглаживание и постепенное преодоление социальных противоречий, доставшихся в наследство современному Кувейту. Важнейший шаг в этом направлении был сделан в 1995 г.: эмир утвердил одобренный парламентом закон о предоставлении избирательного права натурализованным кувейтцам (около 100 тыс. человек), тем самым окончательно уравнивая их в правах с коренными гражданами страны. Сейчас правительство ведет кропотливую работу по урегулированию правового статуса апатридов.

Нравственность, духовное состояние общества, считает глава государства, – важнейшие факторы его устойчивости и способности к самовывживанию в современных условиях. Он не устает повторять, что демо-

кратия неизбежно должна строиться на культурных традициях и национальных духовных ценностях. Их сердцевина – исламское наследие, в котором нашли всестороннее отражение принципы справедливости и равенства, неприятие зависти и ненависти, стремление к великодушию и милосердию. Неоднократно в своих публичных выступлениях эмир Джабер ас-Сабах порицал эгоизм, жажду к личному обогащению за счет других, распри, возникающие в ходе дискуссий по различным вопросам.

В то же время эмир далек от идеи создания теократического государства, настаивает на сохранении его светских основ. Не без его поддержки фундаменталисты, избравшие парламент в качестве арены для неоднократных нападок на либеральную интеллигенцию и светские порядки в высшей школе, получают твердый отпор со стороны правительства. Эмир поддержал призыв к упорядочению местного законодательства в соответствии с нормами шариата, одобрил создание под собственным патронажем соответствующей комиссии, но решительно выступил против внесения в Конституцию изменений, фактически низвергающих светское право.

Одно из главных условий устойчивого и динамичного развития страны эмир видит в целенаправленной реализации экономической составляющей курса на утверждение социальной справедливости. Ее основные компоненты – создание регулируемой государством рыночной экономики, основанной на взаимодействии мощного государственного и динамично развивающегося частного секторов; эффективное вмешательство государства в экономику в целях обеспечения устойчивого экономического роста и предотвращения резкой имущественной поляризации общества; государственная поддержка отраслей, обеспечивающих жизнедеятельность населения; стимулирование деловой активности национальных предпринимателей.

К главным личным заслугам Джабера ас-Сабаха можно отнести национализацию нефтяной промышленности, ставшей основой экономики современного Кувейта. Первым шагом на этом пути стала институционализация доходов от нефти. Еще в 1965 г., будучи наследным принцем и премьер-министром, он сократил долю правящей семьи в прибылях, получаемых от экспорта нефти, а в 1978 г. вообще запретил такое участие. Под непосредственным руководством эмира был разработан и претворен в жизнь план создания мощной экспортно ориентированной индустрии, основанной на новейших достижениях науки и техники. Именно он инициировал «новый экономический курс» страны, призвав к существенному снижению доходов от вывоза сырой нефти в ВВП за счет резкого повышения экспорта продуктов высокой переработки сырья и формирования собственной «инфраструктуры сбыта». Сегодня Кувейт обладает солидным нефтеперерабатывающим комплексом, крупным танкерным флотом, владеет широкой сетью автоколонок в Европе. Нефтяная индустрия стала основой эффективной зарубежной инвестиционной политики государства, до недавнего времени являвшейся исключительной прерогативой правя-

щей семьи. Накануне иракской агрессии, по различным оценкам, иностранные авуары составляли от 65 млрд. до 85 млрд. долл., а доход от них в 1989 г. превысил доходы от нефти. В последние годы был взят курс на инвестирование средств за границей (прежде всего в Юго-Восточной Азии и Дальнем Востоке) в строительство заводов глубокой переработки нефти и нефтехимии.

Диверсификация доходной базы экономики позволила правительству проводить эффективную социальную политику. За время пребывания эмира Джабера ас-Сабаха у власти в стране широкое развитие получили бесплатное образование, медицинское обслуживание и жилищное строительство. Только за первые семь лет его правления число школ выросло на 50%, больниц – с 383 до 517, врачей – более чем в 3 раза. Несмотря на колоссальный урон, нанесенный агрессией (на преодоление ее последствий Кувейту пришлось затратить до 50 млрд. долл.), страна довольно быстро вышла из кризисной ситуации и в настоящее время вновь входит в десятку стран мира по уровню доходов на душу населения.

Эмир Джабер ас-Сабах имеет целостную концепцию развития глобальных процессов, сформировавшийся взгляд на место Кувейта в мировом сообществе. Ее центральный лейтмотив – человечество живет в сложном, противоречивом мире, находящемся в постоянном движении. Он выделяет такие важные факторы современных международных отношений: формирование многополярной структуры мирового сообщества; общее повышение уровня нестабильности и «рост температуры» региональных очагов напряженности; повышение роли ООН в современных международных отношениях; трансформация сложившихся структур военно-политических блоков и динамичное изменение их состава, усиление политико-дипломатического аспекта в их деятельности.

Сегодня, однако, глобальные вопросы во внешней политике Кувейта отошли на второй план. Абсолютно приоритетным направлением в деятельности его дипломатии в последние годы стала реализация задач преодоления последствий иракской агрессии 1990-1991 гг., формирование надежной системы безопасности в зоне Персидского залива, адекватно отвечающей задаче сохранения на достаточно длительный срок сложившегося баланса сил в регионе и защиты его стран, прежде всего Кувейта, от рецидивов вооруженной агрессии как способа разрешения возможных конфликтных ситуаций.

Уроки иракской агрессии заставили эмира отказаться от традиционной концепции опоры на собственные силы в деле обеспечения национальной безопасности страны и отказа от размещения иностранных сил на своей территории, которой он ревностно придерживался в самые тяжелые годы ирано-иракского конфликта и намеждународных отношениях более ранних этапах государственной самостоятельности, когда Ирак неоднократно пытался силой оспорить часть кувейтской территории. Стержневым элементом послевоенной концепции обеспечения национальной без-

опасности стало тесное военное сотрудничество эмирата со странами НАТО, и прежде всего США, юридически оформленное серией соглашений о двустороннем сотрудничестве.

Главной политической задачей Кувейта на данном этапе эмир считает обеспечение выполнения Ираком в полном объеме резолюций Совета Безопасности ООН по посткризисному урегулированию в Зоне Персидского залива. Кувейтская дипломатия, сам эмир предпринимают активные шаги, направленные на эффективное задействование в этих целях введенного в отношении Ирака режима санкций. Сейчас особый акцент делается на необходимости скорейшего освобождения военнопленных и пропавших без вести, возвращении вывезенной из страны собственности, запуска механизма выплаты компенсации за нанесенный войной ущерб. Без урегулирования этих проблем, считает Джабер ас-Сабах, преждевременно стремиться к всеобъемлющему межарабскому примирению. В ответ на высказанное министром иностранных дел Бельгии в июне 1995 г. предложение простить Ирак, как это сделала Европа в отношении нацистской Германии, эмир сказал: «Да, Европа заняла такую позицию. Но сколько должно было пройти десятилетий после краха нацизма?»

В течение долгих лет, вплоть до иракской агрессии 1990 г., глава кувейтского государства уделял много внимания идеям арабского единства и проблеме урегулирования арабо-израильского конфликта. Кувейт регулярно оказывал большую финансовую помощь палестинскому сопротивлению, принял у себя почти полмиллиона палестинских беженцев, одним из первых признал палестинское государство во главе с Я.Арафатом. Поддержка лидером ООП линии С.Хусейна в ходе кризиса 1990-1991 гг. подвела черту под этим периодом. Эмир до сих пор не может простить вероломства руководству ООП, и акцент его ближневосточной активности перенесен сейчас на поддержку Сирии и Ливана, поддержавших Кувейт в 1990-1991 гг. Палестинская проблема отошла на задний план, хотя гуманитарную помощь палестинским организациям Кувейт продолжает оказывать.

Интерес представляет линия эмира в отношении Ирана. Кувейт сохранял связи с ИРИ, хотя и в сокращенном объеме, в течение всего периода ирано-иракской войны³. «Мы неизменно призываем сынов ислама сесть за стол мирных переговоров, отказаться от идейной, политической и военной борьбы, договориться о сотрудничестве и добрососедстве», — эта линия, сформулированная эмиром на заседании бюро ОИК в 1988 г., проводилась Кувейтом все последующие годы. Он не поддержал попытки США подключить эмират к линии на изоляцию Ирана, продолжает и сегодня проводить твердый курс на развитие и расширение двустороннего сотрудничества с ИРИ на основе взаимных интересов и невмешательства во внутренние дела.

Традиционно лаконичное выступление главы кувейтского государства на проходившей в марте 1996 г. в Копенгагене международной конференции по проблемам развития подтвердило его приверженность из-

ложенной еще на 43-й сессии ГА ООН принципиальной позиции: человечество должно строить свое развитие на базе широкого и долгосрочного сотрудничества в интересах человека. Напомнив, что Кувейт «позитивно и эффективно» участвует в деятельности ООН, направленной на обеспечение мира и безопасности на земле, повышение благосостояния населения планеты, Джабер ас-Сабах с глубокой внутренней гордостью отметил, что Кувейтский фонд социального и экономического развития за последние 30 лет предоставил 82 странам на цели развития 447 кредитов на сумму 8 млрд. долл., а в 1995 г. выделил на оказание помощи бедствующим странам 3% ВВП.

Эмир Джабер ас-Сабах – убежденный сторонник устойчивого развития дружественных связей с Россией, гордится тем, что Кувейт стал первым и на протяжении двух десятилетий оставался единственным государством Персидского залива, имевшим с ней дипломатические отношения. Его с полным основанием можно считать основателем отношений всестороннего сотрудничества с нашей страной: его первый приезд в Москву в ноябре 1964 г. в качестве заместителя премьер-министра, министра финансов и нефти проложил путь к подписанию в феврале 1965 г. соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, которое в течение 30 лет оставалось базовым документом взаимодействия двух стран в этой сфере.

Дружественные отношения между нашими странами выдержали немало испытаний. Показательна в этом плане позиция эмирата в период пребывания советских войск в Афганистане: несмотря на активизацию ряда региональных исламских организаций и давление со стороны ряда своих соседей с целью ограничить отношения с Москвой, кувейтское руководство не допустило разгула антисоветских настроений, сделало акцент на активных миротворческих усилиях. Поддерживая контакты практически со всеми сторонами конфликта, Кувейт оказывал содействие в розыске захваченных афганскими моджахедами советских военнопленных. Эта работа продолжалась и позднее, уже после распада СССР.

Решительная позиция России в поддержку Кувейта и преодоление последствий иракской агрессии была высоко оценена эмиром. Свидетельством этому, в частности, стало решение эмира о предоставлении России в 1991 г. долгосрочного несвязанного кредита на сумму в 1,1 млрд. долл. (больше чем все другие государства ССАГПЗ вместе взятые).

Бесспорные заслуги перед страной, высокие моральные качества и заслуженный нравственный авторитет в обществе по праву снискали Джаберу ас-Сабаху негласное, но признаваемое всеми звание «отца нации». Он – последняя инстанция в спорах, возникающих на межплеменной основе, или разногласиях между органами государственного управления. Вынесенный им вердикт по установившейся традиции носит окончательный характер и дальнейшему обсуждению не подлежит. Даже в случае, если с чисто правовой точки зрения он может быть не бесспорен, как

это случалось при роспусках парламента в 1976 и 1986 гг. Однако, уважая его мнение как высшего гаранта безопасности и целостности страны, депутаты последующих созывов парламента не пытались ставить под сомнение принятые эмиром решения.

Агрессия Ирака против Кувейта в 1990-1991 гг. подвергла жестокому испытанию саму философию становления и укрепления Кувейта как независимого государства с наследственной монархической формой правления, которую всегда отстаивал и продолжает отстаивать эмир. Итоги национального конгресса (13-15 октября 1990 г., Джидда), где присутствовали представители всех слоев кувейтского общества, показали, что оно в целом разделяет эту концепцию: в принятой резолюции, в частности, говорилось: «Мы заявляем о единодушной поддержке нашего руководства, избранного народом с момента своего зарождения и пользовавшегося поддержкой всех последующих поколений. Мы подтверждаем сплоченность всего кувейтского народа вокруг законного руководства в лице нашего эмира шейха Джабера ас-Сабаха и наследного принца Саада Абдаллы ас-Сабаха».

В течение семимесячной оккупации страны эмир оставался живым символом борьбы кувейтского народа за свободу и независимость своей родины, заявляя, что «захват Кувейта не означает торжества над его волей». 14 марта 1991 г., когда в эмирате, затянутом черным дымом от более 600 полыхавших нефтяных скважин, еще не было ни электричества, ни воды, ни связи, эмир вернулся в Кувейт. Его встречал весь народ.

¹ Ими были в основном палестинцы, первая просветительская миссия которых прибыла в Кувейт в 1936 г. В то время палестинцы были наиболее образованной прослойкой кувейтского общества.

² Поиски нефти начались в 1934 г., а в 1946 г. была отгружена за рубеж ее первая промышленная партия.

³ Это понятно, если учесть, что в стране проживает много этнических иранцев, а около 30% населения являются шиитами.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ
ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**

За неполные два десятилетия своей деятельности Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) доказал право на существование, превратившись в одну из наиболее влиятельных региональных организаций арабского мира. Инициированный в 1981 г. процесс интеграции давно вышел за рамки сферы экономики и включил в свою орбиту проблемы обороны и безопасности, информации и культуры, здравоохранения и образования. Сегодня уже можно говорить о том, что объединение шести аравийских монархий превратилось в четко структурированное и динамично развивающееся сообщество.

Этот процесс не прямолинеен, неоднократно переживал периоды спадов и откатов назад. Однако взрывоопасная ситуация в регионе и наличие ярко выраженных внешних угроз безопасности стран-членов группировки, а также действие целого комплекса факторов, способствующих дестабилизации внутренней обстановки в этих государствах, неизменно побуждали руководство стран ССАГПЗ продолжать движение по пути совместной реализации согласованной формулы объединения потенциалов во имя создания зоны устойчивого и динамичного развития, вырабатывать процедуры, обеспечивающие принятие коллективных решений по широкому спектру вопросов и одновременно снимать возникающие почти регулярно между самими членами организации разногласия.

В данной статье остановимся на двух аспектах в деятельности ССАГПЗ, имеющих ключевое значение для обеспечения безопасности его членов: взаимодействии по линии правоохранительных органов и перспективах формирования системы региональной коллективной безопасности.

Сотрудничество в области внутренней безопасности рассматривается руководством аравийских стран как необходимость, диктуемая задачей обеспечения незыблемости правящих режимов в условиях активизации деятельности оппозиционных сил внутри каждой из них, с одной стороны, и взрывоопасной ситуацией в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом, с другой. Тезис о том, что внутренняя безопасность отдельного государства Залива неразрывно связана с общерегиональной ситуацией, разделяется всеми правителями «шестерки», однако застрельщиком субрегионального соглашения о взаи-

модействии в этой сфере выступила Саудовская Аравия, предложив своим союзникам помощь в обеспечении безопасности на их территории, в том числе с использованием в случае необходимости ее полицейских формирований.

Заключение единого соглашения, предусматривающего сближение уголовного законодательства, проведение совместных операций по преследованию подозреваемых в совершении преступления, выдачу преступников и ряд других положений, шло непросто. Младшие партнеры по ССАГПЗ довольно долго сопротивлялись, однако в конце концов под нажимом Эр-Рияда были вынуждены уступить. Всплеск оппозиционных выступлений в Кувейте в 1985 г., массовые беспорядки на Бахрейне в 1995-1996 гг., взрывы американских объектов в Саудовской Аравии подтолкнули процесс подписания, а затем и ратификации такого соглашения. Оно вступило в силу в 1996 г.¹ и действует на практике. Именно этот документ стал правовой основой для работы совместной комиссии представителей правоохранительных органов Кувейта и Бахрейна при расследования «кувейтского следа» в произошедших на острове в начале 1996 г. беспорядках и совместных розыскных действиях спецслужб Кувейта и Саудовской Аравии в рамках расследования обстоятельств взрыва в Хобаре.

Среди факторов, способствующих объединению усилий правоохранительных органов (о чем, в принципе, открыто говорится в государствах Залива), – рост иностранной рабочей силы, активизация деятельности радикальных группировок как местного происхождения, так и зарубежного базирования (например, местные отделения иранской организации «Хезболла»). Но действует и более весомый фактор, о котором официальные власти предпочитают умалчивать: на рубеже конца 80-х – начала 90-х годов аравийские монархии столкнулись с новым системным вызовом, связанным с социальной трансформацией традиционного мусульманского общества.

Уход Великобритании из Персидского залива в рамках политики «к востоку от Суэца» открыл перед аравийскими монархиями быстрый путь к модернизации. Колоссальные доходы от экспорта нефти не только привели к резкому обогащению значительной прослойки населения молодых государств. Разительно изменился архитектурный облик столиц и крупных городов с их экстравагантными зданиями нефтяных, финансовых и банковских корпораций, ставших зримым свидетельством активного включения этих стран в мировую экономику. Использование спутникового телевидения и связи, мировых информационных сетей (типа «Интернет») стало обыденным явлением для тысяч семей, получивших возможность непосредственного ежедневного доступа к источникам мировой, прежде всего западной цивилизации. Идеологические и культурные стереотипы, поддерживавшиеся ранее режимом идеологической и технологической изоляции аравийского общества от мировой цивилизации, сегодня испытывают колоссальное испытание на прочность. Налицо яв-

ное межкультурное взаимодействие, драматизм которого тем более глубок, что происходит оно в условиях традиционного мусульманского общества, в котором исламское наследие выступает в качестве самостоятельной нравственной, культурной и идеологической ценности, регулирующей границы свободы личности, отношений социального партнерства и справедливости. В четырех странах, где власть осуществляется традиционными методами племенной демократии и где проблемы политического бытия, правительственной легитимности, дефиниций гражданства и социальной справедливости в их современном понимании еще ждут своего разрешения.

Такая проблематика поставлена самим ходом развития монархий Залива: их интеллектуальная элита уже начинает поиск вариантов изменения парадигмы бытия, характеризующегося явной экономической несбалансированностью, политической отчужденностью подавляющей массы населения, социальными диспропорциями. Предпринимавшиеся руководством Омана и Катара попытки модернизации структуры государственного управления можно рассматривать лишь как первые шаги в этом направлении. Дальнейшее продвижение государств Залива по пути интеграции в мировую экономику и углубления всестороннего (включая гуманитарный аспект) сотрудничества с западными странами неизбежно ставит их правящие круги перед необходимостью трансформации социальных отношений, адаптации механизмов и институтов государственного управления к всемирно признанным универсальным нормам демократического общества.

К этому правящие режимы монархий Залива активно подталкивают западные державы, и прежде всего США: «Мы способствуем распространению демократических ценностей на Ближнем Востоке... и будем добиваться этого с помощью конструктивного диалога со странами региона... Мы будем поддерживать ответственные шаги к расширению участия граждан в делах власти и улучшению ее функционирования – и одновременно будем и впредь решительно требовать от правительств многих стран региона изменить свое отношение к правам человека»².

Политическая воля руководства США опирается на весомое военнополитическое и экономическое присутствие в регионе, тесные гуманитарные связи с прослойкой в элитарных кругах стран Залива, получившей образование на Западе. Расширяется социальная база «союзников Запада». Сегодня вполне можно говорить о формировании почти во всех арабских монархиях влиятельного круга так называемых технократов, которые если не полностью разделяют, то с пониманием воспринимают многие ценности западноевропейской цивилизации. Они все чаще занимают важные посты в правительствах (не без политического лоббирования западных партнеров), активно выступают за внедрение парламентаризма и разделение властей, многопартийность, участие женщин в избирательном процессе и другие нетрадиционные для субрегиона политические механизмы, что, разумеется, достижимо

лишь через глубокое реформирование самих основ традиционного исламского общества.

Такая деятельность, в свою очередь, вызывает встречную волну: очевиден всплеск активности традиционалистских (зачастую фундаменталистского уклона) кругов, воспринимающих новые тенденции как вызов привычному укладу жизни и выступающих за «возрождение истинных ценностей ислама», а по сути – за реализацию в той или иной форме «иранского сценария». Влияние этих кругов измеряется не только степенью идеологического воздействия на население, но и способностью аккумулировать значительные финансовые средства по линии так называемых благотворительных организаций, деятельность которых, как показали события в Боснии и Чечне, имеет субрегиональный размах и не всегда подконтрольна властям.

В этом контексте заключенное соглашение о сотрудничестве в сфере внутренней безопасности, как представляется, призвано обеспечить необходимую правовую базу для координации действий властей стран ССАГПЗ по надзору и профилактике оппозиционных настроений, а в более широком плане – «подстраховать» правящие режимы на случай экстремальных ситуаций, вызванных активностью как «правых», так и «левых».

Продвигается вперед, хотя и не слишком быстрыми темпами, сотрудничество в деле формирования субрегиональной системы коллективной безопасности, хотя говорить о наличии консенсуса по базовым аспектам такой системы на сегодня пока нет серьезных оснований,

Действительно, странам ССАГПЗ удалось выйти на создание объединенных сил быстрого развертывания (ОСБР) «Щит полуострова». Однако их общая численность в настоящее время не достигает и утвержденной еще в 1993 г. цифры в 16 тыс. человек, что на порядок ниже деклариовавшегося ранее в качестве ориентира показателя – 100 тыс. человек (выйти на него предполагается к 2008 г.). Среди прочих достижений – создание единой системы радарного слежения ПВО, принятие на вооружение совместимых систем радиолокационного оповещения и наблюдения, перевод на регулярную основу совместных учений подразделений национальных вооруженных сил³. Важным компонентом коллективной системы обороны призвана стать создаваемая высокоэффективная система ПВО, включая принадлежащие ей самолеты с системой АВАКС.

Однако опыт преодоления последствий иракской агрессии заставил участников группировки пересмотреть первоначальную оборонительную концепцию, исходившую из доктрины опоры на собственные силы, и взять по существу курс на реализацию двухзвенной системы национальной обороны.

С одной стороны, сохраняется ставка на создание национальных компактных армий, обладающих современным вооружением большой огневой мощи и способных сыграть роль сдерживающего фактора в

отношении потенциального агрессора на период, необходимый для развертывания войск союзников на оборонительном плацдарме. С другой – администрация США, умело используя политико-пропагандистские дивиденды от успешной операции по освобождению Кувейта и опираясь на разносторонние торгово-экономические связи с государствами субрегиона, по существу навязала своим союзникам собственную концепцию субрегиональной безопасности с масштабным американским военным компонентом в качестве ее центрального звена (включая присутствие в зоне Залива авианосной группы ВМС США и самостоятельных подразделений спецназначения временного базирования; предварительное складирование в странах региона вооружений и боевой техники, достаточной для быстрого развертывания в случае возникновения кризисной ситуации полной бронетанковой дивизии и 15 эскадрилий ВВС, а также необходимых дополнительных сухопутных, морских и воздушных подразделений).

Вашингтон и далее намерен проводить линию на наращивание и закрепление доминирования США в зоне Залива. В стратегии национальной безопасности США для нового столетия администрация Б.Клинтон так определяет свою военно-политическую задачу в субрегионе на ближайшее будущее: «Мы будем продолжать ориентировать членов ССАГПЗ на совместную работу над соглашениями о коллективной обороне и безопасности, помогать отдельным государствам, входящим в эту организацию, в удовлетворении их оборонных потребностей и соблюдении двусторонних военных обязательств. Мы будем сохранять необходимое военное присутствие в Юго-Западной Азии, используя для этого сочетание сухопутных, воздушных и морских сил»⁴.

Проталкиваемая администрацией Б.Клинтон модель (несмотря на уже начатую практическую реализацию) подвергается жесткой критике в странах ССАГПЗ за ее непомерное финансовое бремя и ориентированность на консервацию конфликтности в субрегионе. Весьма влиятельные в государствах Залива силы в этой связи согласны с позицией Ирана, высказанной его МИД в июне 1996 г.: «Подход к обеспечению безопасности в зоне Залива был определен иностранными игроками таким образом, чтобы он служил их собственным интересам и задачам. Это в свою очередь ведет к сохранению трений и недоверия в регионе, что воспроизводит нестабильность. Концепция региональной безопасности так и не получила шанса на развитие»⁵.

Раздраженность «заливников» по поводу их военной зависимости от западных держав подхлестывается и осознанием неизбежности этой тенденции, диктуемой временной и технологической заданностью процесса строительства и модернизации их национальных вооруженных сил. Дело не только в том, что для освоения зарубежной военной техники необходима соответствующая подготовка национальных военных кадров, но и в том, что военная интеграция аравийских монархий почти автоматически предполагает эксплуатацию функционально и оперативно совместимой

военной техники (связь, целенавешение, управление и т.д.) и, следовательно, ограничивает круг потенциальных военных поставщиков. Этим, в частности, объясняется и неудача попыток некоторых стран ССАГПЗ диверсифицировать источники вооружений, в том числе и за счет расширения поставок из России.

Несмотря на то что правящие круги ССАГПЗ продолжают оправдывать свою поддержку линии США, ссылаясь прежде всего на сохраняющийся фактор «иракской угрозы», в регионе все активнее задаются вопросом относительно истинных мотивов политики США в Заливе. В Кувейте, Катаре, ОАЭ открыто обвиняют Вашингтон в том, что его курс определяется не столько задачами защиты норм международного права или прав человека, сколько стремлением обеспечить собственные интересы в конкурентной борьбе с другими внерегиональными державами за стратегические позиции в субрегионе.

На этом фоне лидеры ССАГПЗ активнее педалируют «европейскую альтернативу» попыткам США обеспечить себе статус монопольного гаранта безопасности и стабильности в зоне Залива. В комплексе разносторонних связей с ЕС заметно укрепляется экономическая составляющая (достигнуто соглашение о запуске процедуры создания зоны свободной торговли ЕС – ССАГПЗ), активизируется политическое взаимодействие. Члены ССАГПЗ высказываются за более весомое подключение ЕС к обеспечению региональной безопасности, системе международных гарантий стабильности в зоне Залива.

Однако реализовать на практике эту задачу мешают серьезные ограничители. Во-первых, европейцы не обладают структурами, необходимыми для ведения военных действий вне европейского континента. Во-вторых, само ЕС в силу имеющихся внутренних политических разногласий не может сформулировать единую стратегию по проблематике обеспечения региональной стабильности в зоне Залива. Наконец, заметно ощущается и внутриевропейская конкуренция за рынки сбыта военной продукции.

Ощущаемая в странах ССАГПЗ неудовлетворенность предлагаемыми США схемами обеспечения безопасности подтолкнула англичан к выдвиганию летом 1996 г. собственной инициативы по созданию региональной системы сотрудничества и безопасности в зоне Залива (по типу ОБСЕ) с включением в нее Ирака, Ирана и великих держав – постоянных членов СБ ООН, имеющих жизненно важные интересы в регионе. Об оформившейся реакции стран ССАГПЗ на нее говорить рано. идея пока еще осмысливается. Но сам факт того, что она не была с ходу отвергнута монархиями Залива, говорит о явном нежелании последних становиться заложниками региональной политики Вашингтона.

В целом же можно вполне говорить о том, что концепция субрегиональной безопасности в Заливе так и не получила своего четкого концептуального оформления. Между членами ССАГПЗ сохраняются серьезные разногласия по таким пунктам, как региональный формат обо-

ронительной системы и целесообразность включения в нее других региональных держав (Ирака, Ирана), концептуальные позиции военной доктрины, параметры военного сотрудничества с внерегиональными державами (прежде всего западными). Решение этих проблем в значительной степени и определит перспективы выживаемости ССАГПЗ как интеграционной группировки.

¹ Кувейт не подписал соглашение, мотивировав свой отказ тем, что его положение о выдаче иностранному государству своих граждан, подозреваемых в совершении преступления на территории этого государства, противоречит кувейтской конституции. Однако на практике ряд его положений применяются органами исполнительной власти эмирата.

² Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Независимая газета, НГ – сценарии, февраль 1999 г.

³ Первые такие маневры были проведены в марте 1996 г. на территории Кувейта.

⁴ Независимая газета, НГ – сценарии, февраль 1999 г.

⁵ Из выступления министра иностранных дел ИРИ А.Велаяти на семинаре по вопросам безопасности в зоне Персидского залива (Тегеран, 20-23 июня 1996 г.).

МАРОККО: НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

23 июля 1999 г. на 71-м году жизни скончался старейшина среди арабских правителей по времени нахождения у власти король Марокко Хасан II. На Алауитском троне его сменил наследный принц Сиди Мохаммед, который после состоявшейся 30 июля интронизации принял имя Мохаммед VI*. Одновременно новый марокканский монарх выступил с первой тронной речью, в которой определил основные приоритеты своей внешней и внутренней политики, а также дал понять, каким бы хотел видеть свою страну на пороге третьего тысячелетия.

В выступлении 36-летнего монарха марокканцы услышали то, что рассчитывали услышать: Мохаммед VI обязался следовать курсу отца в вопросах внешней и внутренней политики, уделив при этом приоритетное внимание решению некоторых социальных проблем, в частности борьбе против безработицы и бедности. Он выразил свое намерение продолжить курс на развитие всех составляющих марокканского общества, и в первую очередь – наименее имущих слоев.

Король выразил также свою приверженность действующей в Марокко системе «конституционной монархии», политическому плюрализму, экономическому и политическому либерализму, принципам децентрализации, развития основ правового государства, уважения коллективных и индивидуальных свобод. В его выступлении прозвучали слова поддержки действующему левоцентристскому правительству во главе с социалистом Абдеррахманом Юсуфи, которого назначил на этот пост Хасан II более года назад.

По марокканской конституции новый король может сменить правительство в любой момент, когда он этого пожелает. Тем не менее он оставил на посту премьер-министра А.Юсуфи, продолжив тем самым единственный и уникальный в арабском мире эксперимент по сосуществованию монархии и левоцентристского правительства.

В сфере внешней политики Мохаммед VI подтвердил курс Марокко на проведение референдума о будущем Западной Сахары, который должен пройти под эгидой ООН. Он указал, что особый приоритет в своей деятельности придаст усилиям, направленным на строительство Союза арабского Магриба (САМ), в состав которого наравне с Марокко входят Алжир, Ливия, Мавритания и Тунис. Король высказался в поддержку права палестинцев и других народов ближневосточного региона жить в мире, основанном на принципе добрососедства.

Изложенные в тронной речи цели Мохаммед VI развил 20 дней спустя. В радиотелевизионном обращении к нации по случаю отмечавшегося

20 августа праздника – 46-й годовщины Революции короля и народа он вновь заявил о намерении заняться решением многочисленных социальных проблем страны, которые тормозят ее экономическое развитие. Одновременно король признал, что для решения упомянутых проблем у него нет «никакой волшебной палочки». Марокканский монарх отметил, что наиболее остро перед страной стоят проблемы обеднения людей, исхода населения из сельских районов, несовершенства системы образования, безработицы, неравенства женщин. «У нас нет никакой волшебной палочки, однако мы полны решимости атаковать эти проблемы в самые кратчайшие сроки», – подчеркнул король.

Благие цели, которые марокканский монарх поставил перед собой, ему действительно придется реализовывать в непростых условиях. Прежде всего, необходимо отметить, что все его действия как внутри страны, так и за ее пределами будут осуществляться на фоне еще крепкой памяти о 38-летнем периоде правления его отца – Хасана II, пользовавшегося огромным уважением как у себя дома, так и во всем мире. Поэтому в ответ на каждый шаг Мохаммеда VI марокканцы будут задаваться вопросом – а что бы сделал на его месте отец?

Успех или неуспех Мохаммеда VI на новом для него поприще во многом будет зависеть от того, какими деятелями он себя окружит. Пока что нет никаких указаний на то, что он намерен поменять «команду» советников, оставшуюся ему в наследство от отца. Единственное исключение – состоявшееся в начале августа первое назначение в личном кабинете монарха. Согласно его воле, Хасан Аурид стал официальным представителем дворца по печати. При Хасане II такого поста в штате королевского кабинета не было. Стоит напомнить, что в октябре прошлого года по указанию Хасана II при его старшем сыне, наследном принце Сиди Мохаммеде, были созданы личный кабинет и секретариат. Тогда на пост главы кабинета наследного принца был назначен 36-летний юрист Фуад Али аль-Хима. Секретариат возглавил 35-летний Мухаммед Рушди Шрайби, также юрист по образованию. Судя по всему, они не будут забыты монархом.

Пока что можно с достаточной долей уверенности утверждать, что Мохаммеду VI досталось солидное внешнеполитическое наследие. При этом весомым козырем Мохаммеда VI, безусловно, станет поддержка, которую намерены оказать Рабату Вашингтон и Париж. Как заявил глава МИД Марокко Мохаммед Бенаисса, смерть короля Хасана II никак не повлияет на внешнюю политику Рабата. «Ничего не изменилось, и ничего не изменится в этой области», – подчеркнул он¹.

Понятно, что от марокканского монарха ждут активной позиции в деле содействия процессу мирного ближневосточного урегулирования (БВУ). Это ожидание четко сформулировал премьер-министр Израиля Эхуд Барак, принявший 25 июля участие в состоявшейся в Рабате церемонии похорон короля Хасана II. В частности, израильский премьер выразил пожелание, чтобы Мохаммед VI поддержал процесс мирного БВУ и сыграл в нем такую же «заглавную» роль, которую «в течение 20 лет» исполнял его отец Хасан II. Одновре-

менно он подчеркнул, что Израиль «полон желания продолжать процесс достижения мира на Ближнем Востоке». «Мы должны вместе работать для достижения этой цели», – отметил Э.Барак. С учетом отеческого отношения, проявленного к молодому марокканскому монарху со стороны лидера палестинской автономии Ясира Арафата, не приходится сомневаться, что голос Рабата будет учитываться и другой основной стороной процесса БВУ. Однако этого пока нельзя с полной уверенностью утверждать в отношении других действующих лиц – Сирии и Ливана.

Впрочем, марокканскому монарху придется разгребать немало завалов и на внешнеполитическом фронте. Один из них – в отношениях между Марокко и Алжиром. Намечившаяся незадолго до смерти Хасана II и подтвердившаяся в первые дни правления Мохаммеда VI тенденция на улучшение двусторонних отношений и реанимацию замороженного в 1994 г. САМ была быстро перечеркнута в связи с выдвинутыми Алжиром в адрес Рабата обвинениями, согласно которым последний якобы закрывает глаза на присутствие на марокканской территории боевиков из действующих в Алжире формирований религиозных экстремистов. В этой связи алжирская пресса выступила с утверждениями, что появление сообщений об аресте в Марокко бандформирования, совершившего 15 августа бойню в алжирской провинции Бешар, якобы стало акцией дворца, в то время как спровоцировавшее разлад в марокканско-алжирских отношениях дезавуирование этих сообщений исходило из МВД².

В этой связи по меньшей мере странным выглядит прозвучавшее 26 1999 г. августа из уст официального представителя правительства Марокко Халида Алиуа «категорическое опровержение» информации о проникновении на территорию страны и последующем аресте группы алжирских религиозных экстремистов из-за того, что при этом он указал на «надежность» охраны марокканской границы. В то же время ни для кого не является секретом существование контрабандной торговли в районе алжиро-марокканской границы, чему способствует сложный рельеф местности, а также отсутствие четкой демаркационной линии на значительном ее протяжении. Подчеркивая это, в ответ на заявление Х.Алиуа президент Алжира Абдельазиз Бутефлика назвал марокканско-алжирскую границу «проходным двором».

Немало проблем предстоит решать Марокко в отношениях с Европейским союзом (ЕС) в связи с истечением 30 ноября 1999 г. двустороннего соглашения по морскому рыболовству. Рабат хочет только получать блага от европейцев, одновременно отказывая им в возобновлении этого документа.

Ранее Марокко неоднократно заявляло о намерении ограничить доступ рыболовецким судам из стран Европы в свою экономическую зону в Атлантике, мотивируя отказ от подписания нового соглашения истощением рыбных ресурсов. Экспорт даров моря дает Марокко 15,5% валютных поступлений. Рыбопродукты составляют 55% марокканского экспорта продуктов питания. Согласно истекающему соглашению, в 1998 г. в марокканской экономической зоне вели лов 517 промысловых судов ЕС, главным образом испанских. От договоренности Рабата и Брюсселя по вопросу о

рыболовстве, напрямую зависит и судьба марокканско-российского соглашения в этой области, срок действия которого истек осенью 1999 г.

Другие сложные проблемы в отношениях между Марокко и ЕС связаны с незаконной иммиграцией, а также превращением королевства в крупного поставщика «мягких» наркотиков.

Что касается внутривластного наследия, то оно тем более не видится таким же однозначным, как внешнеполитическое. Да, неоспорима высокая внутренняя стабильность страны. Но она во многом – следствие личного авторитета покойного монарха, сумевшего за последнее десятилетие улучшить отношения между Марокко и международным сообществом, железной рукой насадившего атмосферу социального мира, ничего не уступив при этом из своих прерогатив. В то же время наличие острейших социально-экономических проблем рискует в любой момент ослабить эту стабильность.

Из 28 млн. жителей Марокко свыше половины – 55% – неграмотны. В сельских районах этот показатель составляет 75%. Уровень безработицы в городах за год с небольшим функционирования левоцентристского правительства увеличился на 2% и достиг 21%. Уровень безработицы среди выпускников марокканских высших учебных заведений по некоторым специальностям достиг 54%. Ожидается, что из-за сильной засухи прирост ВВП в 1999 г. будет в лучшем случае нулевым. В то же время известно, что только ежегодный экономический рост как минимум в 6% может позволить Марокко постепенно решить проблему безработицы среди дипломированных специалистов. К настоящему времени полностью электрифицированы 30% населенных пунктов в сельской местности. Острые социально-экономические проблемы привели к тому, что согласно опросам общественного мнения свыше 70% марокканцев стремятся эмигрировать из своей страны. Марокко превратилось в крупнейшего поставщика «мягких» наркотиков в Европу, ежегодно нелегально поставляя на европейский рынок свыше 2 тыс. т гашиша³.

Марокко занимает предпоследнее место в регионе Ближнего Востока и Северной Африки по числу практикующих врачей на каждую 1 тыс. человек, «опережая» в этом отношении лишь Йемен. На каждые 10 тыс. подданных королевства приходится всего четыре врача, работающих как в частном секторе, так в государственных больницах. На это же число людей приходится 11 больничных коек. В целом, по состоянию на начало 1999 г., за здоровьем 28 млн. марокканцев следили 10,7 тыс. врачей⁴.

Ожидает своего решения и проблема прав человека. Сразу после интронизации Мохаммеда VI известная правозащитная организация – Международная амнистия (МА) распространила открытое письмо монарху, в котором призвала его сделать защиту прав человека приоритетом в период его правления.

В послании признается, что ситуация с правами человека в Марокко улучшилась начиная с 1991 г. Тем не менее в нем предлагается новому монарху продолжить реформы и «сделать защиту прав человека приоритетом его государственной деятельности». МА призвала Мохаммеда VI освободить всех пропавших без вести лиц, кто еще остался живой, и про-

яснить судьбу тех, кто скончался в застенках. Она считает, что марокканские власти должны выплатить компенсации родственникам лиц, в свое время пропавших без вести по политическим мотивам.

Согласно МА, с середины 60-х годов и до начала 90-х годов в Марокко без вести пропало свыше 900 человек. Около 450 из них были освобождены. Более 100 человек, как было объявлено – скончались в заключении. Тем самым государство как бы признало, что именно оно было ответственно за практику внесудебного преследования людей по политическим мотивам. Судьба остальных остается неизвестной.

МА потребовала проведения глубоких и полных расследований всех случаев пыток, плохого обращения и смерти лиц, находившихся в заключении. Признавая, что практика пыток не является системой с начала текущего десятилетия, МА тем не менее утверждала, что подобные инциденты случаются.

Еще одно требование МА касалось немедленного и безусловного освобождения всех «узников совести», а также отмены законов, позволяющих их уголовное преследование. МА считает, что все лица, ответственные за нарушение прав человека, должны предстать перед судом.

Незадолго до смерти короля Хасана II официальные марокканские лица утверждали о «полном закрытии» проблемы без вести пропавших лиц. В то же время ряд местных и международных правозащитных организаций считает, что данная проблема действительно будет решена лишь тогда, когда это подтвердят родственники без вести пропавших⁵.

По оценке западных аналитиков, существует как минимум три «группы риска», способных негативным образом повлиять на внутреннюю стабильность Марокко. Это – исламисты, военные, а также те, кого в Марокко принято называть «махзеном» (старое название правительства Марокко, олицетворяемое в настоящее время с поборниками феодальных пережитков, и в первую очередь, с ближайшим окружением покойного монарха. – В.К.).

Неурегулированной осталась и проблема Западной Сахары, на которую уходит значительная часть бюджета. Кроме того, западная пресса утверждает о весьма натянутых отношениях между монархом и всесильным и вездесущим министром внутренних дел Дрисом Басри. Некоторые аналитики в этой связи утверждают, что позиции Д.Басри после смерти Хасана II нисколько не ухудшились, а, напротив, сильны, как никогда⁶.

Противостоять указанным источникам нестабильности монарху придется в условиях, когда из-за сопротивления все тех же «групп риска» нет никакой уверенности в том, что левоцентристскому правительству А.Юсуфи удастся довести до конца начатые им более года назад демократические реформы. Впрочем, это же делает Мохаммеда VI и А.Юсуфи потенциальными союзниками.

Марокканский монарх не ждет безоблачное будущее. Это подтвердилось буквально через несколько дней после смерти Хасана II. Тогда некоторые зарубежные СМИ распространили информацию, что сразу же после церемонии «байя» (присяги новому правителю) молодой монарх якобы женился. Тут же последовали официальные опровержения, но дело

было сделано – Рабату пришлось «отмываться». В заявлении для выходящей в Лондоне арабоязычной газеты «Аш-Шарк аль-Аусат» официальный источник назвал эти слухи «фальсификацией, направленной на подрыв авторитета правящей династии и нового суверена». Как было объявлено, свадьба никак не могла состояться в период 40-дневного траура.

Согласно принятым в Марокко нормам и традициям, наследный принц не имеет права жениться до восхождения на престол, так как в противном случае появление у него детей мужского пола может привести к борьбе за престолонаследие.

Есть и еще одно наследство, оставленное Хасаном II, – чисто материального свойства. Стоит напомнить, что в 80-е годы имя марокканского монарха регулярно упоминалось специализированными экономическими журналами в числе самых богатых людей планеты. Затем оно таинственным образом исчезло из мировой «табели о рангах». Но это совсем не означает, что также исчезло состояние королевской семьи.

Король Хасан II так охарактеризовал своего старшего сына в 1995 г.: «Он – не я, я – не он. Достаточно того, что я привил ему две важных вещи: быть патриотом вплоть до высшего самопожертвования и держать удар, откуда бы он не наносился». Насколько способным учеником великого отца окажется Мохаммед VI – покажет в самое ближайшее время.

Мохаммед VI родился 21 августа 1963 г. С четырех лет обучался в коранической школе при королевском дворце. В 1981 г. завершил среднее образование и получил диплом бакалавра. С 1981 по 1985 г. обучался на факультете юридических, экономических и социальных наук Рабатского университета «Мохаммед V» по специальности юриспруденция. В дальнейшем совершенствовал образование во Франции. В 1985 г. наследный принц был назначен на пост координатора бюро и служб генеральского штаба марокканских вооруженных сил. В 1994 г. ему присвоено воинское звание «дивизионный генерал».

Будущий монарх неоднократно представлял Марокко на важных международных встречах. Пользуется репутацией весьма скромного и осторожного человека. Любитель гольфа и культуризма. Заядлый курильщик. Хасан II лично следил за учебой наследного принца, его политическим и религиозным образованием. У короля Мохаммеда VI три сестры – принцесса Лалла Мерием (1962 г. рождения), принцесса Лалла Асмаа (1965 г.) и принцесса Лалла Хасна (1967 г.), а также младший брат Мулай Рашид (1970 г.), отныне носящий титул наследного принца.

¹ Аш-Шарк аль-Аусат. Л., 27.07.1999.

² Le Matin. Alger, 02.09.1999.

³ ИТАР-ТАСС. 17.12.1998.

⁴ L'Economiste. Casablanca, 15.07.1999.

⁵ ИТАР-ТАСС. 04.08.1999.

⁶ Le Monde. P., 26.07.1999.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИММИГРАНТЫ В ИЗРАИЛЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Проблема абсорбции иммигрантов в Израиле – многогранная и многоплановая тема, требующая всестороннего комплексного исследования. В данной статье затрагиваются лишь наиболее центральные вопросы адаптации массовой иммиграции в Израиль из бывшего СССР и стран СНГ с конца 1989 г. до середины 1999 г. В рамках данного исследования автор пытается проанализировать: причины иммиграции; узловые проблемы абсорбции и адаптации русскоязычных иммигрантов; показать их место и роль в социально-политической и культурной жизни израильского общества.

* * *

На протяжении многих десятилетий до и после создания Государства Израиль, концепция «собираания евреев всего мира» («кибуц галуйот») находится в основе политического и социального развития страны, влияя на все процессы, происходящие в израильском обществе. Суть этой концепции отражена в основных официальных документах Израиля: предоставление каждому еврею права на возвращение в Израиль и автоматическое приобретение израильского гражданства. Право на возвращение было сформулировано в Базельской программе Первого сионистского конгресса (1897 г.) и, позднее, изложено более детально в ст. 6-й Мандата на Палестину, предоставленного Великобритании Лигой Наций в 1922 г. Согласно этому документу, Великобритания брала на себя обязательства поощрять еврейскую иммиграцию, способствовать «прочному поселению евреев», а также должна была «установить такие политические, административные и экономические условия, которые обеспечат создание еврейского национального очага»¹.

Впоследствии право евреев на иммиграцию* и обязательства Израиля перед иммигрантами неоднократно подчеркивались и закреплялись в различ-

* С момента возникновения еврейских поселений в Палестине в конце XIX века, новые иммигранты прибывали не только как иммигранты (в полном понимании этого слова), а как «олим». Этот термин означает соединение двух понятий: «репатриация» и «подъем» (то есть переезд на свою историческую родину). Термин «алия» – иммиграция в Израиль, всегда трактовался не только как демографическое понятие, а благодаря идеологическим сионистским концепциям, как более глубокий процесс со специфической смысловой нагрузкой.

Использование традиционного термина «алия» определяет отношение евреев к «Эрец Исраэль» («Земле Израилевой») как более глубокое возвышенное по-

ных законодательных актах страны: Декларации независимости (1946 г.), Законе о возвращении (1950 г.) и др.². Закон о возвращении предоставлял каждому еврею или еврейке, за небольшим исключением (кроме лиц, действия которых направлены против еврейского народа, либо несут опасность здоровью граждан или угрожают безопасности государства) право на иммиграцию в Израиль и предоставление гражданства³. В ст. 1-й Закона о возвращении подчеркивалось: «Каждый еврей или еврейка имеют право на иммиграцию в Землю Израилеву»⁴. Впоследствии в поправке к этому закону, сделанной в 1970 г., эта формулировка была расширена, в связи с необходимостью разрешить проблемы иммиграции советских евреев, состоящих в смешанных браках. В поправке давалось определение, что евреем считается человек, родившийся от матери-еврейки или женщины, принявшей иудаизм и не исповедующей другой религии⁵. В результате право на иммиграцию и равные права в Израиле получили не только приезжающие евреи, но также их супруги, дети, внуки, а также супруги детей и внуков.

Еврейская иммиграция в Палестину, а затем в Израиль может быть разделена на два основных периода: до и после образования Государства Израиль. Внутри каждого из них существовали спады и подъемы. Каждая из иммиграционных волн, имея характерные особенности, вносила свой вклад и придавала новый импульс развитию страны.

В конце 80-х годов Израиль ощутил массовый подъем иммиграции из бывшего СССР, а затем из стран СНГ – самый большой по масштабам начиная с 50-х годов и оказавший огромное влияние на все аспекты развития израильского общества. По данным Центрального статистического бюро Израиля: с 1989 по 1999 г. в рамках Закона о возвращении в Израиль прибыло 903,1 тыс. репатриантов, в том числе 771,5 тыс. человек из бывшего СССР/СНГ. Наибольшее число иммигрантов приехало с 1989 по 1995 г. – 710 тыс. человек, в том числе из бывшего СССР/СНГ – 609,9 тыс. человек (подавляющее большинство), что увеличило численность населения страны примерно на 13 %.

В течение 1989-1996 г., несмотря на массовый поток иммигрантов, происходили колебания в динамике численности олим. Так, например, после наибольшего притока иммигрантов в 1990 г. отмечалось некоторое снижение числа приехавших и, в первую очередь, из России, что отчасти определялось изменением экономической и политической ситуации, возрождением еврейских культурных традиций, образования, языка, литературы и т. д. По данным таблицы прослеживается география иммиграции по республикам бывшего СССР и стран СНГ, а также наблюдается снижение числа иммигрантов из России после 1991 г. и постепенный рост репатриантов из Украины. В последующие годы характерно стабильное нарастание потока иммигрантов из Украины (в 1995 г.) – 36%, из России – 24%; в 1996 г. – соответственно 40,3 и 28,3% (см. табл.).

нятие. Иммиграция евреев именно в Израиль несет на себе дополнительную смысловую нагрузку, имея большее значение, чем вообще выезд за рубеж на постоянное место жительства.

Таблица

Численность иммигрантов из бывшего СССР (по республикам)*

1989-1996

Республика	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	ВСЕГО
Россия	3,1 24	45,5 25	47,3 32	24,8 38	23,1 35	24,6 36	15,7 24	16,45 28,3	200,55 30,8
Украина	<u>3,6</u> 28	<u>58,9</u> 32	<u>39,8</u> 27	<u>13,1</u> 20	<u>12,8</u> 19	<u>22,7</u> 33	<u>23</u> 36	<u>23,4</u> 40,3	<u>197,9</u> 30,4
Белоруссия	<u>1,1</u> 9	<u>23,4</u> 13	<u>16</u> 11	<u>3,3</u> 5	<u>2,3</u> 3	<u>2,9</u> 4	<u>4,2</u> 6	<u>4,35</u> 7,5	<u>57,55</u> 8,8
Молдавия	<u>1,5</u> 12	<u>11,9</u> 6	<u>15,4</u> 10	<u>4,3</u> 7	<u>2,2</u> 3	<u>1,9</u> 3	<u>2,4</u> 4	<u>2</u> 3,4	<u>41,6</u> 6,4
Прибалтийские республики	<u>6</u> 5	<u>7,4</u> 4	<u>3,1</u> 2	<u>1,3</u> 2	<u>1,8</u> 3	<u>1,2</u> 2	<u>1</u> 2	<u>1,15</u> 2	<u>17,55</u> 2,7
Ср. Азия, Азербайджан, Грузия, Армения	<u>2,8</u> 22	<u>34,8</u> 19	<u>25,8</u> 17	<u>14</u> 22	<u>18,4</u> 28	<u>14,1</u> 21	<u>15,5</u> 24	<u>10,75</u> 18,5	<u>136,150</u> 20,9
Неизвестно	1	3,3	4	4,3	5,5	0,7	2,4	0,8	16,7
ВСЕГО	<u>12,8</u> 100	<u>185,2</u> 100	<u>147,8</u> 100	<u>65,1</u> 100	<u>66,1</u> 100	<u>68,1</u> 100	<u>64,8</u> 100	<u>58,9</u> 100	<u>668</u> 100

Источник: Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Goals. June 1997, с. 8.

* В числителе – число иммигрантов в тыс.; в знаменателе – доля общего числа иммигрантов в %.

Для алии 1995-1996 гг. характерно увеличение иммигрантов из периферийных, а не столичных городов. Снизилось число иммигрантов из Москвы (где проживает самая крупная еврейская община – около 200 тыс. человек) – в 1995 г. 1872 иммигранта; из Санкт Петербурга (община 120 тыс. человек) – 1348. Аналогичная ситуация сложилась в этот период в Украине – сокращение на 23% иммиграции из крупных городов (Киева, Одессы) и ряда других и одновременно рост на 14% иммиграции из периферийных городов.

Сравнивая иммиграцию 80 – 90-х годов с иммигрантами 70-х годов, можно выделить ряд специфических особенностей. Следует учесть, что все иммиграции проходили в совершенно разные периоды внутривнутриполитического развития страны выезда. Для 70-х годов характерно большое наличие среди иммигрантов активистов сионистского движения («узников Сиона», отказников и др.). Сионизм в бывшем СССР официально рассматривался как подрывная враждебная идеология, и до конца 80-х годов сионистская деятельность в СССР была запрещена. Иммигранты 70-х годов, в определенной мере, стремясь на «землю обетованную», выражали протест в связи с положением евреев в СССР (религиозные, политические, культурные ограничения и запреты), а также с проявлением антисемитизма в той или иной форме.

Конец 1989 г. ознаменовался началом распада СССР, многочисленными тенденциями противоположного характера: с одной стороны, демо-

кратизация общества, либерализация экономики, свобода слова и печати; возможность возрождать свои культурные, религиозные, исторические традиции; создавать систему еврейского образования и воспитания; с другой, – как в России, так и в других республиках бывшего СССР эти процессы сопровождались экономическими, политическими, национальными и этническими кризисами и конфликтами; ухудшением уровня жизни, нестабильностью обстановки и бесперспективностью.

В результате для иммиграции конца 80-х – 90-х годов характерно наличие большинства людей, стремившихся любой ценой покинуть свою страну, спасаясь от опасностей и безнадёжности. В данной ситуации Израиль был для них страной, безоговорочно предоставлявшей свою помощь. Иммиграция происходила, прежде всего, не по сионистским убеждениям, а из-за сложных и трудных жизненных обстоятельств, с которыми репатрианты сталкивались у себя дома. В отличие от иммиграции предыдущей «волны» репатрианты представляли собой людей далеких от еврейской религии, культуры, традиций, языка, сионистской идеологии, истории своего народа, практически безразличных (особенно молодежь) к проблемам еврейского самосознания. У большинства отсутствовало чувство солидарности с евреями Израиля и многие состояли в смешанных браках, не признавались евреями по строгим канонам иудаизма.

Для иммигрантов последней «волны» характерен большой процент репатриантов из бывших советских республик – Украины, Молдавии, Грузии, в связи с ухудшением экономического и политического положения в этих регионах; практически полностью отсутствие сионистских или религиозных причин: подавляющее большинство иммигрантов – светские евреи, часть из них (по данным опросов) «соблюдают традиции». Одним из основных доводов репатриации в первую очередь было опасение и боязнь политической, экономической нестабильности и экологических катастроф в странах СНГ. Существенной причиной стало резкое ухудшение экономического положения, жизненных условий, массовая безработица в ряде регионов СНГ. По данным опросов среди причин отъезда, одной из центральной, выделялось стремление иметь «будущее для своих детей».

Характерно, что среди аргументов в пользу репатриации у иммигрантов 80 – 90-х годов, в гораздо меньшей степени звучали причины, связанные с проявлением антисемитизма, что было характерно для алии 70-х годов. В среде научной интеллигенции, по данным опросов, высказывалось острое желание реализовать на практике свои профессиональные знания и способности; внедрить уже имеющиеся планы, идеи, наработки, проекты и т. д.

В целом иммигранты 80 – 90-х годов были менее идеологизированы по сравнению с предыдущей волной, имели более четкий прагматичный подход, определявший причины и цели их переезда в Израиль. Особенность иммиграции последней «волны» – социально-психологическая связь и идеологические воззрения, тесно связанные с одной стороны, с концепциями коммунистического периода и, с другой – с последствиями столкно-

лений постперестроечной идеологии с западными ценностями. Иммиграция конца 80 – 90-х годов была большим испытанием для Израиля: она привнесла в страну огромные человеческие ресурсы, оказала глубокое воздействие не только на его экономику, политику, культуру, но и на все общество в целом, создав своеобразный параллельный «русскоязычный мир».

Для иммигрантов из СССР/СНГ характерен высокий образовательный уровень: большое число дипломированных специалистов и ученых с научными степенями. Среди русскоязычных репатриантов 40,5% имеют общий стаж обучения 13 лет и более, тогда как у израильтян этот показатель значительно ниже – 24,2%. Если, например, 60% иммигрантов – с высшим образованием (научные сотрудники, инженеры, представители свободных профессий и др.), то у израильтян эта категория составляет – 28%⁷. В результате последней «волны» иммиграции, население Израиля не только увеличилось на 13%, но и на 41% возросло число научной интеллигенции, выведя Израиль а первое место в мире по числу ученых на душу населения: 133 – на 10 тыс. человек. По израильским статистическим данным профессиональная структура иммигрантов представляется следующей: 73 тыс. инженеров (вдвое больше, чем инженеров–израильтян), 15,2 тыс. врачей и дантистов (практически равнозначно количеству врачей–израильтян) 16,1 тыс. медсестер, 33,6 тыс. учителей, 11,7 тыс. ученых, 15,1 тыс. музыкантов, артистов, писателей, журналистов и представителей других творческих профессий⁸.

Рекордно высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции, ее значительный культурный и интеллектуальный потенциал, определили ее занятость в самых перспективных отраслях: в индустрии высоких технологий, наукоемких производствах, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий, в современных финансовых структурах, в оборонной промышленности, торговле, международном бизнесе⁹.

Проблемами иммигрантов в Израиле занимаются различные министерства, агентства, организации. Основные среди них: Еврейское агентство – СОХНУТ (создано в 1929 г.), Министерство абсорбции (основано в 1968 г.), правительственная комиссия по вопросам абсорбции иммигрантов, существует также большое число фондов, программ и проектов различных ведомств и учреждений. Несмотря на значительный опыт, накопленный Израилем в области абсорбции, существует определенная несогласованность в подходах к решению проблем абсорбции и адаптации иммигрантов на концептуальном уровне. Одни руководители делают акцент на религиозных ценностях; другие – на секуляризме и антиклерикализме; третьи – выступают апологетами известной теории «плавильного котла»; четвертые – поддерживают плюралистическую модель развития израильского общества. Все эти противоречия, по мнению израильских исследователей, часто ведут к путанице и непониманию политики абсорбции, что, в свою очередь, подчас вынуждает необустроенных и неудовле-

творенных иммигрантов к возврату в свою привычную среду обитания – т. е. в страны выезда¹⁰.

На каждом историческом этапе развития Израиля «механизм» абсорбции был направлен, в первую очередь, на решение двух основных проблем, от которых целиком зависела успешная адаптация репатриантов: проблемы трудоустройства и обеспечения жильем, при этом изменялись формы и методы разрешения этих вопросов.

В 70-х годах и ранее абсорбция осуществлялась через центры абсорбции, где на несколько месяцев иммигрантам предоставлялось жилье с полным обеспечением и возможностью изучать иврит. Эта политика позволяла постепенно интегрироваться в израильское общество, находя свою «нишу», облегчая поиск работы и жилья. Система центров абсорбции имела ряд недостатков, порождая иждивенческие настроения у части иммигрантов и, в свою очередь, являясь препятствием для активной интеграции в израильском обществе¹¹.

Другим направлением абсорбции иммигрантов стала так называемая политика прямой абсорбции: в этом случае иммигранту предоставлялось государственное жилье на льготных условиях оплаты. Жилье было снабжено всем необходимым для нормального проживания (мебелью, посудой, постельными принадлежностями и т. д.). По этой схеме предполагалось, что иммигрант должен был начать интегрироваться в израильскую действительность с первых дней пребывания в стране, без специального адаптационного периода.

Одно из центральных мест в программах абсорбции отводилось социальной поддержке иммигрантов. Виды этой помощи различны и многообразны: денежная помощь, налоговые льготы, ссуды на аренду и покупку квартиры, различные консультации и курсы по переквалификации и профессиональной переподготовке и многое другое. Форма и размеры помощи зависят от состава семьи, возраста экономического и социального положения репатриантов (неполные семьи, число иждивенцев и т. д.).

По плану абсорбции взрослым предоставлялась возможность обучения языку в вечернем ульпане*, при этом они должны были одновременно

* Ульпан – один из инструментов адаптации иммигрантов. Помимо основной задачи – изучение языка иврит, его роль и значение состоят в пропаганде основных ценностей израильского общества; приобщении к израильским традициям, культуре, обычаям и т. д. Ульпан выступает как важный компонент культурной абсорбции, выполняя задачу приобщения иммигрантов к еврейским традициям в рамках израильской национальной жизни.

Большинство иммигрантов посещают ульпан в течение первых шести месяцев пребывания в стране, некоторая часть продолжает изучать иврит и течение последующих шести месяцев. Занятия в ульпане – бесплатные за счет фондов, в основном организованы на общественных началах, организациями и фондами религиозного характера, преподающими изучение иврита с исторических позиций и прививая определенные нормы еврейской жизни.

подыскивать работу; их дети могли посещать сад или школу, для этого также предоставлялись определенные доплаты.

В конце 80-х годов политика абсорбции дополнилась новой теорией: цель ее заключалась в активизации иммиграции из западных стран. Название этой теории было прежним – прямая абсорбция, но цель состояла в том, чтобы увеличить свободу выбора для репатрианта в вопросе проживания в стране¹².

В начале 90-х годов по этой схеме иммигранту предоставлялись не услуги и льготы, как раньше, а значительная сумма денег, с которой он оказывался в условиях рыночной экономики, т. е. на рынке жилья, трудоустройства, услуг и т. д. Эта система обозначала децентрализацию и перенос ответственности за абсорбцию с центральных государственных учреждений на местные власти и общественные организации. Подобная политика была эффективна до тех пор, пока иммиграция оставалась незначительной¹³.

В связи с мощным потоком иммигрантов из бывшего СССР в начале 90-х годов был разработан метод абсорбции – так называемая корзина абсорбции. Она включала существенную финансовую поддержку на первые шесть месяцев пребывания в стране: пособие по оплате жилья в течение первого года; расходы на транспорт на шесть месяцев для поездок в ульпан; пособия на образование в зависимости от возраста и числа детей; небольшую сумму на оплату переводов и ксерокопий для официальных документов, заявлений, резюме при поиске работы¹⁴.

В начале иммигрант получал небольшую наличную сумму и более значительную сумму в виде чека. Для получения ежемесячной суммы, предназначенной из «корзины абсорбции», иммигрант должен был открыть счет в банке и систематически предъявлять копию своего банковского счета в местном отделении абсорбции. Остальная сумма переводилась непосредственно на его счет в банке, в определенных размерах в течение первого года проживания в стране.

«Корзина абсорбции» должна была корректироваться каждые три месяца соответственно росту индекса потребительских цен.

Хотя денежные пособия, «корзина абсорбции», ссуды и другие виды социальной помощи не решают многих кардинальных проблем иммигрантов, они дают поддержку в наиболее трудный период первоначальной адаптации в стране, сопряженный с многочисленными трудностями,

Параллельно с занятиями слушатели ульпанов путешествуют с гидом по стране, посещая исторические места Израиля. Во многих ульпанах как светских, так и религиозных празднуют как светские, так и религиозные праздники, разъясняя при этом их значение. В результате этой пропагандистско-просветительской работы иммигранта узнают много нового об иудаизме, истории, традициях страны. Министерство абсорбции периодически издает публикации на русском языке с информационными статьями об израильском обществе, еврейской культуре и традициях.

наиболее основными среди которых являются проблемы трудоустройства и обеспечения жильем.

Несмотря на то что в 1995 г. среди репатриантов из стран СНГ были распределены более 5 тыс. единиц государственного жилья, эта проблема оставалась крайне острой. По данным Министерства абсорбции в государственных квартирах в 1995 г. въехало около 15 тыс. человек, а всего с начала массовой иммиграции последнего периода, государственное жилье получили более 23,5 тыс. семей репатриантов (свыше 15% всех приехавших). По мере увеличения числа иммигрантов возрос спрос на съемное жилье и встал вопрос о размере ренты. Многие иммигранты не могли приобрести жилье за сумму, выделяемую по «корзине абсорбции». Практиковалось объединение ссуд* двух и более семей для приобретения одной квартиры или дома. Это явление получило распространение, в большей степени, в центральных районах, включая мегаполис Тель-Авива, Хайфы, где в 1990-1991 гг. проживало 50 и 20% новых иммигрантов соответственно. После первого года пребывания в стране перед репатриантом возникало несколько вариантов решения жилищной проблемы: он мог остаться на своей съемной квартире или переехать в другую (в том же районе); мог приобрести жилье с помощью предоставляемой ссуды (которая тем не менее составляла только 50% или менее от стоимости жилья); либо мог взять на льготных условиях в аренду сборный дом в районах, определенных государством или получить государственное жилье в городах развития на юге или севере страны¹⁵.

Проблема расселения иммигрантов имеет чрезвычайное значение для адаптации в Израиле, она напрямую связана с решением экономических, социальных проблем и вопросами безопасности. До создания Государства Израиль основным местом расселения иммигрантов служили, в первую очередь, прибрежные районы, но в 50-60-х годах правительство в качестве национальной задачи выдвинуло проблему размещения иммигрантов по всей территории страны. В тот период иммигрантов направляли в так называемые города развития в периферийных районах и в пограничные зоны¹⁶. Большинство иммигрантов, подчиняясь правительственной политике и деятельности агентств по расселению, вынуждены были селиться в этих районах.

Демографическая политика правящих кругов вызывала жаркие споры и дискуссии. Противники правительственного курса считали, что «политическая цель территориального расселения противоречит политике социальной и культурной интеграции..., приводя к изоляции новых иммигрантов от социальной жизни Израиля»¹⁷. «Расселяя иммигрантов (практиче-

* Ипотечная ссуда (машканта) – ее предоставляет государство на покупку квартиры или как помощь на съем жилья. Машканта состоит из основной ссуды, условной дотации (так называемого подарка) и условной ссуды. По данным на середину 90-х годов, основная ссуда выдается на срок 28 и 25 лет под 4% годовых. (См.: Информация. Вестник для новых иммигрантов. 1996, №25, с. 2-7.

ски против их воли) в районах с достаточным количеством жилья с целью укрепить пограничные поселения, мы ставим их под удар...»¹⁸.

Отстаивая принцип расселения в центральных районах, его сторонники считали, что «осуществлять массовую абсорбцию легче в центре страны, где имеются преимущества в инфраструктуре, предоставлении рабочих мест и городских условий, которые были важны как для иммигрантов 50-х, так и 90-х годов в подавляющем большинстве жителей городов»¹⁹.

Проблема расселения иммигрантов постоянно стоит на повестке дня, став особенно актуальной в связи с иммиграцией из бывшего СССР, а затем и СНГ. В связи с этим в конце 1991 г. правительство внесло на обсуждение Национальный комплексный план, представлявший собой крупномасштабную программу, в которой акцент был смещен с проблемы, касающейся только жилья, на проблему «рабочие места – жилье»²⁰.

По схеме, предусмотренной в плане, предполагалось: интенсивное расселение на юге и севере; сокращение расселения иммигрантов во внутренних районах; крайне незначительное расселение в центре. Помимо этих вариантов, были выделены долго- и краткосрочные цели и задачи: первые включали создание инфраструктуры по абсорбции иммигрантов в периферийных районах; вторые – расселение в центральных районах, где имелась инфраструктура, предоставляющая рабочие места²¹.

В результате усилий правительства в начале 90-х годов половина десятимиллиардного займа, предоставленного Израилю США для абсорбции иммигрантов, была израсходована на строительство 140 тыс. квартир и 25 тыс. сборных домов для обеспечения жильем вновь прибывших²². Однако строительство производилось в отдаленных районах, где отсутствовало достаточное количество рабочих мест и впоследствии (январь 1993 г.) половина квартир оказалась незанятой.

Эта ситуация наглядно продемонстрировала правящим кругам страны необходимость учета в процессе абсорбции специфики иммигрантов из бывшего СССР, для которых в большинстве случаев работа оказалась важнее, чем жилье. По мнению специалистов, проблема трудоустройства имеет принципиальное значение для русскоязычных иммигрантов. Эту ситуацию можно объяснить, с одной стороны, тем, что в советский период у большинства рядовых граждан бывшего СССР жилье было весьма скромным. А с другой – на протяжении многих десятилетий в стране (по крайней мере, официально) не существовало безработицы, и социальный статус человека определяла его профессия. Следовательно, отсутствие работы, по канонам советского периода, означало не только отсутствие средств к существованию, но, что было важнее для иммигрантов, отсутствие достойного социального положения в обществе²³.

Для успешной адаптации русскоязычных иммигрантов необходимо разрешение одной из наиболее жизненно важных проблем – проблемы трудоустройства. Опыт Израиля в этом случае представляется уникальным, так как за время существования страны, особенно в последний период, его экономика смогла вместить огромное число иммигран-

тов. Для небольшой по масштабам страны проблема трудоустройства встала крайне остро, так как оказалось довольно сложно, а подчас и невозможно, обеспечить работой многочисленный поток русскоязычных репатриантов: врачей, ученых, инженеров, музыкантов, преподавателей и т. д., число которых значительно превышало потребности страны.

В Израиле в последние годы постоянно существует безработица, уровень которой колеблется. Процесс трудоустройства затрудняется рядом факторов: существует жесткая конкуренция между самими иммигрантами и израильянами; поиск работы проходит неравномерно – кто-то быстрее «встает на ноги», находя свою профессиональную «нишу», у кого-то этот процесс затягивается. Многим иммигрантам приходится сталкиваться со снижением своего профессионального и социального статуса в период адаптации. Существует ряд конкретных специальностей, не требующихся в целом: горные инженеры, преподаватели теории марксизма-ленинизма, истории КПСС, многочисленные преподаватели русского языка и ряд других.

Приток иммигрантов из СНГ всего лишь за три года (с 1991 по 1993 г.) увеличил численность рабочей силы на 8%²⁴. Для создания новых рабочих мест и расширения существующих в долгосрочном плане требовались инвестиции, предоставленные США в виде займа в размере 10 млрд. долл.²⁵ Анализируя проблему занятости, следует иметь ввиду два аспекта: число занятых и качество трудоустройства. По данным ЦСБ Израиля, уровень безработицы среди иммигрантов из СССР/СНГ в 1990-1996 гг. оставался ощутимым, и наибольший подъем в 16% наблюдался в течение трех лет: 1994-1996 гг.

Характерно, что в первые шесть месяцев пребывания в стране наиболее высокая безработица среди иммигрантов составляет 60%. Позднее этот показатель неуклонно снижается в связи с адаптацией, хотя, получив работу, многие репатрианты испытывают чувство неудовлетворенности от уровня предоставленной работы.

По данным исследования израильских специалистов, среди 1,2 тыс. иммигрантов после двухлетнего пребывания в стране уровень трудоустройства, как в целом по стране, составлял 78% среди мужчин и 48% – среди женщин. При сравнении этих показателей с СНГ обнаруживается, что там работали 80% женщин и почти все трудоспособные мужчины. Трудности при трудоустройстве у русскоязычных иммигрантов связаны с рядом моментов: практически всем претендентам на рабочие места приходилось подтверждать свой профессиональный уровень и навыки (проходя тестирование, испытательный срок, конкурс и т. д.); за исключением специалистов с международным признанием и соответствующего уровня; жесткий возрастной барьер (предпочтение отдавалось молодежи и специалистам до 40 лет); отсутствие достаточных знаний языка (как иврита, так и английского).

Проблема для русскоязычных иммигрантов состоит не только в нахождении конкретного места работы: для них важно качество трудоустройства и, в первую очередь, работа по специальности. Среди русскоязычных иммигрантов, пробывших в Израиле менее одного года, этот показатель составлял 23%, а после двух лет пребывания – до 54%²⁷. В течение первого года пребывания на неквалифицированных работах занято 34%, в сервисе – 24% (уборщики, сторожа, вахтеры и т. д.). Среди иммигрантов, находящихся в стране два года и более число занятых на неквалифицированной работе сокращалось до 16% и в сервисе – до 18%. По данным ЦСБ Израиля, численность рабочей силы из иммигрантов из СНГ в 1993 г. составила 188 тыс. человек. Хотя 80% (152 тыс. человек) из них и трудоустроились, однако подавляющее большинство не смогло получить работу по специальности и, в результате, занимали значительно более низкое положение, чем в СНГ.

Рассматривая проблему трудоустройства ученых и дипломированных специалистов, следует подчеркнуть, что в 1989-1996 гг. в Израиль иммигрировало из СССР/СНГ 11,7 тыс. ученых²⁸. Среди этой профессиональной группы: 52% – физики и специалисты в области вычислительной математики, программирования; 27 – биологии и специалисты в области биотехнологии; 12 – химики; 9% – гуманитарии. Основная возрастная группа (около 50%) – от 31 до 45 лет; 56% имели ученую степень кандидата и 16% – доктора наук²⁹.

Основная задача в процессе адаптации ученых возложена на Центр абсорбции в науке (ЦАН), созданный в 1973 г. и состоящий из трех основных отделов: технологий и точных наук; биологии и медицины; общественных и гуманитарных наук³⁰. В задачу ЦАН входит предоставление консультаций и помощи вновь прибывшим ученым в поисках работы; реализация их идей и планов; вовлечение их в сферу израильской науки и промышленности и т. д. По данным Министерства абсорбции в конце 90-х годов в сфере науки получили работу 8820 человек, из них 7320 – трудоустроились с помощью ЦАН, 3475 – работают в частном секторе и 1970 – в университетах³¹.

Правительство разработало систему всевозможных исследовательских грантов, активно поддерживает ученых в предпринимательстве и бизнесе. В этом процессе огромная роль отводится «технологическим теплицам», где соединяется наука с производством – в настоящее время таких «теплиц» примерно 28 (около 1,2 тыс. ученых). Специалистам – иммигрантам предоставляется возможность разрабатывать свои проекты, большинство из них в области электроники, химии, программирования, биотехнологии.

Несмотря на трудности адаптации русскоязычных специалистов, иммиграция из стран СНГ дала сильный импульс для развития наукоемких отраслей и высоких технологий. В этом секторе израильской промышленности 30% занятых составляют русскоязычные иммигранты последней

«волны». В сфере электроники занято не менее 5 тыс. специалистов-репатриантов³².

Заслуга русскоязычных иммигрантов состоит в том, что с их помощью Израилю удалось на четверть увеличить экспорт продукции в области высоких технологий, что, в свою очередь, привело к созданию в этой отрасли десятков тысяч новых рабочих мест. Вместе с тем, анализируя такой показатель, как оплата труда, следует подчеркнуть, что при средней заработной плате (по данным 1998 г.) – 5700 шекелей (брутто) и минимальной – 2605 шекелей, специалист-репатриант получал в среднем на предприятиях наукоемких отраслей 3600 шекелей, что примерно соответствовало средней зарплате специалистов, работающих в традиционных отраслях, например в строительстве³³.

По мнению авторов ежегодного отчета Ассоциации израильских промышленников, «иммигранты из стран СНГ, занятые в передовых отраслях израильской индустрии, работают за весьма скромную плату». Аналогичную точку зрения высказывают также авторы исследования, подготовленного Союзом инженеров–репатриантов, подчеркивающие откровенно заниженный уровень оплаты, которая «не соответствует обычной для израильских инженеров оплате труда, колеблющейся примерно от 50 до 250 шекелей в час»³⁴.

Анализируя процесс адаптации специалистов-репатриантов, наблюдается следующая тенденция: если в начале при трудоустройстве 70% репатриантов-специалистов вынуждены были соглашаться на неквалифицированную работу при низкой оплате труда, то спустя примерно пять лет – 42% специалистов с высшим образованием уже работали по своим специальностям³⁵.

В последние годы на рынке рабочей силы Израиля ощущалась нехватка квалифицированных специалистов в компьютерной отрасли и электронике. На предприятиях металлургической и электронной промышленности был дефицит рабочей силы – помимо специалистов с высшим образованием также требовались слесари, сварщики, фрезеровщики, разнорабочие.

Израильское руководство, постоянно стремясь изменить сложившуюся ситуацию, ведет поиск путей разрешения социальных проблем новых иммигрантов, создавая специальные центры по переподготовке и переориентации трудовых кадров из числа новых олим. Однако проблемы и задачи сегодняшнего дня требуют подчас нового, нетрадиционного подхода при решении вопросов трудоустройства новых репатриантов. Примером такого новаторского подхода может служить создание магниевого завода на основе технологий, разработанных в Санкт-Петербурге и Запорожье. С помощью этого проекта удалось создать сотни рабочих мест. Благодаря удачному соединению российского сырья и технологий с израильскими капиталовложениями и трудовыми ресурсами из числа новых иммигрантов появились предприятия, где олим получили сотни рабочих мест.

В последние годы много программ и проектов для трудоустройства репатриантов было разработано в Иерусалиме, где центры по трудоустройству создаются при участии муниципального управления абсорбции и ряда других организаций, на которых готовят специалистов – от компьютерщиков до секретарей. Подобные Центры поддерживают постоянный контакт с руководителями фирм и предприятий, осуществляя комплексную подготовку кадров нужного уровня для различных отраслей. Так, например, с целью поощрения и развития строительной отрасли в Израиле был создан совместный проект министерств труда, просвещения и ряда других организаций. В рамках проекта новым репатриантам предоставлялась возможность, сразу же после приезда в страну, параллельно с изучением языка иврит осваивать профессию строителей. По плану проекта, в четырех новых колледжах репатриант через полгода получал специальность строителя, гарантированную материальную поддержку, а также основы языка.

В 90-х годах министерства абсорбции и труда также выступили с инициативой реализации нового проекта для решения проблемы специалистов для высокотехнологичных предприятий: предполагалась переквалификация 200 репатриантов с высшим образованием и их дальнейшее трудоустройство в сфере программного обучения. Обучение проводилось бесплатно в течение шести месяцев, учащимся предоставлялись пособия от Службы национального страхования.

Последняя многочисленная волна русскоязычных иммигрантов заставила израильские власти вплотную подойти к решению проблем занятости репатриантов в области бизнеса. На многих израильских фермах работают репатрианты из стран СНГ, и в середине 90-х годов около 40% всех желающих открыть свое дело составили русскоязычные иммигранты, обратившиеся за помощью для развития малого бизнеса в центры поддержки деловой инициативы.

В середине 90-х годов в Хайфе, например, при помощи такого центра было основано порядка 306 малых компаний, из них 134 компаний – новыми иммигрантами. Предприятия иммигрантов в тот период дали городу 370 новых рабочих мест, открыв: мини-маркеты, мастерские по пошиву одежды, парикмахерские, пекарни, кондитерские, оптики и ремонтные мастерские. В Иерусалиме примерно за четыре года при поддержке Центра деловой инициативы создана тысяча новых компаний, обеспечивших работой 2250 человек, из них половина русскоязычные иммигранты.

В 1994-1995 гг. правительство в 3 раза увеличило бюджет на стимулирование деловой инициативы иммигрантов из стран СНГ: в 1995 г. ссуды новым иммигрантам, желающим открыть свое дело, составили 15 млн. шекелей. В тот период была создана Ассоциация новых предпринимателей, активно выступавшая в их защиту.

По данным Министерства абсорбции за годы последней алии в страну прибыли более 15 тыс. медиков, из них в середине 90-х годов примерно 10 тыс. человек подали просьбу о получении израильской

лицензии на работу и более 6 тыс. ее получили, около 5 тыс. стали работать в параметрических областях. Министерство абсорбции совместно с Министерством здравоохранения организовывали различные курсы переквалификации и обучения врачей новым специальностям, требующимся в Израиле (гериатрия, трудотерапия и др.), с последующим устройством в больницах и клиниках страны, а также в школах, детских садах, домах престарелых.

Многие проблемы трудоустройства медиков, а также преподавателей и представителей ряда других профессий были решены благодаря их собственной инициативе. В 1992 г. русскоязычные преподаватели создали Ассоциацию учителей-репатриантов, обеспечив работой 450 человек. Помимо этой ассоциации существуют различные местные организации, в которых сотрудничают педагоги-репатрианты. В середине 90-х годов в израильских школах уже преподавали примерно 6 тыс. учителей-репатриантов и около 2,5 тыс. из них получили постоянное место работы.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что иммиграция – как одна из главных приоритетных задач строительства израильского общества – постоянно находится в центре внимания правящих кругов. На протяжении многих лет Израиль накопил значительный опыт в области абсорбции и интеграции иммигрантов. Этот процесс, подчас весьма тяжелый и болезненный как для государства, так и для иммигрантов, меняется, совершенствуется, приобретая новые формы.

Иммигранты из стран СНГ стремятся внести свой вклад в развитие научно-технического потенциала Израиля, привнося свои идеи, технологии, а также стремление их внедрить. Создается уникальная ситуация, когда «русские» олим, связывая Израиль со странами СНГ, могли бы способствовать развитию взаимовыгодных экономических, научно-технических, культурных и многих других связей и контактов.

Вместе с тем, русскоязычные иммигранты, адаптируясь в стране, одновременно, сохраняют свою самобытность, при этом постоянно и напряженно стремятся к поиску своего места и роли в израильском обществе.

¹ Государство Израиль (справочник). М., Наука, 1986, с. 50.

² Facts About Israel. 1994, с. 13.

³ Horowitz T. Value-Oriented Parameters in Migration Policies in the 1990's: The Israeli Experience. – International Migration, V. 31, № 4. 1998, с. 514; Sefer ha-bukim, 02.12.1952.

⁴ Horowitz T. Value-Oriented Parameters..., с. 514.

⁵ Там же.

⁶ 1998 год: статистика алии. – Вести. 03.02.1999.

⁷ Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Goals. Ministry of Immigrant Absorption. April 1996.

⁸ Immigrant Absorption... June 1997, с. 9, 20.

⁹ Щапанский Н. Достойное трудоустройство. – Вести. 18.03.1999.

¹⁰ Horowitz T. Value-Oriented Parameters..., с. 526.

- ¹¹ *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligensia in Israel: Between Ghettoization and Integration. – Israel Affairs Winter 1995, v. 2, № 2, c. 22.
- ¹² *Adler Sh.* Israel's Absorption Policies since 1970's. – Russian Jews on the Three Continents. Migration and Resettlement. L., 1997, c. 135-144.
- ¹³ *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligensia in Israel..., c. 23.
- ¹⁴ *Adler Sh.* Israel's Absorption Policies..., c. 137.
- ¹⁵ Там же, с. 143.
- ¹⁶ *Horowitz T.* Value-Oriented Parameters..., c. 524.
- ¹⁷ *Gonen A.* The Geography of Immigrant Absorption. The Hebrew University, Department of Geography. Jerusalem, 1990 January.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Lehrmen A.* Combined National Outline Plan for Building. Development and Immigrant Absorption. – NOP. V. 2, №31, Tel-Aviv, 1996.
- ²¹ Там же.
- ²² *Gittelman Z.* Immigration and Identification. 1995, c. 18.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Goals. Ministry of Immigrant Absorption. April 1996, c. 5.
- ²⁵ *Gittelman Z.* Immigration and Identification, c. 20-21.
- ²⁶ Там же, с. 19.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Immigrant Absorption..., June 1997, c. 20
- ²⁹ *Simanovsky S., Strepetova M., Yu Naido.* Brain-Drain from Russia: Problems, Prospects and Ways of Regulations. Nova Science Publishers. N. Y. 1996, c. 68-69.
- ³⁰ Scientific Research in Israel. MOST, 1992, c. 20.
- ³¹ Immigrant Absorption..., June 1997, c. 20.
- ³² Международная Еврейская газета. февраль 1999, №9.
- ³³ Едиот Ахронот. 01.05.1998.
- ³⁴ Вести. 04-05.03.1999.
- ³⁵ Абсорбция репатриантов с высшим образованием. (Из исследования Тель-Авивского университета). – Вести. 26.03.1998.

АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ – УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Афганистан сегодня – это не имеющая аналогов в современном мире страна. Именно страна, поскольку такого государства как Афганистан сейчас, в конце XX в., в международной политической реальности не существует. Ибо законное, признанное мировым сообществом правительство Исламского Государства Афганистан контролирует лишь незначительную часть территории страны, а основная часть находится под контролем Движения талибан (ДТ), режим которого никто в мире, кроме Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, не признает.

Уникальность талибского режима в Афганистане заключается в идеологических, политических и экономических особенностях его сущности. Прежде всего, следует отчетливо понимать, что эти особенности являются производными от идеологической доктрины, огнем и мечем навязанной многонациональному афганскому народу толпой недоучившихся пуштунских студентов, во главе которых стояли вполне зрелые, хорошо образованные, амбициозные пуштунские лидеры. Причем не в последнюю очередь это происходило с помощью сил извне. США задумали, Саудовская Аравия финансировала, а Пакистан осуществил процесс рождения и возмужания этого Движения. Делали они это, исходя из своих корыстных, сиюминутных политических целей, поставленных, прямо скажем, с плохо просчитанными последствиями для них самих. Ныне все мировое сообщество прекрасно осознает, что ДТ в Афганистане, захватившее почти 90% его территории, явно вопреки планам создателей (во всяком случае, одного из них, но самого могущественного), по сути дела превратило эту страну в мировой центр наркобизнеса, исламистского экстремизма и терроризма. Режим афганских талибов представляет сегодня угрозу не только региональной, но и мировой безопасности.

В этой связи необходимо еще раз повторить, что первооснова всех опасностей, исходящих из талибского Афганистана, – талибская идеология, воплощенная в политике. Режим ДТ – это предельно идеологизированный режим. В основу его идеологии положены наиболее консервативные средневековые постулаты раннего ислама. Даже среди ныне существующих идеологизированных тоталитарных режимов коммунистической, религиозной или другой окраски, режим афганских талибов выделяется своим фанатизмом и воинственной непримиримостью. Так, талибы силой принуждают афганцев следовать своей и только своей экстремистской

версии ислама. Следование другим течениям или школам ислама, не говоря уже об иных религиях или вообще об атеизме, карается смертью.

Все афганцы, находящиеся под строжайшим постоянным контролем талибов, обязаны подчиняться средневековым религиозным правилам, которые нельзя сравнить ни с чем в современном мире. Например, за проведением в жизнь талибских законов пристально следит религиозная полиция, находящаяся в подчинении Министерства добропорядочности и борьбы с пороками. Талибские инстанции контролируют личное поведение каждого человека с утра до ночи и с ночи до утра. Люди, пропускающие обязательные намазы или опаздывающие на них, подвергаются наказаниям, включая жестокую порку. Религиозная полиция следит также за соблюдением правил внешнего вида людей. Мужчины обязаны носить бороды строго определенной длины, головные уборы и одежду, как считают талибы, соответствующие исламским установкам, женщины – паранджу, скрывающую их с ног до головы. Репрессии талибов особенно жестоки по отношению к афганским женщинам и девочкам. Большинству девочек запрещено посещать школы. И за исключением некоторых женщин-врачей и медсестер (в основном гинекологов и акушеров), подавляющее большинство женщин не может работать за пределами дома. Женщинам запрещено появляться вне дома без сопровождения родственников (мужчин или пожилых женщин), управлять автомобилем, пользоваться косметикой и т. д.

За нарушения этих правил религиозная полиция подвергает людей различным суровым наказаниям вплоть до смертной казни. Кроме того, самые настоящие кровавые гонения развязаны в талибском Афганистане против шахмат, детских кукол, плюшевых мишек. Запрещены фотография, (прежде всего – съемка людей), музыка, кино, телевидение, практически все виды искусств. Талибский режим целенаправленно отбрасывает афганцев в раннее средневековье.

Все вышеназванное могло бы быть внутренним делом талибской группировки, захватившей власть в Афганистане (хотя, безусловно, с большими натяжками и допущениями, – ведь вопиющее нарушение прав человека, еще невиданное с времен тоталитарных режимов, налицо), если бы не три очень важных момента: 1) талибы осуществляют экспорт своих идей в другие страны; 2) они в качестве и наемников, и добровольцев, и бесправных рекрутов принимают активное участие в террористической, антигосударственной деятельности многочисленных исламистских группировок в мусульманских странах региона, более того, Афганистан, благодаря талибам, стал центром международного терроризма; 3) они являются главными и основными производителями и экспортерами растительных наркотиков в мире. Именно наркотики – финансово-экономический фундамент талибского режима.

Ущербный режим порождает ущербную экономику, которая базируется на наркобизнесе. Экономика Афганистана, и в лучшие времена не отличавшаяся мощью и имевшая ярковыраженный полуфеодальный ха-

рактер, за более чем 20 лет непрерывных войн была практически разрушена. Уничтожены свыше 200 тыс. га посевных площадей, погибли миллионы голов скота, взорваны ирригационные сооружения и древние каналы водоснабжения, выведены из строя многие сотни километров шоссе и горных дорог, энергосистемы, десятки промышленных предприятий и мастерских¹, погибли или уехали из страны тысячи специалистов. Миллионы афганцев были обречены на голодную смерть. И в этих условиях наркобизнес стал, пожалуй, единственной (если не считать контрабанду и торговлю) отраслью экономики, благодаря которой одни просто выживали, другие сказочно обогащались, а третьи уходили от тяжелой повседневности в наркотическое забытие.

После прихода к власти талибов в Афганистане наблюдается небывалый бум наркобизнеса: расширяются посевные площади опиумного мака, наращивается производство опиума и героина. Афганистан уже обошел такие наркопроизводящие страны как Мьянма (Бирма), Лаос, Таиланд, Колумбия и Пакистан вместе взятые. Официальные цифры просто поражают. Еще в 1996 г. талибы увеличили площади посевов наркосодержащих культур на 33% и стали контролировать более 96% территорий, где произрастает опиумный мак². Дальше – больше: только за 1999 г. посевные площади опиумного мака в контролируемой талибами части Афганистана увеличились на 43 % – с 64 тыс. га в 1998 г. до 91 тыс. га в 1999 г.³ Согласно данным Международной программы ООН по контролю за наркотическими средствами, доля Афганистана на мировом рынке героина только за несколько последних лет возросла с 40 до 75%⁴. В реальных цифрах динамика роста такова: в 1984 г. в Афганистане было произведено чуть более 41 т опиума-сырца, в 1989 г. – 650 т, в 1996 г. – уже 2300 т⁵, в 1998 г. – почти 2800 т, а в 1999 г. (страшный рекорд) – по разным источникам от 4600⁶ до 4950⁷ т. И это по сравнению с 1650 т во всех других странах мира⁸.

По данным специалистов по борьбе с наркобизнесом, около 60% полученного в Афганистане урожая опиума перерабатывается на предприятиях, расположенных вдоль границы с соседними странами⁹. Оттуда героин и оставшийся опиум переправляется хорошо вооруженными и оснащенными современной техникой наркокурьерами на рынки сбыта. Так, часть наркотиков контрабандными тропами идет через страны Центральной Азии и Казахстан на запад – в европейские районы России, а оттуда – на Украину, в Беларусь, Молдову, в страны Балтии и далее – в Восточную и Западную Европу, а также на север и восток России – в Сибирь и на Дальний Восток. Другая часть – в Пакистан, Иран и далее через Иран несколькими маршрутами в Турцию и далее – в Европу; на Кавказ и далее – в Россию; на север и далее – «везде»; на юг – в страны Персидского залива и далее – «везде». Этот путь нарекли «Золотым полумесяцем».

Резкая активизация контрабанды наркотиков создает очаги напряженности в сопредельных государствах практически по всему периметру афганской границы. Так, ситуация на таджикско-афганской границе, кото-

рую охраняют российские военнослужащие, в последнее время становится все более сложной. От отдельных стычек дело сегодня дошло до широкомасштабных боев с наркокурьерами. Такая же взрывоопасная обстановка и на ирано-афганской границе. По сообщению иранской прессы, только с марта 1998 по март 1999 г. на границе с Афганистаном были уничтожены сотни наркодельцов и наркокурьеров, разгромлены десятки тайных баз наркобизнесменов. В боях с контрабандистами погибли 80 иранских военнослужащих¹⁰.

Мощный взрыв производства наркотиков в талибском Афганистане породил практически неуправляемую ударную волну их сбыта и потребления, обогнувшую весь мир. Рекордный выброс афганских наркотиков на черные рынки сбыта резко снизил цену на них при сохранении более высокого качества, чем бирманские или колумбийские аналоги. Так, цена 1 кг опиума в этом году упала с 60 до 37 долл¹¹. Подобная ситуация привела к резкому увеличению потока более дешевого афганского героина в Европу, где употребляется уже 80% наркотиков афганского происхождения¹².

Аналогичное положение сложилось и в бывших советских республиках Центральной Азии и Закавказья, а также России, куда потоком идут афганские наркотики. Более того, почти двукратное удешевление опиума и одновременно двойное увеличение его количества на мировых рынках делает наркотики более доступными и во много раз расширяет круг их потребителей. Причем, все это несколько не уменьшает баснословные прибыли наркодельцов. По предварительным оценкам, стоимость опиума в 1999 г. составила порядка 180 млн. долл. (против 100 млн. долл. 1998 г.). К моменту, когда он попадает на улицы европейских и американских городов в виде очищенного героина, его стоимость уже составляет миллиарды долларов.

Британские источники приводили доказательства, что наркобизнес – важный, если не основной, финансовый источник талибов. Однако справедливости ради надо отметить, что лидер афганского Движения талибан Мохаммад Омар заявил недавно, что руководство афганских талибов примет ряд жестких мер, чтобы соответствовать международным стандартам в области борьбы с наркобизнесом. Этими мерами предусматривается выявление и уничтожение лабораторий по производству героина и плантаций наркотических растений, строгое, в соответствии с законами шариата, наказание наркодельцов. Однако, по нашему мнению, реальное воплощение этих планов в жизнь маловероятно. Причин тому несколько. Одна из главных – сугубо политическая. Известно, что еще в конце 1998 г. талибы высказали готовность объявить войну производству и распространению наркотиков лишь в обмен на международное признание их режима и получение широкомасштабной помощи от мирового сообщества. Подобный политический шантаж, безусловно, не может быть принят цивилизованным миром и расцениваться в качестве серьезных намерений афганских талибов. Тем более намерения эти довольно лицемерные. Они не более чем пропагандистский трюк, политическая демагогия, призванная

обелить сверхэкстремистский исламский режим в глазах мировой общественности. Антинаркотическим мерам талибского режима (если бы он и стремился к их осуществлению) объективно противятся его финансово-экономическое положение, поголовная нищета и отсутствие реальных перспектив даже простого выживания у подавляющего большинства населения, воздействие внешних наркомафиозных сил, но главное – необходимость использования неисчерпаемого источника финансов для осуществления своей экстремистской и экспансионистской политики как в самом Афганистане, так и за его пределами. Анализ обстановки с наркобизнесом в оккупированной талибами стране свидетельствует, что наркотики для талибского режима – это деньги, деньги и деньги, на которые можно приобретать оружие и претворять в жизнь идеи средневекового ислама.

Таким образом, наркобизнес по всей его цепочке – выращивание, переработка, производство, хранение, транспортировка, поиск и охрана коммуникаций к рынкам сбыта – стал, можно сказать, государственной отраслью талибской экономики. Объективные данные ООН свидетельствуют, что самое негативное влияние на состояние наркообстановки в регионе и даже в мире оказывает именно Афганистан, который, особенно после захвата власти талибами, стал наркотическим проклятием всего мира, одним из главных источников производства и распространения опиума и героина. В этой связи примечательны заявления Пино Арлаки, заместителя Генерального секретаря ООН и руководителя управления ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности. Он, выразив озабоченность неконтролируемостью ситуации с наркобизнесом в Афганистане, высказал необходимость рассмотрения этого вопроса на Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН. «Терпению мирового сообщества может прийти конец», – подчеркнул Пино Арлаки¹³.

Проблема борьбы с наркобизнесом – это общемировая проблема. На ее решение должны быть брошены все возможные силы мирового сообщества. Сегодня, когда реально невозможно покончить с наркобизнесом в самом Афганистане, необходимо активное взаимодействие всех соседних с ним государств, международных организаций, прежде всего ООН. Именно для этого необходимо оказать реальную финансовую и материальную помощь в этом благородном деле сопредельным с Афганистаном странам, которые находятся на передовой фронта антинаркотической борьбы. Это было бы наиболее гуманистичное вложение капиталов США и стран НАТО. Необходим эффективный заслон транспортировке и контрабанде наркотиков, в целом – мощный санитарный кордон вокруг Афганистана.

К сожалению санитарный кордон вокруг Афганистана нужен не только для борьбы с наркобизнесом.

Недавно министр иностранных дел России И.Иванов, сделавший остановку в Дели на пути из Сингапура в Москву, заявил, что из талибского Афганистана исходит не только угроза, связанная с наркотиками и незаконным оборотом оружия, но и не менее реальная угроза исламского

экстремизма. События последних лет подтверждают это заявление российского министра. Талибский Афганистан подобно раковой опухоли выбрасывает свои метастазы по всему региону и даже миру. Причем метастазы принимают формы экспорта не только наркотического дурмана, но и экстремистских религиозных идей, а также и прямого террора.

Сегодня становится все более яснее, что международный терроризм – общий враг. Он угрожает всем законопослушным гражданам, всем цивилизованным странам, будь то христианским, мусульманским, буддистским или иудейским. В истории XX в. терроризм имел разные цвета – коричневый, красный, а ныне – зеленый. Это не случайность. Просто в определенные исторические эпохи терроризму сподручнее маскироваться и прикрываться различными идеологическими доктринами, определяющими цвета маскировки. Сегодня – это цвет ислама. А суть у всех этих разновидностей террора одна – убийства, убийства и убийства ни в чем не повинных людей и оголтелый шантаж ради захвата власти и контроля за жизненно важными региональными и мировыми ресурсами. Это ныне наблюдается и на Северном Кавказе.

К сожалению, современная геополитическая ситуация способствует усилению терроризма именно в мусульманских регионах планеты. Кровавые следы деяний подобных террористов можно видеть на всем огромном пространстве мусульманского мира от Западной Африки до Индонезии. Политологи высказывают мнение, что существуют несколько региональных центров исламистского экстремизма, представленных многочисленными военно-политическими и террористическими организациями различного религиозного толка. Причем, конечно, нет оснований утверждать, что эти центры имеют общий штаб, но определенная координация действий не вызывает сомнений.

В последние годы на первые роли в этом террористском интернационале выдвинулся небезызвестный Усама бен Ладен, который, используя талибский Афганистан в качестве своей ставки и источника наркодолларов, предпринимает попытки бандитскими методами завладеть стратегическими энергетическими ресурсами Северного Кавказа и Центральной Азии. Бен Ладен, организовавший серию терактов по всему миру под экстремистскими исламскими лозунгами, духовно и идейно очень близок талибским вождям. Именно бен Ладен – финансовая смычка между афганскими талибами и бандами Басаева, Хаттаба, Радуева и других террористов в Чечне. Полевой командир Хаттаб, настоящее имя которого Хабиб Абдул Рахман, прошел подготовку в лагерях бен Ладена. Именно к Хаттабу прибывают новобранцы-террористы из талибского Афганистана, спецслужбы которого снабжают их паспортами, другими документами, деньгами и содействуют проникновению на территорию Таджикистана и дальнейшего просачиванию в Чечню¹⁴.

Установление тесных деловых и боевых связей между Движением талибан и чеченскими полевыми командирами подтверждается также тем, что, по данным прессы, накануне вторжения бандформирований в Даге-

стан в Польше состоялись секретные переговоры представителей талибов с чеченскими сепаратистами. Один из основных вопросов, которые они обсуждали, – возможность координации действий и оказания реальной помощи, в том числе и финансовой, чеченским бандитам со стороны Движения талибан, т.е. другими словами, содействие талибов в проведении исламистскими экстремистами Северного Кавказа террористических акций в России. Как заявил недавно директор службы по борьбе с терроризмом при Конгрессе США Юсеф Бодански, чеченские боевики финансируются «террористом номер один» бен Ладеном за счет средств, поступающих от торговли наркотиками. По его словам, наркобизнес в Афганистане приносит ежегодный доход порядка 8 млрд. долл. При этом на долю самого бен Ладена приходится более 1 млрд. долл., часть из них проходит через чеченскую мафию. Ю.Бодански подчеркнул, что для финансирования террористов используется разветвленная система различных коммерческих предприятий, оперирующих большими суммами денег и имеющих связи с сетью организованной преступности в Европе и США. Отмытые ими афганские наркодоллары вместе с оружием возвращаются назад и поступают исламским боевикам по всему миру, в том числе и в Чечню. Однако экспансия афганских талибов отмечается не только на Кавказе, но и в других регионах планеты¹⁵.

Непосредственное участие талибов в террористических акциях в Чечне и Таджикистане, в других государствах Центральной Азии, в вооруженных провокациях на афгано-иранской границе и в боевых действиях против Индии в Кашмире свидетельствуют о стремлении талибских вождей расширить зону своего влияния. Совершенно справедливо указывал российский министр иностранных дел И.Иванов, что реальная угроза исламского экстремизма из Афганистана направлена не только в сторону Центральной Азии, что непосредственно беспокоит Россию, но и в сторону Индии. Можно еще добавить и в стороны всех государств региона.

Недавно бен Ладен заявил: «Нашими самыми большими врагами являются США и Индия, и мы должны преподать им хороший урок». Известно, что боевики, возглавляемых этим террористом исламистских экстремистских группировок, принимали самое активное участие совместно с пакистанскими военнослужащими во вторжении в Кашмир. Более того, такая действующая в Пакистане организация воинствующих исламистов как «Харкат», имеет теснейшие связи с бен Ладеном. В ее распоряжении находятся несколько тысяч наемников, среди которых в основном пакистанцы, кашмирцы, афганцы и арабы. Подготовку они проходят в хорошо оборудованных лагерях бен Ладена на территории Афганистана. Однако афганские террористы, ведомые бен Ладеном, распространяют свою деятельность и на Узбекистан, и на Таджикистан, и на Киргизию. Он не скрывает свои цели – создания в регионе государства воинствующих исламистских фундаменталистов¹⁶.

Афганские террористы не щадят даже своих покровителей – пакистанцев. В конце сентября – начале октября 1999 г. группа террористов,

прошедшая специальную подготовку в талибских лагерях на территории Афганистана, проникла из этой страны в Пакистан и убила в ряде городов более 40 членов шиитской общины Пакистана¹⁷. Религиозно-идеологическая экспансия талибского режима, безусловно, окажет самое отрицательное непосредственное и опосредованное влияние на всю геополитическую обстановку. Метастазы экстремизма и террора разрушают мир в регионе и на всей планете.

Таким образом, правомерно констатировать, что исламистский экстремистско-террористический режим Движения талибан в Афганистане по всем общепринятым показателям выпадает из мировой системы цивилизованных режимов, не отличающейся кстати одномерностью и однообразием, а скорее наоборот имеющей самый разноцветный спектр политических пристрастий. Именно поэтому мировое сообщество, несмотря на все ухищрения и шантаж талибских исламистских экстремистов, отказывается признать этот режим в качестве единственно законного в Афганистане. На 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1999 г. Международное сообщество в очередной раз отклонило претензии талибов на постоянное место в этой организации, обвинив их в массовых репрессиях, нарушениях прав человека, нежелании решить внутриафганский конфликт мирным путем и тайной поддержке терроризма и производства наркотиков. Более того, Совет Безопасности ООН намерен усилить изоляцию режима талибов в Афганистане и подорвать его финансовые возможности. В этих целях в штаб-квартире ООН в настоящее время идет разработка проекта резолюции о введении жестких экономических санкций против талибского Афганистана. В этом документе содержится требование к ДТ выдать бен Ладена, который обвиняется в проведении террористических актах по всему миру. В случае отказа талибов выдать «международного террориста номер один» в проекте резолюции предусматривается введение санкций, которые будут включать в себя авиационное эмбарго и замораживание счетов талибов в банках всего мира. Согласно предложенному проекту резолюции. Совет Безопасности ООН должен потребовать, чтобы талибы отказались предоставлять территорию Афганистана для размещения тренировочных лагерей международных террористов. Руководство ДТ должно дать гарантии, что «территория, находящаяся под их контролем, не используется для подготовки и организации террористических актов против других государств или их жителей», и «начать сотрудничать для передачи террористов правосудию»¹⁸. Введение санкций ООН против талибов должно дать ясный сигнал, что сообщество наций не будет иметь дело с теми режимами, которые игнорируют общепризнанные цивилизованные нормы бытия.

В этой связи поражает запоздалая активность в антиталибской деятельности США. Будучи инициатором создания Движения талибан на территории Пакистана, США планировали направить его деятельность в другое русло. Однако, «посеяв ветер – пожнешь бурю», гласит пословица. Талибы не без помощи США превратили Афганистан в центр междуна-

родного наркобизнеса и терроризма, которые захлестывают ныне и США. Да и бен Ладен, как отмечают политологи, не считался в Америке террористом, когда воевал в Афганистане против советской армии, когда самолично отрезал головы пленным советским солдатам. Но, похоже, взрывы посольств США в Кении и Танзании, унесшие жизни 12 американцев, лишили Вашингтон радужных иллюзий по поводу возможности управлять и направлять по своему желанию исламистский экстремизм и терроризм. Усама бен Ладен продолжает свою антиамериканскую террористическую деятельность. Так, им была издана «фетва» – религиозная директива, в которой всем его сторонникам было дано указание убивать граждан США по всему миру¹⁹. Бумеранг, запущенный США, вернулся. Теперь США в одностороннем порядке запрещают деятельность некоторых афганских компаний на своей территории, замораживают их авуары в американских банках, заносят в «черный список» террористических организаций группировку «Аль-Каида», созданную бен Ладеном, дают спецслужбам большую свободу действий в охоте на «террориста номер один», поддерживают международные санкции против талибов.

Не вызывает сомнений необходимость как можно быстрого введения этих санкций. Но возникает вопрос: будут ли они достаточны и действенны? Бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ Винсент Кэннистрэро, возглавлявший в этом ведомстве отдел по борьбе с терроризмом и ныне считающийся одним из ведущих экспертов по проблеме международного терроризма, полагает, что до тех пор пока талибы будут находится у власти в Афганистане от бен Ладена будет исходить угроза. Движение талибан, по его мнению, предоставляет бен Ладену защиту и возможность осуществлять свои операции с территории Афганистана. До тех пор пока это будет продолжаться поток терроризма и наркотиков из Афганистана не прекратится. Винсент Кэннистрэро предлагает оказать широкую поддержку антиталибскому Северному альянсу, который во главе с Ахмад Шах Масудом ведет вооруженную борьбу с талибами, уничтожить этот режим, а также утихомирить Пакистан, военнослужащие которого воюют на стороне талибов, и поддержать Россию в ее антитеррористической борьбе в Чечне. «Терроризм, говорит он, – сегодня распространен по всему миру и, чтобы победить его, требуется международное сотрудничество. Это наш общий враг, и я надеюсь, что российское правительство это понимает. Соединенные Штаты и другие страны должны оказать помощь России в борьбе с этим явлением»²⁰. Правильные слова.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что раковая опухоль международного исламистского терроризма требует не только терапевтических, но и решительных хирургических мер, способных спасти цивилизованный порядок в мире. Поэтому наряду с вышеназванными мерами международного сообщества необходимы самые решительные действия на основе международного права под эгидой ООН вплоть до прямого вмешательства интернациональных сил (в том числе, быть может, и вооруженных), чтобы, наконец, покончить с наркобизнесом и террориз-

мом, распространяющимися из Афганистана, создать вокруг него мощный санитарный кордон. Именно объединение усилий всего мирового сообщества, прежде всего стран региона, США, России, Индии, Китая, Ирана, стран НАТО перед лицом общей угрозы может спасти мир от наркотической чумы и терроризма.

¹ Арутюнова М.Р. Война и наркобизнес. – Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 31.

² Там же, с. 55.

³ Агентство Рейтер, 10.09.1999.

⁴ Проблемы, события, люди. Издание Государственной российской радиокomпании «Голос России». 15.09.1999.

⁵ Арутюнова М.Р. Война и наркобизнес, с. 31.

⁶ Агентство Рейтер, 10.09.1999.

⁷ ИТАР-ТАСС. 13.09.1999.

⁸ Там же.

⁹ Сегодня в мире. Издание Государственной российской радиокomпании «Голос России». 21.09.1999.

¹⁰ Там же.

¹¹ Агентство Рейтер, 10.09.1999.

¹² Арутюнова М.Р. Война и наркобизнес, с. 35.

¹³ ИТАР-ТАСС. 09.09.1999.

¹⁴ Мир и мы. Вестник иностранной информации о России и СНГ. – ИТАР-ТАСС. 24.09.1999.

¹⁵ Радио Би-Би-Си. 17.09.1999.

¹⁶ Сегодня в мире. Издание Государственной российской радиокomпании «Голос России». 07.10.1999.

¹⁷ Агентство Рейтер. 08.10.1999.

¹⁸ ИТАР-ТАСС. 07.10.1999.

¹⁹ РИА Новости. 07.10.1999.

²⁰ Мир и мы. Вестник иностранной информации о России и СНГ. – ИТАР-ТАСС. 24.09.1999.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

В современный период одна из основных черт государственного развития многих демократических государств – серьезное усиление роли правительства в системе государственных органов. Такая тенденция объясняется несколькими причинами. Прежде всего усложнением задач, стоящих перед правительством как высшим органом исполнительной власти, и в первую очередь задач по охране государственного строя, решение экономических проблем, укрепление безопасности населения, борьбы с терроризмом, реализации внешнеполитического курса страны.

В настоящее время правительство выступает в роли наиболее эффективного и оперативного органа государственного управления. Оно, как правило, более однородно в социальном, а часто и в партийном отношении, чем парламент, что и определяет фактически его ведущую роль в системе государственной власти. Из чисто исполнительного органа, каким оно было еще в начале нашего века, к концу XX столетия правительство в абсолютном большинстве зарубежных стран превратилось в высшую инстанцию государственной власти, т.е. волеформирующий орган, непосредственно определяющий и осуществляющий на практике внутреннюю и внешнюю политику своего государства.

Правительственная власть в Израиле может быть названа исполнительной с достаточной долей условности, поскольку она не столько исполняет решения парламента, сколько сама имеет самые широкие возможности для вынесения важнейших политических решений. Кроме того, если демократический парламент характеризуется внутренней политической борьбой, и это часто затрудняет принятие важных решений, то правительство обычно действует как единый, спаянный внутренней дисциплиной механизм, что гарантирует эффективность его работы и предопределяет ведущую роль в системе государственных органов. Рост роли правительства определяется также и тем, что на его уровне легче осуществлять меры по активному вмешательству государства в экономику, причем если государственное регулирование экономики принимает законодательную форму, то основным инициатором такого законодательства выступает правительство.

Фактически в системе высших органов государственной власти правительство современных демократических государств занимает центральное место, но обычно это не находит своего достаточно четкого от-

ражения в юридических нормах, как не находит своего прямого отражения и положение о том, что правительство – это основной инструмент осуществления как внутренней, так и внешней политики. Часто это определяется отсутствием детального законодательства по этим проблемам, и в целом соответствующей нормативной базы. В этом отношении Израиль в определенной степени опережает ряд других зарубежных государств с парламентской формой правления.

Вопрос о правовом и фактическом положении израильского правительства и его роли в системе государственных органов представляет значительный теоретический и практический интерес в силу особого положения Государства Израиль на Ближнем Востоке и тех сложных проблем, непосредственно стоящих перед правительством как органом исполнительной власти.

В настоящее время Израиль – одно из тех зарубежных государств, где правовое положение правительства довольно четко регулируется специальным. Традиционно во многих зарубежных государствах основные принципы формирования и ответственности правительства определяются положениями конституции страны. Но в Израиле, как известно, нет единой конституции как основного закона государства, а есть целый ряд так называемых основных и обычных законов, которые и составляют в совокупности так называемую неписаную конституцию страны. Среди этих законов, принятых в свое время израильским парламентом – Закон о кнессете (1958 г.), Закон о президенте государства (1964 г.), Закон о правительстве (1968 г.), Закон о государственной экономике (1975 г.), Закон об армии (1976 г.), Закон о гражданских судах (1984 г.) и ряд других. К разряду основных относится и Закон о правительстве 1992 г. Регулирование вопросов формирования и ответственности правительства специальным основным законом Израиля уже само по себе подчеркивает особое положение этого государственного органа, поскольку основными законами Израиля регулируются наиболее важные сферы государственной и общественной жизни.

Вопросы формирования правительства, правовой сферы его деятельности и взаимоотношений с кнессетом (парламентом страны) были урегулированы нормами Основного закона о правительстве 1968 г., согласно которому пост премьер-министра президента страны предлагал тому члену кнессета, который пользовался поддержкой большинства депутатов. Затем в 1992 г. был принят новый Основной закон о правительстве, который вступал в силу только после выборов в новый состав кнессета 14-го созыва, а до этого в основных своих положениях действовал предыдущий закон 1968 г. Новый основной закон модернизировал ряд положений старого, в первую очередь введя принцип прямых выборов премьер-министра избирателями страны. Израиль, формально оставаясь парламентской республикой, превратился фактически в единственное в мире государство, где премьер-министр избирается всеобщим голосованием населения страны, а не назначается президентом или монархом по результатам всеобщих

парламентских выборов, как это традиционно принято во многих парламентских республиках и монархиях.

В настоящее время Основной закон (1992 г.) Израиля прямо закрепляет положение, что премьер-министр получает свою должность в результате всеобщих общенациональных выборов, проводимых на основе прямого, равного и тайного голосования. В случае, если выборы проводятся в кнессет, та же дата устанавливается и для выборов премьер-министра страны. Интересной особенностью этих выборов является то, что Основной закон о правительстве допускает проведение в определенных случаях отдельных выборов в кнессет, в частности вследствие его досрочного роспуска, и так называемых специальных выборов, т. е. выборов отдельно премьер-министра в случае досрочного прекращения полномочий действующего главы правительства.

Но в обычных условиях премьер-министр избирается на срок легислатуры самого кнессета (четыре года), поэтому и два вида этих выборов обычно могут быть совмещены. В случае проведения специальных выборов, т.е. выборов только премьер-министра, победитель занимает свою должность только на остающийся срок легислатуры данного состава кнессета.

Кандидаты на должность премьер-министра должны отвечать в соответствии с законом двум требованиям: во-первых, они должны удовлетворять требованиям, которые предъявляются к кандидатам в депутаты кнессета и быть не моложе 30 лет на день официального выдвижения их кандидатур; во-вторых, если выборы премьер-министра проводятся одновременно с выборами в кнессет, кандидатура премьер-министра должна обязательно возглавлять партийный список кандидатов в депутаты кнессета.

Кандидатура на пост премьер-министра на всеобщих выборах может быть выдвинута любой партийной фракцией действующего кнессета, включающей не менее 10 депутатов одновременно с представлением всего списка кандидатов в новый состав кнессета, а также несколькими группами депутатов каждая численностью не менее 10 депутатов, представляющая единый список кандидатов в кнессет. Кроме того, правом выдвижения кандидатуры премьер-министра обладают сами избиратели, при этом такая народная инициатива должна быть подтверждена подписями не менее 50 тыс. лиц, обладающих полным объемом гражданских прав.

Перечисленные субъекты права выдвижения кандидатуры премьер-министра те же самые и для случаев, когда проводятся специальные выборы, т.е. только одного премьер-министра. Избранным премьер-министром становится кандидат, получивший на всеобщих выборах более половины всех поданных и признанных действительными голосов, при условии что он избран и членом кнессета, т.е. действует мажоритарная система абсолютного большинства. Если ни один из кандидатов не получил предусмотренного законом количества голосов, проводится второй тур

голосования, который назначается на ближайший вторник по прошествии двух недель после официального опубликования результатов первого тура голосования. Во второй тур голосования допускаются только два кандидата, получившие в первом туре относительное большинство голосов, при условии, что они обязательно избраны членами кнессета. При повторном голосовании кандидат, получивший больше голосов, чем его соперник, при условии признания их действительными, становится премьер-министром. При этом закон умалчивает о возможности гипотетического случая, когда голоса разделятся поровну. Известно, что в ряде стран принято правило, в соответствии с которым если голоса на всеобщих выборах разделились поровну между двумя кандидатами, победителем становится или старший по возрасту, или кандидаты бросают жребий, или проводится новый тур голосования.

Новый закон о правительстве вполне допускает избрание премьер-министра страны на безальтернативной основе. В соответствии с этим законом если на всеобщих выборах премьер-министра будет выдвинут только один кандидат или по результатам первого тура останется всего один кандидат, выборы тем не менее должны состояться. Избиратели в данном случае голосуют «за» или «против» одного кандидата, внесенного в избирательный бюллетень, и он считается избранным, если число поданных за него и признанных действительными голосов избирателей превышает число голосов, поданных против этого кандидата. Если же ни один из кандидатов не получит требуемое число голосов и не будет избран на пост премьер-министра, проводятся новые всеобщие выборы.

В течение 45 дней с момента официального опубликования результатов всеобщих выборов премьер-министр формирует состав правительства. В течение этого срока глава правительства представляет кнессету его состав, объявляет о распределении обязанностей между министрами, докладывает кнессету об основных принципах правительственной политики. Далее премьер-министр и члены его кабинета приносят перед кнессетом присягу в верности служения израильскому государству. Следует отметить, что законодательство вводит ряд ограничений, препятствующих назначению на должность министра. В частности, лицо, обвиненное в преступлении, после отбытия наказания в течение 10 лет не может быть назначен на должность министра. Не может быть назначен на должность министра и член кнессета, вышедший из состава своей фракции. Если премьер-министр не может сформировать правительство указанным в законе способом, назначаются новые специальные выборы. «В случае если избранный премьер-министр не смог сформировать правительство указанным в законе способом и на новых выборах был снова избран премьер-министром и снова не смог сформировать правительство, он больше не может выдвигать свою кандидатуру на следующих специальных выборах», – зафиксировано в законе¹.

Израиль, будучи парламентской республикой, вводит в свое законодательство нормы об ответственности правительства перед парламентом.

Кнессет может большинством голосов депутатов принять решение о выражении недоверия лично премьер-министру. Вотум недоверия премьер-министру может повлечь за собой досрочный роспуск кнессета, оформляемый специальным декретом президента Израиля. Принимая решение о недоверии, кнессет тем самым выражает готовность досрочно завершить и период своей деятельности. Еще одно основание для досрочного роспуска кнессета – отклонение законопроекта о государственном бюджете в течение трех месяцев, следовавших за началом очередного финансового года. Иными словами, блокирование кнессетом принятия закона о бюджете официально рассматривается правительством как преднамеренное решение кнессета о своем досрочном роспуске и проведении внеочередных парламентских выборов.

Закон о правительстве предоставляет премьер-министру право по своему усмотрению распускать кнессет. Если премьер-министр приходит к выводу, что большинство депутатов кнессета противостоят политике правительства и, как результат этого, препятствуют его эффективной деятельности, он может после получения согласия президента страны и опубликования специального декрета в «Решумот» досрочно распустить кнессет. Досрочный роспуск кнессета означает прекращение его деятельности до окончания законно установленного срока его полномочий (четыре года) и проведения выборов нового состава кнессета и нового премьер-министра, которые назначаются на последний вторник по завершении 60 дней с момента роспуска кнессета.

Законом регулируется и процедура отставки самого премьер-министра. Он может самостоятельно принять решение о своей отставке, предварительно оповестив об этом правительство и подав письменное заявление президенту страны. Отставка премьер-министра вступает в силу через 48 часов после вручения письменного заявления. Если премьер-министр прекратил свои функции в качестве депутата кнессета, он также должен подать в отставку со своего поста. Если премьер-министр обвинен в совершении преступления, включающее и его моральную ответственность, кнессет большинством голосов отстраняет его с должности руководителя правительства. По собственной инициативе кнессет может отправить премьер-министра в отставку не менее 80 голосами его членов (т.е. квалифицированным большинством в две трети состава парламента). При этом премьер-министр не может быть отстранен от должности до тех пор, пока он не изложит перед кнессетом свою позицию по предъявленным ему обвинениям. В случае принятия кнессетом решения об его отставке в стране назначаются специальные выборы премьер-министра.

Законом установлена возможность временного исполнения обязанностей премьер-министра. В частности, в случае смерти премьер-министра, его постоянной неспособности осуществлять свои обязанности или его отставки с должности, правительство уполномочивает одного из министров – обязательно члена кнессета, временно исполнять обязанности премьер-министра до тех пор, пока новый премьер-министр не вступит в

свою должность. «При этом временный премьер-министр осуществляет в полном объеме все полномочия премьер-министра, кроме возможности досрочного роспуска кнессета»². В случае если премьер-министр временно не в состоянии исполнять свои обязанности в течение не более 100 дней, его полномочия может осуществлять министр – член кнессета и назначенный самим премьер-министром. В случае невозможности назначения такого заместителя или если назначенный главой правительства министр не в состоянии осуществлять эти функции, тогда другой министр – также член кнессета назначается уже самим правительством в качестве действующего премьер-министра до тех пор, пока вновь избранный премьер-министр не вступит в свою должность или постоянный премьер-министр не возобновит исполнение своих обязанностей. Если по прошествии 100 дней постоянный премьер-министр не возобновил исполнение своих функций, то он считается окончательно оставившим свой пост главы правительства. Тогда вступают в силу положения закона о выборах нового премьер-министра.

Официально ушедший в отставку по собственному желанию или в результате вотума недоверия со стороны кнессета премьер-министр продолжает временно исполнять свои обязанности до тех пор, пока вновь избранный премьер-министр не займет свой пост. В случае смерти премьер-министра, постоянной неспособности осуществлять свои обязанности, добровольного ухода в отставку или отстранения от должности в результате вотума недоверия со стороны кнессета, министры правительства продолжают исполнять свои обязанности до вступления на свой пост вновь избранного премьер-министра.

Законом закреплён численный состав правительства Израиля – не более 18 и не менее восьми членов. При любой численности министерских постов в обязательном порядке половина министров должны быть одновременно и членами кнессета. В составе правительства могут быть министры, назначенные на определенную должность, а также министры без портфеля. Закон допускает совмещение постов премьер-министра и министра, назначенного на определенную должность. Иными словами, премьер-министр может самостоятельно исполнять обязанности любого министра, тем самым непосредственно увеличивая свое влияние на осуществление правительственной политики. Если число министров в правительстве, включая самого премьер-министра, менее восьми человек, премьер-министр обязан в течение 72 часов дополнить состав правительства до необходимого минимума, а до этого времени, он не может отстранить с занимаемого поста ни одного министра. Если же премьер-министр не в состоянии сформировать правительство в требуемом законом численном составе, тогда проводятся новые выборы премьер-министра.

Закон о правительстве регулирует и правовое положение членов кабинета министров. Министр может выйти в отставку, направив письменное заявление премьер-министру. По прошествии 48 часов после получения прошения об отставке, отставка министра вступает в силу, если он до это-

го времени не отзовет свое заявление. Со своей стороны, премьер-министр может отправить в отставку любого министра, официально направив ему письменное извещение об отставке. Отставка министра вступает в силу через 48 часов после официального вручения ему этого извещения. Кнессет также может по собственной инициативе освободить министра с занимаемого им поста, приняв такое решение большинством не менее 70 голосов членов парламента. Хотя в этом случае отставка министра может быть осуществлена лишь по рекомендации соответствующего постоянного комитета кнессета и после официального выступления министра на пленарном заседании. В случае временной неспособности министра исполнять свои обязанности или отсутствия в стране, его полномочия осуществляет назначенный премьер-министром кто-либо из министров до тех пор, пока соответствующий министр не возобновит осуществление свои должностные обязанности.

Интересная особенность правового положения министра правительства: с одобрения премьер-министра он может сам назначить себе заместителя, который при этом должен быть обязательно членом кнессета. Заместителя министра может назначить и сам премьер-министр, хотя общее число заместителей министра не должно превышать шести человек. Член кнессета, вышедший из состава своей партийной фракции, не может быть назначен заместителем министра в течение всего периода полномочий данного состава кнессета. Заместители министров вступают в свою должность после объявления правительством об их назначении на заседании кнессета. Заместитель министра действует в кнессете и в министерстве от имени министра, назначившего его, и в рамках обязанностей, переданных в его ведение. Министры и их заместители, являющиеся членами кнессета, выступают одновременно как представители законодательной и исполнительной отрасли власти. В силу своего членства в кнессете, они принимают участие в обсуждении и голосовании любого предложения на пленарных заседаниях, включая собственные, и даже в голосовании о вотуме доверия премьер-министру.

Круг обязанностей правительства законодательством прямо не установлен, однако кабинет министров правомочен в рамках действующих основных и обычных законов предпринимать любые действия, осуществление которых не возлагается законом на какой-либо другой орган власти, и поручить от имени правительства осуществление соответствующих полномочий любому члену кабинета. Очевидно, что объем таких «остаточных» полномочий может быть достаточно велик и фактически устанавливается самим правительством, что, несомненно, выделяет правительство среди других государственных органов, полномочия которых четко определены в законодательном порядке. Как орган исполнительной власти правительство обладает исключительным правом подписывать международные договоры и соглашения от имени государства, ратификация которых кнессетом не является необходимым условием, за исключением случаев, когда положения международного договора требуют внесения

соответствующих изменений в законодательство Израиля, на что требуется согласие кнессета.

Премьер-министр осуществляет руководство и общий контроль за всей деятельностью правительства, определяет процедуру его заседаний и порядок принятия решений путем голосования. Правительственные решения принимаются большинством присутствующих членов правительства. В случае равенства голосов, голос премьер-министра является решающим. Вообще при осуществлении всех своих полномочий правительством Израиля, ведущую и решающую роль играет премьер-министр – фактически ключевая фигура всего государственного механизма страны, и в этом качестве по его инициативе принимаются основные государственные решения.

«Правительство обязано обеспечивать кнессет и его постоянные комитеты необходимой информацией по их требованию, оказывать им всяческое содействие в осуществлении их функций»³. При этом положениями специального закона должна быть установлена степень секретности той или иной предоставляемой правительственной информации с целью защиты государственной безопасности, внешней политики, внешнеэкономических связей и по другим основаниям.

По требованию не менее 40 его членов (одна треть) кнессет может потребовать проводить свои заседания с обязательным участием премьер-министра, при этом заранее должна быть утверждена и сообщена премьер-министру повестка дня заседания. Однако такие требования не могут быть представлены чаще одного раза в месяц. Зато без ограничений кнессет может обязать любого министра присутствовать на своих заседаниях, равно как и любой постоянный комитет кнессета обладает в рамках своих функций такими же полномочиями. При этом любой постоянный комитет кнессета может в рамках своих полномочий и с ведома соответствующего министра и под его наблюдением вызывать на свои заседания любого гражданского служащего или другого должностного лица определяемого законом. По собственной инициативе премьер-министр или любой министр имеют право выступать на пленарных заседаниях кнессета или его комитетов.

Таким образом, Основной закон о правительстве дает довольно четкую картину взаимоотношений израильского правительства и законодательного органа власти. Совершенно очевидно, что эти взаимоотношения определенным образом отличаются от принятой модели в обычных парламентских республиках, начиная с принципа всеобщего голосования избирателей за кандидатуру премьер-министра и кончая жесткостью самого Основного закона, который может быть изменен только абсолютным большинством голосов членов кнессета, а отдельные положения закона, предусматривающие принятие ряда решений кнессета специально установленным числом депутатов могут быть изменены точно таким же большинством голосов. Указанный закон хотя и устанавливает определенную форму парламентского контроля за деятельностью израильского прави-

тельства, тем не менее, закрепляет за правительством фактически ведущую роль в системе государственных органов страны.

17 мая 1999 г. в Израиле прошли всеобщие досрочные выборы премьер-министра и выборы в кнессет 15-го созыва. Убедительную победу на этих выборах одержал Э. Барак – лидер нового блока «Исраэль ахат» (Единый Израиль), который получил 57% голосов избирателей, опередив на 12% действовавшего премьер-министра и лидера правого блока «Ликуд» Б.Нетаньяху. Блок «Единый Израиль» получил 26 депутатских мандатов, а блок «Ликуд» – 19, партия «Шас», выражающая интересы религиозных традиционалистов – выходцев из Марокко, получила 17 мандатов. «Русские» партии впервые получили 10 мандатов в кнессете, что является довольно значительным по сравнению с другими небольшими партиями.

Новый израильский кнессет (120 депутатов) состоит из представителей следующих фракций (число мандатов)

«Исраэль ахат» («Единый Израиль»)	– 26
«Ликуд»	– 19
«ШАС» (Движение хранителей торы)	– 17
«Мерец»	– 10
«Исраэль ба-Алия»	– 6
«Шинуй»	– 6
Партия центра	– 6
«Мафдал» (Национально-религиозная партия)	– 5
«Ядут ха-Тора»	– 5
Объединенный арабский список	– 5
Национальный союз	– 4
«Хадаш» (Демократический фронт за мир и равноправие – компартия)	– 3
«Исраэль бейтейну» (Наш дом – Израиль)	– 4
«Баляд» (Национально-демократический альянс)	– 2
«Один народ» (партия Гистадрута)	– 2

Состав нового израильского парламента включает самое большое число партийных фракций, чем когда-либо в истории государства. По мнению политических наблюдателей такой пестрый состав парламента дает Э.Бараку возможность менять состав коалиционного правительства практически в любое время, в зависимости от своей внешней и внутренней политики.

Характерно, что на первом же регулярном еженедельном заседании правительства во главе с Э.Барак в июне 1999 г. было принято решение о существенном расширении состава кабинета министров с 18 до 24 членов. 16 министров вошли в состав так называемого внутреннего кабинета безопасности. Увеличение численного состава кабинета министров сам премьер-министр называл «неизбежным злом», противоречащим Закону о правительстве, но вызванным пестрым составом кнессета нового созыва. По мнению Барака, это результат нового Закона о прямых выбо-

рах премьер-министра. Когда принимался данный закон, предполагалось, что две основные политические партии объединят в своем составе другие мелкие партии, близкие к ним идеологически. Однако в результате внеочередных выборов произошло прямо противоположное: голоса избирателей разделились, и в кнессет вошли представители самого большого числа партий за всю историю парламентаризма Израиля. Вместе с тем, это вызвало впервые в истории страны создание столь широкой правительственной коалиции. Расширение правительственного кабинета было невозможным без внесения изменения в Основной закон о правительстве. Глава правительства Э.Барак предложил внести изменения в Закон о правительстве, чтобы сделать эту норму легитимной и постоянной. Кабинет министров обсудил и вопрос о введении в Израиле так называемого «норвежского закона», суть которого заключается в том, что члены парламента, назначенные в состав правительства, должны добровольно выйти из состава кнессета, чтобы освободить места в нем для кандидатов в депутаты, находившихся в партийных списках на нижестоящих позициях и не попавших в число депутатов кнессета. При этом предусматривалось, что в случае отставки с поста министра и тем самым выхода из состава правительства, бывший депутат снова займет свое место в кнессете. Однако этот вопрос не был решен положительно. В ходе первого заседания кабинета премьер-министр Э.Барак назначил трех министров (иностраннных дел, транспорта и связи) заместителями премьер-министра с сохранением за ними соответствующих министерских постов.

Совершенно очевидно, что для дальнейшего усиления позиций правительства в системе государственных органов, увеличения степени эффективности его работы действующий Закон о правительстве может быть подвергнут изменениям или дополнен новым законодательством.

¹ Basic Law: the government (1992), Main Points on the Direct Election of the Prime Minister Information Division, Israel Foreign Ministry – Jerusalem.

² Там же.

³ Там же.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИВИИ ПОСЛЕ СНЯТИЯ САНКЦИЙ

Накануне 30-й годовщины ливийской революции в апреле 1999 г. были ослаблены санкции, введенные международным сообществом в 1992 г. из-за отказа ливийского руководства выдать двух своих сограждан, подозреваемых в причастности к организации взрыва пассажирского лайнера над шотландским городом Локерби в 1989 г. Эти санкции предусматривали замораживание всех денежных авуаров Ливии в иностранных банках, а также запрет на поставки ей нефтяного и прочего оборудования. Было введено эмбарго на воздушное сообщение. Впервые санкции против Ливии, запретившие поставки военной продукции (в том числе самолетов, электронного оборудования), сельскохозяйственной техники, были введены еще в 1978 г., а в 1986 г. было установлено полное торговое эмбарго. Все это осложнило деятельность иностранных нефтяных компаний, действовавших в стране и вложивших в развитие ее нефтегазового сектора около 40 млн. долл.¹ Однако, хотя торговое эмбарго ограничило для Ливии возможности получать современное нефтяное оборудование, а также создало трудности для передвижения по стране, оно почти не затронуло нефтяной экспорт. В течение семи лет санкций Ливия продолжала экспортировать почти весь объем добычи, установленный для нее квотой ОПЕК – около 1,38 млн. барр. в день. Как отмечают некоторые западные источники, хотя санкции и привели к сокращению иностранных инвестиций в нефтяную отрасль, тем не менее они не превратили страну в зону бедствия.

Несомненно, финансово-экономическое положение ухудшилось прежде всего из-за сокращения доходов от экспорта нефти (в этот период произошло к тому же падение цен на нее на мировом рынке), которые составили 5250 млн. долл., что на 35% ниже ожидаемых и почти в 4 раза ниже уровня 80-х годов (в 1980 г. доходы достигли 22,6 млрд. долл., а в 1998 г. – 5,25 млрд. долл.). Это не позволило даже обеспечить выплату заработной платы работникам государственного сектора, сумма которой оценивалась также в 5,5 млрд. долл. Убытки, понесенные страной в результате введения санкций, оценивались в 24-26 млрд. долл. В результате ежегодные темпы прироста ВВП снизились и составили менее 1% в течение трех последних лет. Инфляция в 1998 г. оценивалась в 24%, а уровень безработицы – в 30%. Общий внешний долг страны (исключая задолженность по военным поставкам) увеличился до 3,8 млрд. долл. В

результате финансовым органам пришлось формировать бюджет на чрезвычайно сокращенной доходной базе, поскольку экспорт нефти обеспечивал до 95% валютных поступлений. В бюджете на 1999 г. расходная часть определена в 4,9 млн. лив. дин. Бюджет на 1998 г. планировался бесдефицитным, однако в действительности имело место негативное сальдо в 650 млн. лив. дин.²

Финансовое положение, ко всему прочему, осложнялось продолжающимся обесценением динара и отсутствием единого обменного курса. Долгосрочная стратегия, направленная на то, чтобы уменьшить заимствования за рубежом, помогла уменьшить внешний долг, но в то же время способствовала увеличению спроса на твердую валюту на черном рынке. Хотя ливийское руководство в декабре 1998 г. девальвировало динар на 14%, установив обменный курс 1 долл. = 0,45 динар, вместо 0,38 динара, тем не менее представители МВФ заявили, что в стране нет единого курса, поскольку существует и неофициальный обменный курс. Ливийские финансовые органы пытаются решить проблему посредством вытеснения ликвидности с неофициального рынка, на который приходится, по некоторым оценкам, около 20% валютных операций. Центральный банк начал продавать доллары, а министр экономики Абдул Хафез Злейтни потребовал, чтобы параллельный курс был снижен с 3,2 динара до 1,5 динара за доллар.

Западные экономисты считают, что достижение обменного курса, отражающего реальную стоимость товаров и услуг, явилось бы первым шагом на пути перехода к рыночной экономике, где частному сектору позволили бы играть большую роль. Как считают западные эксперты, лидер ливийской революции начинает проявлять интерес к рыночной модели экономики. Известно, что до середины 80-х годов господствующее положение в экономике (за исключением сельского хозяйства) занимал госсектор. По данным официальной статистики, доля госсектора в ВВП достигала 90%, на него приходилось свыше 70% валовой продукции промышленности, около 80% капиталовложений в экономику³. В сельском хозяйстве доля его колебалась от 15 до 25%. Что касается созданного в соответствии с выдвинутым в «Зеленой книге» лозунгом – «Не наемные работники, а партнеры» самоуправляемого или социалистического сектора, то вклад его в создание ВВП был невелик – всего 3%.

Однако трудности, вызванные снижением доходов от нефти, национализацией большинства предприятий мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, привели к ухудшению снабжения населения товарами первой необходимости, низкая рентабельность некоторых промышленных предприятий госсектора, обострение политической борьбы вынудили руководство Ливии перейти в конце 80-х годов к политике либерализации экономики⁴. Проведение этой политики способствовало некоторому улучшению экономического положения, однако финансовые трудности, переживаемые страной в связи с сокращением доходов от экспорта нефти, вновь усугубились в результате введения экономических санкций против

Ливии в 1992 г. Пострадали прежде всего основные отрасли – сельское хозяйство и промышленность (прежде всего нефтегазовая) из-за невозможности импортировать удобрения, инсектициды, сырье, оборудование и запчасти. Государственный сектор, где занято 700 тыс. человек из шестимиллионного населения страны, испытывал трудности со снабжением энергией, требовал больших затрат на поддержание инфраструктуры. Положение многих государственных предприятий осложнилось из-за выдворения из страны большого числа иностранных рабочих и специалистов⁵.

Все это заставило руководство сократить в 1999 г. ассигнования на инвестиционные (особенно крупные престижные) проекты почти на 80%. Например, на осуществление проекта «Великой искусственной реки» (ВИР) потребовалось 30 млрд. долл. Из-за ограниченности финансовых ресурсов контракт на сооружение третьей очереди ВИР был передан местным фирмам. Тем не менее, Ливия намечает израсходовать около 5 млрд. долл. на финансирование стратегических проектов, в частности – создание сети современных железных дорог, трубопровода для поставок ливийского газа в Европу, а также обновление гражданского воздушного флота.

Разумеется, приоритетной отраслью по-прежнему остается нефтегазовая. В течение последних семи лет лишь 15% доходов от экспорта нефти были реинвестированы в эту отрасль. Министр нефти Абдулла аль-Бадри принял участие в конференции по нефти и газу, проходившей в Женеве в апреле 1995 г., чтобы привлечь иностранные компании к участию в разработке нефтяных запасов Ливии. Для этого ливийское руководство готово пересмотреть «Закон о нефти» 40-летней давности и предоставить иностранным подрядчикам определенные преимущества при заключении контрактов. Многие западные дипломаты отмечают, что Триполи стал более открытым для зарубежных посетителей.

В настоящее время Ливия производит в день 1,27 млн. барр. и надеется увеличить добычу до 2 млн. барр., несмотря на низкие цены на нефтепродукты на мировом рынке. Ограничения, введенные ОПЕК, сдерживают приток зарубежных инвестиций, однако директор Национальной нефтяной корпорации (НОК) надеется на приток иностранного капитала в нефтегазовую отрасль не менее 1,5 млрд. долл. в течение последующих пяти лет⁶. Наиболее привлекательные для иностранных нефтяных компаний – это месторождения высококачественной ливийской нефти. Себестоимость добычи здесь чрезвычайно низкая. Производственные расходы на добычу 1 барр. нефти на месторождениях НОК составляют в среднем 2,5 долл., а на некоторых еще ниже – 1 долл. Деятельность иностранных компаний сосредоточена в районе нефтеносного бассейна Сирт. НОК надеется привлечь иностранные нефтяные компании к разработке месторождений и с худшими условиями добычи, где необходимо применить новейшие технологии. Канадская компания «Ред Си Ойл» начала буровые работы в Эн-Нага Норс в 1998 г., а в 1999 г. она намеревалась добывать 30 тыс.

барр. в день. В бассейне Мурзук активно действуют испанская компания «Репсол» и английская «Ласмо», обнаружившие здесь в 90-х годах новые месторождения нефти.

Согласно заявлению представителя компании «Ласмо», потенциальные запасы открытых ею залежей нефти на месторождении Элефант оцениваются в 500 млн. барр. и это самое крупное открытие за последние 15 лет. Бурение первой же скважины глубиной 3,5 км дало возможность получать 9 тыс. барр. в день высококачественной нефти 39° АПИ. «Ласмо» рассчитывает добывать на месторождении Элефант 150 тыс. барр. в день. Партнеры «Ласмо», которым принадлежит по одной трети капитала, – итальянская компания

являются «Аджип» и южнокорейский консорциум «Кореа Петролеум Дивелопмент Корпорейшн» («Педко») ⁷. Компания «Репсол» добывает на месторождении Аль-Шарара 140 тыс. барр. в день. В начале 1999 г. ею было обнаружено новое месторождение с потенциальными запасами от 100 тыс. до 200 тыс. барр. Итальянская компания «ЭНИ» заключила с ливийской Национальной нефтяной корпорацией соглашение о разработке месторождений нефти и газа в прибрежных водах. Предусматривается сооружение платформы севернее Триполи, нефтехранилищ емкостью до 1,8 млрд. барр., создание соответствующей инфраструктуры. Другие известные компании, действующие в Ливии, – итальянская «Аджип», немецкая «Винтершелл», австрийская «ОМБ», канадская «Оксидентл», французские «Тоталь» и «Эльф-Акитэн». НОК рассчитывает получать в свое распоряжение не менее двух третей добываемой нефти.

Перспективы возвращения в Ливию американских компаний, которые ушли после введения эмбарго в 1981 г., – вполне обнадеживающие. Министр нефти Абдулла аль-Бадри пригласил их возобновить свою деятельность в стране. К ним относятся «Эксон», «Мобил», «Коноко», «Шеврон» и «БП Амоко». Пока переговоры прошли с «Эксон» и «Мобил». Американским компаниям предложены мало разработанные участки, где они ранее действовали, в том числе месторождение Вафа, добыча на котором составляла 400 тыс. барр. в день. Американские компании пытаются воздействовать на правительство США, чтобы оно смягчило санкции против режима Каддафи. Кроме того, они заинтересованы в модернизации ливийских нефтепромыслов, поставках для них запчастей и оборудования.

Несмотря на усилившуюся ориентацию экономики на внешние связи, ожидавшегося наплыва иностранных нефтяных компаний не последовало. Их сдерживают существующие в Ливии правила регулирования и налогообложения. Так, соглашения типа «продакшн-шеринг» (EPSA-III), действующие с конца 80-х годов, не привели к большому количеству открытий, хотя они предусматривали более благоприятные условия для деятельности иностранных фирм чем предыдущие (EPSA). За исключением обнаружения запасов на месторождении Элефант компанией «Ласмо», после введения новых соглашений не было сделано ни одного крупного открытия. Сравнительный анализ системы налогообложения Ливии с дру-

гими регионами показал, что он не способствует привлечению иностранных инвестиций, поскольку увеличивает долю нефти, идущей в пользу ливийского государства

Однако иностранные компании надеются, что НОК пойдет на изменение условий ныне действующих договоров EPSA, включение в них пунктов, предусматривающих проведение сейсмической разведки и других более современных методов поиска нефти. До сих пор ливийское государство не было особо заинтересовано в том, чтобы принимать протекционистские меры, защищающие иностранные компании от пагубного влияния снижения цен. В изменившихся условиях оно пошло, наконец, на пересмотр Закона о нефти 1955 г., а фактически на принятие в октябре 1999 г. нового закона. Согласно этому закону, Ливия будет придерживаться общепринятой в мире практики заключения подрядных соглашений, а его условия будут способствовать увеличению иностранных вложений в такие проекты, которые требуют применения более современных технологий, чтобы увеличить выход нефти (enhanced oil recovery – EOR). Закон предусматривает изменение договорных принципов с иностранными компаниями.

Положения нового закона будут распространяться и на разведку и добычу природного газа. Доказанные запасы его исчисляются в 1,3 млрд. куб. м. НОК выделила средства для разработки месторождений Фарех, Дахра и Аттахади, а также некоторых других, добыча на которых уменьшилась из-за недостатка средств на ее финансирование. Предусматривается сооружение трубопроводов от этих месторождений и соединение их с общей системой трубопроводов страны. В 1996 г. компания «ЭНИ» подписала с НОК соглашение о строительстве газопровода длиной 1 тыс. км для транспортировки ежегодно 8-10 млн. куб. м газа с месторождения Вафа на юго-западе Ливии в Италию. Компания намерена затратить на его строительство 5,5 млрд. долл., ввод в эксплуатацию намечен на 2003 год⁸. Планируется также проложить газопроводы в Египет и Тунис. Осуществление этих проектов превратит Ливию в поставщика газа для Арабского Магриба.

Итальянская компания «Снампрожетти», немецкий консорциум «Оэль энд гэс» (MAN GHN Oel and Gas), а также французская «Текнип» (Technip) намерены выиграть контракт на разработку месторождения Аттахади, находящегося в ведении компании «Сирт Ойл». Добываемый здесь газ намечено использовать на электростанциях в качестве топлива вместо нефти. В феврале 1999 г. немецкому консорциуму был присужден контракт на установку четырех газовых турбин мощностью 160 МВт для электростанции в Аз-Завиа. Немецкий консорциум и российская компания «Зангас» осуществляют работы по подсоединению тепловых электростанций к действующей сети газопроводов. Увеличение добычи энергоносителей требует расширения существующих и строительства новых портов для их вывоза. Среди компаний, которые представили документы на участие в расширении порта Аз-Завиа – «Думез», южнокорейские «Хундаи

Корпорейшн», «Даево Корпорейшн», голландская «Интербетон», а также базирующаяся в Греции компания «Джанну и Параскевайдес». Проект предусматривает сооружение двух новых причалов и волнореза.

Руководство Ливии намерено привлекать иностранных капитал к осуществлению проектов и в других отраслях экономики. Так, французская компания «Альстом» намерена получить подряд на строительство электростанции мощностью 1200 МВт и опреснительной установки в Сирте. В проекте предполагают принять участие швейцарская компания «АББ (Асеа Браун Бовери)» и консорциум немецких компаний «Сименс Бабкок». Заказчиком выступает ливийская компания «Дженерал Электрисити».

Ливийское железнодорожное агентство в 1988 г. назначило торги на осуществление проектов по расширению железнодорожной сети, включая строительство 2 тыс. км железнодорожных путей вдоль побережья и 992 км – с севера на юг страны. Ливийское руководство намеревалось направить делегации в Россию и Китай для обсуждения вопроса об оказании содействия в восстановлении своей транспортной инфраструктуры.

Ливия нуждается также в обновлении гражданского воздушного флота. После семи лет санкций у компании «Либиэн Эрб Эйрлайнз», осуществляющей перевозки грузов как за рубеж, так и внутри страны, осталось всего 27 самолетов, главным образом «Боинг-727», отвечающих мировым стандартам, и ей необходимо закупить не менее 20 новых самолетов, чтобы продолжать свою деятельность. В октябре 1999 г. было подписано соглашение с европейским консорциумом «Аэробус индастри» о закупке государственной компанией «Либиэн Эрб Эйрлайнз» 24 новых самолетов «Аэробус» на сумму не менее 1,5 млрд. долл., а также об оказании ей помощи в модернизации наземной авиационной инфраструктуры и подготовке летного состава⁹. Другая важная сфера, подлежащая реконструкции, – телекоммуникации. Компания «Дженерал Пост энд Телекомьюнекейшн» рассматривает возможность участия в осуществлении работ в этой отрасли через фирму «Сурая Сателит Телекомьюнекейшн», находящуюся в Абу-Даби, в которой ей принадлежит 5% капитала.

Осуществление многочисленных проектов в различных отраслях экономики потребует преобразования банковской системы. «Эрб Бэнкин Корпорейшн» (ЭБК) намерена открыть несколько финансовых учреждений в Ливии. «Ливийский рынок является важным и многообещающим для финансирования некоторых базовых проектов. Мы примем участие в финансировании этих проектов на коммерческой основе», – заявил глава ЭБК Гази Абдул Джавад¹⁰.

Восстанавливаются торговые отношения Ливии с ее традиционными партнерами. Основной ее торговый партнер – Италия, которая за счет поставок из Ливии обеспечивает до 30% своих потребностей в нефти. В 1997 г. импорт из Италии составил 4460 млн. долл., экспорт в Италию – 1010 долл. Соответственно показатели для Германии 1314 и 513 млн. долл., для Великобритании – 239 и 381 млн. долл. Ливия добилась существенного улучшения отношений с Францией, выплатив ей 200 млн. фр.

(33 млн. долл.) в качестве компенсации родственникам погибших в авиакатастрофе самолета, следовавшего из Конго в Париж и взорвавшегося над Нигером в сентябре 1989 г. Президент Жак Ширак станет первым западно-европейским лидером, который побывает в Ливии с целью восстановления широких двусторонних отношений. В августе 1999 г. состоялся официальный визит в Ливию министра иностранных дел Италии Ламберто Дини. Великобритания и Ливия провели переговоры на высшем уровне, стремясь уладить разногласия, возникшие после убийства в Лондоне, как предполагают, ливийцами полицейского в 1984 г. Налаживаются внешнеэкономические связи Ливии с Европейским Сообществом (ЕС) в целом, о чем свидетельствует присутствие ливийских представителей в качестве наблюдателей на встрече европейских государств со странами Средиземноморья в 1998 г. в Штутгарте. Это открывает для Ливии перспективу быть охваченной программой ЕС «Средиземноморская инициатива», предусматривающей оказание финансовой помощи, а также заключение соглашений об ассоциации, равном членстве и тесное экономическое и политическое сотрудничество с ЕС¹¹. Триполи надеется получить от ООН гарантии, что США не будут расширять санкции против Ливии, а также снимут обвинения в «поддержке международного терроризма».

Вместе с тем, ожидаемого бурного наплыва иностранного капитала в экономику Ливии, вопреки ожиданиям ее руководства, не последовало. Как заявил один из западных дипломатов, «мы все еще имеем дело с жестко контролируемой и плохо управляемой экономикой»¹². Разумеется, после снятия санкций прошло слишком мало времени и руководство Ливии еще не успело выработать стратегию развития. Однако не исключено, что в условиях глобальной либерализации международных хозяйственных связей ей придется пойти на пересмотр избранного курса в сторону открытия национального рынка и большей ориентации национальной экономики на внешние связи.

¹ The Middle East Economic Digest, 18.06.1999.

² БИКИ. 02.02.1999 № 12; The Middle East Economic Digest, 10.04.1999.

³ Кутейб аль-Джайб аль-Ихсайи 1982. Аль-Джамахирия Аманат ат-Тахтыт, Тараблос 1984, с. 58.

⁴ См. *Смирнова Г.И.* Опыт ливийской революции. Преобразование социально-экономических и политических структур. М., 1992.

⁵ См. Арабский мир в конце XX в. М., 1998, с. 207.

⁶ The Middle East Economic Digest, 18.06.1999.

⁷ The Middle East Economic Digest, 14.05, 18.06, 24.09.1999.

⁸ The Middle East and North Africa. 1999, с. 811.

⁹ The Middle East Economic Digest, 22.10.1999.

¹⁰ The Middle East Economic Digest, 18.06.1999.

¹¹ Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 5, с. 158.

¹² The Middle East Economic Digest, 18.06.1999.

**ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ САХАРЫ:
ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ**

Западносахарский конфликт имел реальные шансы благополучно разрешиться в ходе референдума по вопросу о будущем политическом статусе Западной Сахары, который, по согласованию с основными конфликтующими сторонами – Марокко и фронтом ПОЛИСАРИО, должен был состояться 7 декабря 1998 г. Избирателям предстояло ответить на вопрос – согласны ли они, чтобы Западная Сахара вошла в состав Марокко или отдают предпочтение независимости.

Однако задолго до референдума многие аналитики и эксперты сходились в том, что его проведение будет перенесено на более поздний срок. В своих оценках они исходили из того, что, вероятно, участникам конфликта потребуется дополнительное время для поиска компромиссных решений. В частности, это касается наиболее сложной проблемы – идентификации выходцев из племенных групп, получивших по классификации Миссии ООН по референдуму в Западной Сахаре (МИНУРСО) индексы Н41, Н61 и J51/52, а также возможной корректировки общих принципов, формулы реализации миротворческого процесса. Не исключалось, что компромиссные решения будут временными, промежуточными, а не всеобъемлющими и окончательными.

Важно отметить, что основные конфликтующие стороны не ставят под вопрос саму основу решения западносахарской проблемы – идею референдума, так как негативное отношение к ней ставит под сомнение обоснованность притязаний Марокко или ПОЛИСАРИО в отношении Западной Сахары. Она полностью согласуется с решением такого авторитетного органа, как Международный суд в Гааге, который в октябре 1975 г. указал на приоритетное право жителей территории на самоопределение. Идея референдума также лежит в основе резолюции № 690 Совета Безопасности ООН от 19 апреля 1991 г., согласно которой была создана МИНУРСО. Обе конфликтующие стороны непосредственно участвуют в его подготовке, а сам процесс организации референдума протекает при патронаже ООН. Иными словами, формула решения многолетнего спора по вопросу о статусе Западной Сахары, предложенная в свое время всем его участникам и принятая ими, носит универсальный характер и, можно утверждать, прошла многолетнюю проверку временем. Все это существенно повышает шансы на мирное решение конфликта.

Важно отметить, что данная формула полностью согласуется как с международным правом, так и с практикой решения подобного рода проблем, включая проблему деколонизации территорий. Как хорошо известно, в прошлом вопрос о самоопределении той или иной территории решался именно путем референдума, позволяющим прямо реализовать бесспорное право народа, населяющего ту или иную территорию, на самоопределение.

Однако на пути практической реализации этой действительно универсальной формулы решения западносахарской проблемы накопились завалы и препятствия, преодоление которых, как оказалось, требует значительно больше времени, нежели то, которое было определено для организации референдума и его проведения 7 декабря 1998 г.

Круг основных проблем, стоящих на пути участников переговоров по решению проблемы Западной Сахары, можно условно разделить на две группы. К первой относятся проблемы, непосредственно влияющие на реализацию согласованной формулы о подготовке и проведении референдума. Прежде всего и главным образом это – расхождения между Марокко и ПОЛИСАРИО по вопросу об идентификации западных сахарцев, которое начало проявляться уже после того, как стороны согласовали основные элементы формулы политического решения проблемы. Вторая группа, тесно связанная с первой, представляет собой исторически «нижний» слой проблем, порожденных различным толкованием тех или иных событий доколониальной, колониальной и постколониальной истории Западной Сахары.

Различия в оценках отдельных исторических фактов в этом регионе существенны и они сохраняются. В практическом плане это означает, что стороны, прежде всего Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО, по-разному трактуют ключевой вопрос, от ответа на который зависит проведение референдума – о праве отдельных заявителей, число которых, по разным оценкам, колеблется от нескольких десятков до сотен тысяч, называться западносахарцами и быть включенными на этом основании в число участников референдума. Часть их принадлежит к тем или иным племенам, ранее населявшим территорию Западной Сахары и вынужденным в прошлом покинуть свои родные места по различным причинам (боевые действия, репрессии со стороны колониальных властей, стихийные бедствия и т.п.). Другая часть заявителей – переселенцы из Марокко, осевшие на территории Западной Сахары уже в постколониальный период, когда она была присоединена к королевству Марокко (в одностороннем порядке, как считают противники вхождения Западной Сахары в состав королевства).

Расхождения сторон в определении численности коренных жителей Западной Сахары, имеющих право голоса, были изначально достаточно велики. В ходе работы комиссии по идентификации национальной принадлежности заявителей расхождения в оценках численности западносахарцев между сторонами заметно сузились (и это также свидетельствует в пользу возможности политического решения проблемы), однако до сих

пор продолжают сохраняться и остаются камнем преткновения на пути политического решения проблемы. Согласно переписи, проведенной испанскими колониальными властями в 1974 г., коренное население Западной Сахары насчитывало около 75 тыс. человек. Фронт ПОЛИСАРИО придерживался и придерживается версии, согласно которой именно данные переписи наиболее точно и полно очерчивают круг участников референдума. Однако Марокко настаивало на другом подходе, требуя существенно расширить число участников. Рабат рассчитывает на расширение их числа прежде всего за счет переселенцев, перебравшихся на территорию Западной Сахары за те годы, когда она была под его контролем.

Неоспоримый исторический факт – за пределами территории проживали десятки тысяч беженцев, которые в разные периоды истории Западной Сахары по разным причинам покинули родные места. Марокко требовало включить в число участников голосования сначала 200 тыс., а затем примерно 170 тыс. человек, которых марокканские власти отнесли к коренным жителям территории. С другой стороны, в лагерях фронта ПОЛИСАРИО, расположенных в районе г. Тиндиф (Алжир), в 90-е годы проживало также порядка 170 тыс. беженцев, которые могли претендовать на участие в референдуме. После продолжительных маневров сторон вокруг проблемы идентификации, в результате которых мирный процесс зашел в тупик, состоявшиеся в Лиссабоне, Лондоне и, наконец, Хьюстоне (сентябрь 1997 г.) под эгидой бывшего госсекретаря США, специального представителя генерального секретаря ООН Дж.Бейкера переговоры позволили сблизить позиции сторон и прийти к соглашению, определившему рамок завершения процесса идентификации.

Согласно достигнутым договоренностям по формуле подготовки и проведения референдума, стороны признали право голоса лишь коренных западносахарцев и их потомков по прямой линии. Их число может существенно превысить ту цифру, которая была зарегистрирована в ходе переписи 1974 г., и на которой настаивает ПОЛИСАРИО как на базовой и исходной для определения основного круга участников референдума. Фронт опасался значительного расширения круга участников референдума, резонно предполагая, что оно может изменить баланс в пользу возможного решения о присоединении Западной Сахары к Марокко. Предположительно число участников референдума (после переговоров, прошедших под эгидой Дж.Бейкера) может составить от 130 тыс. до 190 тыс. человек. Наиболее вероятное их число – 150 – 160 тыс. Это, по оценкам ПОЛИСАРИО, может снизить его шансы на успех в ходе референдума.

Известно, что с 1992 г. к началу 1996 г. были идентифицированы около 102 тыс. человек. Оставалось идентифицировать еще около 60 тыс. и судьбу других 65 тыс. решить в соответствии с Хьюстоновскими соглашениями 1997 г. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в принципе техническая сторона основного вопроса западносахарского конфликта – об идентификации заявителей, решается и не является непреодолимым препятствием на пути проведения референдума. С ней

вполне справляются центры идентификации (их число выросло с начала 90-х годов с двух до восьми), действующие при участии конфликтующих сторон под контролем ООН. С такой оценкой совпадают и расчеты специалистов ООН, которые занимаются решением этой задачи в течение ряда лет и которые планировали, основываясь на достаточно профессиональных оценках ситуации, завершить процесс полной идентификации к 31 мая 1998 года. Можно отметить как несомненный прогресс то обстоятельство, что процесс идентификации близится к завершению. Однако в намеченные сроки он, тем не менее, завершен не был. По данным на 31 мая 1998 г., с декабря 1997 г. были идентифицированы 61 109 человек из 92 875, включенных в списки идентифицируемых в соответствии с согласованными принципами осуществления этой процедуры. Всего же с августа 1994 по 11 мая 1998 г. идентифицированы 121 221 человек. Таким образом, еще в начале 1998 г. были веские основания предполагать (если брать в расчет только техническую сторону), что вся операция по идентификации может быть завершена в 1999 г. или, в крайнем случае, в начале следующего.

Проблема, таким образом, заключается не столько в сложностях идентификации, которые нельзя отрицать и которые оказывают сдерживающее воздействие на весь ход урегулирования проблемы, но не служат непреодолимым препятствием для ее решения, сколько в расхождениях в оценках противоборствующих сторон. Помимо вышеупомянутых 170 тыс. беженцев, на идентификации которых настаивала каждая из них, Марокко выдвигало требование включить в списки еще 120 тыс. человек, переселившихся из Марокко за время присоединения к королевству территории Западной Сахары.

Отдельные эксперты отмечают, что требования сторон – максималистские и их признание в полном объеме вряд ли реально. В противном случае одна из них и вовсе может отказаться от ранее взятых на себя обязательств (в 1989 г. Фронт ПОЛИСАРИО подписал соглашение о прекращении боевых действий с Марокко, а в 1990 г. был принят план заселения территории Западной Сахары под контролем МИНУРСО). Очевидно, такой вариант не устраивал ни одну из сторон и были найдены важные спасительные компромиссные решения. (Однако найденные компромиссные решения не стали ни окончательными, ни всеобъемлющими. Как показал последующий ход событий, главным образом потому, что на заключительном этапе идентификации круг участников референдума мог существенно увеличиться, что изменило бы позиции сторон, прежде всего ПОЛИСАРИО.) Если бы этого не произошло, то ситуация, вероятно, изменилась бы в еще более худшую сторону, чем даже та, которая сложилась на конце 80-х годов, что вряд ли устраивало и Марокко, и ПОЛИСАРИО.

Дело в том, что за нерешенность западносахарской проблемы обеим сторонам, а это, если называть вещи своими именами – Марокко и Алжиру, поддерживающему фронт ПОЛИСАРИО, приходилось и приходится платить непомерную цену и в экономическом, и в политическом плане. По

имеющимся оценкам, каждый день боевых действий стоил королевству примерно 5 млн. долл. Алжиру поддержка фронта ПОЛИСАРИО стоила меньше, но тем не менее и она ложилась тяжелым бременем на его бюджет. Учитывая, что и Алжиру, и Марокко в 90-е годы приходится решать сложные проблемы экономического развития, обе страны не в состоянии продолжительное время финансировать военное противостояние в этом регионе. Более того, противоречия между ними ухудшают инвестиционный климат и сдерживают приток иностранных инвестиций, в которых они испытывают острую нужду. Противостояние блокирует также процесс интеграции в Арабском Магрибе, в углублении которого в сильной мере заинтересован Алжир, впрочем как и все другие североафриканские страны, включая Марокко. Необходимо отметить также, что из-за глубокого системного кризиса, который поразил все алжирское общество, находящееся, по сути, уже несколько лет на грани гражданской войны, страна испытывает потребность в том, чтобы избежать весьма реальной и возможно катастрофичной по своим последствиям войны на два фронта – на внутреннем (с экстремистами, выступающими под знаменем ислама), и внешнем (с Марокко из-за спора по Западной Сахаре).

Вместе с тем, Алжир и его союзник – ПОЛИСАРИО вряд ли могут быть в полной мере удовлетворены и состоянием «ни войны, ни мира», последовавшим после подписания сторонами соглашения о прекращении огня. Дело в том, что Марокко не только сохранило свое присутствие в Западной Сахаре, но и продолжает экономическое освоение территории, прежде всего богатых залежей фосфатов, других природных ресурсов. Более того, марокканские власти постепенно формируют и укрепляют местные административные институты и политические структуры из числа своих сторонников. Хотя значение и роль их пока, по понятным причинам, не столь велики, чтобы безусловно гарантировать вхождение Западной Сахары в состав королевства, тем не менее они становятся растущим фактором внутривнутриполитической жизни этой территории. Иными словами, при всех экономических и политических издержках, которые несет королевство в нынешней ситуации, время скорее работает на него, а не на его соперников.

Вместе с тем, для Марокко легитимный, признанный мировым сообществом вариант решения проблемы Западной Сахары путем референдума, но, разумеется, с благополучным финалом, наиболее предпочтителен. К этому его подталкивает не только факт признания в прошлом Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) 75 государствами (10 из них впоследствии изменили свое отношение к акту признания, а два государства из этой группы – прекратили свое существование в прежнем виде). Анализ основных исторических вех в отношениях между Марокко и племенами, населявшими и населяющими Западную Сахару, дал основания многим экспертам предположить, что претензии королевства на эту территорию вызывают, по меньшей мере, серьезные сомнения, что подтверждено вышеупомянутыми решениями суда в Гааге и СБ ООН. Этими

решениями подведена окончательная черта под определением «бесспорных» юридических прав Марокко на Западную Сахару. Изменить сложившееся положение легитимным путем можно лишь через референдум о самоопределении населения территории, с проведением которого согласны и Марокко, и ПОЛИСАРИО.

При этом другие, не менее весомые обстоятельства также влияют на положительное отношение Марокко к процедуре референдума. Во-первых, позиция США, стремящихся урегулировать на легитимной основе этот конфликт по ряду причин, в особенности после того, как его идеологические мотивы отпали с окончанием эры «холодной войны». Среди них – укрепить внешнеполитические позиции Марокко, одного из основных партнеров США в регионе и на Африканском континенте, ликвидировать конфликт между Марокко и Алжиром (последний все более становится важным экономическим партнером США в североафриканском регионе и рассматривается ими как важный элемент региональной и более широкой системы – международной безопасности), сузить возможности для нелегальной торговли оружием и наркотиками и т.д. Во-вторых, возросшее стремление Европейского Союза (ЕС) положить конец конфликту в регионе, который находится в непосредственной от него близости. Кроме того, продолжающийся конфликт заметно ослабляет его новую интеграционную политику в районе Средиземноморья. В-третьих, при всех обстоятельствах только легитимное решение по Западной Сахаре, а референдум под эгидой ООН таковым и является, обеспечивает оптимальный вариант политической и хозяйственной интеграции территории с Марокко. При этом отпадает и возможность соперников переиграть ситуацию, поскольку имеется согласие ПОЛИСАРИО на именно эту форму и процедуру окончательного решения проблемы.

Особо следует сказать о позиции ООН, ее генерального секретаря и МИНУРСО, на которую с 1991 г. возложены обязанности наблюдения за прекращением огня и осуществления контроля за подготовкой проведения референдума. ООН несет значительные расходы по урегулированию ситуации вокруг Западной Сахары и, очевидно, по мере продвижения к завершению процесса идентификации ее позиция, выраженная генеральным секретарем ООН, будет ужесточаться в сторону неприятия любых неоправданных отсрочек, связанных с поиском односторонних выгод и преимуществ, скорейшего окончания определения контингента участников референдума и его проведения.

Таким образом, объективно в основных аспектах позиции Марокко, США, Евросоюза и ООН по разрешению западносахарского конфликта до последнего времени были близки или совпадали: завершить идентификацию на принципах, согласованных в 90-е годы между самими участниками конфликта, включая Хьюстоновские соглашения, и провести в ближайший период референдум. Это также повышало шансы на политическое решение проблемы.

Однако некоторые аналитики и эксперты отмечали, что в последний период у фронта ПОЛИСАРИО усиливался прямо противоположный подход после того, как число идентифицированных западносахарцев – заявителей превысило 80 тыс. человек. Это, как отмечалось выше, связано с нарастающей неуверенностью ПОЛИСАРИО в итогах голосования, для чего, вероятно, у Фронта имелись веские причины.

Что касается Марокко, которое в военном отношении контролирует территорию, то оно в состоянии обеспечить проведение референдума, если это решение будет в той или иной форме подтверждено ООН. Критика, порой жесткая, со стороны Рабата в отношении действий МИНУРСО или Дж.Бейкера как односторонних вряд ли говорит об изменении его позиции – Марокко сохраняет заинтересованность в проведении референдума.

Некоторые аналитики отмечали, что лидеры ПОЛИСАРИО в последние годы стоят перед нелегким выбором – либо до завершения процесса идентификации объявить о несогласии с ходом идентификации и действиями МИНУРСО и, возможно, о приостановке участия в миротворческом процессе, либо смириться с создавшейся ситуацией и попытаться обговорить некоторые уступки под свое согласие довести миротворческий процесс до его логического завершения. Однако отход от идеи референдума грозит многими негативными последствиями – конфликтом с МИНУРСО – ООН, другими сторонами, заинтересованными в скорейшем решении проблемы Западной Сахары, что неизбежно ослабит, если не подорвет окончательно международные позиции фронта ПОЛИСАРИО – ведь САДР так и не признана большинством государств мира. Не исключен и такой вариант, когда референдум может быть проведен и без согласия ПОЛИСАРИО. Во-первых, большинство предполагаемого контингента участников голосования уже идентифицировано при участии ПОЛИСАРИО и легитимность решения о завершении всей процедуры на основе ранее согласованных при участии ПОЛИСАРИО принципах может быть подтверждена тем или иным способом дополнительно. Во-вторых, отказ ПОЛИСАРИО признать результаты работы МИНУРСО, промежуточные или окончательные, должен иметь под собой более чем веские и убедительные основания, а их «найти» трудно, если не невозможно. По крайней мере, уже идентифицированные с участием ПОЛИСАРИО на конец мая 1998 г. свыше 121 тыс. западносахарцев выглядят как вполне полновесная база для проведения голосования.

Если бы ПОЛИСАРИО все же вышел из миротворческого процесса, а ООН отозвала свою миссию, то Марокко, несомненно, получило бы дополнительные очки в отстаивании своей позиции фактического присоединения Западной Сахары, упирая на то, что и столь авторитетная организация, как ООН, не смогла за довольно длительный период – на протяжении 90-х годов – разрешить конфликт между его участниками. При этом не исключалось, что местная администрация в Эль-Аюне (административный центр Западной Сахары) могла объявить в одностороннем порядке о под-

готовке, а затем и о проведении на основе списков, подготовленных при участии МИНУРСО, «референдума», результаты которого не сложно предугадать, что могло еще более осложнить положение ПОЛИСАРИО.

В создавшейся ситуации взаимоприемлемым решением, которое могло бы в наибольшей степени сблизить позиции сторон и создать условия для оптимального компромиссного решения, мог бы стать поворот участников конфликта к такому варианту, при котором ПОЛИСАРИО продолжало бы участвовать в миротворческом процессе на ранее согласованных принципах, а Марокко гарантировало бы Западной Сахаре широкую автономию и реальное участие ПОЛИСАРИО в политической жизни автономии.

Это не только предполагало соблюдение минимальных интересов ПОЛИСАРИО – последнему при любом варианте политического урегулирования обеспечено место в политической жизни Западной Сахары, он и имел ряд неоспоримых преимуществ для Марокко. Во-первых, Рабат, как отмечалось ранее, наиболее заинтересован в полномасштабном легитимном варианте присоединения Западной Сахары, который возможен лишь при участии в политическом урегулировании фронта ПОЛИСАРИО. Во-вторых, после того, как число идентифицированных западносахарцев (значительно) перевалило за 80 тыс., Марокко существенно увеличило свои шансы на благоприятный исход голосования, когда бы оно не состоялось. В-третьих, если Западная Сахара войдет в состав Марокко в результате реализации той или иной формулы политического урегулирования, Рабату, да и не только ему, по ряду причин выгодно интеграция ПОЛИСАРИО в политическую жизнь территории, нежели его нахождение за ее пределами в качестве оппозиционной военно-политической силы, которая при том или ином изменении ситуации может вернуться к линии на противостояние с Марокко, включая вооруженную борьбу.

Наряду с уже отмеченными, данный вариант содержит и другие благоприятные для ПОЛИСАРИО стороны: при его реализации сохраняются шансы на положительные для фронта ПОЛИСАРИО итоги референдума (когда бы он ни был проведен), последний получает возможность избежать обвинений в непоследовательности, отказе от ранее взятых на себя обязательств, в уклонении от сотрудничества с ООН в проведении в соответствии с международной общепризнанной практикой процедуры самоопределения и т.д.

Однако у данного варианта есть и свои слабые стороны. Главная из них состоит в том, что его реализация может быть сорвана силами, не заинтересованными в полномасштабном урегулировании конфликта. Учитывая, что каждая из сторон частично опирается на радикально-националистически настроенные силы, решение проблемы даже на основе компромисса (не говоря уже о победе на референдуме, в особенности с ощутимым перевесом голосов) может спровоцировать и «раскрыть» новую волну противостояния, которая может если не разрушить, то подорвать результаты многолетних миротворческих усилий. В таком исходе заинте-

ресован определенный спектр довольно влиятельных политических сил в странах региона.

Нельзя закрывать глаза и на то, что каждая из сторон сделала очень высокие ставки в конфликте вокруг Западной Сахары и вопрос о том, как отзовутся итоги референдума на их положении в 1998 г. оставался открытым.

Учитывая вышесказанное, а также то обстоятельство, что в 1998 – 1999 гг. все еще сохраняли свое значение факторы, способные обострить ситуацию вокруг западносахарской проблемы, ее урегулирование при тех или иных вариантах решения, развитие миротворческого процесса прошло бы значительно мягче, если бы стороны согласились на некоторый переходный период, своего рода дипломатическую, политическую передышку, которую могли дать изменение сроков проведения референдума и корректировка формулы окончательного решения проблемы, более полно учитывающей интересы конфликтующих сторон. Такой подход позволил бы и международным организациям, прежде всего ООН, и самим участникам конфликта предпринять дополнительные шаги, чтобы сгладить возможные обострения ситуации, в том числе при тех или иных результатах голосования, и не допустить вспышки нового противостояния.

Как известно, дата референдума была перенесена с 7 декабря 1998 г. на более поздний срок.

**ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ТУРЦИИ 1994 г.
И РОССИЙСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС 1998 г.:
АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ В ПРИЧИНАХ И СЛЕДСТВИЯХ**

Кризис, поразивший российскую экономику во второй половине 1998 г., анализировался, в том числе, и через проведение аналогий с кризисными потрясениями в экономике тех или иных стран в различные периоды времени. При этом упоминался и известный как проблема османского долга отказ Османской империи в 1875 г. от уплаты своих внешних долгов. Однако более актуальным представляется проведение аналогий между кризисными явлениями в российской экономике и финансово-экономическим кризисом, пережитым Турцией в 1994 г., хотя бы по той причине, что и в первом и во втором случае их первопричиной оказались значительные размеры бюджетных дефицитов, к финансированию которых активно привлекались краткосрочные иностранные займы. Вместе с тем, наблюдаются и заметные отличия в причинах и следствиях применения мягкой денежной политики в двух странах.

Относительно успешная политика финансовой стабилизации, проводившаяся в Турции в начале 80-х годов в период правления военных, вновь сменилась усилением инфляционного фона развития экономики после передачи власти в руки гражданского правительства. Успех правящей Партии Родины на выборах 1987 г. представился сформированному ею правительству подходящим моментом для ужесточения фискальной политики и обуздания инфляции. Однако сложившиеся за предыдущие годы устойчивые инфляционные ожидания хозяйственных агентов привели экономику страны в состояние стагфляции: на фоне продолжавшегося роста инфляции заметно упали темпы экономического роста. Выход из экономического тупика правительство надеялось найти посредством обращения к стимулирующей фискальной политике, что означало опережающий рост государственного потребления по сравнению с ростом валового продукта (см. табл. 1).

Таблица 1

**Индексы роста государственного потребления
и ВВП Турции**

Год	Индекс роста государственного потребления (в ценах 1993 г.)	Индекс роста ВВП (в ценах 1987 г.)
1985	100	100
1986	110	107
1987	107	117
1988	109	117
1989	134	121
1990	167	132
1991	188	133
1992	207	141
1993	224	152
1994	192	143
1995	202	154

Составлено по: ИАЭ. *Белоусова Т., Илларионов А., Макина М., Пивоварова Н.* Россия в меняющемся мире. М., 1997, с. 270; Türkiye istatistik yıllığı 1995, с. 668.

В результате чуть ли не впервые с начала десятилетия в 1989 г. был отмечен рост реальной заработной платы в государственном секторе, который практически синхронно был подкреплён и аналогичной тенденцией на рынке труда в частном секторе. Таким образом, если ранее воспроизводство из года в год дефицита консолидированного бюджета рассматривалось как неудача фискальной политики правительства, то с 1989 г. рост государственного потребления на фоне роста бюджетных дефицитов становится сознательной финансово-экономической политикой правящих кругов. Дефицит консолидированного бюджета, исчислявшийся в 1988 г. 3% ВВП в 1993 г. составил 6,7%¹. Одновременно возник и вопрос о методах финансирования дефицита, по возможности неинфляционных в краткосрочном периоде и при ограничении использования внешних займов по каналам правительства. Речь шла о расширении заемной деятельности правительства на внутреннем рынке. Переход к стимулирующей фискальной политике в Турции по времени совпадает с завершением процесса либерализации финансового рынка, в результате которого в 1989 г. нерезиденты получили неограниченное право на совершение операций с местными ценными бумагами, а также на вывоз из страны любой суммы в иностранной валюте.

Турецкий экономист Медике Алтынкемер отмечает, что уже с 1989 г. иностранные инвесторы проявляли интерес к покупке государственных ценных бумаг и лишь в 1992-1994 гг. их портфель был диверсифицирован за счет роста покупки ценных бумаг частного сектора². В целом же чистый объем портфельных инвестиций имел довольно неустойчивую динамику и лишь в 1992-1993 гг. заметно вырос, составив соответственно 2,4 млрд. и 3,9 млрд. долл.³ Однако основную роль в размещении ценных государственных бумаг, особенно коротких, призваны были сыграть турецкие банки.

Не полагаясь на их собственные средства, правительство в ряду мер по либерализации финансового рынка предусмотрело и меры, предоставлявшие национальным банкам практически полную свободу в использовании иностранных кредитов. Таким образом, как пишет турецкая исследовательница экономист Оя Джеласун в своей работе «Валютный кризис 1994 г. в Турции», в условиях официального курса на ограничение использования государством внешних кредитов, функция осуществления краткосрочных внешних займов была передана частным банкам, которые и выступали основными покупателями правительственных долговых инструментов⁴.

Ориентация на расширение внутреннего рынка через рост государственного потребления, которое имело в виду финансировать за счет дальнейшего увеличения масштабов заемной деятельности государства, очевидно, принципиально не предполагала параллельного увеличения налогового бремени. Комментируя подобную экономическую ситуацию Р.Макконелл и Л.Брю отмечали: «...фискальная политика, ориентированная на борьбу с безработицей (читай, на расширение внутреннего рынка, – Н.У.) предусматривает рост правительственных расходов и **сокращение налогов**, то есть бюджетные дефициты»⁵. Таким образом, можно предположить, что на протяжении рассматриваемого периода значения коэффициента эластичности налогов могли оказаться меньшими единицы. Общие суммы налоговых сборов за 1986-1995 гг. приведены ниже⁶:

1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
1,5	1,1	0,8	1,0	1,2	1,2	1,1	1,1	1,3	0,9

Следовательно, проведение стимулирующей фискальной политики в Турции с конца 80-х годов осуществлялось в сочетании с относительно щадящей для государственных финансов налоговой политикой, которая может быть охарактеризована как политика консервации сложившейся налоговой системы без пересмотра в сторону облегчения налогового бремени, но и без реальных претензий правительства на его увеличение. В результате налоговые сборы росли в соответствии с темпами экономического роста или даже незначительно их опережая. Последнее обстоятельство обеспечило незначительное повышение отношения собираемых налогов к ВВП (%)⁷:

1987 г.	1988 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
12,0	10,9	11,6	12,7	13,0	13,3	15,1

При этом масштабы налогового перераспределения оставались ниже уровня, рекомендуемого Мировым банком для стран с рыночной экономикой и показателем подушевого ВВП, достигнутым Турцией в первой половине 90-х годов (около 3 тыс. долл.).

Благоприятная налоговая ситуация в сочетании с высоким уровнем монетизации и выплатой высоких доходов держателям государственных долговых обязательств способствовала росту сберегающей способности частного сектора, а привлечение через банки внешних кредитов для покупки

государственных ценных бумаг позволило смягчить наблюдаемый в подобных ситуациях эффект вытеснения. К тому же и расширение внутреннего рынка стимулировало инвестиционную активность. В результате первая половина 90-х годов была отмечена повышением нормы валовых инвестиций в частном секторе до 17-20% против 13% в середине 80-х годов⁸. Итогом отмеченных тенденций стало поддержание в 1989-1993 гг. довольно высоких темпов экономического роста, превышавших 5%⁹. Однако, как признается в турецких официальных экономических изданиях, данный экономический рост базировался на нездоровых финансовых источниках¹⁰.

С конца 80-х годов в Турции происходит и ревизия политики валютного курса: если ранее темпы девальвации опережали темп роста цен в стране, то в новых условиях валютная политика может быть оценена как политика «утяжеления» лиры. По оценкам Оя Джеласун, в 1989-1990 гг. завышение реального курса лиры составляло не менее 20%¹¹. В условиях значительной степени несбалансированности бюджета приток средств иностранных инвесторов, привлекаемых высокими процентами по государственным краткосрочным заемным обязательствам, позволяет на какое-то время удерживать более высокий курс национальной валюты. С другой стороны, «в условиях экономической ситуации, которая характеризуется наличием короткого государственного долга и высокой долей нерезидентов (или внешних кредитов, – *Н.У.*) на этом рынке, любые попытки изменения курсовой политики вызывают массовый отток инвесторов с финансовых рынков, рост процентных ставок, увеличение спроса на валюту,... повышение риска резкой девальвации»¹².

Удешевление национальной валюты незамедлительно сказаться на росте турецкого импорта и увеличении внешнеторгового дефицита, который практически удвоился в 1990 г. и продолжал расти в последующие годы. Связанное с ним дальнейшее обострение проблемы баланса текущих операций выступало одним из дополнительных факторов ожидания девальвации национальной валюты. Однако позитивом этой ситуации являлось то обстоятельство, что основное место в структуре импорта Турции занимают сырье, инвестиционные и промежуточные товары. Поэтому рост импорта означает расширение ввоза факторов производства и поддержание темпов экономического роста, что в действительности имело место в этот период.

Результаты изменения валютной политики в сочетании с отказом правящих кругов от дальнейшего применения мер по прямому субсидированию экспортеров на фоне проведения стимулирующей фискальной политики в работах турецких экономистов появились выводы о том, что политика экспортноориентированного роста, проводившаяся в стране в начале-середине 80-х годов, была замещена ростом за счет расширения внутреннего рынка и импортом краткосрочного капитала¹³.

Ограниченные возможности экономического роста за счет роста государственного потребления выявляются в ходе анализа расходных статей консолидированного бюджета Турции за рассматриваемый период¹⁴. При

этом выявляются следующие наиболее важные тенденции: заметный рост демонстрировал удельный вес такой статьи, как текущие расходы консолидированного бюджета, причем ее рост коррелируется с увеличением именно «персональных» расходов, т.е. с выплатой зарплаты государственным служащим. На протяжении 1990-1993 гг. текущие расходы удерживались на беспрецедентно высоком уровне за весь период 80-90-х годов, колеблясь в пределах 42,2-51,5% суммарных расходов. Доля зарплаты достигала максимального значения в структуре расходов консолидированного бюджета в 1992 г. – 42,4% против 23,6% в 1988 г.

Активизация заемной деятельности государства в условиях проведения экспансионистской фискальной политики обусловила удержание на высоком уровне, а с 1993 г. и заметный рост трансфертных расходов, в первую очередь связанных с обслуживанием долговых обязательств государства. (Следует обратить внимание, что в структуре расходов бюджета учитываются только процентные выплаты по государственному долгу.) В 1993 г. доля трансфертов в структуре расходов консолидированного бюджета достигла 46,8%. Это следует связывать с тем обстоятельством, что и процентные выплаты возрасли до 33,2%.

Оказавшись как бы в значительно суженном финансовом пространстве между ростом текущих расходов и трансфертных выплат заметную тенденцию к снижению своего удельного веса в структуре расходов консолидированного бюджета демонстрируют государственные инвестиции: в 1993 г. их удельный вес снизился до 11% против 17% в 1988 г. Таким образом, следует признать, что именно после 1989 г. произошла решительная переориентация государства с осуществления инвестиционных программ (государственного предпринимательства) к использованию преимущественно фискальных методов регулирования экономики, хотя последствия подобных изменений следует оценивать как довольно противоречивые.

Используемая в последние годы система построения бюджета Турецкой Республики близка к системе, используемой в США, при которой бюджет изначально несбалансирован, т.е. и дефицит, и источники его финансирования вынесены за бюджетные рамки. Основные источники его финансирования – внешние и внутренние займы, долгосрочные и краткосрочные. Последние подразделяются на ту часть, которая привлекается за счет выпуска краткосрочных обязательств казначейства (казначейских облигаций) и часть, обеспечиваемую кредитами Центрального банка Турецкой Республики (ЦБТР). При этом все виды кредитов, предоставленных правительству, не рассматриваются в качестве доходов бюджета, а погашение основной суммы задолженности – в качестве расходов. Это означает, что обороты рынка ценных государственных бумаг, как и кредиты ЦБТР сальдируются: выручка от новых выпусков и займов уменьшается на величину суммы, используемой на погашение старых. Интересно проанализировать соотношение основных источников финансирования бюджетного дефицита в конце 80-х начале 90-х гг. (см. табл. 2):

Таблица 2

**Структура финансирования дефицита
консолидированного бюджета Турции, %**

Займы (сальдо)Годы	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Внешние	-4	0	6	7	16	-44	-28	-13	-21
Внутренние	73	64	7	26	24	-46	29	47	70
долгосрочные									
Краткосрочные	19	19	70	70	60	195	99	66	47
Авансы ЦБ	6	3	32	29	42	34	32	21	
Выпуск казначейских облигаций	13	16	38	40	18	161	67	45	
Прочие	12	17	17	-3	-1	-5	-0,1	-0,1	4

Составлено и подсчитано по: DTM. Başlıca ekonomik göstergeler, Aralık 1996, с. 83; DTM. Başlıca ekonomik göstergeler, Ocak 1999, с. 83.

Первая половина 90-х годов охарактеризовалась такими важными тенденциями, как заметное увеличение доли краткосрочных займов в структуре финансирования дефицита консолидированного бюджета, что неизбежно следовало из общей напряженности бюджетной ситуации в стране, т.е. хронического воспроизводства дефицита при том, что единственным источником его покрытия выступали новые займы. Это означает, что по существу государство прибегло к возведению финансовой пирамиды, повышая размеры выплат по своим ценным бумагам и сокращая сроки их погашения. Заметное увеличение доли процентных выплат в структуре бюджетных расходов в 1993 г., очевидно, вынудило правительство пойти на сокращение объема выпуска дорогостоящих краткосрочных казначейских облигаций и снизить их доходность. Изменение приоритетов в заемной деятельности государства означало неизбежность более широкого использования кредитов ЦБТР. Результатом стало усиление инфляционных процессов, повышение спроса на долларовые активы и актуализация девальвации турецкой лиры, т.е. экономика страны оказалась в преддверии кризиса, который реально разразился в начале 1994 г.

Более подробная картина развития кризиса приводится в упомянутой выше работе Оя Джеласун. Она отмечает, что в 1989-1993 г. в Турции наблюдался неуклонный рост потребности госсектора в дефицитном финансировании. Его объем особенно заметно вырос в 1992 г, что следует связывать с увеличением обязательств государства по обслуживанию ранее накопленного долга. Итак, в 1992 г. правительство уже начало ощущать сложность обслуживания внутреннего долга: за первые шесть месяцев года оно использовало всю сумму краткосрочных займов, которую могло получить от ЦБТР в течение года, и попыталось перейти к использованию долгосрочных долговых инструментов. Одновременно оно отказалось от стратегии ограничения внешних займов суммой, необходимой для погашения основной части долга, разместив на внешних финансовых рынках свои долговые обязательства на сумму 1 млн. долл. Во вто-

рой половине 1992 г. правительство вынуждено было пойти на новый выпуск трехмесячных казначейских облигаций и прибегнуть к дополнительной эмиссии внешним займам на 1,5 млрд. долл.

В первые шесть месяцев 1993 г. правительство уже в полной мере столкнулось с трудно выполнимой задачей по обслуживанию долговых обязательств, выпущенных в 1992 г. Тем не менее, Казначейство заявило о намерении добиваться снижения процентных ставок и осуществлять заемную деятельность на относительно долгосрочной основе. С этой целью был повышен доход по долговым инструментам с более длительными сроками погашения. Одновременно еще 1,7 млрд. долл. было привлечено с внешних рынков, и наполовину использован объем краткосрочных авансов ЦБТР.

В 1993 г. на политической сцене Турции произошли важные изменения: в июне премьер-министром страны стала Тансу Чиллер. Новое правительство в качестве одной из основных целей провозгласило снижение тяжести выплат, связанных с обслуживанием государственного внутреннего долга, а в качестве средства достижения объявленной цели было избрано снижение процентного дохода по краткосрочным казначейским бонам. Как отмечает О.Джеласун, подобная политика скорее напоминала атаку на симптомы болезни, чем на ее причины. Попытка снижения доходности государственных долговых обязательств при столь значительной потребности системы государственных финансов в дефицитном финансировании была весьма опасной.

Желание сократить расходы по обслуживанию внутреннего долга заставило правительство перенести акцент в покрытии дефицита на средства ЦБТР. В соответствии с законами, принятыми в августе и октябре 1993 г., объемы краткосрочных авансов ЦБТР Казначейству были увеличены. Казначейство не только использовало весь объем выделенных ресурсов до конца 1993 г., но и израсходовало свыше половины объема займов ЦБТР на 1994 г. всего лишь за три первые недели начавшегося года. Таким образом в конце 1993 – начале 1994 г. в каналы обращения было закачен большой объем дополнительных ликвидных средств, что означало усиление давления на валютные резервы ЦБТР.

Во второй половине 1993 г. Казначейство продолжало выпуск и своих долговых обязательств, стремясь, однако, при этом сократить объем выпуска трехмесячных облигаций. Доходность по всем видам долговых обязательств государства была снижена, особенно заметно она упала именно по трехмесячным облигациям. Одновременно на внешних рынках была занята дополнительная сумма в 2 млрд. долл. В последнем квартале 1993 г. Казначейство стало прибегать к практике отмены результатов аукционов по размещению своих долговых обязательств, особенно с короткими сроками погашения, в виду того, что реализовать их удавалось только при условии повышения их доходности сверх предусмотренного уровня. На аукционе в декабре 1993 г. торги проводились лишь по ценным бумагам со сроком погашения не менее одного года. Все это преследовало одну

цель – увеличить сроки погашения долговых обязательств и по возможности снизить объем процентных выплат по ним. В результате упал спрос на государственные ценные бумаги на фоне все возраставшей монетизации дефицита государственных финансов. Казначейство, аннулируя в ноябре 1993 г. результаты аукциона по причине слишком высоких процентов, под которые оказалось возможным разместить его долговые обязательства, вернулось к проведению торгов в январе 1994 г. Поскольку лимит кредитов ЦБТР был уже исчерпан до середины 1994 г. оно было вынуждено согласиться на выплату более высокого дохода по своим обязательствам, чем в конце 1993 г.: максимально 94 % годовых против 73% в ноябре. Тем не менее, спрос на казначейские облигации по-прежнему оставался весьма низким. Бюджет 1994 г. не включал мероприятий по финансовой стабилизации, укрепляя инфляционные ожидания и предопределяя смещение спроса на внутреннем рынке в пользу активов в иностранной валюте. В результате рынок внутреннего кредита отсутствовал в Турции до мая 1994 г., когда Казначейству удалось возродить его ценой беспрецедентно высоких доходов по своим обязательствам – порядка 400 % годовых.

Возвращаясь к ситуации начала 1994 г., О.Джеласун отмечает, что с распадом рынка внутреннего кредита перестал действовать и механизм, благодаря которому коммерческие банки активно привлекали внешние кредиты, чтобы использовать их для покупки казначейских бон и обеспечить себе сверхприбыль на операциях с государственными бумагами. В то же время перенасыщение каналов национальной валютой, полученной за короткие сроки казначейством в форме авансов ЦБТР, при низком спросе на нее привели к спекулятивным атакам на турецкую лиру. В начале 1994 г. девальвация турецкой лиры проводилась неоднократно на 16,6, 18 и 35%. В результате если курс турецкой лиры в январе 1994 г. по отношению к доллару составлял 15 тыс., то в апреле он достиг 35 тыс.

К концу 1993 г. турецкие банки имели значительный объем открытых валютных позиций, достигавший, по некоторым оценкам, почти 5 млрд. долл. В условиях начавшейся девальвации турецкой лиры банки принялись срочным образом покупать валюту, чтобы по возможности с меньшими потерями закрыть свои обязательства по краткосрочным иностранным кредитам. ЦБТР вынужден был пойти на неоднократные дорогостоящие интервенции как до, так и после официальных девальваций. Тем самым он оказал значительную поддержку национальным банкам, придав постепенный характер девальвации и продавая им свои валютные резервы по цене, значительно ниже рыночной. В результате банкам удалось закрыть свои краткосрочные валютные позиции, но ЦБТР лишился почти половины своих резервов – в августе 1993 г. они оценивались в 5,8 млрд. долл., а в апреле 1994 г. – они незначительно превышали 3,2 млрд. долл.¹⁵

Ситуация усугублялась массовым оттоком из турецких банков депозитов как в турецких лирах, так и валютных, что поставило в сложное по-

ложение три небольших коммерческих банка, доля которых в суммарных депозитах банковской системы не превышала 1%. В результате в апреле 1994 г. ЦБТР объявил, что гарантирует возвратность полной суммы по всем вкладам¹⁶. Данная мера помогла эффективно остановить отток банковских депозитов.

Заметим, что постепенное развитие валютно-финансового кризиса в экономике Турции происходило на фоне остававшегося не слишком высоким показателя отношения внутреннего долга к ВВП: в 1989-1993 гг. он колебался в пределах 14,4-18,2%¹⁷, что объясняется высокой долей краткосрочных обязательств.

Российский кризис. Что касается российского кризиса 1998 г., то по единодушному мнению российских экономистов его фундаментальной причиной также явился бюджетный дефицит, который определяется как «ключевая проблема» посткоммунистической России. При этом отмечается, что авторитарные режимы, отрицающие гражданские права и парламентский контроль за бюджетом, могут позволить себе концентрировать в руках государства гораздо большую долю ресурсов, нежели при демократическом правлении. Именно такая ситуация сложилась в коммунистических странах, и именно поэтому все они, вступив на путь рыночной демократии, столкнулись с проблемой снижения бюджетной нагрузки или, иными словами, сокращения социальных обязательств государства.

Новые для России закономерности функционирования системы государственных финансов выражаются в наличии устойчивой связи между уровнем экономического развития страны и уровнем обязательных налоговых изъятий. Однако Россия будучи по уровню экономического развития одной из последних в ряду демократических государств, по бюджетной нагрузке находится на уровне США. «Эта нагрузка, – пишет В. Мау, – практически невыносима для страны, экономические агенты которой являются одновременно и политическими агентами (избирателями)»¹⁸. В настоящее время ее уровень составляет около 30% ВВП¹⁹. Далее В. Мау обращает внимание на политический характер бюджетного кризиса в России, но не потому, что у правительства не хватает воли бороться с сокрытием налогов и налоговыми недоимками (с 1992 г. в России наблюдалось существенное снижение доходов бюджета), а потому, что он отражает «несовместимость демократического режима, высокой доли изъятия доходов в государственный бюджет и невысокого уровня экономического развития страны»²⁰. Поэтому ключевым моментом балансирования бюджета должно стать не улучшение собираемости налогов, а реструктуризация доходов, включая их сокращение.

Кстати, длительная приверженность Турции политике макроэкономического популизма также во многом объясняется политическими факторами, и именно, затянувшимся периодом неустойчивости политической власти в стране, что позволило одному из ведущих бизнесменов страны Рахми Кочу заявить, что проблема Турции – не экономика, а политика²¹.

На практике сокращение бюджетных расходов в России происходило крайне медленно и было совершенно недостаточным для установления бюджетного равновесия. Уменьшение расходов, неизбежное в условиях снижения бюджетных доходов, осуществлялось не на основе бюджетных реформ и сокращения сети бюджетных учреждений, а путем увеличения задержек заработной платы. Недостаточность мер по сокращению государственных расходов обусловила необходимость расширения заемной деятельности государства. Начиная с 1995 г. стал быстро нарастать внутренний государственный долг. К середине 1998 г. его отношение в ВВП достигло 25,6%²². Однако в России обращение правительства к широко-масштабной заемной деятельности никак не повлияло на расширение внутреннего рынка, задача сводилась к изысканию средств для удержания от дальнейшего падения снизившейся в результате неплатежей покупательной способности работников бюджетных учреждений и предприятий. Таким образом, если в Турции имелось в виду за счет заемной деятельности государства расширить его потребление при сохранении прежнего уровня налогового перераспределения, то в России государственные займы были нацелены на компенсацию налоговых недоимок, точнее – на компенсацию падения налоговых доходов бюджета в рамках «неадекватных бюджетных притязаний властей». Речь шла о предотвращении дальнейшего сокращения государственного потребления в условиях сохранения обширной бюджетной структуры.

Низкий уровень монетизации обусловил невысокий уровень внутренних сбережений в Российской Федерации. К тому же налоговая ситуация и сузившийся внутренний рынок далеко не стимулировали инвесторов рассматривать в качестве достойной альтернативы высокодоходным сделкам на финансовом рынке реальный сектор экономики. Поэтому рост внутреннего долга не сопровождался даже на начальном этапе сколько-нибудь заметным оживлением темпов экономического роста.

Ситуация, при которой государственные заимствования требовали значительно больше ресурсов, чем составляла величина внутренних ликвидных сбережений, предопределила появление решения о допуске нерезидентов на рынок внутреннего долга. Казалось бы и в этом отношении складывалось положение схожее с тем, которое наблюдалась в Турции в 1989 г. Однако, во-первых, в Турции рост сбережения частного сектора привел к тому, что их объем в первой половине 90-х годов не менее, чем в 2 раза превышал общую потребность госсектора в дефицитном финансировании²³, а привлечение иностранных инвесторов на турецкий рынок позволило еще более снизить и без того сравнительно небольшой по сравнению с Россией уровень конвертации внутренних сбережений в государственные займы. В России средства нерезидентов исполняли только роль расширения источников государственного кредитования в условиях ограниченности внутреннего финансового рынка. В апреле 1998 г. доля нерезидентов составляла около 28% российского рынка²⁴. По состоянию на 1997 г. государственная финансовая пирамида приблизительно на 60%

держалась на плечах нерезидентов²⁵. Эксперты направления макроэкономики и финансов Института экономических проблем переходного периода (ИЭППП) отмечают, что допуск нерезидентов на рынок внутреннего долга увеличил риск выбора мягкой бюджетной политики, не предполагавшей резкого снижения бюджетного дефицита и соответственно потребностей в государственных заимствованиях²⁶. К размещению ценных бумаг российского правительства оказались привлечены и российские банки, которые использовали правительственные обязательства в качестве обеспечения зарубежных кредитов. Их открытые валютные позиции к августу 1998 г. оценивались в 13-15 млрд. долл.²⁷

Изменения конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей подталкивали к корректировке политики валютного курса – к концу 1997 г. определенное обесценение рубля стало необходимым. Однако значительные валютные обязательства ведущих российских коммерческих банков, как и боязнь спровоцировать бегство иностранных инвесторов выступали важными факторами, противодействовавшими девальвации. Таким образом, как и в турецкой экономике первой половины 90-х годов, важной характеристикой развития экономики в предкризисные годы в России было завышение курса национальной валюты в условиях широко привлечения краткосрочного иностранного капитала к финансированию бюджетного дефицита.

Подобно тому, как в Турции в предкризисный период возрос дефицит по балансу текущих операций, в России сальдо платежного баланса со второго квартала 1997 г. начинает принимать отрицательные значения. В исследовании экономистов ИЭППП среди важнейших факторов уменьшения сальдо по балансу текущих операций называлась неблагоприятная конъюнктура мирового рынка для основных российских экспортных товарных групп, а также увеличение объема выплат процентных доходов нерезидентам²⁸. Однако весьма важен и неуклонный рост импорта, на фоне которого происходили отмеченные изменения. Как отмечает экономист-востоковед С. А. Былиняк, «укрепление рубля, снижающее эффективность экспорта, повышает эффективность импортных операций. В результате усилилась агрессивность импортеров, повысилась их конкурентоспособность». При этом, отмечает он далее, в России хватало валюты, чтобы финансировать импорт товаров, не являвшихся предметами первой необходимости²⁹. То есть в отличие от Турции в Россию в условиях неблагоприятного инвестиционного климата в основном ввозились потребительские товары, что завершало картину застоя в национальной экономике.

Весьма различались в двух странах и схемы развития кризиса. В Турции, как уже отмечалось, роль пускового механизма сыграла дополнительная эмиссия и скачкообразное увеличение бремени по обслуживанию государственных заемных обязательств, т.е. внутриэкономические факторы, последствия которых можно было довольно точно предвидеть. Управление кризисом облегчалось и сосредоточением краткосрочных ценных бумаг и иностранных займов в руках турецких банков. Неизбежность де-

вальвации лиры в условиях дополнительной эмиссии предопределяла необходимость сконцентрироваться по существу на одной задаче – сохранить национальную банковскую систему, позволив банкам при возможности более благоприятных условиях закрыть свои валютные позиции. В результате интервенции ЦБТР имели целенаправленный и сравнительно более ограниченный характер. Немногочисленность по сравнению с Россией турецких коммерческих банков (в последние годы их число колеблется в районе 50), а значит, их относительно большая контролируемость позволили ЦБТР ввести систему государственных гарантий по депозитам, остановив их начавшийся было отток.

В России в качестве пускового механизма кризиса исследователи рассматривают обострение мирового финансового кризиса в ноябре-декабре 1997 г. в то время, как расходы на обслуживание внутреннего долга превратились в одну из наиболее крупных расходных статей федерального бюджета (в 1997 г. – 4,8% ВВП³⁰), и, следовательно, обостряло потребность в новых займах. Начиная с этого момента, доверие иностранных инвесторов к устойчивости финансовой ситуации в России стало снижаться, что проявилось в оттоке капиталов с финансового рынка страны. То есть причины обострения ситуация на финансовом рынке России носили внешний, а потому мало контролируемый характер. Сосредоточение значительной части долговых обязательств в руках нерезидентов требовало решения весьма сложной задачи по поддержанию в неблагоприятных условиях стабильности российского финансового рынка и удержанию иностранных инвесторов. Интересы национальной банковской системы в этих условиях оказались как бы вторичны, их предполагалось защитить, предотвратив колебания на рынке ценных бумаг. Центральный банк России (ЦБР) начал проводить активные операции на открытом рынке. В этих условиях возрос спрос на валюту со стороны нерезидентов, продавших свои пакеты долговых государственных обязательств, что привело к быстрому сокращению золотовалютных резервов ЦБР и поставило под удар устойчивость курсовой политики. Безусловно негативную роль в складывавшейся ситуации сыграло отсутствие у правительства четкой программы по сокращению государственных расходов и дефицита бюджета.

В феврале-апреле 1998 г. на рынках наступил период относительной стабилизации. В большой мере этому способствовали несколько заявлений президента и правительства об ужесточении бюджетной политики и достижении уже в 1998 г. первичного профицита федерального бюджета. Однако в мае 1998 г. макроэкономическая ситуация в России начала резко ухудшаться: котировки государственных ценных бумаг стремительно падали: к концу мая средневзвешенная доходность ГКО возросла до 65% против 33% в середине месяца³¹. Отсутствие системных действий правительства по преодолению кризиса обусловило новую волну недоверия со стороны инвесторов. К тому же негативно сказалась медлительность в переговорах с МВФ о выделении стабилизационного кредита.

В начале июля 1998 г. средневзвешенная доходность на рынке государственных ценных бумаг достигла 126% годовых³². В результате 8 июля Министерство финансов РФ отменило аукционы по размещению двух выпусков ГКО и дополнительного транша ФЗО. Таким образом, сложившаяся ситуация практически полностью копировала положение в турецкой экономике накануне кризиса начала 1994 г.: у государства сохранялась высокая потребность в использовании заемных средств, однако накопленные долговые обязательства делали невозможным согласиться со сверхвысокими ценами кредитов, предлагавшихся рынком.

Некоторое улучшение ситуации наблюдалось после того, как 13 июля 1998 г. МВФ, МБРР и правительство Японии объявили о предоставлении России финансовой помощи. Однако 15 июля аукцион по размещению ГКО вновь не состоялся, а 20 июля было объявлено о прекращении выпуска государственных ценных бумаг сроком на один год. Таким образом, российская сторона не смогла далее продолжать борьбу за иностранных инвесторов. Рынок внутренних займов в России прекратил свое существование. Падение котировок российских государственных ценных бумаг, которые местные банки использовали для обеспечения иностранных кредитов, крайне осложнило положение национальной банковской системы. В результате возникли дополнительные валютные депозитные требования к российским банкам. Банки были вынуждены предпринять продажу имевшихся в их портфелях ГКО-ФЗО с последующей конвертацией выручки в валюту. В результате общая финансовая ситуация осложнилась еще более.

К августу 1998 г. валютные резервы ЦБР были практически исчерпаны (за июль 1997 – август 1998 гг. они сократились на 12 млрд. долл.³³), дальнейшее привлечение портфельных инвестиций в связи с кризисом на рынке ценных бумаг оказалось невозможным, а первый транш кредита МВФ был израсходован на поддержание курса рубля в рекордно короткие сроки. В этих условиях неизбежным было принятие решения о девальвации рубля, о котором и было объявлено 17 августа 1998 г. Заметим, что в российской экономике девальвация проходила на фоне остававшегося низким уровня монетизации под влиянием лишь таких факторов, как возросший спрос на иностранную валюту и сокращение ее притока извне в форме «горячих» денег. Затем последовали решения правительства об отсрочке выплат по своим долговым обязательствам.

Валютные резервы ЦБР на момент принятия решения о девальвации были израсходованы на попытки удержать снижение котировок государственных ценных бумаг и таким образом предотвратить бегство из страны иностранных инвесторов. Поэтому российские банки оказались незащищенными в условиях падения курса рубля. Положение осложнялось за счет наличия в их активах оказавшихся неликвидными портфелей государственных заемных обязательств. Многочисленность российских банков удержала ЦБР от шагов по гарантированию вкладов населения. Таким образом, российские банки, финансовое положение которых существенно пошатнулось, столкнулись и с давлением клиентов-держателей депози-

тов, настаивавших на их немедленном возврате. В итоге, национальная банковская система, не получив по существу поддержки со стороны властных структур, понесла весьма существенные потери.

Говоря о преодолении последствий кризиса, следует обратить особое внимание на замечание турецкого экономиста Мелике Алтынкемера, который подчеркивал, что объявление вслед за кризисом мер по финансовой стабилизации, а также улучшение в результате девальвации состояние платежного баланса по текущим статьям восстанавливает доверие иностранных инвесторов к национальной экономике и приток краткосрочного капитала вновь начинает возрастать³⁴. В результате возобновляется круг причинно-следственных связей, приведших к валютно-финансовому кризису, а именно: в результате вывоза нерезидентами доходов по краткосрочным кредитам возрастает дефицит по текущим статьям платежного баланса, вызывая ожидания девальвации и провоцируя отток уже основного капитала иностранных инвесторов. Это замечание, безусловно, верно по отношению к особенностям экономического развития Турции в послекризисный период. Вслед за девальвацией лиры была объявлена пакет стабилизационных мер от 5 апреля 1994 г. Предусмотренные в нем меры по повышению сбалансированности государственных финансов применялись в действительности непоследовательно и на протяжении весьма не продолжительного времени. Со второй половине 1995 г. Турция вновь встала на путь проведения экспансионистской фискальной политики. Отношение дефицита консолидированного бюджета к ВВП составило в 1996 и 1997 гг. 8,3 и 7,4% соответственно, что превышает показатель предкризисного 1993 г. Вновь весьма высокой оказалась доля краткосрочных займов в его финансировании: в 1996 г. объем краткосрочных займов составил 6,8% ВВП, что весьма близко к показателю 1994 г.³⁵ Это означало, что с конца 1995 г. активизировался и приток краткосрочного капитала в страну, а в структуре краткосрочного долга стала возрастать задолженность коммерческих банков, составившая в 1996 г. 8,5 млрд. долл. В результате Турция вновь оказалась перед вероятностью кризиса, предотвратить которую и имело целью проведение со второй половины 1998 г. сдерживающей фискальной политики.

Что касается российской экономики, то эксперты сходились во мнении о необходимости ослабления денежной политики после девальвации, однако стремление ограничить развитие инфляционных процессов в условиях сохранения излишне громоздкой системы государственных финансов предполагает возможность усилий по возрождению рынка государственных ценных бумаг, в том числе, и с привлечением нерезидентов. Таким образом, речь идет об учете опыта Турции и своевременном начале применения жесткой фискальной политики во избежании развития предпосылок повторного кризиса.

¹ R.T.Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. General Directorate of economic research. Selected economic indicators. 1998.

² *Altinkemer, Melike* Capital flows: the Turkish case. The Central Bank of the Republic of Turkey. Research Department. Discussion Paper № 9601, 1995, с. 5.

³ UCCET. Economic Report 1995. Ankara, 1996, с. 94.

⁴ См: Oya Celasun. The 1994 Currency Crisis in Turkey. World Bank. Development Research Department Macroeconomic and Growth Group.

⁵ *Маконнел, Кэмпбелл Р., Брю, Стенли Л.* Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М., с. 95.

⁶ Составлено по: UCCET. Economic Report 1994. Ankara, 1995, с. 58.

⁷ Там же.

⁸ Подсчитано по: TOBB. İktisadi rapor 1987. Ankara, 1988, с. 19, Türkiye İstatistik yıllığı 1995, с. 674-675, Başlıca ekonomik göstergeler, Aralık 1996, с. 79.

⁹ Selected economic indicators. May 1998.

¹⁰ См., например, Republic of Turkey Prime Ministry. The Undersecretariat of Treasury. General Directorate of Foreign Economic Relations. Recent economic developments. January 1998, с. 2.

¹¹ *Celasun, Oya* The 1994 Currency Crisis in Turkey, с. 2.

¹² Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика. – Вопросы экономики. 1998, № 11.

¹³ См., например, *Kazgan, Gülten* Yeni ekonomik düzende Türkiyenin yeri. İstanbul, 1994.

¹⁴ Подсчитано по: Başlıca ekonomik göstergeler. Aralık 1996, с. 83.

¹⁵ Capital infocard. Eylül 1999.

¹⁶ *Celasun, Oya* The 1994 Currency Crisis in Turkey.

¹⁷ UT Selected economic indicators. May 1998.

¹⁸ *May, B.* Политическая природа и уроки финансового кризиса. – Вопросы экономики, 1998, № 11.

¹⁹ Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика, с. 36.

²⁰ *May, B.* Политическая природа и уроки кризиса, с. 6.

²¹ Dünya. 18.05.1999.

²² Кризис финансовой системы России, с. 38.

²³ Подсчитано по: Economic report 1994, с. 13, Başlıca ekonomik göstergeler. Aralık 1996, с. 79.

²⁴ Там же, с. 39.

²⁵ Финансовые известия. 1997, № 21 (372).

²⁶ Кризис финансовой системы России, с. 39.

²⁷ Там же, с. 42.

²⁸ Там же, с. 40-41.

²⁹ *Былинjak С.А.* Политика макроэкономической стабильности в странах Юго-Восточной и Восточной Азии в свете российских проблем. – Социально-экономическое развитие стран Юго-Восточной Азии: уроки для России. М., 1997, с. 31, 32.

³⁰ Кризис финансовой системы России, с. 38.

³¹ Там же, с. 49.

³² Там же, с. 52.

³³ Там же, с. 42.

³⁴ *Altinkemer, Melike* Capital flows: the Turkish case.

³⁵ Başlıca ekonomik göstergeler. Eyiül 1998, с. 83.

ВНЕШНИЙ ДОЛГ ТУРЦИИ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПОГАШЕНИЯ (80-90-е годы)

В послевоенный период экономическое развитие Турции в возрастающей степени опиралось на использование внешних ресурсов, которые рассматривались не только как дополнительный источник, но и стимулятор производительного использования внутренних накоплений, повышения темпов экономического роста. Расширение инвестиций в экономику требовало импорта средств производства. Для Турции, чей экспорт тогда состоял из ограниченного числа сельскохозяйственных товаров и не располагавшей крупными и легко доступными запасами минерального сырья, разработка которых могла бы позволить существенно увеличить валютные доходы, привлечение внешних ресурсов стало неизбежным.

Благодаря своему геополитическому положению «моста» между Западом и Востоком, Европой и Азией, членству в НАТО Турция получила доступ практически ко всем кредитным источникам Запада, став одним из крупнейших его реципиентов. Если первоначально (в конце 40-х и в 50-е годы) поступающие в Турцию внешние материальные и финансовые ресурсы, в тот период преимущественно в виде помощи США и подконтрольных им международных финансовых организаций, направлялись на модернизацию турецкой армии и обслуживающие ее отрасли хозяйства, то с введением в начале 60-х годов экономического планирования они превращаются в составную часть государственных инвестиционных программ.

В число доноров Турции включилось большинство промышленно развитых стран ОЭСР и ведущие международные финансовые организации – МВФ и Всемирный банк, которыми был создан консорциум по оказанию помощи Турции. В те же годы к оказанию финансовой и технической помощи Турции подключился Советский Союз и некоторые страны Восточной Европы, а с середины 70-х годов – нефтедобывающие арабские страны и их коллективные фонды (Исламский банк развития и некоторые другие).

Основная часть ресурсов, поступавших в страну из-за рубежа, до середины 70-х годов предоставлялась либо на безвозмездной основе («дары»), либо в виде кредитов на льготных условиях – на длительный срок, под низкий процент и т. д. Благодаря этому Турция не сталкивалась с серьезными проблемами при обслуживании внешнего долга, который в 1970

г. равнялся 1896 млн. долл., а долговые платежи (основные суммы и проценты) – 171 млн. долл.¹

Но уже с конца 70-х годов условия западной помощи стали постепенно ужесточаться. Кроме того, испытывая нехватку валютных средств для оплаты импорта, Турция была вынуждена все чаще пользоваться краткосрочными займами с мировых денежных рынков, предоставляемыми на коммерческих условиях. В результате ее внешний долг, равный в 1974 г. 2,5 млрд. долл. и тогда еще почти целиком долгосрочный и среднесрочный, в конце 1979 г. возрос до 13,4 млрд. долл.², а его краткосрочная часть, начиная с 1977 г. достигла половины его общей суммы³.

Платежеспособность Турции была подорвана мировым энергетическим кризисом, начавшимся с роста цен на нефть, импортером которой она является, – нечем было оплачивать не только импорт, но и выполнять долговые обязательства. Банкротства удалось избежать лишь благодаря соглашениям с западными кредиторами, они предусматривали реструктуризацию турецких долгов и отсрочку долговых выплат на срок от трех до пяти лет, Одновременно Турции были выделены новые кредиты.

Турецкое руководство извлекло уроки из пережитого кризиса и в 1980 г. внесло радикальные изменения в свою экономическую стратегию («решения 24 января»), заявив о переходе от закрытой и этатизированной экономической системы к открытой и целиком рыночной, от импортзамещения – к экспортной ориентации. Кризис обнажил неэффективность импортзамещения и недостижимость его изначальной цели – «самоподдерживающегося роста», несостоятельность данной модели с точки зрения платежеспособности страны, выполнения ее текущих долговых обязательств и импортных программ. Защищенная таможенными барьерами и ориентированная на внутренний рынок турецкая экономика, в том числе обрабатывающая промышленность, базировалась на низкой производительности труда. По этой причине национальная продукция при сохранении низкой конкурентоспособности не могла стать источником растущих валютных доходов. Начиная с 80-х годов, турецкое руководство использовало все меры, включая экстраординарные, для развития экспорта и всех других сфер и отраслей хозяйства, обладающих благодаря географическому положению и естественному потенциалу страны сравнительными преимуществами и способных зарабатывать валюту (туризм, транзитная торговля, транспорт, экспорт рабочей силы и услуг фирм-подрядчиков). В число этих мер входила прямая государственная поддержка в виде налоговых, таможенных льгот и освобождений, оформляемых через систему «поощрительных сертификатов» для всех видов предпринимательской деятельности, связанных с экспортом продукции и предоставлением услуг, оплачиваемых конвертируемыми валютами, обеспечение таких предприятий льготными кредитами (с этой целью был создан ряд спе-

циальных фондов, а в 1987 г. государственный «Эксимбанк»), установление государственными предприятиями низких отпускных и высоких закупочных цен для частных предприятий.

Важным инструментом стимулирования экспорта и экспортных производств, одной из основных целей которого является обслуживание внешнего долга, стал валютный курс. После длительного периода следования политике фиксированного курса, Турция с мая 1980 г. перешла к плавающему курсу, что стало началом перманентной девальвации турецкой лиры, сыгравшей важную роль в увеличении доли экспорта в объеме производства многих турецких предприятий. Одновременно власти проводили политику сдерживания роста и прямого замораживания заработной платы – индекс реальной заработной платы с небольшими отклонениями снижался на протяжении 1980-1988 гг. В 1988 г. он упал до 53% по сравнению с 1979 г. (100%)⁴. Снижение жизненного уровня населения привело к сокращению внутреннего потребительского спроса, и соответственно к расширению экспортных ресурсов.

Эти и некоторые другие меры позволили Турции за короткие сроки значительно увеличить экспортную выручку – уже в 1982 г. она достигла 5,9 млрд. долл. против 2,9 млрд. в 1980 г., а в 1988 г. – 11,2 млрд. долл. Соответственно экспортная квота (отношение экспорта к ВВП) страны поднялась до 16,6% в 1988 г. против 5% в 1980 г. и 10,6% – в 1982 г.⁵ Основную роль в столь стремительном расширении экспорта сыграла обрабатывающая промышленность – удельный вес в нем промышленного экспорта возрос с 33% в 1977 г. до 36% – в 1980 г. и 79% – в 1987 г.⁶

Однако характерной особенностью расширения экспортной части промышленной продукции было то, что оно было достигнуто почти исключительно благодаря массовой государственной поддержке. По словам турецкого экономиста Эркена Озальпа, «рост экспорта в своей основе опирался на существующие производственные мощности и структуры, темпы прироста инвестиций в обрабатывающую промышленность даже снизились в этот период. Не трудно было предсказать, что этот рост в конце концов остановится»⁷. Единственным средством долгосрочного расширения экспорта было повышение производительности труда, на основе обновления технологической и технической базы основных промышленных отраслей и доведения ее до уровня, обеспечивающего конкурентоспособность продукции с последующим непрерывным ее совершенствованием. Решение этой задачи силами местного капитала было невозможно.

Большие надежды в этой связи возлагались на привлечение прямых иностранных инвестиций. Еще в начале 80-х годов были приняты законы, существенно дополнявшие действовавший с 1954 г. Закон о поощрении иностранного капитала и предусматривавшие расширение сфер его приложения, упрощение процедуры оформления документации, возможность пользоваться налоговыми и иными льготами наравне

с местными инвесторами и т. д. Турецкое руководство рассчитывало, что эти меры вместе с либерализацией внешнеторгового и валютного режимов, операций кредитно-банковской системы привлекут иностранных инвесторов, и широкий приток прямых инвестиций сможет уменьшить зависимость от использования иностранных ссудных капиталов, облегчит бремя внешнего долга, в первую очередь – процентных платежей. Однако в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, эти надежды не оправдались.

После трех лет военного правления (сентябрь 1980 -декабрь 1983 г.), которое принимало меры для восстановления экономического роста и финансовой стабилизации (темпы инфляции были снижены со 100% в 1980 г. до 30% в среднем в 1981-1983 гг.), к власти пришло гражданское правительство во главе с Т.Озалом, которое в своей программе объявило о продолжении курса, направленного на расширение производственного и экспортного потенциала страны с привлечением в этих целях иностранных кредитов и займов⁸.

Было продолжено выполнение ряда прежних проектов и начаты новые работы в сфере производственной инфраструктуры, которые должны были поддержать активность частных предпринимателей – местных и иностранных. Возросли инвестиционные затраты как в турецких лирах, так и в конвертируемых валютах. Внутреннее финансирование обеспечивалось из бюджетных источников, из-за нехватки которых вновь стали широко пользоваться средствами печатного станка, что привело к возобновлению сильной инфляции – уже в 1984 г. оптовые цены выросли на 50%, а в конце 80-х годов их ежегодный рост превышал 60%⁹.

Внешнее финансирование государственных инвестиционных программ осуществлялось, как и раньше, за счет иностранных ссудных капиталов. Хотя МВФ осудил турецкое руководство за нарушение согласованной с ним стабилизационной программы и прекратил выделение ему своих кредитов, Турции удалось воспользоваться кредитами из других источников. Во второй половине 80-х годов на Западе получили распространение новые подходы («план Бейкера» и др.) в отношении развивающихся стран – крупных должников, в соответствии с которыми усилия этих стран, направленные на ускорение экономического роста, следует поддерживать, так как это будет укреплять их платежеспособность и обеспечит своевременный возврат предоставляемых им кредитных ресурсов. Эти подходы отвечали интересам западных компаний – поставщиков машин и оборудования. Таким образом, ни санкции МВФ, ни успехи экспорториентированной модели не смогли остановить рост турецкого внешнего долга, который продолжался с той или иной интенсивностью как к 80-е, так и в 90-е годы. Динамика и структура внешнего долга Турции показана в табл. 1. Наибольший прирост внешнего долга наблюдался в 1986 и 1987 гг. – на 26,9 и 25,2% соответственно. Именно в эти годы Турцией были достигнуты самые высокие темпы роста ВВП – 6,8% в 1986 г. и 9,8% в 1987 г.¹⁰

Таблица 1

Динамика и структура внешнего долга Турции, млрд. долл.

Годы	всего (1)	Годовой рост %	Внешний долг (I)				ВВП (II)	I/II %
			Долго- и средне- срочный долг (2)	2/1 %	Краткосрочный долг (3)	3/1 %		
1980	15,2	11,8	12,7	83,6	2,5	16,4	69,8	34,2
1984	21,3	26,6	18,1	77,7	3,2	22,3	60,7	38,4
1987	38,3	25,2	29,6	73,6	8,7	26,4	87,7	45,8
1990	49,1	17,2	39,6	80,6	9,5	19,4	122,0	40,2
1991	50,5	3,1	41,4	82,0	9,1	18,0	152,1	33,2
1992	55,6	10,1	42,9	77,2	12,7	22,8	160,3	34,3
1993	67,3	21,2	48,8	72,4	18,5	27,6	181,8	37,1
1994	65,6	-2,7	54,3	82,8	11,3	17,2	130,9	50,1
1995	73,3	11,7	57,6	78,6	15,7	21,4	167,2	43,8
1996	84,0	14,6	63,5	75,6	20,5	24,4	184,6	45,5
1997	91,0	8,5	68,4	75,2	22,6	24,8	194,1	46,9
1998, сентябрь	102,6	10,9	75,4	73,5	27,2	26,5	204,6	50,1

Составлено по: TCMB. 1983 Yıllık Rapor. Ankara, 1984, с. 139; 1988, с. 135; İŞBANK. Türkiye 'nin ekonomik göstergeleri 1986-1990, Ankara, 1991, с. 11, 1996-1998, с. 3, 8; Capital. İNFOKARD. Ankara. 1998, haziran; İMF. Turkey: Recent Economic Developments and Selected Issues. Wash., 1998, с. 161.

Рост внешнего долга в большой степени был связан с привлечением краткосрочных займов, что повлекло за собой возрастание платежей по погашению основных сумм и выплате процентов – в 1988 г. эти платежи достигли 7,9 млрд. долл. В целом же за 1985-1988 гг. на выплату внешнего долга было потрачено свыше половины всей валютной выручки страны. В 1988 г. отток ресурсов из Турции в виде долговых платежей достиг рекордного уровня – 11,1% ВВП против 2,1% в 1980 г. Хотя основная масса средств, взятых за рубежом в кредит, в этот период направлялась на нужды экономического развития (финансирование импорта машин, оборудования, топлива, полуфабрикатов, выполнение проектов, направленных на улучшение структуры энергобаланса (строительство ГЭС и ТЭЦ, работающих на угле и лигнитах), строительство и реконструкцию коммуникаций, развитие индустрии туризма, техническое переоснащение банковской системы, подготовку кадров и др.) все более явной становилась тенденция сближения прироста доходов от инвестиций, финансируемых из внешних источников, с ростом долговых выплат, все чаще привлекаемые новые кредиты использовались для выплаты основных сумм и процентов по долгам, сроки погашения которых наступали.

В 90-е годы массированное привлечение из-за рубежа ссудных капиталов продолжалось, и выявившиеся негативные тенденции получили развитие. Прежняя ориентация на привлечение внешних ресурсов преимущественно для выполнения инвестиционных проектов, финансирование импорта средств производства ослаблялась их тратой на текущие нужды – поддержку бюджетной системы, покрытие бюджетных дефицитов, бесперебойное функционирования службы внешнего долга и др. Экономическая эффективность привлечения внешних кредитных ресурсов снижалась, нарастали проявления паразитизма. Причины заключались в изменении условий как в самой Турции, так и в мировой хозяйственной системе, в органическую часть которой она превращалась по мере либерализации своих внешнеэкономических связей и рыночных преобразований.

Последние заметно пробуксовывали и оставались незавершенными – задерживалось проведение ряда намеченных реформ – налоговой, сельскохозяйственной, сферы социального обеспечения, а также приватизация и др., которые могли укрепить государственные финансы, снизить бюджетный дефицит, обеспечить стабильность валютно-финансового положения страны и тем самым ослабить ее зависимость от использования иностранных займов. Но вместо назревших преобразований продолжалась денежная эмиссия, наряду с привлечением внешних кредитов государство встало на путь широкого использования внутренних заемных средств.

Нерешенной оставалась проблема повышения производительности труда и качества продукции, сохранялась зависимость сельского хозяйства от погодных условий, что в свою очередь оказывало влияние на результаты производства легкой промышленности, остававшейся основной частью обрабатывающей отрасли. Динамика валютной выручки от экспорта под влиянием этих и некоторых других факторов была нестабильной. Государственные меры по оказанию прямой поддержки экспортерам и экспортным производствам уже не давали прежних результатов. Политика замораживания заработной платы также достигла предела. С 1989 г. под давлением профсоюзов и растущего забастовочного движения началось повышение как номинальной, так и реальной заработной платы, что привело к оживлению внутреннего потребительского опроса, сокращая экспортные возможности. Удерживать платежеспособность на приемлемом уровне Турции удавалось благодаря успешному развитию туризма, валютные доходы от которого в 1989 г. достигли более 2,5 млрд. долл. против 372 млн. долл. в 1982 г. Заметно увеличились и переводы турецких граждан, работающих за границей – в том же 1989 г. они составили около 3 млрд. долл. (см. табл. 2).

Таблица 2.

**Основные источники валютной выручки Турции,
млн. долл.**

Годы	Товарный экспорт		Туризм	Переводы рабочих- эмигрантов	Итого	Рост %
	всего	Доходы от транзитной и челночной торговли				
1960	2910	...	...	...	...	...
1981	4703	...	...	...	...	...
1982	5746	144	372	2140	8258	...
1983	5728	177	420	1513	7661	-7,2
1984	7133	256	548	1807	9488	23,8
1985	7958	297	1094	1714	10166	13,8
1986	7457	126	950	1634	10041	-7,3
1987	10190	132	1476	2021	13687	36,3
1988	11662	327	2355	1776	15793	15,4
1989	11625	150	2557	3040	17222	9,0
1990	12959	68	3225	3246	19430	12,8
1991	13593	74	2654	2819	19066	-1,9
1992	14715	96	3639	3008	21362	12,0
1993	15349	292	3959	2919	22227	4,0
1994	18106	284	4321	2627	25054	12,7
1995	21637	338	4957	3327	29921	19,4
1996	23224	9222	5650	3542	32416	38,3
1997	262	6386	7002	4197	37460	11,5
1998	26935	4285	7177	5356	39468	5,3

Источник: İŞBANK. Türkiye 'nin ekonomik göstergeleri 1980-1998.

Нарастание валютно-финансовых трудностей требовало от турецкого руководства экстренных мер. Наряду с развитием государственного внутреннего кредита в поисках новых дополнительных источников внешнего финансирования оно форсировало либерализацию валютного режима и движения капиталов, рассчитывая таким образом расширить приток в страну иностранных портфельных инвестиций. В августе 1989 г. был принят закон о введении конвертируемости турецкой лиры и свободном движении капиталов между зарубежными и турецким денежными и фондовыми рынками¹¹. Приток иностранных портфельных инвестиций в Турцию после этого значительно возрос, обогнав приток иностранных прямых инвестиций¹². Однако большая часть этих инвестиций оказалась представленной «горячими деньгами», поступающими с мировых денежных рынков. Как известно из опыта многих стран, цель миграций «горячих денег» – не инвестиции в реальную экономику, а спекуляции с ценными бумагами, приносящими быстрые и высокие прибыли.

Инфляционная обстановка и общая ситуация, сложившаяся в Турции благодаря широкомасштабному размещению государственным казначей-

ством краткосрочных и высокопроцентных займов, как нельзя лучше отвечала этим целям. Основным объектом помещения средств иностранными портфельными инвесторами стали в первую очередь государственные ценные бумаги, а также некоторые высокодоходные акции корпоративного сектора, продававшиеся на Стамбульской фондовой бирже, которая по своей доходности вышла на одно из первых мест в мире. Благодаря отмене государственного регулирования движения частных капиталов, иностранные портфельные инвесторы получили возможность беспрепятственно переводить получаемые от этих операций доходы, предварительно конвертированные в твердые валюты, за рубеж. Рост таких переводов стал одной из причин ослабления платежного баланса Турции. В 1993 г. дефицит по его текущим операциям был близок к 3 млрд. долл. – это стало прелюдией к финансовому кризису, разразившемуся в стране в начале 1994 г. Следует добавить, что благоприятной ситуацией для получения спекулятивных доходов воспользовались и многие действующие в Турции банки, которые, по словам Э.Озальпа, «брали деньги в долг за границей, обращали эти деньги в турецкие лиры, а затем вкладывали их в покупку высокодоходных государственных облигаций. Такие операции превратились в один из наиболее важных источников банковских доходов»¹³. Соотношение доля краткосрочных внешних долгов турецких коммерческих банков Турции в общем объеме ее внешнего долга выросла с 6,8% в 1988 г. до 16,5% в 1993 г.¹⁴

Наибольший размах привлечение банковским сектором и другими местными частными компаниями иностранных краткосрочных займов получила в 1993 г. – общая сумма их внешней задолженности за год возросла на 9 млрд. долл., достигнув 24 млрд. против 15 млрд. в 1982 г. Общее бремя внешнего долга сместилось в сторону частного сектора – в 1993 г. на долю государства приходилось уже 64% всего внешнего долга против 73% в 1992 г. Доля частного сектора соответственно выросла с 27 до 36%¹⁵.

Рост краткосрочной задолженности частного сектора, также как и операции иностранных портфельных инвесторов привели страну к кризису в 1994 г. Турция смогла на собственном опыте убедиться, что бесконтрольное привлечение внешних ресурсов, в особенности краткосрочных, может привести к хаосу и кризису как вследствие перегрева экономики, так и в результате транснациональных спекулятивных афер.

Кризис 1994 г. был преодолен благодаря чрезвычайным мерам стабилизационной программы, принятой правительством во главе с Т.Чиллер и согласованной с МВФ, который возобновил прерванное в середине 80-х годов кредитование Турции. Однако многие важные положения этой программы, которые должны были обеспечить долгосрочную стабилизацию экономики и финансов, оставались на бумаге. Печатаение денег и привлечение все новых внутренних и внешних кредитов и займов продолжалось. Внешний долг Турции за 90-е годы удвоился и достиг в 1998 г. 102,6 млрд. долл. или 50,1% ВВП. Согласно подсчетам Всемирного банка, Турция заняла шестое место среди крупнейших стран-должников по среднедушевой величине внешнего долга – в 1996 г. она составляла 1246 долл. против 435 долл. в 1980 г.¹⁶ В то

же время турецкие власти делали многое, чтобы поддерживать репутацию дисциплинированного должника. Особое внимание было обращено на поддержку и развитие источников собственной валютной выручки. В соответствии со стабилизационной программой 1994 г. возобновилась политика сдерживания роста заработной платы. Хотя ее реальный уровень между 1989 и 1997 гг. возрос на 56% в государственном и на 28% в частном секторе, темпы этого роста понизились во второй половине 90-х годов¹⁷. В целях поддержки экспорта продолжалась девальвация турецкой лиры – ее обесценение шло такими же высокими темпами как и инфляция. В 1995 и 1996 гг. были внесены новые дополнения в закон о поощрении иностранных капиталовложений, еще более расширившие права и возможности прямых иностранных инвесторов.

Эти и другие меры позволили Турции уже в 1995 г. оживить рост экспорта, который продолжался и в последующие годы, чему в большой степени способствовало развитие челночной торговли Турции со странами СНГ и Восточной Европы (см. табл. 2), одновременно продолжали расширяться поступления от туризма и переводов рабочих-эмигрантов. Благодаря этому Турции удалось существенно понизить коэффициент обслуживания внешнего долга (отношение основных сумм и процентов выплаченного долга к валютной выручке от продажи товаров и услуг), который с 31% 1992 г. и 29% в 1995 г. сократился до 21% в 1997 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Обслуживание внешнего долга Турции в 90-е годы
млн. долл.

	1992	1993	1994	1995	1996*	1997*
Общая сумма выплат**	8783	8287	9993	11897	11418	12418
- основные суммы	5294	4653	6070	7594	7218	7830
- проценты	3439	3574	3923	4303	4200	4588
Поступления по текущим статьям платежного баланса	28457	30434	32790	41494	50966	58456
Коэффициент обслуживания внешнего долга, %	30,7	27,0	30,5	28,7	22,4	21,2
Выплаты к ВВП, %	5,4	4,5	3,0	7,1	6,2	6,4

* Итоги 1996 и 1997 гг. учитывают результаты челночной торговли.

** Включая выплаты по кредитам, привлеченным с зарубежных фондовых рынков путем размещения облигаций.

Источники: IMF. Turkey: Recent Economic Developments and Selected Issues. Wash., 1998, с. 162; Capital (İnfokard). Istanbul, 1998, haziran.

Как и в прошлые десятилетия, рост внешнего долга Турции в 90-е годы происходил в результате привлечения ссудных капиталов с Запада. Роль кредиторов остального мира, в частности арабских стран и их коллективных финансовых организаций и фондов (Исламский банк развития, Фонд Кувейта и некоторые др.), средствами которых Турция пользовалась

с середины 70-х годов, оставалась незначительной (см. табл. 4) и относительно сокращалась. Происходили подвижки среди западных кредиторов – в 90-е годы сократилось выделение кредитов Турции международными финансовыми организациями, выросли суммы, предоставляемые на основе двусторонних межгосударственных соглашений промышленно развитыми странами ОЭСР. Доля последних в долго- и среднесрочном кредитовании Турции во второй половине 90-х годов достигла 40% против 33% в 1990 г. и 34% – в 1986 г., тогда как доля международных финансовых организаций снизилась до 14% против 24 и 27% соответственно. Кредиты из этих двух основных источников наиболее выгодны для Турции, так как все еще сохраняют некоторые элементы льготности, кроме того их использование связано с осуществлением важных экономических проектов в сфере энергетики и других инфраструктурных отраслей.

Таблица 4

Внешний долг Турции: основные кредиторы, млн. долл.
(на конец года)

	1986 г.	1990 г.	1996 г.
Среднесрочный и долгосрочный долг, всего	24317	39535	56231
1. <u>Международные финансовые организации</u>	6588	9564	8148
- МВФ	1085	...	663
- Всемирный банк (включая МФК МАР)	3643	6436	4620
- Европейский инвестиционный банк	573	604	64
- Исламский банк развития	53	68	115
- Фонд ОПЕК	29	10	0
- Международный фонд развития сельского хозяйства	8	8	9
2. <u>Кредиты, предоставленные на основе двусторонних соглашений</u>	10187	12984	23264
- Страны ОЭСР	8270	11652	20579
- Страны ОПЕК	1027	564	195
- Другие страны	890	768	2490
3. <u>Коммерческие банки (включая размещенные облигационные займы)</u>	4833	10720	17090
4. <u>Другие частные кредиторы</u>	2709	6267	10729
Краткосрочный долг, всего	6911	9500	20517
- Коммерческие банки	2624	3845	5037
- Другие частные кредиторы	4287	5655	15499

Источник: IMF. Turkey: Recent Economic Developments and Selected Issues. Wash., 1998, с. 161; TCMB 1988 Yıllık Rapor. Ankara, 1989, с. 135.

В 90-е годы Турция все большую часть привлекаемых внешних ссудных капиталов вынуждена брать у западных банков, с фондовых рынков, размещая на них свои облигации, и из других частных источников на сугубо коммерческих условиях – доля коммерческих кредитов (долго- и средне- и краткосрочных) в конце 90-х годов достигала уже более 70%.

Что же касается заемщиков внешних ссудных ресурсов, то здесь сохранялась тенденция повышения доли частного сектора и коммерческих банков – в 1998 г. Она уже достигла 46,3%, соответственно доля государства сократилась до 53,7%¹⁸ Эти показатели, особенно при их сопоставлении с более ранними данными (например, в 1980 г. 92,2% внешнего долга Турции относилось непосредственно к государству и только 7,8% – к частному сектору¹⁹) отражают изменения в соотношении сил между государственным и частным секторами турецкой экономики за истекшие два последних десятилетия, превращение частного сектора в главного экономического агента и инвестора.

Тем не менее, бремя внешнего долга по-прежнему крайне тяжело для турецкого государства, имея в виду острейший дефицит и постоянную нехватку средств во всех звеньях его бюджетной системы. Согласно данным доклада Управления казначейства Турции, опубликованным весной 1999 г., с 1999 по 2004 г. и в последующий годы Турции предстоит выплата 92 977 млн. долл. по внешним долговым обязательствам, в том числе 75 577 млн. – в счет погашения основных сумм и 17 400 млн. долл. – в виде процентов²⁰. Около 66% этой суммы относится к государству.

График погашения внешнего долга, составленный Управлением Казначейства представлен в табл. 5.

Таблица 5.

График погашения внешнего долга Турции

(млрд. долл.)

Годы	Общая сумма долга, подлежащая выплате	в том числе, платежи	
		госсектора	частного сектора
1999	14,9	8,3	7,6
2000	16,7	9,0	7,7
2001	11,8	8,6	3,2
2002	9,8	7,1	2,7
2003	7,8	6,2	1,6
2004 и далее	32,0	22,3	9,7
Итого	93,0	61,5	32,5

Источник: Türkiye 16.03.1999.

Справится ли Турция со своевременной выплатой этих громадных сумм, к которым еще прибавятся платежи по кредитам, без которых она, как очевидно, не сможет обойтись? Каково нынешнее состояние и перспективы ее платежеспособности? Эти вопросы имеют практический аспект для России в связи с предстоящим в следующем десятилетии расширением поставок отечественного природного газа в Турцию.

В 90-е годы Турция накопила достаточно крупные золото-валютные резервы, около 70% которых принадлежат государству, держащему их в

ЦБТР. Ниже приводятся данные, характеризующие динамику золото-валютных резервов Турции в 90-е годы (млрд. долл.)²¹:

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Золото	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,1	1,0
Валюта	10,8	13,8	13,9	15,1	22,0	23,6	26,0	28,5
– в Центральном банке	4,9	6,1	6,4	7,1	12,4	16,3	18,4	19,7
– в коммерческих банках	5,8	7,6	7,5	8,0	9,6	7,3	7,6	8,8
Итого	12,3	15,3	15,4	16,5	23,4	25,0	27,1	29,5

Как видим, за 1991-1998 гг. золото-валютные резервы Турции в целом выросли в 1,4 раза, в том числе у государства (ЦБТР) они утроились, а в частном секторе увеличились более чем на 50%.

Авторитетная международная рейтинговая компания «Стандард энд Пур», давая в этот период невысокую общую оценку кредитоспособности Турции – «В», в декабре 1996 г. указывала на «высокие риски», но уже в августе 1998 г. имела «позитивный взгляд на долги Турции в долгосрочной перспективе», а в январе 1999 г. – «стабильный взгляд на ее долги в долгосрочной перспективе»²².

В бюллетене ДЕИК – органа турецких деловых кругов, участвующих во внешнеэкономических связях, – за март 1999 г. также отмечалось, что несмотря на финансовые неурядицы на фондовом рынке после кризиса в России 17 августа 1998 г. уровень валютных резервов не вызывает опасений за платежеспособность Турции в отношении внешнего долга²³.

Насколько надежны эти оптимистические оценки и утверждения, основанные на достигнутом в конце 90-х годов высоком уровне валютных резервов? Не следует забывать, что превращение турецкой экономики в открытую существенно усилило ее зависимость от конъюнктуры мирового хозяйства, которая характеризуется возрастающей непредсказуемостью. Взять хотя бы происшедший в первой половине 1999 г. очередной скачок цен на нефть, импортером которой Турция является. В предыдущие годы, когда они держались на низком уровне, затраты страны на нефтяной импорт существенно снизились, теперь они вновь возрастут, что уже в 1999 г. может негативно отразиться на ее внешнеторговом балансе и общей платежеспособности.

Обращает на себя внимание снижение темпов роста турецкого экспорта в 90-е годы и его стагнация в 1998 г. Отчасти это было связано с конъюнктурными факторами – падением спроса на зарубежных рынках под влиянием финансовых кризисов в странах Юго-Восточной Азии и в России. Но в не меньшей степени давали о себе знать глубинные причины: непреодоленная технологическая и структурная слабость турецкой обрабатывающей промышленности, поставляющей ныне около 80% всей экспортной продукции. По мнению многих турецких экономистов устранение государства от участия в развитии промышленности, благодаря которому в прошлом были созданы ныне действующие крупные предприятия в металлургии, нефтепереработке и

в некоторых других тяжелых отраслях, переложение этих задач на частный сектор привело к замедлению индустриализации. «Турция задержалась на полпути к индустриализации в полном смысле этого слова», – отмечают авторы фундаментального труда по турецкой экономике Я.Кепенек и Н.Иентюрк. Они считают, что эта цель, намеченная еще в первые годы республики, должна оставаться приоритетной²⁴.

Но турецкому частному сектору пока не по силам продолжение начатого государством промышленного строительства, не благоприятствует вложению капиталов в современные промышленные отрасли и производства инфляционная обстановка, дороговизна кредита и импорта оборудования, усиливаемая непрерывной девальвацией лиры.

Не оправдывались в 90-е годы надежды на расширение притока в страну иностранных прямых инвестиций, а вместе с ними – высоких технологий, новых производств – и предпринятые для этого шаги, которые должны были сделать Турцию привлекательной для иностранных предприятий. Но несмотря на законодательство о поощрении иностранного капитала, считающегося одним из наиболее либеральных в мире, наличие неплохой инфраструктуры, дешевую рабочую силу, перспективный рынок самой Турции и ее близость к рынкам стран Ближнего и Среднего Востока, стран СНГ, создание сети промышленных и «свободных зон», наделенных налоговым и таможенным иммунитетом, приток иностранных прямых инвестиций в последние годы не превышал 1 млрд. долл. ежегодно. Всего же за 1980-1998 гг. сумма прямых иностранных инвестиций составила 11,2 млрд. долл. (вместо заявленных и согласованных 23,9 млрд.), в том числе 2,4 млрд. поступило за 1980-1990 гг. и 8,9 млрд. долл. за 1991-1998 гг. (по сентябрь)²⁵. Чистый приток с учетом репатриации капитала, перевода прибыли и других трансфертов был, по-видимому, еще меньше – около 8-9 млрд. за 20 лет. Причины инертности иностранных инвесторов остаются прежними – гиперинфляция (рост цен, равный в 80-е годы в среднем 50-60% за год, в 90-е годы достигал 80-90%), политическая нестабильность в стране и в регионе, проблемы с квалифицированными кадрами.

Хотя в Турции зарегистрировано свыше 4,5 тыс. компаний с участием иностранного капитала, представляющих многие страны мира (более половины – из промышленно развитых стран ОЭСР), ими не создано крупных предприятий. Свыше половины прямых иностранных инвестиций вложено в торговлю и услуги, в обрабатывающую промышленность – около 40%, в добывающую – 1,4, в сельское хозяйство – 2,2%²⁶. Объекты вложений в промышленности – преимущественно предприятия легкой и перерабатывающих отраслей, сборка тракторов и автомашин, бытовой техники, химия и фармацевтика. Многие из таких производств перенесены в Турцию из развитых стран и являются филиалами известных западных и японских компаний. Согласно данным на 1998 г., 28,3% прямых иностранных инвестиций вложено в производство транспортных средств и сопутствующих изделий, 13,3 – химикатов, 5,8 – электромашин, 4,6 – в электронику, 4,3 – в черную металлургию, 3,9 – в текстильное и 1,8 – в бумажное производство, 15,9% –

в прочие отрасли²⁷. Вложения в современные высокотехнологичные, и тем более наукоемкие, производства незначительны и связаны с выпуском несложных, главным образом потребительских изделий.

В целом же деятельность предприятий с участием иностранного капитала хотя и вносит свой вклад в расширение объема турецкого экспорта, но оказывает ограниченное влияние на его структуру. За истекшие два десятилетия она не претерпела заметных изменений и остается типичной для развивающейся страны среднего уровня.

В 1997-1998 гг. 53% турецкого экспорта приходилось на потребительские товары, 42 – на изделия промежуточного спроса и лишь 5,4% – на инвестиционные товары²⁸. Проблема стабильного роста экспорта и экспортной выручки для Турции связана с необходимостью структурных и технологических изменений, которые требуют крупных капиталовложений, увеличения государственных расходов на образование и подготовку кадров.

Среди других источников валютной выручки наибольшим потенциалом обладает индустрия туризма – Турция располагает естественными преимуществами для развития всех ее направлений. В 1997-1998 гг. валютные доходы страны от туризма составляли около 7 млрд. долл. Ежегодно, или 3,7% ВВП – это пока меньше чем у большинства других средиземноморских стран. Например, в Португалии этот показатель равняется 4,7%, в Испании и Греции – 4,6% (данные на 1995/96 гг.)²⁹. По имеющимся оценкам, доходы Турции от туризма уже в ближайшие годы могут достичь 10 млрд. долл. в год³⁰ при условии новых инвестиций и поддержания стабильное обстановки. Что же касается челночной торговли, которая во второй половине 90-х годов обеспечивала Турции крупные валютные доходы, то она скорее всего пойдет на спад, ее резкое сокращение произошло после финансового кризиса в России в августе 1998 г. В перспективе Турция может рассчитывать на рост валютных доходов от транспортировки через ее территорию энергоносителей (газа и нефти); существуют проекты прокладки трансконтинентальных трубопроводов из стран каспийского бассейна в Западную Европу, но пока нет ясности с их финансированием и трудно назвать реальные сроки их выполнения.

Подводя итоги, следует отметить, что привлечение Турцией в истекшие полвека внешних ресурсов преимущественно в виде ссудных капиталов явилось одним из наиболее важных факторов ее экономического роста. В то же время с ним связано образование значительного внешнего долга, погашение которого накладывает существенный отпечаток на экономическую стратегию и политику страны. В новое тысячелетие Турция вступает с тяжелым долговым бременем, выплата основных сумм и процентов по внешнему долгу уже в самые ближайшие годы потребует огромного напряжения ее экономики и финансов. Поддержание устойчивой платежеспособности будет напрямую зависеть от того, сможет ли Турция ускорить структурную перестройку экономики, стабилизировать денежную и финансовую сферы. На новом этапе рост валютной выручки может быть достигнут в

первую очередь за счет развития высокотехнологичных отраслей и производств, которые обогатят ассортимент и поднимут конкурентоспособность предлагаемых внешнему рынку турецких товаров и услуг.

¹ Rustov D.A. Turkey: America's Forgotten Ally. N.-Y., 1987, с. 136-137.

² Kepenek Y., Yentürk N. Türkiye ekonomisi. İstanbul, 1997, с. 232.

³ Там же.

⁴ '91 Petrol-İŞ. İstanbul, 1992, с. 174.

⁵ Подсчитано по: İŞBANK. Türkiye'nin ekonomik göstergeleri 1980-1989.

⁶ Там же.

⁷ Özalp E. Türkiye'nin dış borçları. 75 yılda para'nın serüveni. İstanbul, 1999, с. 205.

⁸ Milliyet. 19-20.12.1983.

⁹ Capital, İstanbul, 04.1998, с. 1.

¹⁰ Там же, с. 6.

¹¹ T.C.Resmî gazete, 11.08.1989, Закон № 37.

¹² По данным платежного баланса Турции приток в страну частных иностранных инвестиций в 90-е годы в следующей таблице (млн. долл.):

Инвестиции	1990-1993 гг.		1994 – 1997 гг.	
	Всего	в среднем за год	Всего	в среднем за год
Прямые	2897	724	2497	642
Портфельные	7523	1881	3600	900

¹³ Özalp E., Türkiye'nin dış borçları. с. 207.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Almanac Turkey '99. İstanbul, 1999, с. 319.

¹⁷ IMF. Turkey: Recent Economic Developments and Selected Issues. Wash., 1998, с. 148.

¹⁸ Там же, с. 161.

¹⁹ İktisadî Rapor 1981. Ankara, 1982, с. 260.

²⁰ Türkiye. 16.03. 1999.

²¹ İŞBANK. Türkiye'nin ekonomik göstergeleri 1991-1993. Ankara, 1994, с. 11; 1994, с. 11; 1994-1996, с. 8; DEİK Bulletin. Turkish Economy in Figures. March 1999, с. 5.

²² Milliyet. 23.01.1999.

²³ DEİK Bulletin. 1999, March, с. 5.

²⁴ Kepenek Y., Yentürk N. Türkiye ekonomisi, с. 481.

²⁵ DEİK Bulletin. 1999, March, с. 10.

²⁶ Там же.

²⁷ DEİK. Türkiye 1998. An international Comparison. İstanbul, 1998, с. 74.

²⁸ İŞBANK. Türkiye'nin ekonomik göstergeleri 1996-1998, Ankara, 1998, с. 6.

²⁹ IMF. Turkey. Recent Economic Developments and selected Issues, с. 21.

³⁰ Almanac Turkey '99, с. 97.

Иран и конфликты на Балканах

В начале 90-х годов в связи с окончанием холодной войны, крахом социалистической системы в Восточной Европе и началом «бархатной революции» ускорился процесс распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) на отдельные национальные республики. К началу 1992 г. на обломках СФРЮ были созданы следующие государства главным образом по национальному признаку: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, а также Югославия в составе Сербии и Черногории. Белград все еще пытался претендовать в известной мере на руководящую роль в рамках бывшей социалистической Федерации Югославии, тем не менее никто из этих новых республик не заявил о своем подчинении бывшему социалистическому центру. В этом регионе разгорелась гражданская война между сербами и боснийскими мусульманами (славянами, принявшими мусульманство во времена Османской империи), а также хорватами и сербами. Для примирения народов этого региона были вынуждены включиться Россия и США, а также Германия, Великобритания, Франция и Австрия. Не остались в стороне и мусульманские страны, активно выступившие в поддержку мусульман региона. К ним прежде всего относятся Турция, Иран, Саудовская Аравия и некоторые другие, а также влиятельная исламская международная организация – Организация исламской конференции (ОИК) и т. д.

И если об участии Запада в решении проблем Боснии, и особенно Косово, в средствах массовой информации (СМИ) сообщается довольно подробно и регулярно, то события, связанные с участием ведущих исламских государств в деле решения этих проблем не освещаются вовсе, либо только урывками. И это несмотря на то, что они имеют не менее важное значение для восприятия и оценки общих событий, происходящих в этом регионе земного шара, представляя как бы оборотную сторону медали. Цель данной статьи заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на освещении балканских событий, связанных с вовлечением Исламской Республики Иран (ИРИ) и других ведущих исламских государств в решение проблем Косово.

Что касается ИРИ, то она поддерживала нормальные дипломатические отношения с СФРЮ вплоть до ее распада, а позже, в марте 1992 г., признала независимость вновь образованных республик бывшей Югославии – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и др. С Боснией Тегеран установил дипломатические отношения и стал поддерживать тесные политические, торгово-экономические, культурные, военные и идеологические связи, осуществляемые по так называемой линии исламских контактов с мусульманами этих республик¹.

И это не случайно, ибо в Боснии и Герцеговине на начало 90-х годов большая часть населения из 4,5 млн. чел. 44% – 1,98 млн. человек – мусульмане, тогда как сербов насчитывалось 1,77 млн. (39,3%) и хорватов около 0,75 млн. человек (16,6%). Сложна и трагична история народа этого края. После освобождения от османского ига он угодил под австро-венгерскую оккупацию. Именно здесь, в Сараево, роковой выстрел юного серба в австрийского эрцгерцога спровоцировал первую мировую войну. После второй мировой войны Босния и Герцеговина стала одной из шести республик Югославской Федерации. После распада в бывшей СФРЮ прошли демократические выборы, но под национальными знаменами.

В Республике Босния и Герцеговина (далее – Босния – РБГ) самой крупной политической партией оказалась мусульманская, второй по величине – сербская и, кроме того, хорватская. В результате выборов председателем Президиума РБГ был избран мусульманин, а председателем Скупщины (парламента) – серб. В конце февраля – начале марта 1991 г. в Боснии был проведен референдум, в результате которого она вышла из состава СФРЮ и была провозглашена независимость республики. Таким образом, была заложена основа для создания чисто исламского государства на Балканах, в центре Европы, где сербский народ и хорваты составили национальное меньшинство. Это в свою очередь стало миной замедленного действия, взрыв которой послужил началом новой войне на Балканах².

Исламский мир внимательно следил за событиями на Балканах и приветствовал независимость Боснии и Герцеговины, где решающую роль стали играть местные мусульмане. Из всех мусульманских стран особую активность в этом отношении проявлял и продолжал проявлять Иран. Уместно отметить, что еще до провозглашения независимости в 1992 г. в Тегеране с дружеским визитом в мае 1991 г. находился председатель Президиума Социалистической Республики Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович. Во время этого визита было положено начало более тесному торгово-финансовому и экономическому сотрудничеству двух стран. Этому, как отмечали СМИ Ирана, способствовали два важных фактора: во-первых, обе страны уже сотрудничали в рамках Движения неприсоединения; во-вторых, что особо подчеркивалось, А. Изетбегович – первый мусульманин по вероисповеданию, возглавивший РБГ, населенную в основном мусульманами «европейского происхождения»³.

В Тегеране богословы были приятно удивлены исламским менталитетом боснийского руководителя А.Изетбеговича, который, к тому же, высказывал явную приверженность к идеям и канонам исламских фундаменталистов, в частности к учениям основоположника фундаменталистского движения аль-Банна и имама Хомейни. Это было тем более неожиданным для иранских богословов, поскольку А.Изетбегович, будучи крупным исламским политиком на Балканах, тем не менее возглавлял определенное время Социалистическую Республику Босния и Герцеговина.

Следует отметить, что в начале 90-х годов в связи с резко изменившейся глобальной и особенно региональной ситуацией, связанной, в частности, с распадом СССР и образованием на его южных окраинах новых мусульман-

ских республик, иранское руководство фактически начало осуществлять так называемую вторую волну исламского возрождения (первая была начата имамом Хомейни в 1979 г. и окончилась вместе с его кончиной в 1989 г.). Характерная черта этого нового международного исламского возрождения, которое снова возглавил Иран, – фактический отказ от ранее провозглашенного курса на экспорт только исламской культурной революции и возвращения к прежнему курсу экспорта исламской революции, т.е. отходу от идеологической борьбы и возврат к прежнему курсу агрессии. И это стало отчетливо сказываться как в отношении самой Боснии, так и Алжира, Судана, Турции, некоторых стран СНГ, включая и Россию. Это произошло в ответ на усилившийся нажим правых фундаменталистов Ирана на фундаменталистов-прагматиков и на их критику. Ибо прагматики не забыли главный политический принцип ИРИ, провозглашенный еще аятоллой Хомейни, «поддержка угнетаемых мусульман всей планеты», что, кстати, записано в Конституции ИРИ⁴.

Правые фундаменталистские круги Ирана фактически продолжают выступать с позиций своей внешней политики, которая нередко не отвечает национальным интересам страны. Однако она соответствует всем исламским канонам и постулатам. Правые радикалы начали серьезно критиковать правительство Рафсанджани, особенно министра иностранных дел ИРИ А.Велаяти, за «нейтральность» и чрезвычайную «осторожность», которую оно проявляет в этот «критический для всего исламского мира» период, когда враги ислама наносят удары по мусульманским странам и угнетают мусульман всего мира. Отвести от них удар и ослабить угнетение и эксплуатацию мусульманской уммы странами Запада, особенно США и Израиля, это, как полагали правые иранские радикалы, никак не «экстремизм» и реальная реакция на происходящие в мире насилия над мусульманами Боснии, Палестины, Азербайджана, Чечни и т. д.

Что же касается мусульман Югославии, то в Тегеране правые круги были убеждены, что Белград (под которым иранцы подразумевали прежде всего сербов) проводит политику дискриминации и подавления собственных мусульман в угоду сербам-христианам. А официальный Тегеран, который установил широкие торгово-экономические связи еще с СФРЮ, не хочет их нарушать, ибо это может негативно отразиться на югославском импорте иранской нефти, дающем большие доходы Ирану. Более того, руководители ИРИ упрекали правых прагматиков, даже тогда, когда они стали поддерживать боевые действия в Боснии против югославского центра, а само продолжало поддерживать и развивать взаимовыгодные связи с Сербией и новой Югославией. А это уже «не годится теперь», входит в противоречие с идеологическими принципами ИРИ и может грозить неприятностями внутриполитического характера администрации Рафсанджани. И хотя внешне МИД ИРИ придерживается антисербской позиции, он был настолько «осторожен» и так боялся, что его могут обвинить в исламском фундаментализме и экстремизме, что это не могло не тревожить «истинных мусульман ИРИ».

В иранских газетах того времени замелькали цитаты из сунны (изречения Пророка Мухаммада): «Не может считаться истинным верующим

тот, кто не любит своего брата-мусульманина как самого себя». Другими словами, СМИ выступили в поддержку и подвели идейную поддержку под то, что Мухаммад вменяет в обязанности каждому члену мусульманской общины относиться к единоверцам как к братьям и оказывать им в случае необходимости всемерную помощь⁵.

Когда же РБГ заявила о своей независимости в начале 1992 г., что, кстати, и послужило началом «эскалации агрессии югославской федеральной армии против населения Боснии и Герцеговины», то Тегеран резко изменил свой курс по отношению к СФРЮ. Он отозвал своего посла из Белграда, заморозил торгово-экономические связи с Югославией, прекратил поставки ей нефти и приостановил воздушное сообщение между Тегераном и Белградом⁶.

С лета 1992 г. Иран начал оказывать гуманитарную помощь населению РБГ. В июне из ИРИ были направлены 14 большегрузных автомобилей, доставивших в РБГ муку, масло, рис, мыло, стиральный порошок и другие товары на сумму 350 млн. риалов (по официальному курсу – около 6 млн. долл.). Однако Иран не ограничился только поставками гуманитарных грузов, а под прикрытием Организации Красного Полумесяца стал направлять в Боснию оружие и даже своих добровольцев из числа «стражей исламской революции». Так, в сентябре 1992 г. МИД Хорватии сообщил, что в аэропорту Загреба был задержан военно-транспортный самолет «Боинг 747» ВВС Ирана, на борту которого находилась крупная партия оружия и боеприпасов, а также 40 иранских военнослужащих. Хорватия потребовала от правительства Ирана объяснений и уведомила об этом ООН. Президент ИРИ Рафсанджани поспешил опровергнуть это сообщение⁷.

Между тем Тегеран продолжал развивать контакты с лидерами боснийских мусульман. Так, в октябре 1992 г. по приглашению иранской стороны в Тегеране побывал Якуб Селимоски, который встречался и вел переговоры с министром иностранных дел ИРИ А.Велаяти и другими официальными лицами Ирана. Он выразил признательность ИРИ за гуманитарную и другую помощь РБГ и за поддержку борьбы его народа. Я.Селимоски призвал исламские страны, и в первую очередь ИРИ, активизировать усилия по снятию международного эмбарго на поставки оружия в РБГ. В свою очередь А.Велаяти подверг резкой критике «определенные государства» за их «лицемерное отношение к преступлениям сербов в Боснии и Герцеговине» и использование ООН для достижения своих целей. Иранский министр особо подчеркнул, что именно Иран был первым государством, выступившим в поддержку мусульманского народа РБГ в ООН, в Движении неприсоединения, в Организации исламская конференция (ОИК) и т.д.⁸

По сообщениям западной прессы, Иран в октябре 1992 г. принял решение направить в РБГ 700 тыс. баррелей нефти (около 100 тыс. т) и эвакуировать оттуда в Тегеран раненых боснийских мусульман для их лечения. Для сопровождения указанного груза и приема раненых в РБГ была направлена специальная делегация. Однако официальные представители Хорватии стали, тем не менее, утверждать, что Иран кроме гуманитарной

помощи «поставляет боснийским мусульманам оружие и боеприпасы». Обычно Тегеран отрицал эти обвинения, однако он не скрывал, что «рассматривает возможности оказания мусульманам военной помощи в случае, если дипломатические усилия не приведут к прекращению боевых действий в зоне вооруженного конфликта»⁹.

В ноябре 1992 г. министр иностранных дел Ирана А.Велаяти посетил с визитом Хорватию, где он вел переговоры с официальными лицами страны. Вернувшись из этой поездки, А.Велаяти подчеркнул на пресс-конференции в Тегеране, «что многие боятся иранского вмешательства в боснийскую проблему». Между тем он обвинил западные страны в потворстве «преступлениям сербов» в РБГ, а также в том, что они слабо реагируют на положение в этой республике. Иранский лидер опроверг сообщения некоторых СМИ, что Иран, мол, направляет в Боснию оружие. По его словам, ИРИ снабжает эту республику только товарами первой необходимости и нефтью. В частности, он отметил, что в самое ближайшее время в Загреб должен прибыть самолет с очередной гуманитарной помощью, который заберет оттуда около 100 раненных боснийских мусульман¹⁰.

В декабре 1992 г. в Джидде (Саудовская Аравия) состоялась чрезвычайная сессия ОИК на уровне министров иностранных дел. Для участия в ее работе были приглашены президент РБГ. А.Изетбегович и министр иностранных дел Хорватии. Главный вопрос – положение в Боснии и Герцеговине. Участники совещания поддержали борьбу боснийских мусульман за независимость, осудили сербскую агрессию против Сараево, и главное – призвали ООН снять эмбарго на поставки в РБГ оружия до 15 января 1993 г. В резолюции было также выражено беспокойство по поводу эскалации напряженности в Косово, Санджаке и Македонии¹¹.

Министр иностранных дел ИРИ А.Велаяти, принимавший участие в работе этой сессии, позитивно оценил ее итоги и выразил удовлетворение тем, что эта сессия одобрила до 90% иранских предложений ИРИ по РБГ. А.Велаяти назвал призывы к ООН снять эмбарго на поставки оружия в РБГ до 15 января 1993 г. главным достижением этой сессии. При этом он подчеркнул, что после 15 января в случае необходимости исламские страны рассмотрят просьбу боснийского правительства о военной помощи. Президент РБГ А.Изетбегович назвал «весьма обнадеживающими» для боснийских мусульман решение ОИК по поводу предстоящей отмены эмбарго на поставки оружия Боснии, а также выразил глубокую признательность иранскому народу и его руководству за поддержку и назвал Иран «ближайшим другом Боснии и Герцеговины»¹².

В начале января 1993 г. МИД ИРИ выступил с заявлением, в котором предупредил мировое сообщество о «намерении сербских войск провести среди мусульман Косово этническую чистку», направленную на создание великосербского государства. В заявлении было также отмечено, что на начало января 1993 г. в Боснии было уже убито 100 тыс. мусульман и около 1 млн. человек стали беженцами. Иран выразил глубокое беспокойство в связи с жестокостями сербской армии и полиции, а также в связи с эскалацией войны на Балканах. В заключении заявления говорилось, что

весь мир, и особенно Европейское сообщество, должны принять меры по недопущению «новой катастрофы» в этом регионе¹³.

Несмотря на утверждение Ирана, что он не снабжает боснийских мусульман оружием и не направляет своих добровольцев в РБГ, средства массовой информации Запада и России утверждали обратное. В частности, было подтверждено, что Иран продолжает тайно поставлять оружие боснийским мусульманам, а среди исламских боевиков, сражающихся на стороне РБГ, находится много так называемых добровольцев из Ирана. Так, индийская газета «Таймс оф Индия» отмечала, что по линии ОИК Боснии оказывается внушительная финансовая помощь экстренного характера в сумме 58 млн. долл. При этом крупнейшими финансовыми донорами выступали ИРИ и Саудовская Аравия, которые обязались представить по 20 млн. долл. каждая. Газета обратила также особое внимание на обращение к ОИК министра иностранных дел РБГ Хариса Силайджича, призвавшего руководство ОИК в срочном порядке рассмотреть вопрос об оказании в официальном плане военной помощи его стране¹⁴.

Под давлением исламских государств (а это 25% членов ООН) генеральный секретарь ООН Бутрос Гали принял в июне 1993 г. решение удовлетворить требование ОИК и разрешить направить в РБГ под флагом ООН 7600 военнослужащих из исламских государств. Пакистан, в частности, обещал направить в Боснию 3 тыс. своих солдат и офицеров, а Иран примерно 3,5 тыс. военнослужащих. Несколько позже число голубых касок ООН в РБГ было решено увеличить. В связи с этим Иран выразил готовность направить в Боснию 10 тыс. молодых бойцов из числа «стражей исламской революции». Однако в этом ему было отказано, несмотря на то, что, как отмечала французская «Фигаро», для поддержания миротворческих усилий в РБГ, только для создания шести «зон безопасности» требовалось привлечь более 50 тыс. миротворцев¹⁵. Необходимо также отметить, что, хотя формально ООН и ОИК отвергли предложение ИРИ направить в Боснию 10 тыс. «стражей», они, тем не менее, не предприняли каких-либо реальных мер, чтобы воспрепятствовать нелегальному приезду иранцев в РБГ морским, воздушным и сухопутным путями.

Следует отметить, что значительно возросшее в начале 90-х годов влияние Ирана на Балканах в целом, и в РБГ в частности, подтверждает следующий факт. Когда Греция, являвшаяся временным председателем Европейского Союза в 1994 г., высказала намерение включиться в процесс миротворчества в этом регионе, то она, учитывая расстановку там политических сил, была вынуждена обратиться к Ирану за помощью. Иран, в частности, попросили, чтобы он оказал соответствующее воздействие на мусульманскую общину в РБГ, чтобы дать возможность ЕС приступить к мирному урегулированию боснийского кризиса. Примечательно, что министр иностранных дел ИРИ А.Велаяти благосклонно обещал, что его страна положительно рассмотрит эту просьбу в плане объединенных

усилий и координации действий между мусульманскими и европейскими государствами, чтобы положить конец боснийской трагедии¹⁶.

В 1998 г. исламский парламент РБГ заявил о своей независимости, а некоторое время спустя, в середине марта 1994 г., в Вашингтоне было подписано соглашение о создании в Боснии федерального хорватско-мусульманского государства, которое было подписано президентом РБГ А.Изетбеговичем и президентом Хорватии – Ф.Туджманом в присутствии президента США Б.Клинтона. В соглашении, в частности, содержался призыв к прекращению огня и созданию конфедерационного государства с Хорватией. Тем не менее положение в РБГ не улучшилось и военные действия не прекратились¹⁷.

Усиление военных столкновений в РБГ вызвало протест Тегерана против действий западных стран и ООН в этой республике. Наряду с этим духовный вождь ИРИ аятолла С.А.Хаменеи призвал армию, корпус стражей исламской революции (КСИР) и народное ополчение «басидж» находиться в полной боевой готовности, чтобы по первому сигналу немедленно выступить в защиту мусульман РБГ. Постоянный представитель ИРИ в ООН К.Харрази провел серию атак на руководство ООН за его бездействие по событиям в РБГ. Он, между прочим, заявил, что если ООН не отменит эмбарго на поставки оружия мусульманам Боснии, то исламские государства «могут решить этот вопрос самостоятельно»¹⁸. На фоне этих событий усилилось дальнейшее несанкционированное проникновение в РБГ иранских «стражей», а также тайные поставки оружия в эту республику. Так, американская газета «Вашингтон пост» летом 1994 г. опубликовала статью о присутствии в РБГ большого числа «иранских инструкторов» и получении этой республикой из Ирана значительного количества вооружений, в том числе и тяжелых видов. Однако министр иностранных дел ИРИ А.Велаяти в интервью французской газете «Экспресс» в июне 1994 г. решительно отрицал этот факт. А в августе 1995 г., как бы противореча самому себе, он заявил, что «без помощи мусульманских стран боснийский народ не смог бы в течение трех лет противостоять актам агрессии со стороны сербов», и тут же высказался за необходимость поставок «тяжелого оружия боснийским мусульманам»¹⁹.

В октябре 1995 г., благодаря усилиям западных стран, ООН и в какой-то мере НАТО, было достигнуто соглашение между воюющими сторонами о прекращении огня и перемирии, которое подписали президент РБГ А.Изетбегович и лидер боснийских сербов Р.Караджич. Для поддержания мира в РБГ НАТО согласовало план ввода туда сил ООН численностью 60 тыс. человек (в том числе из США – 20 тыс., из Великобритании – 15 тыс., Франции – 12,5 тыс. и из Германии – 5 тыс.). Это соглашение послужило преддверием к достижению в декабре 1995 г. мирных соглашений, подписанных в Дейтоне (США), где было достигнуто соглашение о прекращении военных действий и разграничении между мусульманами и хорватами, с одной стороны, и сербами Боснии – с другой. Кстати, Иран назвал дейтонские соглашения «несправедливыми», хотя в целом и оценил их как «прелюдию к миру». Важным пунктом дейтоновских со-

глашений было решение о выводе из РБГ всех исламских боевиков, среди которых преобладали иранские «стражи»²⁰.

Уже тогда США выразили опасения, что исламские добровольцы из Ирана, Алжира, Саудовской Аравии, Афганистана, Ливии, Пакистана и Египта играют слишком большую роль не только в военных вопросах из РБГ, но и принятии ею решений политического, экономического и идеологического характера. Но А.Изетбегович постарался взять под свою защиту этих «воинов ислама» путем, например, значительного уменьшения официальной цифры их присутствия в из РБГ, которую Сараево определило порядка 2-5 тыс. человек. На самом деле их было значительно больше, особенно иранских «стражей». И именно их больше всего опасался Пентагон, который считал, что они готовы пойти на провокации и подорвать мир и безопасность в Боснии²¹.

Как бы там ни было, но исламским боевикам пришлось покинуть из РБГ. Выехала и небольшая часть иранских «стражей», хотя, как стало позже известно, сумела к ужасу Запада под самыми разными предлогами остаться в из РБГ²². Таким образом, благодаря заранее принятым мерам подавляющая часть «стражей» сумела по указанию руководства ИРИ остаться в Боснии, а также пристроиться в мусульманских анклавах других балканских республик, например, в Косово (Югославия), Македонии и т.д. Все это, конечно, серьезно укрепило позиции Ирана не только в РБГ, но и в других республиках бывшей Югославии, что позволило Тегерану оказывать в дальнейшем большое влияние на ситуацию на Балканах в целом и в РБГ в особенности. При этом ни один из конфликтов в этом регионе, по мнению, например, российского корреспондента РИА «Новости» в Иране Е.Зайнабидинова, особенно в Косово, нельзя было решить или урегулировать без участия Ирана²³.

В середине 1996 г. Иран активно поддержал на выборах в РБГ представителя боснийских мусульман Алию Изетбеговича, вложив в его избирательную кампанию около 500 тыс. долл. В итоге 70-летний А.Изетбегович наряду с представителями хорватов и сербов был избран в Коллективный Президиум РБГ, заняв там пост президента на первый срок правления с передачей его затем хорватам и сербам²⁴.

Такая любовь иранских лидеров к А. Изетбеговичу станет вполне понятна, если принять во внимание, что он по своим убеждениям не только ревностный мусульманин, но и полностью разделяет взгляды и идеи крайне правого крыла исламских фундаменталистов-радикалов, главным постулат которых – утверждение, что рано или поздно весь мир (т.е. все нации и расы) должны покориться исламу. Если же немусульмане откажутся подчиниться исламскому государству, то им должна быть объявлена священная война – джихад. Поэтому истинное исламское государство в качестве одной из своих важнейших задач рассматривает ведение священной войны со всеми, кто не желает подчиниться воле Аллаха. Кроме того, мусульманин-фундаменталист А.Изетбегович придерживается и другого важного исламского постулата – каждый мусульманин, отказавшийся

от своей религии, должен быть осужден на смертную казнь. Многие мусульмане в бывшей Югославии были ранее членами коммунистической партии этой страны или просто не признавали себя мусульманами, т.е. фактически отказались от своей религии. Таким образом, их можно было бы в наше время осудить на смерть. А таких мусульман в бывшей СФРЮ насчитывается несколько миллионов²⁵.

Еще в 1970 г. А.Изетбегович написал наделавшую большой шум брошюру «Исламская декларация», в которой изложил свое «исламское кредо» в духе крайнего экстремизма, присущего исламскому фундаментализму. Став президентом РБГ, он переиздал свой труд в 90-х годах на сербском, арабском, английском и турецком языках, не изменив, как утверждает известный сербский ученый-исламовед М.Йевтович, там ни строчки. Эта декларация, по отзыву этого ученого, проникнута духом нетерпимости к другим национальным общинам, проживающим в РБГ. Ее первый и самый важный вывод заключается «в несовместимости ислама с неисламскими странами. Нет и не может быть мира и сосуществования между исламской верой и неисламскими общественными и политическими институтами... Ислам ясно и недвусмысленно исключает право и возможность деятельности какой-либо другой идеологии на своей земле. Он, в частности не скрывает, что ведет борьбу за создание Великой Исламской Федерации – от Марокко до Индонезии и от тропиков Африки до Центральной Азии»²⁶.

Кроме того, А.Изетбегович написал еще одну книгу на эту тему – «Ислам между Востоком и Западом», где сформировал и изложил основные принципы и каноны установления и господства власти ислама на Балканах, которые он, кстати, успел уже частично претворить в жизнь, будучи президентом РБГ.

Так, сначала создается новая интеллигенция, которую учат мыслить по-мусульмански. Под жесткий контроль поставлены СМИ республики, что, по А.Изетбеговичу, является одной из важных целей установления истинной исламской веры и морали, поскольку «воспитание народа, а особенно с помощью СМИ должно находится в руках людей, чей исламский моральный и интеллектуальный авторитет бесспорен. «Нельзя позволять, чтобы СМИ находились в руках людей другой идеологии. Причем особенно важно, по А.Изетбеговичу, чтобы взгляды, высказываемые с телеэкрана, не отличались от тех, которые проповедают в мечетях. А это та система, которая существует в Саудовской Аравии и Иране»²⁷.

Эти крайне правые и экстремистские взгляды А.Изетбеговича не раз подвергались суровой критике со стороны сербских ученых-исламоведов и политологов. Так, известный в белградских научных кругах профессор М.Йевтич в монографии «От Исламской декларации» до религиозной войны в Боснии и Герцеговине» вскрыл главные причины, почему в последнее время запылало зеленое знамя ислама в самых разных регионах нашей планеты, и не только в РБГ, но и в Чечне, Таджикистане, Афганистане и Алжире. М.Йевтич разоблачил планы исламских фундаментали-

стов и исламского режима в Сараево, которые рассматривают Балканы как плацдарм для последующего наступления ислама в Европе. Автор сделал экскурс в историю связей местных мусульман с гитлеровским режимом в годы второй мировой войны. Тогда были созданы две дивизии СС – боснийская и албанская, цель которых помимо всего прочего заключалась в том, чтобы «очистить Боснию и Герцеговину от сербов, в которых они видели главное препятствие процессу исламизации на Балканах». Профессор при этом процитировал Гимmlера: «Мусульмане в целом испытывают огромные симпатии к национал-социализму..., мусульмане из чувства ненависти к общему еврейско-англо-большевистскому врагу с воодушевлением и преданностью пришли к Гитлеру».

После Второй мировой войны на Балканах была создана подпольная исламская организация «Младомусульмански покрет», которая действовала вплоть до 1946 г., т.е. до ареста группы «молодых мусульман». В 1947 и 1949 гг. были произведены новые аресты, и исламское подполье, казалось, удалось выкорчевать. Среди арестованных был и «молодой мусульманин» Алия Изетбегович, получивший три года тюрьмы. Еще к шести годам заключения он был приговорен в 1983 г. за антиконституционные действия, когда уже стал зрелым политиком. «Нежная революция» в Восточной Европе снова вернула его к политической деятельности.

М.Иевтич обращает внимание на то, что, когда мусульмане нападают на немусульманскую страну и убивают немусульман, то, по Изетбеговичу и по нормам исламской морали, «они не совершают ничего плохого, а напротив – вершат добрые дела, поскольку уничтожают тех, кто следует сатане». Сербский исламовед полагает, что следует со всей серьезностью отнестись к выдвинутой Изетбеговичем концепции о необходимости создания Великой Исламской Федерации, которая, в частности, предусматривает разрыв с Югославией, соединение с областями Рашка, Космет, Косово, частями Южной Болгарии и Северной Греции и, наконец, с Турцией и т.д. Профессор настоятельно рекомендует обратить на это внимание США, которые совместно с некоторыми исламскими странами Востока, в частности с Ираном и Саудовской Аравией, выступили в поддержку боснийских мусульман, не осознавая, какому риску они подвергают себя и вообще весь остальной западный мир, который «истинные мусульмане» именуют не иначе как державой неверных, против которой следует вести священный джихад²⁸.

Как известно, в разгар гражданской войны в РБГ только в 1984 г. Иран поставил боснийским мусульманам 60 т различного оружия на 50 млн. долл. Затем к помощи мусульманам подключились и США, которые фактически действовали вместе с Тегераном, снабжая мусульман оружием и боеприпасами. Это стало достоянием гласности и американский конгресс осудил эту политику, которая противоречит национальным интересам США и поощряет давнего противника Вашингтона – Иран. Поэтому в 1996 г. администрация президента Б.Клинтона заявила, что США готовы продолжать военные связи с РБГ., но при

главном условии – Сараево должно свернуть все, прежде всего военные, контакты с Тегераном и выслать из зоны конфликта иранских моджахедов.

Настоящую бурю возмущения вызвала в Белом доме поездка нового премьер-министра РБГ Хасана Муратовича в Тегеран, в начале 1996 г. В ходе этого визита произошло существенное укрепление боснийско-иранских связей. Вашингтон даже пригрозил не предоставлять Сараево помощь вместе с другими исламскими странам в сумме 700 млн. долл., предназначенных на покупку оружия и обучение личного состава боснийской армии. Однако руководство РБГ не спешило с осуществлением этих требований, а администрация Б.Клинтона, в отличие от конгресса США, и не очень то и настаивала на этом. Это хорошо поняли в Сараево, которое не намеревалось рвать связи с Ираном. Потому что, как подчеркнула газета «Сегодня», «среди большого числа конфликтных зон в Восточной Европе особого внимания заслуживает появление «исламского подбрюшья» на Балканах (Босния-Санджак-Косово-Албания)», связанного с Турцией и Ираном, который, кстати, обещал предоставить РБГ около 50-80 млн. долл. на те же военные цели²⁹.

Что касается причин американской поддержки Боснии и Герцеговины, то они кроются во внутреннем давлении деловых кругов США на администрацию президента в том плане, что исламский мир дает им всю необходимую нефть по дешевой цене, что исламские государства готовы инвестировать миллиарды долларов в экономику «дружественных государств» и являются потенциальным рынком для миллионов покупателей товаров и услуг Запада во главе с США. Наконец израильско-исламский мирный процесс только выиграет, если США – главный партнер Израиля – станут другом исламских государств. На этом особенно настаивает, в частности, Саудовская Аравия. Сравнив все это с тем, что могут дать взамен интересам США 8 млн. сербов (население нынешней Югославии), становится совершенно ясным, в чью пользу сделают или уже сделали свой выбор США. Для укрепления своего влияния в РБГ и на Балканах в целом США увеличили число своих миротворцев с 15 тыс. до 18 тыс. человек, выделили на 1998 г. 225 млн. долл. для выполнения своих обязательств по Дейтоновским соглашениям, а также приняли участие в создании новой денежной единицы – боснийской марки³⁰.

Иранское руководство в целом осталось довольным результатами своей политики и «исламской миссии» в РБГ, особенно деятельностью своего посла Мохаммада Ибрагим Тахерияна, который был удостоен высокой государственной награды, полученной из рук самого президента ИРИ А.А.Хашеми-Рафсанджани³¹. Так был положен конец конфликту в Боснии и Герцеговине, а вслед ему на Балканах стали зарождаться новый конфликт в Косово.

Волнения в Косово начались в 1989 г. Население Автономного края Косово, входящего в состав Югославии, в основном состоит из албанцев-мусульман и меньшинства сербов-христиан, исповедующих православие. Вооруженные стычки между албанцами и сербами со временем перерос-

ли в настоящую войну. При этом албанцы стали выступать за отделение Косово от Югославии во имя создания Великой Албании. С другой стороны, для подавляющего большинства сербов Косово имеет большое значение и как святыня, и в чисто историко-культурном плане. Для сербов Косово – это что-то наподобие Куликова поля для русских.

Осложнения ситуации в Косово привлекли внимание мировой общественности, в том числе и Ирана. Так, новый президент ИРИ М. Хатами, выступая в ООН в декабре 1998 г., заявил, что «в Косово должны быть признаны законные права народа этого края (т.е. албанцев-мусульман. – В.У.), и правительство Югославии нужно заставить уважать эти права»³².

Мусульманский мир по-своему отреагировал на события в Косово, встав фактически на сторону косовских мусульман. По сведениям Белграда, в Ливане, Афганистане и Судане были созданы специальные лагеря, где стали готовить боевиков и террористов и после недолгой «учебы» направлять их в качестве добровольцев в Косово. Следует отметить, что Иран имеет самые тесные связи с Ливаном и особенно с Суданом, включая и военные связи. Так что тот факт, что Белград не упоминал прямо Иран в поддержке мусульман в Косово, еще ничего не значит³³. Однако вполне возможно, что если Иран и воздержался от прямого участия в событиях в Косово, то это было сделано главным образом потому что ИРИ и ее президент стали во главе Организации исламская конференция (ОИК), а М.Хатами осудил терроризм и призвал решать все проблемы мирным путем за столом переговоров. Тем не менее, иранские «питомцы» из упомянутых лагерей «достойно» представляли ИРИ в составе других иностранных наемников и моджахедов, которые стали сражаться с правительственными войсками Югославии. Нельзя забывать и то, что в конце войны в Боснии, оттуда в Косово, как уже указывалось, выехало немало иранских «стражей исламской революции», которые встали на сторону местных мусульман-албанцев.

Однако в целом, и это нужно особо отметить, исламский фактор в Косово не имел такого большого значения, как например в Боснии, для косовских сепаратистов – политиков и идеологов. Их лидеры в прошлом были в основном сторонниками радикального коммунизма маоистского толка и идеологически были связаны с покойным лидером Албании Энвером Ходжей³⁴. Другими словами, исламский фактор на начальном периоде столкновений в Косово был если не на втором, то, по крайней мере, на третьем месте в приоритетах политики косовских лидеров. Естественно, что это не могли не заметить и не принять во внимание мусульмане других стран и, конечно, в Иране.

И все же, когда после бесплодных переговоров в Рамбуйе и Париже, 24 марта 1999 г. Североатлантический пакт начал военные операции против Югославии, на следующий день официальный представитель МИД ИРИ Х.Р.Асефи заявил, что Тегеран решительно выступает против любых силовых акций и военных действий на Балканах и считает необходимым поиск мирного решения проблемы Косово³⁵. В «начале апреля того же года в про-

странном заявлении по Косово снова выступил президент М.Хатами. Обращаясь к руководителям исламских стран как председатель ОИК в связи с событиями в Косово, он выразил крайнюю озабоченность по поводу обострения конфликта, гибелью людей, увеличением числа беженцев и возможностью распространения его на весь Балканский регион. М.Хатами также указал, что провал переговоров в Рамбуйе и Париже и силовая акция НАТО в Югославии способствуют лишь «эскалации напряженности». «Руководители исламских стран, – указал он, – должны учесть горький опыт войны в Боснии и Герцеговине и сделать все необходимое, чтобы не допустить повторения прошлого». М. Хатами дал указание своему министру иностранных дел К. Харрази начать консультации с министрами иностранных дел контактной группы ОИК по поиску новых инициатив, которые способствовали бы мирному урегулированию проблемы Косово³⁶.

В Тегеране в начале апреля 1999 г. был создан Штаб помощи косовским мусульманам во главе с видным исламским деятелем и одним из лидеров правого толка аятоллой Ахмадом Джаннати³⁷. По линии этого штаба ИРИ стала направлять гуманитарную помощь косовским беженцам: продовольствие, медикаменты, а также палатки и теплую одежду. Эта помощь направлялась главным образом в Албанию и Македонию, где скопилось немало беженцев из Косово. Тегеран направил в Македонию самолет для эвакуации части беженцев (всего их было там около 340 тыс. человек) в Иран. В начале мая 1999 г. в Иране был организован общенациональный сбор средств в рамках Дня солидарности с мусульманами Косово. По инициативе Благотворительного фонда им. имама Хомейни в городах страны, главным образом на центральных площадях, было открыто 5 тыс. передвижных пунктов сбора пожертвований. Духовный лидер иранской революции аятолла С.А.Хаменеи выступил с призывом к населению Ирана принять активное участие в этой гуманитарной акции. Сам С.А.Хаменеи пожертвовал из личных средств 100 млн. риалов (около 33 тыс. долл.), а президент М.Хатами – 50 млн. риалов (более 16 тысяч долларов)³⁸.

Примечательно, что министр иностранных дел ИРИ К.Харрази обратился к России с просьбой воздействовать более энергично на правительство Югославии для скорейшего прекращения насилия в отношении косовских мусульман, проводимых в ходе этнических чисток в этом крае. В то же время глава внешнеполитического ведомства Ирана назвал незаконными и негуманными удары самолетов НАТО по территории Югославии, предпринятых без согласия и одобрения их со стороны Совета Безопасности ООН³⁹.

В середине марта 1999 г. в Исламабаде (Пакистан) состоялась конференция исламских стран в связи с военными действиями Югославии в Косово. Конференция, в работе которой активно участвовал и представитель ИРИ, приняла резолюцию с призывом считать войну в Югославии джихадом (священной войной). Это серьезно обеспокоило ряд стран Европы, а также США. Дипломатические круги с опаской отмечали в то время, что «исламское Косово может послужить в качестве моста для иранской сферы влияния, которое скоро дойдет до Албании на востоке и Бос-

нии на западе. Говорят, что Македония, где также проживает много мусульман, вскоре может подпасть под контроль Ирана»⁴⁰. Другими словами, Запад был очень обеспокоен, что Иран может ввязаться в косовский конфликт, как это уже было в Боснии и Герцеговине.

Однако Запад ошибся. Иран не стал на этот раз открыто вступать в военное решение этого конфликта, предложенное НАТО. Это было прямо связано с той новой политикой, которую стал проводить М.Хатами, предложивший покончить с международным терроризмом и военным насилием, а решать проблемы мирными средствами на цивилизационном уровне. Интересно отметить, что хотя Тегеран осудил бомбовые удары НАТО по Югославии, политику президента С.Милошевича в Косово и агрессивные акции Вашингтона, некоторые СМИ мусульманских стран, в частности саудовская газета «Аш Шарк аль-Аусат» и пакистанская «Наваи вахт», осудили Иран в связи с его «недостаточно активной и принципиальной позицией по проблеме Косово». Короче говоря, они, видимо, ожидали, что Иран снова пошлет своих «добровольцев» на Балканы. Но их ожидания не оправдались⁴¹.

По инициативе ИРИ 8 апреля 1999 г. в Женеве состоялось совещание контактной группы ОИК специально по конфликту в Косово. В итоге был подготовлен проект резолюции, внесенный в Комитет по правам человека, где содержались некоторые моменты, касающиеся и политики России на Балканах. В связи с этим и обращением в МИД РФ иранского посла Мехди Сафари, ему было дано следующее разъяснение по политике России и США. Как стало известно из дипломатических источников, в представленном иранским послом документе не содержится даже намек на осуждение агрессии НАТО против суверенной Югославии. Представитель МИД РФ заявил также, что этот проект – яркий пример одностороннего антисербского подхода. «Странно, – отметил российский представитель, – что страны-члены ОИК, сами сталкивающиеся с проблемой сепаратизма, никак не осудили действия Армии освобождения Косово (АОК)». Кроме того, «проект резолюции требует от Белграда подписать соглашения, выработанные в Рамбуйе, хотя те себя уже давно дезавуировали»⁴².

Следует отметить, что американцы в этом конфликте попытались представить его как столкновение христианского православия (сербы и Россия) с исламом (весь мусульманский мир – более 120 стран). В связи с этим российскому руководству и особенно дипломатам пришлось приложить немало усилий, чтобы не допустить опасной конфронтации между двумя религиями и избежать объявления всеобщего джихада против Югославии и православных, в частности. Эти усилия Вашингтона, кстати, не поддержали многие страны мира, в том числе и мусульманские, особенно Иран. Более того, руководитель Штаба помощи косовским мусульманам А.Джаннати в довольно резкой форме осудил в середине мая 1999 г. США в происходящей на Балканах катастрофе. «В качестве повода для атаки на Югославию, – подчеркнул он, – была объявлена защита мусульман. Однако на самом деле цель США заключается в том, чтобы укрепить свои позиции на Балканах и ослабить насколько это возможно влияние России

в регионе». Антиамериканские настроения в Иране вспыхнули вновь также в середине мая, когда МИД ИРИ выразило официальный протест по поводу бомбардировок и обстрела ракетами территории вблизи иранской дипломатической миссии в Белграде⁴³.

И тем не менее, Иран продолжил курс на мирное решение проблемы Косово, в частности, и на Балканах в целом. Это особенно прозвучало во время официального визита М.Хатами в Саудовскую Аравию. В итоговом коммюнике король Фахд и президент М.Хатами заявили, что «поддерживают любые международные усилия, направленные на достижение справедливого решения югославской проблемы». В этом же коммюнике стороны подчеркнули, что «любое решение в Косове должно базироваться на выводе сербских войск из этого югославского края, их замене международными силами и возвращении беженцев»⁴⁴.

В начале июня 1999 г. Белград начал вывод своих войск из Косово, как настаивали страны НАТО и в первую очередь США. Вслед за этим прекратились воздушные налеты на Югославию и, таким образом, был положен конец еще одному военному конфликту на Балканах. Иран приветствовал это событие и в рамках ОИК стал разрабатывать планы и проекты по оказанию помощи мусульманам в Косово в восстановлении там разрушенного в ходе войны народного хозяйства. Прежде всего было решено наладить торгово-экономические связи с Косово. Иран, в частности, планировал возобновить поставки нефти косовским албанцам, где проблема с топливом стоит очень остро. При этом в Тегеране не скрывают, что хотели бы опередить в этом отношении Россию, которая также намеревается увеличить поставки нефти в Югославию, и в частности в Косово⁴⁵.

Между тем в середине июля 1999 г. Россия дала знать Ирану, что она возможно пригласит в расположение своих миротворческих сил в Косово иранских миротворцев. Возможно, для того, чтобы успешнее и безболезненно выполнить свою миссию в Косово, когда иранские мусульманские силы смогут наладить хорошие отношения с местными албанскими мусульманами, которые, к сожалению, стали все чаще выступать с пронаатовских позиций и в целом против российских миротворцев и политики России. Интересно отметить, что Вашингтон, который налаживает в настоящее время отношения с ИРИ не заметил или сделал вид, что не заметил возможного появления в Косово иранских миротворцев⁴⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что в связи с войной в Югославии, развязанной странами НАТО во главе с США, Иран осудил эту войну, поскольку Вашингтон проигнорировал СБ ООН и не получил от этого важного международного органа разрешения на военные действия против суверенной страны, что противоречит Уставу ООН и нормам международного права. Вместе с тем, Тегеран выступил за дипломатические методы решения кризиса в Косово, а также за необходимость оказания широкой гуманитарной помощи беженцам и перемещенным лицам, обеспечения условий для их безопасного возвращения к родным очагам.

Иран, кстати, не раз упрекал Россию в том, что она, мол, «безоговорочно» поддерживает президента Югославии С.Милошевича, не оказывает на него должного политического нажима. И в целом якобы ведет себя крайне «пассивно и нерешительно», а безоглядная поддержка сербов лишает ее возможности установить нормальные отношения с мусульманами Косово.

Официальный Тегеран решительно осудил политику Белграда и лично президента С.Милошевича за их жесткую и «неприемлемую» на пороге XXI в. политику этнических чисток в Косово в отношении его мусульманского населения.

Таким образом, политика ИРИ в отношении косовского конфликта строилась на новых внешнеполитических концепциях и подходах президента М.Хатами, положенных в основу его новой доктрины решения всех проблем и кризисов, исходя из так называемого цивилизованного метода, выступающего за мир и безопасность в регионе и во всем мире. Именно поэтому ИРИ не послала своих добровольцев в Косово, как она уже поступала в Боснии и Герцеговине. Важно, что Тегеран на этот раз призывал не к войне, а к мирному диалогу и это было по достоинству оценено миролюбивой общественностью планеты.

¹ Кейхан. 09.03.1992.

² См. Известия. 10.02.1991.

³ Кейхан. 04.05.1991.

⁴ Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран, 1989. ст. 11.

⁵ Кейхан интернэшнл. 23.05.1992; Tehran Times. 23.05.1992.

⁶ Кейхан. 02.06.1992.

⁷ Кейхан. 11.06.1992; Известия. 11.09.1992.

⁸ Кейхан интернэшнл. 26.10.1992.

⁹ The New York Times. 22.10.1992.

¹⁰ Кейхан. 27.11.1992.

¹¹ Аль-Ахбар. 03.12.1992; The Gulf News. 03.12.1992.

¹² Кейхан. 03.12.1992; Джомхурийе эслами. 28.12.1992.

¹³ Iran News. 06.01.1993.

¹⁴ Абрар. 03.03.1993; ИТВ – «Итоги». 21.11.1993; Атлас. февраль 1993, № 5, с. 46; The Times of India. 29.17.1999.

¹⁵ Известия. 14.07.1993; За рубежом. 1993, № 36, с. 13 и № 37, с. 13.

¹⁶ Кейхан. 06.11.1994; Независимая газета. 06.06.1998.

¹⁷ Кейхан. 30.09.1993; Независимая газета. 19.03.1994.

¹⁸ Джомхурийе эслами. 21.04.1994.

¹⁹ Кейхан. 02.08.1995; L'Express. 07.07.1994.

²⁰ Сегодня. 13.10.1995; Независимая газета. 31.07.1995; Кейхан. 14.12.1995.

²¹ Сегодня. 06.12.1995.

²² См. The Moscow Times 05.01.1997. / По сообщению западных и российских СМИ, иранские боевики в массовом порядке принимали боснийское гражданство, женились на боснийских мусульманках или шли служить в боснийскую армию, раз-

ведку, поступали в многочисленные совместные боснийско-иранские и прочие фирмы и компании, стали работать учителями, воспитателями и тренерами, а многие офицеры сумели получить дипломатические паспорта и прибегнуть к другим уловкам, чтобы остаться в Боснии. Кстати, все они продолжали получать через иранские консульства определенную заработную плату (см. Независимая газета. 14.09.1994; The New York Times. 12.12.1997; The Christian Science Monitor. 07.06.1996). По заявлению самого А.Изетбеговича, иранцы, находившиеся в стране, решили жить здесь в качестве гражданских лиц и вместе с боснийцами восстанавливать Боснию и Герцеговину (Сегодня. 11.04.1996; Компас. 12.10.1993 № 168, с. 7-23 и т.д.) Наряду с этим ИРИ организовала подготовку в РБГ секретных агентов, которые позже составили специальный секретный отряд исламской полиции, хотя боснийское руководство утверждало, что оно распустило это подразделение (ТВ канал ОРТ 04.03.1996 г.).

²³ Зайнабидинов Е. Иран выходит из изоляции. Независимая газета. 24.07.1998.

²⁴ Сегодня. 06.07.1996; ТВ/НТВ – 06.10.1996; The Moscow Times. 05.01.1997.

²⁵ Советская Россия. 05.06.1997.

²⁶ См.: Изетбегович А. Исламская Декларация. Белград, 1970, (на англ. яз.).

²⁷ Живкович Н. Сербобоя. Сеют ненависть на Балканах. – Советская Россия. 05.06.1997.

²⁸ См.: Йевтич М. От «Исламской Декларации» до религиозной войны в Боснии и Герцеговине. Белград, 1990, (на сербскохорв. яз.).

²⁹ См.: Независимая газета. 27.10.1994; Сегодня. 16.03., 12 и 26.04.1996.

³⁰ Сегодня. 21.03.1996; БИКИ. 28.11.1998.

³¹ Джомхурийе эслами. 25.09.1998.

³² Третий взгляд. 20.12.1998 № 62, с. 9.

³³ Албанский терроризм в Косово и Метохии. Белград, 1998, с. 23, 24 (на сербскохорв. яз.).

³⁴ Независимая газета. 02.04.1999.

³⁵ Tehran Times. 25.03.1999.

³⁶ Аббар. 01.04.1999.

³⁷ Ахмад Джаннати – великий аятолла, секретарь Наблюдательного совета межджлиса. Он входит в пятерку высших государственных лиц, которые допущены к чтению пятничных намазов в Тегеранском университете. Кроме него, в эту пятерку входят: лидер ИРИ аятолла С.А.Хаменеи, глава судебной власти аятолла М.Язди, бывший президент ИРИ аятолла А. А. Хахеми-Рафсанджани и аятолла Тахери Хоррамабади. (См.: Джомхурийе эслами. 01.08.1999).

³⁸ Джомхурийе эслами. 13.05.1999.

³⁹ Аббар. 31.03.1999; Iran News. 29.03.1999.

⁴⁰ News from the Middle East – Iran. 26.03.1999 (Internet).

⁴¹ Tehran Times. 08.04.1999.

⁴² Независимая газета. 13.04.1999; Кейхан. 04.04.1999.

⁴³ Независимая газета. 25.05.1999; Iran News. 24.05.1999.

⁴⁴ Аль-Указ (Саудовская Аравия). 19.05.1999.

⁴⁵ Независимая газета. 31.07.1999; Радио Тегерана. 16.06.1999; Салам. 20.05.1999.

⁴⁶ Независимая газета. 16.06.1999; Радио Тегерана. 17.06.1999.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА
ВЕРХОВНОГО СУДА КАК ГЛАВЕНСТВУЮЩЕЙ СТРУКТУРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИЗРАИЛЯ.

*Предварительные итоги «конституционной революции»
и практики «судебного активизма» 90-х годов.*

Судебную власть часто называют «третьей властью», поскольку в конституционных текстах она обычно следует за законодательной и исполнительной. Судебная власть играет неодинаковую роль в политической структуре различных государств, однако практически везде суды не являются главными органами, формулирующими и проводящими в жизнь основные принципы внутренней и внешней политики государства. В то время как принцип разделения властей в отношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти соблюдается не всегда и не всюду (как известно, на всем протяжении истории Израиля, состав правительственного кабинета формировался почти исключительно из членов парламента, при этом министры и их заместители сохраняют за собой депутатские мандаты) суды при любой форме демократического правления отделены от других ветвей власти. Цель настоящей статьи – рассмотрение изменения существовавшего в Государстве Израиль хрупкого баланса между различными органами государственного управления.

Хронологию анализируемых перемен следует начать с первой половины 90-х годов, после принятия Кнессетом в 1992 г. двух новых основных законов (Основной закон о достоинстве и свободе человека и Основной закон о свободе деятельности; последний пересмотрен в 1994 г.), давших повод говорить о произошедшей в Израиле «конституционной революции». Инаугурация нового председателя Верховного суда Аарона Барака, в августе 1995 г., стала знаковым событием дальнейшего расширения полномочий Верховного суда, нашедшего свое выражение в многочисленных его противоречивых прецедентных решениях в сфере конституционного надзора (отдельные эти решения будут рассмотрены ниже). А.Барак, сторонник и проводник политики «судебного активизма», сумел добиться для Верховного суда главенствующего положения над другими структурами государственной власти.

* Кафедра социологии Иерусалимского университета и кафедра социологии и политических наук Открытого университета, Тель-Авив.

С одной стороны, нельзя не отметить, что (в отсутствие четко выраженных в законодательстве конституционных гарантий уважения и соблюдения прав человека) подобная политика либерально-ориентированного Верховного суда очевидным образом способствует утверждению и защите прав и свобод личности, включая представителей различных групп меньшинств; именно этим объясняется стабильно высокая поддержка деятельности Верховного суда в обществе, прежде всего в кругах либерально-ориентированной интеллигенции. С другой стороны, порой весьма спорные решения, призванной быть воплощением общественного консенсуса ветви власти, спровоцировали волны беспрецедентных нападок на деятельность Верховного суда, поставив его в эпицентр социальных и политических конфликтов. Рассмотрению последствий произошедших перемен и посвящено настоящее исследование.

Следует отметить, что российские исследователи израильской политики, как правило, обходят стороной деятельность Верховного суда Израиля¹. Данная статья, являющаяся первой попыткой представить российскому читателю панораму кардинальных изменений во взаимоотношениях между ветвями власти и в функционировании политических структур, произошедших после так называемой конституционной революции 1992-1994 гг., призвана заполнить пробел в существующей научной литературе.

Конституционный контроль в отсутствие конституции – уникальная роль Верховного суда Израиля как высшего суда справедливости

Это аксиома, что деятельность судебной системы происходит в рамках строго и детально регламентированной законом процедуры. Воспетый Ш.Л.Монтескье в его бессмертной книге «О духе законов» (1748 г.) баланс взаимоотношений ветвей власти основан на том, что, с одной стороны, никто, в том числе и государство в лице любых его органов, не вправе вмешиваться в деятельность судебной системы, причем решения судов обязательны для неукоснительного выполнения всех физических и юридических лиц, в том числе государственных органов, а, с другой, – законодательная ветвь государственной власти определяют компетенцию каждого из звеньев судебной системы, статус судей и целый ряд других положений. Основа этой законодательной регламентации, как правило, – Конституция, положения которой более детально развиты в соответствующих законах о судостроительстве (например, в Германии – Закон о судостроительстве в редакции 1975 г., во Франции – Кодекс судостроительства 1978 г., в Испании – Органический закон о судебной власти 1981 г. и т.д.) и статусе судей (например, в Германии Закон о судьях 1961 г., во Франции – Органический закон о статусе магистратуры 1961 г. и т.д.)².

Как известно, несмотря на решение Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о том, что после раздела Палестины «учредительное

собрание каждого государства – еврейского и арабского – должно ввести демократическую конституцию» и решения о введении Конституции Учредительным собранием, зафиксированное в Декларации независимости Государства Израиль от 14 мая 1948 г., формальная конституция в Израиле отсутствует до сих пор³. Еще в 1949 г. отдельные члены Кнессета (парламента) первого созыва пытались добиться включения в Закон о переходном периоде параграфа, обязывающего Кнессет принять единый Основной закон. Однако они потерпели неудачу, прежде всего из-за противодействия правящей партии МАПАЙ (Рабочая партия), бывшей едва ли не единственной нерелигиозной партией выступавшей против конституции. Парадоксально, но среди противников принятия конституции Учредительным собранием был и д-р Зерах Вархафтиг, впоследствии – депутат Кнессета первых девяти созывов и министр по делам религий (1960-1974 гг.), в 1948 г. назначенный председателем Конституционной комиссии Временного государственного совета. Аргументация сторонников принятия конституции сводилась к тому, что, во-первых, в ее отсутствие невозможен реальный контроль над деятельностью правительства, в том числе, и в законотворческой деятельности, а во-вторых, она необходима для недвусмысленного определения границ полномочий государственных структур, прежде всего силовых. Именно конституция является обычно гарантом основных прав и свобод граждан.

Глава правительства Давид Бен-Гурион утверждал, однако, что опасности, подстерегающие формирующуюся демократию «реальны в государстве, имеющем конституцию, в такой же степени, как в государстве, конституцией не обладающем»⁴. Выступая против принятия конституции, депутат Кнессета Давид Бар-Рав-Хай утверждал, что сохранение принципов закона и демократии зависит не от конституции, а от «сознания и уровня политической культуры народа»⁵. В качестве примера противники конституции говорили об огромных различиях между законами и практикой при диктаторских режимах Германии и СССР. Подробная дискуссия о причинах отсутствия формального единого свода основных законов в Израиле, при всей важности этой темы, находится за рамками темы настоящей статьи. Следует, однако, отметить неизбежные влияния отсутствия конституции на принципы функционирования институтов политической власти, в особенности в тех их аспектах, которые касаются определения роли судебной власти как института конституционного правосудия и надзора.

В государствах, где существует формальная конституция, не раз возникала проблема, связанная с решением вопроса о действии закона, противоречащего букве и духу конституции. В принципе, проверку законов с точки зрения их соответствия конституции могут проводить различные государственные органы. Например, глава государства, посчитав принятый парламентом закон в чем-то несоответствующим конституции, прибегает к праву вето. В демократических странах сложились две основные модели конституционного правосудия. При первой модели (в США, Кана-

де, Индии, скандинавских государствах) конституционный контроль осуществляется общей судебной системой. Правом такого контроля может быть наделена каждая судебная инстанция или исключительно Верховный суд. В странах Европейского континента в основном преобладает вторая модель: здесь конституционное правосудие вверено специальному органу – конституционному суду, который не связан непосредственно с общей системой судопроизводства в стране. В большинстве европейских стран члены парламента принимают активное участие в комплектовании конституционного суда, причем в отдельных странах (например, в Германии и Бельгии) состав конституционного суда практически полностью определяется представителями репрезентативной власти.

Как указывалось выше, в Израиле до сих пор нет формальной конституции. 13 июня 1950 г. Кнессет большинством голосов поддержал предложение депутата Изхара Харари, поддержанное в том числе правящей партией МАПАЙ, согласно которому конституция будет построена таким образом, чтобы каждый ее раздел представлял собой основной закон. Комиссии Кнессета по вопросам конституции, законодательства и права было поручено подавать на рассмотрение пленарного заседания Кнессета проекты законов по завершении подготовительной работы над ними. Согласно этому замыслу, основные законы, сведенные воедино, и составят в будущем Конституцию страны.

До настоящего времени Кнессет принял 11 основных законов, в том числе и утвержденный в новой редакции в 1984 г. Основной закон о судопроизводстве⁶. В отличие от многих европейских стран, в Израиле нет закона о конституционном суде, и не существует конституционного суда как отдельной инстанции в структуре государственной власти. Согласно принятой практике, закрепленной в одном из положений Основного закона о судопроизводстве, функции контроля за доскональным соблюдением законов государственными институтами возложены на Верховный суд, выступающий в таком случае как Высший суд справедливости (БАГАЦ). В начальный период существования государства Высший суд справедливости рассматривал почти исключительно индивидуальные конституционные жалобы граждан по поводу нарушения их прав и свобод. С течением времени, однако, в Высший суд справедливости стали поступать иски о соответствии принятых Кнессетом решений основным законам страны. Хотя в вердикте по иску Каниэль против министра юстиции и других (1973 г.), Верховный суд отчетливо констатировал, что «при нашем конституционном строе постановления Кнессета как законодательной власти являются законом, в то время как судебные органы должны комментировать решения Кнессета и осуществлять их, а не отменять или изменять их», Верховный суд не счел нужным самоустраниться от рассмотрения подобных исков. Так, например, в 1981-1982 гг. он дважды отменял принятые Кнессетом законодательные акты как несоответствующие Основному закону о Кнессете⁷. В последние годы подобная практика стала повсеместной. Более того, 24 сентября 1997 г. Верховный суд впервые признал одно из положений принятого Кнессетом зако-

на антиконституционным, чем окончательно утвердил себя в качестве конституционного суда.

В этой связи необходимо отметить четыре особенности. Во-первых, Высший суд справедливости лишен права предварительного конституционного контроля (которым обладают конституционные суды в ряде европейских стран, как например, во Франции, Португалии и Румынии). Иначе говоря, судьи отказываются рассматривать степень легальности того или иного законопроекта, имеющего те или иные шансы быть принятым Кнессетом, пусть даже он и прошел утверждение в предварительном, первом и/или втором чтении (лишь благоприятное голосование в третьем чтении придает законопроекту статус закона). Совсем недавно, в июле 1999 г., депутат Кнессета Авигдор Либерман, лидер партии «Наш Дом – Израиль», подал в Высший суд справедливости иск, требовавший признать заведомо незаконной иницированную главой правительства Эхудом Бараком процедуру внесения изменений в Основной закон о правительстве (смысл данной поправки, впоследствии утвержденной Кнессетом, сводился к отмене существовавшего ограничения членов Кабинета министров, что позволило премьер-министру увеличить число членов кабинета с 18 до 23). Высший суд справедливости отказался рассматривать иск А.Либермана, отметив, что в его функции входит последующий конституционный контроль принимаемых законов, а не их предварительный экспертный анализ.

Во-вторых, Верховный суд не наделен функцией «абстрактного контроля», которая подразумевает возможность подачи запроса в суд о конституционности принятых законов и других нормативных актов независимо от их применения в конкретных правоотношениях⁸. Подобным правом в отдельных странах наделяются высшие органы исполнительной власти в лице, как правило, президента или премьер-министра. Израильский закон не наделяет кого-либо из руководителей законодательной или исполнительной ветвей власти какими-либо особыми полномочиями в вопросах конституционного права (президент государства, чьи функции достаточно ограничены⁹, никоим образом не может считаться гарантом соблюдения норм конституционного правосудия), что создает ситуацию при которой все граждане страны имеют равные права подачи индивидуальной и/или коллективной конституционной жалобы. Кроме того, в отличие от полномочий органов конституционного контроля в таких странах как Франция и Австрия, судьи Верховного суда не могут инициировать рассмотрение вопроса о конституционности тех или иных решений по собственной инициативе. Израильский Высший суд справедливости обладает исключительно правом конкретного (инцидентного) контроля, который предусматривает, что вопрос о конституционности закона и/или подзаконного акта ставится, рассматривается и решается только в связи с конкретным судебным разбирательством.

В этом проявляется третья особенность принятой в Израиле системы: Высший суд справедливости подчиняется принципу «связанной инициативы» иными словами он не вправе рассматривать вопрос о конституционности нормативных актов, в том числе законов, по собственной инициативе. Эта особенность была отмечена юристом и исследователем журналистики в Израиле Моше Негби в его книге «Свобода прессы в Израиле»¹⁰: прошло 40 лет, пока в 1988 г. Верховный суд получил возможность рассмотреть степень законности полномочий военной цензуры; прецедентный вердикт суда по иску Тель-Авивского журналиста Шницера открыл новый этап во взаимоотношениях прессы и цензуры в Израиле. Вместе с тем, практика «судебного активизма», находящее свое выражение в растущем вмешательстве Верховного суда в решения других государственных инстанций, – мощный подстегивающий стимулятор для подачи в Верховный суд исков по любым вопросам: при минимальных расходах по подаче иска (государственная пошлина при подаче дела в Высший суд справедливости составляет не более 100 долл. США) имеется шанс добиться достаточно быстрого изменения решений различных органов государственной власти.

В настоящее время различными заинтересованными силами инициируется судебный контроль практически любого решения законодательной и/или исполнительной власти, вокруг которого отсутствует общественный консенсус. В результате, Верховный суд получает возможность вмешаться в почти любое решение Кнессета и правительства, что создает принципиально новую ситуацию: законодательная и исполнительная власть стали своего рода «подготовительными» ветвями власти, чьи решения становятся «окончательными» только после (и в случае) их утверждения властью судебной.

Четвертая структурная особенность конституционного правосудия в Израиле – в отличие от конституционных судов европейских стран состав членов Верховного суда Израиля, осуществляющего конституционный надзор, практически не зависит от воли депутатов, представляющих все социально-политические спектры израильского общества. Судьи Верховного суда, высококвалифицированные правоведаы с большим опытом юридической работы, всегда относятся к высшему сословию. Однако в мульти-поляризованном (multi-cleavage) израильском обществе важную роль играет и то, что подавляющее большинство судей – это приверженцы секулярной идеологии и выходцы из стран Европы и Америки в первом и втором поколениях – при очевидном пропорциональном несоответствии большого числа традиционалистов из стран Магриба в населении страны их полному отсутствию среди членов Верховного суда. Подобное отсутствие репрезентативности в составе выполняющего функции конституционного надзора Верховного суда угрожает восприятию обществом его решений и постановлений как легитимных и правильных. В этой связи необходимо особо рассмотреть порядок назначения судей в Израиле, отметив важные изменения, произошедшие в последние годы.

**Гарантии независимости третьей власти в Израиле
и «судебный активизм» в этой области – последствия иска
о членстве председателя коллегии адвокатов Дрора Хотер-Ишая
в Комиссии по назначению судей (1998 г.)**

Как известно, принцип независимости судей находит свое выражение в том, что – в отличие от депутатов парламента и членов правительства – им не грозит отставка (Конституция Украины, ст. 128-я которой предусматривает перевыборы судей парламентом через пять лет после их назначения президентом страны, – очевидное исключение из правила). В отдельных странах судьи избираются на заранее определенный срок (например, в Японии, где определена 10-летняя каденция судей), но в большинстве стран судьи назначаются на весь период, остающийся до их ухода на пенсию, и их переизбрание или импичмент практически невозможны. Президент США, например, назначив федерального судью с «согласия и совета сената», не может по тому же «согласию и совету» сместить его, как, впрочем, и французский президент при всей широте его полномочий.

В Израиле судьи выходят на пенсию по достижении ими 70-летнего возраста, однако не возраст, а стаж пребывания в должности члена суда соответствующей инстанции – ультимативный критерий назначения судьи на должность председателя этого суда. В результате этого, продолжительность каденции как членов суда, так и его председателя очень различна: например, назначенный в 1996 г. членом Верховного суда проф. Ицхак Энгельрад выйдет в отставку по истечении семи лет судебной работы, в то время как стаж пребывания в Верховном суде его нынешнего председателя проф. Аарона Барака составит, к моменту его выхода на пенсию, в 4 раза больший срок – 28 лет. Кроме того, подобная система позволяет уже сейчас уверенно предположить, что назначенная в Верховный суд одновременно с проф. И.Энгельрадом бывшая генеральный прокурор Дорит Бейниш в 2006 г. возглавит высшую судебную инстанцию страны, ибо все судьи, назначенные ранее, выйдут на пенсию до истечения каденции нынешнего председателя Верховного суда. Подобная практика сводит к минимуму возможности избранной власти влиять на процессы, происходящие в Верховном суде. Каковы бы ни были перипетии выборов судебная власть не зависит от их итогов.

Кроме того, следует отметить, что действующие конституции в подавляющем большинстве стран освобождают судей от необходимости быть избранными населением. Хотя в некоторых американских штатах судьи в судах первой инстанции и в апелляционных судах и избираются населением на срок от 7 до 14 лет, в большинстве стран назначение каждого судьи – это итог длительной серьезной процедуры профессионального отбора. В целом ряде стран, как например, во Франции и Австрии, назначение судей отнесено к компетенции главы государства. В США федеральные судьи всех уровней (не только в Верховный суд) назначаются президентом с их последующим утверждением Сенатом.

В Израиле действует практика назначения судей специальной Комиссией по выбору судей (The Judicial Appointments Committee) в составе трех действующих судей Верховного суда, представителя коллегии адвокатов, по два представителя от правительства и Кнессета (один, представитель от парламента, как правило, от оппозиции). Председательствует в Комиссии министр юстиции. До самого недавнего времени в средствах массовой информации публиковались исключительно имена уже избранных судей, а не имена всех представленных кандидатов, которые были отвергнуты Комиссией на различных стадиях обсуждения.

В этой связи следует отметить два обстоятельства. Во-первых, хотя судьи Верховного суда и не составляют большинство членов Комиссии, число их представителей больше чем число представителей любой другой структуры власти, а потому их влияние на назначение своих будущих коллег особенно велико. Неизбежные разногласия между представителями различных политических партий, делегированных в Комиссию правительством и парламентом, делают мнение судей Верховного суда (выражаемое, как правило, консенсуально) решающим при отборе кандидатур будущих судей и их назначении. Во-вторых, сам поименный состав Комиссии (т.е. тех её членов, которые были делегированы различными уполномоченными на то структурами – Коллегией адвокатов, правительством и парламентом) является, как показали прошлогодние события, легитимной темой судебного контроля.

Недавняя история такова: председатель Коллегии адвокатов и её представитель в Комиссии по выбору судей Дрор Хотер-Ишай был обвинен в составлении для своего отца заведомо неточной налоговой декларации. Д.Хотер-Ишай был отдан под суд, который 19 февраля 1998 г. признал его виновным. Этот вердикт председатель коллегии адвокатов подверг резкой критике и заявил: «Горе народу, у которого такие судьи». В оговоренный законом полуторамесячный срок Д.Хотер-Ишай подал апелляцию и в июне 1998 г. был оправдан окружным судом, однако прокуратура объявила о намерении подать против него обвинительное заключение за неоднократные неуважительные выражения в адрес суда. Решение прокуратуры было воспринято весьма неоднозначно. Его оппоненты предостерегали от чрезмерных, по их мнению, посягательств на принципы свободы слова, отстаивая право каждого гражданина выражать свое мнение, в том числе и о деятельности органов правопорядка и правосудия¹¹. После того, как против Д.Хотер-Ишая было подано обвинительное заключение за якобы неверное составление налоговой декларации, он объявил, что приостанавливает свое членство в Комиссии по выборам судей (Коллегия адвокатов делегировала на его место адвоката Хаима Клузмана). Однако 14 июля 1998 г. Национальный совет Коллегии адвокатов 25 голосами против двух (еще пять оппонентов Д.Хотер-Ишая, видя расстановку сил, не участвовали в голосовании) восстановила его членство в Комиссии. Не прошло и недели как противники Д.Хотер-Ишая при поддержке «Движения за качество власти» по-

дали иск в Верховный суд, требуя не допустить возвращения в Комиссию человека, регулярно выражающего резкую критику работы судебных органов в целом и Верховного Суда в частности. Податели иска также упоминали отдельные процедурные нарушения, допущенные при голосовании в Коллегии адвокатов, основное из которых состояло в том, что приглашения принять участие в голосовании были разосланы членам Национального совета Коллегии адвокатов за 12 дней до голосования, тогда как ее Устав предусматривает трехнедельный срок. 22 июля, через двое суток после подачи иска, Верховный Суд принял аргументы истцов, приостановив членство в Комиссии по выбору судей легитимно избранного председателя Коллегии адвокатов.

Не вдаваясь здесь ни в процедурные формальности функционирования Коллегии адвокатов, ни в политическую борьбу внутри адвокатского истеблишмента, имеет смысл отметить следующее. Верховный суд счел возможным рассматривать иск о соответствии занимаемой должности члена Комиссии по выборам судей человека, делегированного в эту комиссию не по квоте Верховного суда, а другой организации (в данном случае – Коллегии адвокатов), президиум которой недвусмысленно (в данном случае – поддержкой 25 из 32 присутствовавших членов Национального совета) выразил ему свою поддержку. В подобной ситуации Верховный суд практически полностью поставил Комиссию по выбору судей под свой контроль, сведя к фактически формальному статус участвующих в её работе представителей структур репрезентативной власти – правительства и Кнессета. В ситуации, когда Верховный суд создал прецедент приостановления членства в Комиссии представителя Коллегии адвокатов, нет никаких сдерживающих рычагов, которые могли бы помешать Верховному суду с той же легкостью отстранить от работы в Комиссии тех или иных представителей правительства и Кнессета. Иными словами, практика назначения судей в Израиле поставлена под практически полный контроль самих судей, обеспечив полную независимость судебной власти от репрезентативных органов государственного управления.

Упомянутые выше процессы произошли не вдруг и не за один день. На протяжении десятилетий Верховный суд пользуется в Израиле высоким общественным авторитетом, поэтому во главе наиболее важных комиссий по расследованию неоднократно стояли члены Верховного суда: Комиссию расследования во время дела Лавона (1960 г.) возглавлял судья Хаим Коэн; Комиссию по расследованию причин неудач в первые дни войны 1973 г. – судья Шимон Агранат; Комиссию по расследованию событий в лагерях беженцев Сабра и Шатила в ходе войны 1982 г. – судья Кахан; Комиссии по расследованию стрельбы в здании могилы праотцев в Хевроне и убийства премьер-министра Ицхака Рабина – председатель Верховного суда Меир Шамгар. Решения и рекомендации этих комиссий безоговорочно выполнялись: в результате критики комиссии Ш.Аграната ушло в отставку правительство Г.Меир, комиссия Кахана привела к смещению со своего поста министра обороны А.Шарона, вторая комиссия

М.Шамгара вынудила уйти в отставку начальника общей службы безопасности (ШАБАК) К.Гилона.

Кроме того, как указывалось выше, еще в начале 80-х годов Верховный суд «проявил характер», отменив отдельные решения Кнессета, которые, по мнению суда, нарушали положения Основного закона о Кнессете (1958 г.) в сфере уравнивания условий для различных участников избирательного противоборства. Вместе с тем, ясно видно и то, что в последние годы произошло дальнейшее заметное усиление позиций Верховного суда внутри социально-политического механизма Государства Израиль. Эти изменения, очевидно, связаны с личностью Аарона Барака, в августе 1995 г. сменившего М.Шамгара на посту председателя Верховного суда страны.

Верховный суд как провозвестник «Конституционной революции»: дела и дни Аарона Барака

Аарон Барак, родившийся в 1936 г. в Каунасе (Литва), сделал уникальную карьеру в юридическом мире Израиля. Его семья иммигрировала в Палестину в 1947 г., за год до провозглашения независимости Государства Израиль. Окончив школу, А.Барак поступил на юридический факультет Иерусалимского университета, где в 1958 г. завершил обучение, получив степень бакалавра, а в 1963 г. – стал доктором права. За рекордно короткий срок А.Барак прошел путь от младшего преподавателя – ассистента проф. Гада Тадески до профессора юридического факультета, который в 1974 г. избрал его своим деканом. В 1975 г. А.Барак стал самым молодым в истории Израиля юристом, удостоенным Государственной премии! Одновременно его избрали действительным членом основанной в 1958 г. Национальной Академии наук. В том же году он получил предложение сменить М.Шамгара на посту юридического советника правительства, заняв одну из важнейших должностей в юридической структуре Израиля, фактического руководителя генеральной прокуратуры страны.

В качестве юридического советника А.Барак бескомпромиссно отстаивает принцип верховенства закона, ведя расследование подозрений в коррупции в отношении тогдашнего министра строительства Авраама Офера и начав проверку в отношении Леи Рабин, супруги тогдашнего премьер-министра Ицхака Рабина (речь шла о переданной журналистом Даном Маргалитом информации о существовании у Леи Рабин счета в американском банке, открытого в бытность её мужа послом Израиля в США и не закрытого по возвращении в Израиль; в то время израильский закон не разрешал гражданам страны иметь счета в иностранных банках). Оба эти расследования, широко обсуждавшиеся в средствах массовой информации, нанесли болезненный удар по и без того пошатнувшемуся статусу правящей тогда партии МАПАИ, которая в 1977 г. впервые в истории страны проиграла выборы «вечно оппозиционной» партии Херут (Свобода) во главе с Менахемом Бегиним. В конце 1978 г. 42-летний А.Ба-

рак становится членом, а в 1993 г. – заместителем председателя Верховного суда Израиля.

Аарон Барак возглавил Верховный суд через три года после утверждения Кнессетом поддержанных тогдашним министром юстиции Даном Меридором двух новых законов – Основного закона о достоинстве человека и его свободе и Основного закона о свободе деятельности, пересмотренного и утвержденного в новой редакции в 1994 г.¹² В своих многочисленных выступлениях и статьях А.Барак охарактеризовал эти законы как «существенное изменение в нашем конституционном строе, составляющее конституционную революцию». По мнению А.Барака, с принятием этих законов «полномочия Кнессета ограничиваются, Кнессет теперь может далеко не все». Строго говоря, подобное мнение не может базироваться ни на одной из статей двух указанных выше законов конкретно, а исключительно на обобщенном восприятии духа этих документов, причем восприятии сугубо субъективном – в то время как А.Барак говорит о «существенном изменении ... составляющем конституционную революцию», его коллега, бывший член Верховного суда Моше Ландой, утверждает, что «конституционной революции не было, её никто не проводил»¹³. Дискуссия по этому поводу расколола израильских юристов на два лагеря. В 1999 г. альманах юридического факультета Иерусалимского университета посвятил обсуждению этой проблемы двоянный выпуск, в котором трибуна была предоставлена практически всем известным в стране правоведам.

С одной стороны, бывший председатель комиссии Кнессета по вопросам законодательства и права Уриэль Лин выразил мнение, что важность новых основных законов состоит в том, что «в их содержании и концепции завершено создание инфраструктуры, необходимой для принятия конституции Израиля». Подобное мнение У.Лина основывается и на том, что во второй редакции Закона о свободе деятельности (1994 г.) израильский законодатель впервые отметил преемственность между гарантиями соблюдения прав человека в Израиле и ценностями, зафиксированными в национальной Декларации независимости. Это первый основной закон, придавший юридическую силу Декларации независимости¹⁴, и потому его конституционное значение очень велико¹⁵.

С другой стороны, не следует забывать, что введение в основной закон упоминания о Декларации независимости, гарантирующей равенство всех граждан страны без различия вероисповедания и национального происхождения, было результатом давления со стороны леворадикального блока МЕРЕЦ, выступившего с категорическим протестом против требования религиозных партий об изменении Основного закона о свободе деятельности (1994 г.) в целях запрета импорта некошерного мяса. В итоге, упоминание духа Декларации независимости было введено в Закон о свободе деятельности лишь в его исправленной (по требованию ортодоксов) редакции, причем введено в качестве компенсации левому блоку за изменение статус-кво во взаимоотношениях между религией и государством. Иными словами, едва ли не фундаментальное положение «консти-

туционной революции» попало в основной закон почти случайно, и нет никакого сомнения в том, что большинство депутатов Кнессета не планировали путем принятия данного закона ограничить собственные полномочия, как толкует результат их законотворческой деятельности судья А.Барак. В любом случае, как отмечает проф. Рут Габизон в своей книге (издана в 1998 г. Израильским институтом исследований проблем демократии), принятой в либерально-демократических странах основательной подготовительной работы, которая предшествовала бы принятию Конституции, в данном случае проведено не было.

Важно также отметить, что кроме отдельных «защищенных» статей Основного закона о Кнессете, Основного закона о правительстве и Основного закона о свободе деятельности, все остальные основные законы (включая Основной закон о достоинстве и свободе человека) могут быть изменены простым большинством депутатов Кнессета. В то время как более чем за 200 лет Конституция США исправлялась всего 17 раз¹⁶, в Израиле два основных закона (Основной закон о правительстве и Основной закон о свободе деятельности) заменялись целиком, а остальные законы исправлялись в общей сложности более 30 раз. До тех пор, пока существует подобная ситуация и нет юридических рычагов, гарантирующих большую степень стабильности конституционного законодательства, с трудом можно говорить о завершении создания инфраструктуры, необходимой для принятия конституции Израйля.

Более того, имеет смысл упомянуть об одном малоизвестном сегодня факте: в 1975 г. бывший в то время членом парламента от правящей партии МАПАИ министр юстиции Хаим Цадок представил проект Основного закона о законодательстве. Проект этот включал указания по защите всех основных законов и уполномочивал Верховный суд отменять любой закон, противоречащий какому-либо из основных законов и принятый в отсутствие абсолютного большинства членов Кнессета (61 из 120). Председатель Кнессета Исраэль Ишayahу заявил, что этот закон «нанесет ущерб суверенитету Кнессета», вследствие чего министр юстиции отозвал свой законопроект. До сегодняшнего дня проект Основного закона о законодательстве больше не представлялся, и поэтому едва ли есть достаточно оснований говорить о произошедшем в начале 90-х годов добровольном сокращении Кнессетом своих полномочий.

В этой связи напрашиваются два вопроса: во-первых, почему же в Израиле – в стране, где в последние 25 лет развилось и оформилось сильное гражданское общество, где массовые движения протеста привели к отставке двух глав правительств (Г.Меир в 1974 г. и М.Бегина в 1983 г.), а массовое недовольство политикой правительства создало ситуацию, при которой террорист-одиночка тремя выстрелами прервал жизнь премьер-министра И.Рабина (4 ноября 1995 г.) – столь незыблемы позиции возглавляемого А.Бараком Верховного Суда? Во-вторых, действительно ли эти позиции столь незыблемы?

Прежде всего, имеет смысл отметить, что процессы, произошедшие в последние годы в Израиле в области изменения существовавшего долгое годы паритета между различными ветвями власти, вписываются в общемировую тенденцию к расширению полномочий судебных органов за счет сокращения полномочий институтов законодательной и исполнительной власти. В этой связи следует обратить внимание на Декларацию об основных принципах независимости судебных органов, одобренную резолюциями ООН № 40/32 от 29 ноября 1985 г. и № 40/146 от 13 1985 г. Именно эта декларация более, чем какой-либо другой из основополагающих документов международного права подчеркивает важнейшую роль независимых судебных инстанций в обеспечении функционирования национальных политических систем. Согласно этой декларации, «судебные органы ... имеют исключительное право решать, входит ли переданное им дело в их установленную законом компетенцию» (ст. 3-я). Кроме того, «распределение дел между судьями в судах, к которым они относятся, [также] являются внутренним делом судебной администрации» (ст. 14-я)¹⁷.

Возросшая роль судебных органов нашла свое выражение как на национальном, так и на международном уровне. Так, например, Европейский суд по правам человека, существующий с 1959 г., как правило, рассматривавший в первое десятилетие своего существования от одного до пяти дел в год, рассмотрел в 1994 г. 59 дел. Международные трибуналы, созданные в последние годы под эгидой ООН для рассмотрения дел, связанных с массовыми преступлениями против гражданского населения – еще один индикатор повышения статуса и роли судебных органов.

Анализируемое в данной статье торжество идеологии и практики «судебного активизма» также началось не в Израиле. Так, например, во Франции Конституционный совет, созданный в 1958 г., «практически естественным путем был подведен к регулированию отношений между органами государственной власти, – лимитируя полномочия тех или иных из них, порой, обязывая эти же инстанции осуществлять свои полномочия в полной мере. Он определяет правила реализации законодательной процедуры и процедуры принятия бюджета, определяет соответственно полномочия каждой из палат парламента, оговаривает действие права на внесение поправок со стороны парламентариев и со стороны правительства, оберегает независимость судей и автономию местного самоуправления от посягательств центральной власти. Словом, воздействие его юрисдикционных прерогатив на функционирование органов государственной власти сегодня является в абсолютной степени определяющим»¹⁸. Изначально французское законодательство предусматривало, что правом передавать документы на рассмотрение Конституционного совета обладают четыре инстанции: президент, премьер-министр и руководители обеих палат парламента, однако конституционная реформа 1974 г. гарантировала право на обращение в Конституционный совет любой группе из 60 депутатов одной из палат парламента. В результате, с октября 1974 г.

по середину 1986 г. в Конституционный совет было подано 113 заявлений с просьбой о проверке тех или иных законодательных инициатив депутатов и правительства. Роль Конституционного совета неуклонно росла: если с 1974 по 1981 г. им было проверено 28% всех принятых законов, то с 1981 по 1986 г. – 50%!¹⁹ Конституционный совет анализирует как подаваемые законопроекты в целом, так и отдельные их положения, так, например, в августе 1991 г. Конституционный совет объявил не соответствующими Конституции восемь из 51 статьи проекта закона об иммиграции и статусе иностранных граждан во Франции, что потребовало от правительства (ради спасения законопроекта, в котором оно было чрезвычайно заинтересовано) инициировать принятие поправок в Конституцию, которые снимали бы противоречие между положениями законопроекта и духом основного закона страны. По прошествии более двух лет, 19 ноября 1993 г., на пленарном заседании обеих палат парламента необходимые поправки в Конституцию были внесены, что открыло путь к утверждению закона «Об иностранцах» в предлагаемой правительством редакции.

Еще более активен во вмешательстве в работу парламента Верховный суд США: за 200 лет своей деятельности (1791-1990) он признал неконституционными полностью либо частично 125 законов Конгресса и 1059 нормативных актов штатов²⁰. В этой связи особо важную роль в трансформации подхода судебной власти США к определению собственной роли в социально-политической системе страны сыграл Верховный судья Оливер Вендел Холмс (1841-1935), автор ставших классическими книг «Общее право» (1881 г.) и «Путь права» (1897 г.)²¹. Ключевой принцип прагматического подхода в сфере конституционного правосудия был сформулирован еще в 1819 г. тогдашним председателем Верховного суда США Дж. Маршаллом. В решении по иску *McCulloch v. Maryland* судья Дж.Маршалл отметил, что «Конституция призвана жить в веках, и в силу этого она должна приспосабливаться к различным проблемам жизни общества»²². Судья О.Холмс развил этот тезис, декларируя, что вопросы Конституции должны рассматриваться «в свете нашего опыта, а не только в контексте того, что было сказано сто лет назад»²³. Идеи О.Холмса, считающегося основоположником «конструктивного» (в противоположность «механистическому») толкования духа и буквы Конституции, были восприняты и развиты судьей Э.Уорреном, возглавлявшем Верховный суд США с 1953 по 1968 г. В эти годы утвердился принцип, согласно которому именно судебная власть – главный гарант обеспечения общественной стабильности. Как сказал судья Р.Джексон, «в обществе, в котором быстрые изменения имеют тенденцию к нарушению равновесия, Суд, не превышая своих ограниченных прав, должен стремиться к поддержке системы балансов интересов, ... во-первых, между исполнительной властью и Конгрессом; во-вторых, между центральным правительством и штатами; в-третьих, между отдельными штатами; в-четвертых, между властью, как федеральной, так и отдельных штатов, и свободой граждан либо между правлением большинства и правами каждой личности»²⁴. Судья Э.Уоррен оказал чрез-

вычайно большое влияние и на определение статуса гражданских прав личности, толкуя статьи Конституции в духе обеспечения безусловного равенства граждан в сфере гарантий их социальных и политических прав. Поворотным моментом в конституционном развитии стало дело Брауна, решение по которому Верховный суд США вынес 17 мая 1954 г. – отныне сегрегация в школьном образовании была признана неконституционной. За этим решением последовали другие, покончившие с дискриминацией цветного населения в сфере высшего образования, при найме жилых помещений и трудоустройстве. Одновременно были признаны неконституционными цензы грамотности, служившие основанием для отстранения цветного населения от участия в выборах. В те же годы Верховный суд США много сделал для обеспечения прав обвиняемых и их защиты от произвола со стороны полиции и прокуратуры, а также установил запрет на использование в судебном процессе вещественных доказательств, полученных незаконным путем.

Не приходится сомневаться, что развитая судьей Э.Уорреном модель Верховного суда как основного гаранта гражданских свобод в стране, контролирующего и «обуздывающего» все остальные органы государственной власти, близка мировоззрению председателя Верховного суда Израиля А.Барак, последовательно проводящего в жизнь основные принципы практики «судебного активизма», несмотря на критику со стороны её многочисленных противников. С одной стороны, нельзя не отметить, что в отсутствие четко выраженных в законодательстве конституционных гарантий уважения и соблюдения прав человека подобная политика Верховного суда Израиля очевидным образом способствует утверждению либеральных ценностей и защите прав и свобод личности, включая представителей различных групп меньшинств (национальных, религиозных, сексуальных и т.д.). Именно этим объясняется стабильно высокая поддержка деятельности Верховного суда в обществе, прежде всего в кругах либерально-ориентированной интеллигенции.

Проведенное в разных странах сравнительное исследование по конституционному праву показало, что не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, который или воспроизводит положения Всеобщей декларации прав человека, или был сформулирован под ее влиянием²⁵. Однако в Израиле, как указывалось выше, идеалы и гарантии обеспечения прав человека не были ясно постулированы ни в одном из принятых Кнессетом основных законов. В этих условиях судья А.Барак считал необходимым возложить на себя и возглавляемую им судебную власть задачи приведения израильских правовых норм в соответствие со стандартами, принятыми в подавляющем большинстве демократических государств либерального типа. С другой стороны, нельзя не сказать и о том, что порой весьма спорные решения, призванные быть воплощением общественного консенсуса ветви власти, спровоцировали волны беспрецедентных нападков на деятель-

ность Верховного суда, поставив его в эпицентр социальных и политических конфликтов.

Верховный Суд в эпицентре социально-политических конфликтов

В рамках данной статьи нет никакой возможности детально рассмотреть тысячи исков, поданных в Высший суд справедливости за семь лет, прошедших с момента начала того процесса, который отдельные правоведы окрестили «конституционной революцией». Желая сосредоточиться на наиболее спорных направлениях деятельности Верховного суда Израиля в сфере конституционного правосудия, имеет смысл выделить две основные группы судебных решений и постановлений: первая касается границ полномочий армии и органов безопасности; вторая – роли религии в общественной жизни страны.

Из дел, связанных с армией и органами безопасности, имеет смысл выделить три. Прежде всего важно отметить готовность Верховного суда вмешиваться в вопросы кадровой политики в армии. Показателен в этой связи иск Алисы Миллер, требовавшей признать незаконной существовавшую в вооруженных силах дискриминацию по половому признаку, выражавшуюся в отказе армейских инстанций разрешить женщинам прохождение курса боевых летчиков – А.Миллер требовала предоставить ей это право. В решении, принятом 8 ноября 1995 г., коллегия Верховного суда тремя голосами против двух удовлетворила иск А.Миллер, признав верховенство принципа равенства мужчин и женщин над релевантными в данном случае принципами целесообразности и оптимального использования кадрового потенциала военнослужащих. Второй раз Верховный суд вмешался в соображения армейского командования при недавнем рассмотрении иска против продвижения по службе полковника Нира Галили, обвиненного одной из служивших под его командованием солдаток в сексуальных домогательствах. Суд счел возможным отменить решение начальника генерального штаба Шауля Мофаза о продвижении Н.Галили по служебной лестнице, хотя никаких новых фактов, не бывших в распоряжении армейского командования, в суд представлено не было.

Наиболее важным представляется вынесенный в начале сентября 1999 г. Верховным судом вердикт о правах следователей Государственной службы безопасности (ШАБАК) использовать меры физического давления при допросе лиц, обладающих, по их мнению, информацией, которая может привести к обнаружению и раскрытию террористических групп или способствовать предотвращению планируемых ими насильственных действий против израильских граждан или объектов в стране и за ее пределами. До самого недавнего времени работа следователей ШАБАК регламентировалась решениями комиссии руководимой членом Верховного суда Моше Ландою. Отчет комиссии М.Ландоя ограничил возможности применения следователями мер физического давления, не запретив, однако, подобное давление как таковое. По прошествии более 13 лет с момента принятия Комиссией М.Ландоя указанных выводов, коллегия Вер-

ховного суда приняла принципиально важное решение, запретив какое-либо физическое воздействие на подсудимых. Это решение было принято в штыки многими представителями правых политических партий, иронизировавших над тем, что с этого дня задачу охраны интересов государственной безопасности следует поручить не ШАБАК, а Верховному суду. Факт, однако, остается фактом – регламентация методов деятельности органов безопасности была значительно переформулирована Верховным судом, и принятый вердикт (гарантия соблюдения которого – это неотъемлемое гражданское право каждого подсудимого на подачу в суд индивидуальной конституционной жалобы) не сможет не быть принят ими к безусловному исполнению.

Что касается второй темы, то здесь секулярное мировоззрение подавляющего большинства судей очевидно влияет на определение их позиции в каждом из рассматриваемых ими дел – будь то вопрос о степени правомерности закрытия для движения транспорта центральной иерусалимской улицы Бар-Илан, находящейся в районе, почти целиком заселенном ультра-ортодоксами или вопрос о праве представителей течений, не принадлежащих к ортодоксальному иудаизму (речь идет о приверженцах консервативного и реформистского течений) состоять в городских религиозных советах²⁶. Подобная бескомпромиссная позиция судей Верховного суда привела к полному отчуждению ультра-ортодоксов, представленных в Кнессете 22 депутатами, от государственных судебных органов. На многочисленных многолюдных митингах ортодоксов судья А.Барак и его коллеги неоднократно предавались анафеме, а духовный вождь сефардских традиционалистов раввин Овадия Йосеф высказал в адрес Верховного суда и лично его председателя бесчисленное количество оскорблений и проклятий. Подобная поляризация, какими бы светлыми не были помыслы судей, едва ли идет на пользу стабильности израильской демократии.

Лишь в одном вопросе – о призыве на обязательную воинскую службу студентов религиозных учебных заведений – Верховный суд частично самоустранился (по крайней мере, в настоящее время) от вынесения какого-либо решения. Суд постановил 9 декабря 1998 г., что существующая практика полного, хотя и формально не узаконенного²⁷, освобождения от обязательной службы представителей целой социальной группы создает очевидную несправедливость, которая должна быть прекращена, однако решение по данному вопросу должно быть принято Кнессетом в течение года. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что в ближайшие месяцы Верховный суд вернется к обсуждению этого вопроса. Существует также вероятность, что весь комплекс вопросов связанный с регламентированием воинской службы и процедурой освобождения от нее по морально-нравственным (например, пацифистским) соображениям будет, наконец, урегулирован юридически. В настоящее время парадоксальность ситуации состоит в том, что хотя право на освобождение от воинской службы по пацифистским соображениям лиц мужского пола (право, не фигурирующее в Законе о всеобщей воинской обязанности²⁸) и было декларировано Верхов-

ным судом в 1996 г.²⁹, процедурные рамки независимого рассмотрения просьб подобного рода до сих пор не были определены.

Вопрос о месте религии в общественной жизни стал катализатором дискуссии о принципах разделения властей и о роли и полномочиях Верховного суда как органа конституционного надзора. В этой связи показательна позиция судьи А.Барака, выраженная как воля меньшинства при рассмотрении петиции, призывавшей признать незаконным третий пункт заключенного в июле 1994 г. коалиционного соглашения между МАИ (Партией Труда Израиля) и традиционалистской партией ШАС (Движением кромитом Торы)³⁰. Согласно формулировке коалиционного договора, в случае нарушения существующего статус-кво во всех вопросах, касающихся места религии в общественной жизни Государства Израиль, положение будет возвращено в исходное состояние путем принятия Кнессетом соответствующих законодательных актов. Очевидно, что при такой постановке вопроса ни Кнессет, ни возглавляемое МАИ правительство, не могут быть инициаторами подобного нарушения существующего статус-кво. При существовавшей в момент подписания соглашения политической конфигурации в стране, лишь отдельные органы местного самоуправления и Верховный суд в качестве исполняющего функции конституционного надзора Высшего суда справедливости имели возможность инициировать изменения статус-кво в сторону секуляризации израильской общественной жизни (изменения в обратную сторону не могли бы вызвать протест со стороны ШАС). Иначе говоря, этот пункт политического соглашения между двумя партиями фактически был призван прежде всего свести к минимуму влияние будущих решений Высшего суда справедливости. Пикантность ситуации состояла в том, что коллегия из пяти судей Верховного суда должна была решить, насколько легитимно подписанное соглашение, фактически (в случае его выполнения) априори лишшающее смысла выполнение функций конституционного надзора во всех вопросах, имеющих влияние на существующий статус-кво касающийся роли религии в общественной жизни.

Верховный суд Израиля под председательством судьи М.Шамгара не самоустранился от рассмотрения столь деликатного вопроса, однако большинством голосов отверг петицию о признании данного пункта коалиционного договора заведомо неконституционным. Вердикт судьи М.Шамгара (точку зрения которого разделили судьи Гольдберг и Хешин) основывался на том, что заведомо неконституционным можно признать лишь такой пункт коалиционных договоренностей, который в случае его обнародования до выборов мог бы служить причиной отстранения данной партии от участия в выборах, как это было с ратовавшим за изгнание арабских жителей Израиля Движением «Как» («ТАК»), право которого на участие в выборах было аннулировано в 1988 г. (в 1994 г. данное движение было объявлено вне закона, также как и само членство в нем). Судья М.Шамгар выразил мнение, что подобный пункт, будь он включен в пред-

выборную пропаганду ШАС, не привел бы к ее отстранению от участия в выборах, поэтому, – констатировал тогдашний председатель Верховного суда, – нет достаточных причин признать договор между ШАС и МАИ антиконституционным.

Иной позиции придерживался судья А.Барак, чью позицию поддерживал судья Теодор Ор, выполнявший, кстати, во время последней избирательной кампании обязанности председателя Центральной избирательной комиссии страны. Хотя судья А.Барак и подтвердил свое согласие с исключительным правом парламента на принятие выражающих волю депутатов законодательных актов, он подчеркнул, что по его мнению, данный пункт договора, будучи фактически направленным против Верховного суда, противоречит принципу разделения властей. Иначе говоря, по мнению судьи А.Барака любые попытки репрезентативной власти определить границы деятельности судебной власти заведомо не являются легитимными, в то время как суд полномочен решать вопрос о легитимности решений органов репрезентативной власти практически во всех сферах ее деятельности. Единственная пока не рассматриваемая Верховным судом область деятельности правительства и парламента – это вопросы, связанные с внешней политикой государства, но нет никаких гарантий, что и эта сфера не будет включена Верховным судом в круг обсуждаемых им тем.

В настоящее время мы находимся в эпицентре динамичного политического процесса, последствия которого предсказать сложно. Вместе с тем, дальнейшее усиление статуса Верховного суда будет означать качественное изменение характера израильской политической системы, ее трансформации из демократии в меритократию – из «власти народа», осуществляемой через органы репрезентативной власти, во «власть достойных», тех, кого судья А.Барак именует «просвещенным сообществом» (enlightened public). По мнению А.Барака, в то время как Кнессет выражает волю нации историческая роль Верховного суда состоит в определении и отстаивании тех либерально-гуманистических идеалов, к которым нация должна стремиться. Переноса центр тяжести государственной власти из Кнессета и правительства в Верховный суд, А.Барак фактически способствует изменению системы координат, в котором происходит социально-политическая жизнь общества. Поскольку решения парламента и правительства почти автоматически подлежат конституционному контролю со стороны Верховного суда, воля народа, выраженная путем всеобщего равного голосования, после «конституционной революции» имеет фактически лишь право совещательного голоса, тогда как Верховный суд – орган, состоящий из 14 высокопрофессиональных юристов, принадлежащих, как правило, к элитным группам израильского общества, чьи решения не могут быть обжалованы в какой-либо другой инстанции, – поведет страну к либерально-гуманистическим идеалам «просвещенного сообщества». Время покажет, не приведет ли по-

добная практика к реакции бумеранга со стороны органов репрезентативной власти.

¹ Из появившихся в последние годы работ о конституционном праве в Израиле, следует выделить статью М.А.Сапроновой в книге «Конституционное право зарубежных стран» (М., Издательская группа «Норма – Инфра М», 1999, с. 803-819). К сожалению (возможно, по независящим от нее обстоятельствам), автор, анализируя место и роль почти всех институтов государственной и местной власти в Израиле, не рассмотрела роль и функции Верховного суда. На английском языке также нет книг, беспристрастно анализирующих роль Верховного суда Израиля в исторической перспективе. Изданная недавно книга *Lahav, Pnina. Judgment in Jerusalem. Chief Justice Agranat and the Zionist Century* (University of Berkley. California, 1997) – первая подобная работа, рассматривающая, однако, лишь период до конца 60-х годов. Имеет смысл отметить еще три книги, сочетающих юридический и социально-политический анализ: Barzilal, Gad. Wars, Internal Conflicts, and Political Order. A Jewish Democracy in the Middle East. Albany: State University of New York Press, 1996; *Hofnung, Menahem. Democracy and National Security in Israel*. N.Y., 1995; *Sharfman, Daphna. Living Without a Constitution. Civil Rights in Israel*. N.Y. Sharpe, 1993.

² Подробнее см.: *Туманов В.А.*, Конституционные основы судебной власти. – Конституционное право зарубежных стран. М., 1999, с. 328-352.

³ Подробнее см.: *Нойбергер* Вениамин. Проблема конституции в Израиле – (том 3 курса Власть и политика в Государстве Израиль Т. 3. Тель-Авив, 1997, с. 31-63 (изд. и пер. на рус. яз.: Открытый университет).

⁴ Выступление Давида Бен-Гуриона в кнессете 20 февраля 1950 г.

⁵ Выступление Давида Бар-Рав-Хая в кнессете 7 февраля 1950 г.

⁶ Подробнее см.: *Gutmann E. Israel: Democracy Without a Constitution.* – *Bogdanor V. Constitutions in Democratic Politics: Gower Policy Studies Institute*, 1988, с. 290-308.

⁷ См.: *Нойбергер, Вениамин.* Проблема конституции в Израиле, с. 86.

⁸ Об основных принципах конституционного контроля см.: *Ледях И.А.*, Конституционный контроль – принципы и формы защиты прав человека. – Общая теория прав человека. М., 1996, с. 328-367.

⁹ См.: *Сумин А.М.* Пост президента как составная часть государственно-политического механизма Израиля. – Ближний Восток и современность №7. М., 1999, с. 137-152. (Институт изучения Израиля и Ближнего Востока).

¹⁰ *Негби, Моше.* Свобода прессы в Израиле [Иерусалим], 1996. (Иерусалимский институт по изучению Израиля, [на иврите]).

¹¹ Подробнее см.: *Gordon, Evelyn.* Is It Legitimate to Criticize the Supreme Court? – *Ideas for the Jewish Nation*. 1998 №3 (winter).

¹² Полный текст этих законов в переводе на русский язык см.: *Нойбергер, Вениамин.* Проблема конституции в Израиле, с. 110-116.

¹³ См.: Ха-Арец 27.01.1995.

¹⁴ В 1948 г. Верховный суд постановил, что Декларации независимости выражает дух и идеалы нации, однако не имеет силы закона (см.: H.C. 10/48. Ziv v. District Commissioner and others, Supreme Court Judgements (1948), 1 P.D., 72.

¹⁵ Подробнее см. статью, юридического советника правительства Израиля Е.Рубенштейна: *Rubinstein Elyakim*, The Declaration of Independence as a Basic Document of the State of Israel. – Israel Studies, 1998, 3, 1.

¹⁶ См.: *Лафитский В.И.*, Основы конституционного строя США. М., 1998, с. 74.

¹⁷ Текст этой Декларации см.: Международные акты о правах человека (редакторы-составители В.А. Карташкин и Е.А. Лукашева). М., 1999, с. 168-170.

¹⁸ Цит. по: *Боботов С.В.* Правосудие во Франции. М., 1994, с. 59-60.

¹⁹ Там же, с. 72.

²⁰ *Лафитский В.И.*, Основы конституционного строя США, с. 193.

²¹ Подробнее см.: *Графский В.Г.* Политические и правовые учения в США в веках. – История политических и правовых учений (редактор-составитель В.С. Нерсисянц). М., 1999, с. 369-398.

²² Решение Верховного суда США по делу *McCulloch v. Maryland*. 17 U.S. 316 (1819).

²³ Решение Верховного суда США по делу *Gompers v. U.S.*, 233 U.S. 604 (1913).

²⁴ *Jackson R.*, The Supreme Court in the American System of Government. Cambridge, 1955, с. 31.

²⁵ См.: Международные акты о правах человека, с. 15.

²⁶ Анализу рассмотрения Верховным судом исков связанных со взаимоотношениями религии и государства посвящены последние работы Рут Габизон и недавно скончавшегося декана юридического факультета Тель-Авивского университета Ариэля Розен-Цви. Исторический анализ см.: *Abramov, Zaiman*. Perpetual Dilemma: Jewish Religion in the Jewish State. L., 1976. См. также статью известного иерусалимского профессора права, ставшего впоследствии министром по делам религий: *Shetreet, Shimon*. Freedom of Conscience and Religion in Israel. – *Sidorsky, David*, (ed.). Essays on Human Rights. Contemporary Issues and Jewish Perspectives. (The Jewish Publication Society of America.) Philadelphia, 1979.

²⁷ Статья 36-я Закона о всеобщей воинской обязанности (1986 г.) уполномочивает министра обороны освобождать военнообязанных от службы по собственнорешенно сформулированным критериям. Один из таких критериев – полная занятость в качестве ученика религиозного учебного заведения.

²⁸ Подробнее см.: Keren, Michael. Justification of Conscientious Objection: An Israeli Case Study. – International Journal of the Sociology of Law. 1998, №26, с. 121-137; Epstein, Aiek. For the Peoples of the Promised Land. Intellectual and Social Origins of Jewish Pacifism in Israel. Journal of Israeli History, 19 (2), forthcoming.

²⁹ H.C. 2700/96 Baranovsky v. the Minister of Defense (unpublished), с. 5.

³⁰ См.: Israel Yearbook and Almanac. 1996, с. 244.

СОДЕРЖАНИЕ

А.З.АРАБАДЖЯН ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ (1905-1911 и 1978-1979) И ШИИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО	3
М.Р.АРУНОВА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ И США	7
М.Р.АРУНОВА ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОБИЗНЕСОМ В ИРАНЕ	19
В.М.АХМЕДОВ НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (РОССИЙСКО-СИРИЙСКИЕ СВЯЗИ)	26
Л.Х.БААЗОВА НОВЫЙ КОРОЛЬ ИОРДАНИИ АБДАЛЛА И ИЗРАИЛЬСКО-ИОРДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	33
А.Б.БОРИСОВ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЕГИПТА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	45
В.И.ГУСАРОВ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА	55
В.И.ДАНИЛОВ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1999 г. В ТУРЦИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	67
Л.И.ДАНИЛОВ ТРАЙБАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИОРДАНИИ	75
А.Г.ЗУЕВ АФГАНИСТАН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ	90
И.А.КРАЙНЕВ ДЖАБЕР АЛЬ-АХМЕД АЛЬ-ДЖАБЕР АС-САБАХ (политический портрет эмира Государства Кувейт)	104

И.А.Крайнев О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА	112
В.В.Куделев МАРОККО: НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	119
И.В.Масюкова РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИММИГРАНТЫ В ИЗРАИЛЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ	125
В.И.Сажин АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ – УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	140
М.А.Сапронова ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ	150
Г.И.Смирнова СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИВИИ ПОСЛЕ СНЯТИЯ САНКЦИЙ	160
А.А.Ткаченко ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ САХАРЫ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ	167
Н.Ю.Ульченко ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ТУРЦИИ 1994 Г. И РОССИЙСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС 1998: АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ В ПРИЧИНАХ И СЛЕДСТВИЯХ	176
Е.И.Уразова ВНЕШНИЙ ДОЛГ ТУРЦИИ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПОГАШЕНИЯ (80-90-Е ГОДЫ)	191
В.А.Ушаков ИРАН И КОНФЛИКТЫ НА БАЛКАНАХ	206
А.Д.Эпштейн СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА ВЕРХОВНОГО СУДА КАК ГЛАВЕНСТВУЮЩЕЙ СТРУКТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИЗРАИЛЯ	223

CONTENTS

A.ARABADZJAN	
TWO REVOLUTIONS IN IRAN (1905-1911 & 1978-1979) AND THE SHI'A CLERGY	3
M.ARUNOVA	
CIVIL WAR IN AFGHANISTAN AND THE ROLE OF THE USA	7
M.ARUNOVA	
COMBATING NARCOBUSINESS IN IRAN	19
V.AHMEDOV	
SOME ASPECTS OF RUSSIAN POLICY IN THE MIDDLE EAST (RUSSIAN-SYRIAN RELATIONS)	26
L.BAAZOVA	
NEW KING OF JORDAN AND RELATIONS BETWEEN JORDAN AND ISRAEL	33
A.BORISOV	
POLITICAL EVOLUTION OF EGYPT: ITS PAST, PRESENT AND FUTURE	45
V.GUSAROV	
PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE MEDITERRANEAN REGION	55
V.DANILOV	
PARLIAMENT ELECTIONS OF 1999 IN TURKEY: RESULTS AND PERSPECTIVES	67
L.DANILOV	
TRIBALISM IN SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF JORDAN	75
A.ZUEV	
AFGHANISTAN IN MODERN GEOPOLITICAL PROCESS	90
I.KRAINEV	
JABER AL AHMAD AL JABER AS SABAH (POLITICAL PORTRAIT OF THE RULER OF THE STATE OF KUWAIT)	104

I.KRAINEV	
ON SOME ASPECTS OF THE GCC POLITICAL ACTIVITY	112
V.KUDELEV	
MOROCCO: ON THE THRESHOLD OF THE 3D MILLENNIUM	119
I.MASUKOVA	
RUSSIANSPEAKING IMMIGRANTS IN ISRAEL: PROBLEMS OF ADAPTATION	125
V.SAZHIN	
AFGHANISTAN TODAY IS A THREAT TO INTERNATIONAL SECURITY	140
M.SAPRONOVA	
JURIDICAL REGULATION OF THE ISRAELI GOVERNMENT ACTIVITY	150
G.SMIRNOVA	
JSOCIAL-ECONOMIC SITUATION IN LIBYA AFTER RAISING OF SANCTIONS	160
A.TKACHENKO	
PROBLEM OF WESTERN SAHARA: POSSIBLE SCENARIOS OF DEVELOPMENT	167
N.ULTCHENKO	
FINANCIAL CRISIS IN TURKEY IN 1994 AND IN RUSSIA IN 1998: ANALOGIES AND DIFFERENCES IN CAUSES AND CONSEQUENCES	176
E.URASOVA	
EXTERNAL DEBT OF TURKEY AND PROBLEM OF ITS PAYMENT (80-90's)	191
V.Ushakov	
IRAN AND CONFLICTS AT BALKANS	206
A.Epstein	
SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF STRENGTHENING OF STATUS OF SUPREME COURT AS THE MAIN STRUCTURE IN POLITICAL LIFE OF ISRAEL	223

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго–Западная и Юго–Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров** и **А.Н.Чавушьян** "Военный и военно–экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо–израильский конфликт".
32. **М.Г.Захария**, **А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев**, **А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. " Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я. Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries"
by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and
N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by
N.Mamedova
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko,
Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "**Settler Society Economy: Israeli Model**" by A. Fedorchenko
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K. Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G. Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V. Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu. Satanovsky** 44. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**